

ISSN 0042—8779

ИВЛ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

3

2002

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

3/2002

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Стенограммы очных ставок в ЦК ВКП(б). Декабрь
1936 года 3

СТАТЬИ

А. А. Сагомоян — Испанский вопрос в ООН в 1946
году 32

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

А. Г. Сацкий — Федор Федорович Ушаков 51

ПУБЛИКАЦИИ

Л. Б. Красин. Письма жене и детям. 1917—1926 79

СООБЩЕНИЯ

М. М. Кононова — Деятельность дипломатов царского и Временного правительств в 1917—1938 годах 105

А. В. Соколовский — Сельская кредитная кооперация в России в 90-е годы XIX в.: выбор пути 119

Е. В. Каштанова — Римская колония русских художников в записках графа Ф. П. Толстого 126

Г. М. Аддибеков — Первый опыт совместной российско-японской публикации исторических документов 133

Выходит
с 1926 года

ООО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- В. П. Набока** — Советские летчики-истребители в Китае в 1950 году 138
- И. А. Ганичев** — Новые данные о судьбе сына Ша-милля в России 142

ИСТОРИОГРАФИЯ

- О. Г. Буховец** — Клио на пороге XXI века: искушение национализмом... 147
- Г. Федтке** — В. Л. Генис. «С Бухарой надо кончать...» К истории бутафорских революций 158
- А. В. Смолин** — В. И. Гурко. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника 160
- М. Д. Долбилов, А. Ю. Минаков** — В. Я. Гросул, Б. С. Итенберг, В. А. Твардовская, К. Ф. Шаццлло, Р. Г. Эймонтова. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика 161
- В. В. Денисов** — А. Г. Сизенко. История Черноморского флота. 1778—1999 165
- Д. М. Володихин** — О. И. Елисеева. Геополитические проекты Г. А. Потемкина 166
- Я. Г. Солодкин** — Л. Е. Морозова. Смута начала XVII века глазами современников 168
- Л. Н. Пушкарев** — Н. Бошковска. Русская женщина в XVII столетии 171

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

- Т. П. Чалая** — О дате рождения и родителях Н. И. Костомарова 174

Стенограммы очных ставок в ЦК ВКП(б). Декабрь 1936 года

На пленуме ЦК ВКП(б), проходившем 4 и 7 декабря 1936 г., заслушивались два вопроса: «1. Рассмотрение окончательного текста Конституции СССР и 2. Доклад Ежова об антисоветских троцкистских организациях».

Если первый пункт повестки, о проекте Конституции СССР, был рассмотрен довольно быстро, то доклад Н. И. Ежова вызвал бурную дискуссию, а также протесты Н. И. Бухарина и А. И. Рыкова против предъявленных им обвинений¹.

Выступая на пленуме, Бухарин потребовал очных ставок² с лицами, оговорившими его на следствии. В заседании пленума был сделан перерыв. 7 декабря 1936 г. в ЦК ВКП(б) в присутствии И. В. Сталина, К. Е. Ворошилова, В. М. Молотова, Л. М. Кагановича, А. А. Андреева, Г. К. Орджоникидзе, А. А. Жданова и А. И. Микояна были проведены очные ставки Бухарина и Рыкова с арестованными Е. Ф. Куликовым, Л. С. Сосновским и Г. Л. Пятаковым.

В тот же день Сталин доложил пленуму об итогах проведенных очных ставок³.

Для публикации отобраны стенограммы очных ставок Бухарина с упомянутыми лицами, хранящиеся в Архиве Президента Российской Федерации (АПРФ, ф. 3, оп. 24, д. 260), а также два письма Бухарина от 15 декабря 1936 г., адресованные лично Сталину и членам Политбюро (там же, д. 262).

Стенограмма очной ставки Куликова с Бухариным завизирована Ежовым, предположительно им же внесена редакционная правка, оговоренная в подстрочных примечаниях. Многочисленные карандашные пометки на полях и подчеркивания принадлежат, по-видимому, Сталину.

Публикация подготовлена Ю. Г. МУРИНЫМ.

Примечания

1. Фрагменты стенограммы декабрьского (1936 г.) пленума ЦК ВКП(б). — Вопросы истории, 1995, № 1.
2. Там же, с. 7.
3. Там же, с. 18.

№ 1. Стенограмма очной ставки в ЦК ВКП(б) между Бухариным Н. И. и Куликовым от 7 декабря 1936 года ¹

ЕЖОВ (обращаясь к Куликову) — Вы на следствии дали показания о своем участии в организации правых. Вы подтверждаете ваши показания?

КУЛИКОВ ² — Я свои показания подтверждаю, решил все рассказать, всю правду, хватит.

ЕЖОВ — Что хватит?

КУЛИКОВ — Бороться с партией и делать всякие подлости.

ЕЖОВ — С какого года Вы стали участником организации правых?

КУЛИКОВ — С самого начала ее возникновения. Началось у нас, как известно, с 1927—28 гг., сначала как обособленная группа, а потом мы уже оформились прямо в организацию. Надо ли рассказывать все подробно?

ЕЖОВ — Изложите сжато все известные вам факты.

КУЛИКОВ — Ну, начну с того, что заявление, которое мы подавали в 1929 г. ³, конечно, было двурушническим, мы это делали для того, чтобы нас не разгромили и сохранить свои кадры. Мы изменили тактику, начали более конспиративно собираться, собирались часто и все разрабатывали, как бы свалить партийное руководство — ЦК партии.

ЕЖОВ — Какая организационная структура существовала у правых?

КУЛИКОВ — Членами центра были Бухарин, Рыков, Томский. Угланова ⁴ и Шмидта ⁵ мы хотя и не считали членами союзного центра, но они по существу входили в его состав, были тесно связаны с этой тройкой. Угланов возглавлял Московскую организацию правых, в руководство которой и я входил. Я участвовал на всех совещаниях у Угланова, которые происходили у него на квартире. Я не буду рассказывать все, что было до 1930 г., а начну с 1930 года. Кроме частых встреч с Углановым, я неоднократно виделся с Николаем Ивановичем Бухариным. После того, как нас маленько потрясли, помню, что у Николая Ивановича не раз было плохое настроение и мне приходилось его успокаивать. Он частенько говорил мне: «Вокруг слезка, боюсь как бы чего не случилось». Однажды мне Николай Иванович сказал: «У меня есть документы, которыми можно бить сталинцев».

БУХАРИН — Какие документы?

КУЛИКОВ — Вам это лучше знать. Ты, Николай Иванович, опасался провала и предложил мне подыскать человека, которому можно дать спрятать эти документы.

Через несколько дней настроение у Бухарина исправилось, и он заявил мне, что документы им спрятаны в надежном месте. Перед ноябрьским пленумом 1929 г., как я уже говорил, мы решили сманеврировать.

БУХАРИН — Кто это мы?

КУЛИКОВ — Это Союзный центр во главе с вами, Николай Иванович, с Рыковым, Томским и Углановым. Вы, конечно, помните, Николай Иванович, как вы выступали против подачи заявления пленуму ЦК. Затем я уже не стал поддерживать связи с общесоюзным центром правых непосредственно, а был связан с центром через Угланова. Мы частенько собирались у Угланова и обсуждали вопрос о том, что делать. Приходили к выводу, что надо бороться. Распространяли всякую контрреволюционную клевету, кто-то пустил слух о том, что в Госбанке нет валюты, и мы радовались, что в результате этого руководство ВКП(б) крахнет. Угланов однажды мне сообщил контрреволюционную клевету о Кирове и сказал, что об этом он говорит со слов Николая Ивановича. Кроме того, Угланов сказал мне, что

у него есть документы, компрометирующие Кирова, и предложил с этими документами послать в Ленинград Яшу Ровинского ⁶, для их распространения. Я возражал, потому что считал Ровинского провокатором.

ВОРОШИЛОВ — А откуда появились эти документы у Угланова?

КУЛИКОВ — Жена Угланова работала у Невского ⁷, вот оттуда Угланов и заполучил эти документы.

ОРДЖОНИКИДЗЕ — Кого знакомили с этими документами?

КУЛИКОВ — О них знали многие — Котов ⁸, Матвеев ⁹, Башенков и другие. Продолжаю дальше. Наша организация по прямому поручению Бухарина развернула организационную работу по сохранению и собиранию кадров правых. Вы, именно вы, воспитали меня, Николай Иванович. Ведь я работал под вашим руководством, я вам верил, я действовал по вашим указаниям. Я вербовал молодежь, например, в Промакадемии я создавал кадры.

Перехожу к 1932 году. Однажды вызывает меня Угланов, очень взволнованный, и говорит: «Бьют наших, надо что-то предпринимать». Угланов заявил, что если мы раньше могли рассчитывать на массы, то теперь, в результате победы генеральной линии партии, положение в корне изменилось. Теперь на повестке дня стоит вопрос о терроре, надо подбирать кадры людей проверенных и надежных.

КАГАНОВИЧ — Ты, ведь, Куликов, был у меня в 1931 г. и каялся.

КУЛИКОВ — Да, Лазарь Моисеевич, я был двурушником, настоящим двурушником.

БУХАРИН — Когда был у вас разговор с Углановым о терроре, в какое время 1932 года?

КУЛИКОВ — Весной 1932 года. Что вы виляете, Николай Иванович, ведь я с вами лично говорил о терроре, неужели вы можете отрицать?

БУХАРИН — Что за мерзость вы говорите.

КУЛИКОВ — Это вы мерзко поступаете. Я-то говорю только правду, а вы лжете.

Продолжаю дальше. Весной 1931 г., когда я вернулся с посевной, я был у Угланова. Угланов сообщил мне, что настроение у наших ребят боевое, что они требуют действий. Тут же Угланов высказал мысль о желательности получения соответствующих директив от Бухарина и намерен был организовать с ним встречу через Ефимку Цетлина ¹⁰ или Афанасьева ¹¹.

Через пару дней я вновь зашел к Угланову. Просидел у него пару часов и направился домой по ул. Герцена. Это было вечером. На углу ул. Герцена я столкнулся с Бухариным. Я взял Николая Ивановича под ручку и предложил ему пройти. Мы направились к Александровскому саду и стали прогуливаться по тротуару, расположенному возле сада.

Я рассказал Николаю Ивановичу о своих впечатлениях от командировки по проведению посевной кампании. Я говорил об этом озлобленно, затем перешел к положению наших дел. Я сказал Николаю Ивановичу, что нас, членов Московского центра, жмут участники организации, требуя перехода к решительным действиям против ЦК партии, подчеркнул, что вы, Николай Иванович, и союзный центр медлите. В ответ на эти упреки Николай Иванович осыпал меня тоже упреками и говорит: «Вы все говорите — действовать, действовать, а есть ли у вас кадры». Я ему сказал, что эти кадры вы сами хорошо знаете, у нас они есть, и сказал о Матвееве, Котове, Невском, есть молодежь, например, в Промакадемии, которая

будет действовать, и что надо только чтобы руководство было более решительным. Тогда Николай Иванович и говорит: «Ну что же, надо действовать, и для нас совершенно ясно, что Сталин сам не уйдет, его надо убрать». Так это было, Николай Иванович?

БУХАРИН — Я обо всем скажу, обо всем.

КУЛИКОВ — О встрече с Бухариным я передал Угланову и Котову и сказал им, что Николай Иванович заметил, что если кадры готовые есть, надо действовать.

А теперь я хочу сказать о себе и о своей контрреволюционной работе; о том как я, лично, реализовал ваши указания, Николай Иванович. Я подумал — не убить ли Кагановича мне самому, и спросил совета Афанасьева. Афанасьев был очень злобно настроен. Он мне в ответ сказал: «Нам самим действовать опасно, сразу узнают, что это дело наших рук, надо лучше подобрать человека». И Афанасьев предложил привлечь для этого дела из Военной академии Носова и Филастова. Я действительно привлек Носова.

ВОРОШИЛОВ — За что вы хотели убить Кагановича?

КУЛИКОВ — Так же как и Сталина — для того, чтобы обезглавить руководство.

Теперь о Невском. Я и раньше знал его как нашего человека.

МОЛОТОВ — Почему вы теперь это говорите, а не говорили раньше?

КУЛИКОВ — Я не мог найти в себе силы для того, чтобы сказать это раньше. Потом, когда я убедился в успехах и правоте генеральной линии партии, я начал понимать, что ошибался, но решительности это признать у меня не хватило. Я катился все дальше и докатился. Я рассказываю все.

ВОРОШИЛОВ — А вы тут маленько не перехватили?

КУЛИКОВ — Нет, Климент Ефремович, я не перехватываю, я говорю правду. Кажется, меня многие знали, что я всегда говорил правду и не врал.

МОЛОТОВ — Когда в Свердловск вас направляли, вы были очень озлоблены?

КУЛИКОВ — Да, был очень озлоблен. Чувствовал себя обиженным.

Продолжаю о Невском. Я сговорился с Невским на курорте о работе на строительстве библиотеки и устроился на эту работу. Я решил — пусть меня высылают из Москвы с треском, если считают это необходимым.

ВОРОШИЛОВ — Что значит — с треском?

КУЛИКОВ — Я не хотел уезжать из Москвы добровольно и решил подчиниться только силе.

Продолжаю о Невском. Вокруг Невского была группа правых¹². Я знал о существовании этой группы. Невский мне сам несколько раз рассказывал, что в ЦК работает некто Кицис. Ставку держали на него, считая, что он в курсе всех дел и от него можно многое получить.

ЕЖОВ — Тивель, может быть?

КУЛИКОВ — Нет, Кицис. Он работал, кажется, на небольшой архивной работе. С Невским я был связан до самых последних дней ареста. В декабре меня арестовали, а в ноябре я встречался с Невским, бывал у него на квартире, разговаривал с ним. Настроения у Невского были самые боевые: «Пока Сталин сидит, Егор Федорович, все будет по-прежнему, нас будут гнуть».

ВОРОШИЛОВ — Когда и при каких обстоятельствах вы передали ему о решении всесоюзного центра?

КУЛИКОВ — Как только Невский приехал, он сейчас же начал вести со

мной разговоры. Разговаривали мы с ним в библиотеке, где для этого были подходящие условия, так как народу туда ходит мало. Мы с ним разговаривали о всех новостях. В частности, Невский был связан с Галкиным, который работал в Верхсуде. Многие из этих новостей мы с ним совместно обсуждали. Невский высказывал, например, такие вещи: ты знаешь, кто такой Каганович? Откуда он взялся? Говорят, он сапожник? Я отвечал ему: да, он кожевник. Невский все время упирал на то, что, пока сидит Сталин и этот самый Каганович, все будет оставаться по-прежнему. Я ему говорю: что же ныть, этим заниматься не стоит, нужно действовать. Он тоже согласился, что нужно иметь тройку, пятерку самых хороших людей, известных, среди которых называлось имя Томского. Его он всячески расхваливал. Вскоре после этого прошел слух, что Сталин болен.

МОЛОТОВ — Когда это было?

КУЛИКОВ — Это было в начальный период до 1930 года. Кстати, должен сказать, что Рютин тоже входил в нашу группу. На базе платформы Рютина мы и вели всю нашу работу. Эта платформа была всеми нами принята. Николай Иванович, вероятно, это тоже будет отрицать.

БУХАРИН — Буду.

КУЛИКОВ — Как же вы будете отрицать, Николай Иванович? Ведь эта платформа обсуждалась в 1932 г. у Томского на квартире.

БУХАРИН — Я этой платформы не обсуждал.

КУЛИКОВ — Угланов тоже стоял на точке зрения этой платформы, и на основе ее мы проводили всю террористическую работу.

МОЛОТОВ — Продолжайте о том, что вы начали говорить. О болезни тов. Сталина.

ВОРОШИЛОВ — Значит, прошел слух, что Сталин болен.

КУЛИКОВ — Да. Прошел слух о болезни Сталина. Рютин высказал такой взгляд: или этот человек, имея в виду Сталина, задался целью абсолютизма, или он сошел с ума.

ЕЖОВ — А Бухарин отвергал это?

КУЛИКОВ — Нет, Бухарин вместе с другими смеялся по этому поводу.

ОРДЖОНИКИДЗЕ — Бухарин там был в это время?

КУЛИКОВ — Да. Он ходил то к нему, то ко мне.

БУХАРИН — К Рютину ходил?

КУЛИКОВ — Конечно, Николай Иванович. Вы все это должны хорошо помнить. Томский во время одного из таких разговоров сказал: Сталин короновался. Да как же, Николай Иванович, вы этого не помните. А Рыков ходил и говорил: это сумасшедший дом. Да ведь мы вместе с вами, Николай Иванович, сидели и разговаривали обо всех этих вещах.

СТАЛИН — Это наша партия — сумасшедший дом?

КУЛИКОВ — Да, партия, Центральный Комитет. Только сейчас всего не припомнишь, а многое вы говорили, Николай Иванович, сколько раз вы мне говорили: Куликов, я бы сделал значительно больше. Смотри, что это за политика? Нашей политикой мы добились бы гораздо большего.

БУХАРИН — Это другое дело.

КУЛИКОВ — Вот в том-то и вопрос, что это другое дело. Вы не только давали нам идеологию. А между тем вашей идеологией я был настолько пропитан, что дошел до самых крайних мер. Да и не один я. Воспитались таким образом очень многие. И в том-то и дело, Николай Иванович, что вы организационно заправляли и центром, и террором, и документами.

Разве не было такого случая, когда я однажды пришел к Угланову, а Угланов говорит: Егор, прочитай-ка эти тезисы. Я прочитал. Что же это такое? Надо, говорит, этот документ распространить, где его только отпечатать? И мы сговорились у вас, Бухарин ¹³, в аппарате отпечатать этот документ, т. е. в Наркомтяжпроме.

ВОРОШИЛОВ — Какой это документ?

КУЛИКОВ — Угланов набросал тезисы нашей дальнейшей работы, опять-таки на основе рютинской платформы ¹⁴.

МОЛОТОВ — В каком году?

КУЛИКОВ — В 1932 году.

МОЛОТОВ — И они были напечатаны?

КУЛИКОВ — Этого я, к сожалению, не знаю.

Ведь вот, как будто, мелкий факт, а все же факт. Сколько раз и Рыков говорил с иронией: ну, как ваш Полонский ¹⁵ поживает. И вы, Николай Иванович, говорили: пусть Сталин попробует с этим Полонским дело сделать. Все это было. Может быть, что-нибудь я забыл рассказать, но сейчас всего не припомнишь.

ЕЖОВ — Кончайте.

КУЛИКОВ — Нет, разрешите еще сказать насчет блоков. Помните, Николай Иванович, когда мы с вами разговаривали и когда я нажимал на вас в том смысле, что нужно активнее действовать и выступать против партии, помните, что вы мне говорили? Вы мне тогда повторяли: Куликов, придем к власти, нам одним не поднять этого дела. Верно, Николай Иванович? Честное слово, что это верно. А потом прямо ставили вопрос о том, что все старые кадры придется привлечь к этому делу. А Угланов на основе этого развивал дальнейшую программу и тоже подтверждал, что нам одним не поднять это дело. Поэтому делался вывод о том, что надо иметь дело со старыми кадрами, троцкистами и зиновьевцами. Это был определенный блок. И именно отсюда он вытекал.

ВОРОШИЛОВ — В каком году это было?

КУЛИКОВ — В 1932 году. Этот год сильно повлиял на нас в том смысле, что мы увидели, что генеральная линия партии утвердилась, массы пойдут за партией, что нужно применять другие методы борьбы. Вот чем характерен для нас этот год. Исходя из этого, мы прямо подходили к вопросу о терроре, хотя должен сказать, что террор не отрицался нами с самого начала нашей организации. Все время говорили о том, есть ли у нас твердые люди. Правда, мы никогда слово террор не упоминали, говорили как угодно об этом, но всегда понимали друг друга.

ВОРОШИЛОВ — Какие выражения употребляли вы для определения террора?

КУЛИКОВ — Надо устранить Сталина, убрать Сталина — вот как мы определяли свои методы борьбы. Организация насаждалась нами не только в Промакадемии, она была в Сокольниках, связи устанавливались через Афанасьева, Запольского ¹⁶, работавшего тогда в Орготделе МК. У них были свои кадры. По линии молодежи был использован Матвеев.

Эти блоки существовали. Многое мне рассказывал об этом Угланов. И вы, Николай Иванович, должны об этом честно и искренне сказать. Он мне прямо рассказывал, что члены центра разговаривали об этом на квартире Томского. Разговор шел о том, чтобы сблокироваться на базе террора. Правда, я не мог выудить у Угланова, какие люди привлекаются

к этому блоку, но я утверждаю, что Угланов мне это со всей убедительностью рассказывал. И не только мне, а всем нам. Вот приблизительно все.

ЕЖОВ — Следовательно, в 1928 г. сложился союзный центр правых, который существовал до момента вашего ареста? ¹⁷

КУЛИКОВ — Да.

БУХАРИН — До какого года?

ЕЖОВ —¹⁸ В состав центра входили: Рыков, Томский, Бухарин, Угланов и Шмидт. Кроме того существовал Московский центр в составе: Угланова, Куликова, Запольского, Котова и других. Из ваших показаний, которые имеют отношение непосредственно к деятельности центра и персонально к Бухарину, вытекает, что в начале 1932 г. вы от Угланова получили указания, которые исходили якобы от союзного центра, о необходимости перехода к террористическим способам борьбы?

КУЛИКОВ — Да.

ЕЖОВ — В 1932 г. осенью, эти указания были подтверждены ¹⁹. При чем у вас в то время были настроения не только организовать убийство, но вы лично думали о том, как совершить это убийство?

КУЛИКОВ — Да.

ЕЖОВ — Затем в 1932 г. Бухарин при встрече с вами тоже передал директиву относительно того, что надо действовать активно, т. е. он передал директиву о терроре. Это было во время вашей встречи с ним у Александровского сада.

КУЛИКОВ — Да, да.

ВОРОШИЛОВ — После этих разговоров о терроре, вы не вели их ни с кем, кроме Невского?

КУЛИКОВ — Нет, ни с кем.

ЕЖОВ (обращаясь к Бухарину) — Я прошу рассказывать в таком порядке: прежде всего показания, которые имеют отношение к периоду до 1930 года. Затем 1931, 1932, 1933 годы. Кроме того, еще один чрезвычайно важный момент — это относительно кампании по дискредитации Кирова. По показаниям Куликова видно, что его вызвал Угланов, показал ему эти документы и сказал, что появились документы на Кирова...

СТАЛИН — После смерти Кирова?

ЕЖОВ — Нет, до смерти, в 1930 году. По поручению Бухарина и центра они послали человека в Ленинград, который должен распространить эти материалы и оттуда начать кампанию ²⁰.

БУХАРИН — Я должен прежде всего начать с заявления о том, что у меня с Куликовым никогда не было никаких столкновений. Я, как совершенно правильно сказал на пленуме Лазарь Моисеевич, всегда считал Куликова глубоко честным, необычайно преданным революции, партии и рабочему классу человеком. Так что опасения Куликова относительно того, что я буду его уличать или стараться его персонально дискредитировать, — этого у меня и в помине нет.

Второе замечание следующее: так как сейчас момент исключительно важный, и с точки зрения моей личной судьбы и с точки зрения общепартийной, я буду рассказывать абсолютно все то, что я знаю, даже не стесняюсь тем, что тут очень много привходящих моментов из области истории внутрипартийной борьбы, которые могут иметь чисто исторический интерес. Но если они хоть какой-нибудь ниткой привязаны к тем вопросам, которые мы сейчас обсуждаем, разрешите касаться и их.

Начало формирования этой правой оппозиции, оно известно. Совершенно верно, что в начале этой антипартийной борьбы сложилась группа, которую мы на своем жаргоне называли «тройкой», в которую входили: я, Рыков и Михаил Павлович Томский.

ОРДЖОНИКИДЗЕ — А Угланова не было?

БУХАРИН — Он был несколько на отлете. Это не было оформленной организацией, но Угланов часто бывал у нас. Вообще в ходу был тогда этот термин «тройка», и все смотрели на нас, и на меня в частности, как на лидеров правой оппозиции, чего я никогда не скрывал.

Каким образом началось это дело? Может быть это некоторая историческая подробность, но она имеет интерес. Как началось дело у меня с точки зрения моих личных колебаний, [сомнений] в правильности партийной линии. Я тогда был вхож в ГПУ. Одно время был представителем Центрального Комитета в ГПУ, и у меня сохранились большие связи. Я был членом Политбюро, имел большой авторитет и часто ходил в ГПУ, чтобы познакомиться с некоторыми материалами о настроениях и т. д.

Однажды я пришел в ГПУ в тот момент, когда происходил целый ряд всевозможных крестьянских волнений и прочее. Ягода ²¹ мне рассказал об этих вещах. Я его спросил: почему вы не сигнализируете об этом ЦК? Он говорит: это ваше дело ставить такие большие вопросы. Я его тогда попросил дать мне более связный материал. Он вызвал своего референта, если не ошибаюсь, Алексеева.

ОРДЖОНИКИДЗЕ — В каком году это было?

БУХАРИН — В 1928 году. Это мне легко установить по некоторым дальнейшим эпизодам. Я от этих сообщений пришел в большое волнение. Должен сказать, что абсолютно субъективно, без всяких каких-нибудь своекорыстных интересов, я всегда тревожился о положении дел в стране. Когда этот Алексеев рассказал мне все эти вещи, я понял что дело неладно. Я с налета, сгоряча, побежал к Ворошилову, у которого в это время был Бубнов ²², и сказал о том, что происходит.

ВОРОШИЛОВ — Верно, ты у меня не один раз бывал.

БУХАРИН — Это было начало моих крупных сомнений и колебаний. Дальше — больше. Эта тревога за то, что происходит, непонимание того, что здесь нужно что-то предпринять, была исходным пунктом для того, чтобы постепенно сложилась эта группировка, причем я никогда не скрывал и постоянно говорил, что идеологически я...

ЕЖОВ — Нельзя ли покороче, по конкретным вопросам.

БУХАРИН — Столько же, сколько Куликову, можно мне?

ЕЖОВ — Главным образом о фактической стороне дела.

БУХАРИН — У нас сложилась, таким образом, эта тройка. Теоретические наши взгляды вам всем известны. Я неоднократно выступал с ними на пленумах ЦК и в Политбюро и поэтому рассказывать об этом не буду.

Я очень тревожился по поводу самой возможности возникновения фракционной борьбы. И, если вы вспомните, в том знаменитом документе, который Каменев пустил в оборот после моего преступного посещения Каменева ²³, было прямо сказано о том, что фракционная борьба привела бы к тяжелым последствиям и превратилась бы чуть ли не в гражданскую войну. Я это говорю и теперь, я все время опасался развертывания какой бы то ни было фракционной борьбы. Но я продолжал ее вести, и это объясняется тем, что на меня нажимали: что же вы канючите, а не действуете. Это

объяснялось не моей бесхарактерностью и внутренней слабостью или тем, что я неспособен к действию, но я совершенно определенно говорю, что я страшно опасался и противился разворачиванию дальнейшей фракционной борьбы. Должен сказать, что я тогда не произнес ни одной речи вне пределов ЦК. Единственный тенденциозный доклад был мною сделан под председательством Вячеслава Михайловича Молотова на тему о политическом завещании Ильича.

МОЛОТОВ — Где это было?

БУХАРИН — Это было в Большом театре, в одну из годовщин со дня смерти Ленина. Этот доклад получил прозвище доклада о политическом завещании Бухарина ²⁴.

Относительно документов, о которых здесь говорил Куликов. Я абсолютно не помню ни одного документа, который бы дискредитировал Сталина.

КУЛИКОВ — Вы мне говорили сами.

БУХАРИН — Единственный документ, который тогда в кругах оппозиции имел большой удельный вес и который мы думали использовать для дискредитации Сталина, это было так называемое завещание ²⁵. Но печатать этот документ не имело ровно никакого смысла, потому что он был всем известен. О чем могла идти речь еще? Может быть, Куликов путает и речь шла о другом документе. Я набросал однажды тезисы нашей оппозиционной платформы и показал их Пятакову ²⁶, который лежал тогда в больнице. Пятаков, по моим догадкам, немедленно сообщил об этом Серго. Потому что, когда меня после этого допрашивали в Политбюро, Серго сказал одно слово: Бухарин считает, что мы строим новые заводы, но они попадут белогвардейцам. Из этих слов я понял, что Серго узнал об этом документе. Но я этот документ никому не показывал и уничтожил его.

СТАЛИН — Это были тезисы?

БУХАРИН — Да. И так как Серго на Политбюро произнес эти слова, я понял, что Пятаков ему об этом рассказал, хотя внешне он ничем этого не доказывал, посылал ко мне своих дочек и говорил мне: милый Коля. А вышло так, что я показал ему этот документ, а он показал его Серго, о чем я узнал по этой одной фразе.

КУЛИКОВ — Разве об одном документе идет речь? Там целый ящик был, его хотели закопать в землю.

БУХАРИН — Ящик документов, которые бы компрометировали Сталина, я не представляю себе.

ЕЖОВ — Куликов показал, что в 1929 г. вы, Бухарин, хранили какие-то документы, которые вами подготавливались для борьбы против партии. Вы просили Куликова их спрятать. Куликов сказал: я обдумаю, куда их спрятать.

КУЛИКОВ — Правильно, искали человека, который бы спрятал эти документы.

ЕЖОВ — Вы это отрицаете?

БУХАРИН — Я не помню, было это или нет. Я только объясняю, о каких документах могла идти речь. Так как я не хотел, чтобы кто-нибудь прочитал эту платформу, я ее уничтожил.

СТАЛИН — Ну, это же неважно.

БУХАРИН — На собраниях, которые происходили у нас, вначале бывало много людей, тот же Полонский, Антипов ²⁷ и целый ряд других.

СТАЛИН — У вас ничего нелегального не было? Было все то, что известно?

БУХАРИН — Нет, я этого не говорю.

ВОРОШИЛОВ — Одним словом, первые собрания не были сугубо важными, конспиративными. Они были полуоткрытые?

БУХАРИН — Да, совершенно правильно. Тогда были более вольные нравы и я не считал это предосудительным. Кроме того, у меня на квартире нельзя было устраивать конспиративных собраний. Устраивать собрание в Кремле — это не большая конспирация. На квартире у меня постоянно толкался целый ряд товарищей, которые обсуждали различные вопросы. Вначале эти группировки не были зафиксированы, но они так или иначе стремились к тому, чтобы как-то зафиксироваться и кристаллизироваться. Одни были связаны со мной и моими учениками — слепковцами, другие были в углановской группировке, куда в частности входил целый ряд людей из московской организации и Куликов.

Потом начались различные колебания и споры. Углановская группа все напирала на нас: что вы болтаете, но ничего не делаете. Мы теоретизировали по поводу того, что нужно делать, и в этом проходило время. Затем, и здесь Куликов неправ или забыл, Угланов, Куликов и другие подали заявление на ноябрьском пленуме в 1929 г., в котором говорили следующее: мы хотим идти вместе с партией, но не хотим идти вместе с Бухариным²⁸. За это я и обиделся. Это можно проследить по тому заявлению, которое, очевидно, имеется в архивах.

КУЛИКОВ — Вы обиделись не за то, что мы с вами не хотели идти, вы обиделись на то, что мы хотели идти с рабочим классом.

БУХАРИН — Нет, это неправда. Никакого решения общесоюзного центра или какого-то иного центра относительно этого маневра не было.

ЕЖОВ — Сам по себе маневр был, но не было решения?

БУХАРИН — Я не знал тогда относительно того, что это — маневр или не маневр. Я думал, что определенная группа отошла от нас, отошла раньше, чем нужно было, как мне тогда казалось. Это не было сговором ни со мной, ни с Рыковым, ни с Томским. Я тогда действительно обиделся на то, что мои тогдашние союзники учинили такой шаг.

КУЛИКОВ — Вы со мной говорили, что нужно организованно отступить.

БУХАРИН — Может быть, я это и говорил, но этот шаг был сделан помимо решения какого-то центра. Затем фактическая сторона, связанная с этим документом касательно Сергея Мироновича Кирова. Угланов однажды пришел ко мне и показал мне не документ о Кирове, а статью Кирова в «Тереке» по поводу какого-то думского дела, выступления какого-то митрополита или что-то в этом роде. Я на это дело особого внимания не обратил. Я этот факт абсолютно не отрицаю, Угланов мне показывал этот документ, но что он с ним сделал, я не знаю.

ОРДЖОНИКИДЗЕ — А когда здесь разбирали это дело, ты присутствовал и ничего не рассказал.

БУХАРИН — В тот период я не считал необходимым все говорить. Я вел тогда антипартийную борьбу. Я подал заявление в 1930 г.²⁹, а это было до этого.

СТАЛИН — Какое заявление?

БУХАРИН — О признании своих ошибок. Это было после того, как группа Угланова — Куликова отошла. Я ни капли не сомневаюсь в том, что Куликов показывает абсолютно искренне и честно, и верю в то, что¹⁸ он

сейчас говорит. Но я категорически протестую и заявляю, что ни духом, ни делом, ни помышлением не виновен в том, что когда бы то ни было имел установку относительно террора и передавал директивы относительно террора. Я могу только попытаться объяснить, каким образом могло сложиться такое мнение или каким образом Куликов мог подумать о такой вещи.

МИКОЯН — Ты отрицаешь свидание у Александровского сада?

БУХАРИН — Я объясняю дело таким образом. Это раздвоение, которое было в организации и которое шло по линии, с одной стороны, верхушки, тройки, и, с другой стороны, углановской группы, — это расхождение было фактически двоецентрием, и о том, что делалось в одной половине, я не был поставлен в известность и не ощущал этого.

СТАЛИН — Ловко сделано!

ВОРОШИЛОВ — Как могло появиться такое мнение у Куликова, которого ты сам признаешь человеком честным. Куликов прямо говорит, что однажды, гуляя с тобой у Александровского сада, он получил прямое указание.

БУХАРИН — Я даю абсолютно честное слово, что никогда мне в голову не приходила идея относительно террора. Если я говорю о том, что я всегда боялся развертывания фракционной борьбы и если это имеет какую то дозу вероятности, то как можно объяснить, что я сразу перескочил на террор?

СТАЛИН — А Томский как?

БУХАРИН — Томский никогда насчет террора не разговаривал.

ВОРОШИЛОВ — Ты знал, что Томский не только чужд этим мыслям, но и действиям.

БУХАРИН — Я понял из того, что говорилось на последнем заседании пленума ЦК, откуда у вас появились эти мысли относительно Томского. Очевидно, из того разговора, который Сталин вел с Томским, придя к нему однажды ночью³⁰. Но заверяю вас честным словом, что никогда к этой теме Томский впоследствии не возвращался.

КУЛИКОВ — Николай Иванович, помните, у Кремлевской больницы, когда я передал вам, что ходят слухи о болезни Сталина, вы мне прямо сказали: ничего страшного, Сталин здоров как бык. Я совершенно откровенно об этом говорю. Вы даже говорили: напрасна вся ваша гуманность. Сталин сам никогда не уйдет. Сталина надо устранить. Это было в 1929 году.

БУХАРИН — Из чего складывается эта террористическая версия? Во-первых, как видите, из того, что я говорил: Сталин здоров как бык, и что я говорил: где же ваши крепкие люди.

Я это действительно говорил, потому что на меня углановская группа все время нажимала: что вы занимаетесь болтовней, или это чепуха, или нужно действовать.

ЕЖОВ — Бухарин, нельзя ли конкретнее о разговоре в 1932 г. с Куликовым?

БУХАРИН — Я действительно встретил в 1931 г.³¹ Куликова в переулке, где жил Угланов. Он взял меня под руку. Правильно и то, что я страшно субъективно эту историю переживал и даже плакал. Я разводил руками и говорил: что делать? Он говорил: ничего, нужно действовать. Я действительно спрашивал: где же у вас крепкие люди? Мы никогда не произносили слово террор, а говорили о твердых людях.

МОЛОТОВ — А что значит действовать? Ты в каком смысле это говорил?

БУХАРИН — Я ничего не говорил относительно действий.

ЕЖОВ — В 1932 г. ты считал возможным вести с Куликовым разговор о том, что нужно действовать, нужны крепкие люди. Зачем они были нужны?

БУХАРИН — Я тогда вел еще борьбу с партией. Я говорил, что не нужно вести борьбу, а они говорили, что нужно вести борьбу с партией.

ОРДЖОНИКИДЗЕ — Это в 1932 году?

БУХАРИН — Я не помню, когда это было.

МИКОЯН — Некоторые вещи ты здорово помнишь, а что нужно вспомнить, не можешь.

БУХАРИН — Я не отрицаю разговора, и это могло быть в 1932 г., но смысл этого разговора заключался не в этом. Куликов выставлял против меня такую аргументацию: чего ты сидишь, тогда как нужно драться. Таким образом он меня ругал за бездеятельность.

ОРДЖОНИКИДЗЕ — В каком году?

БУХАРИН — Я не помню.

ОРДЖОНИКИДЗЕ — Получается, что в 1930 г. ты подал заявление, что прекращаешь борьбу с партией, а в 1932 г. эту борьбу продолжал.

БУХАРИН — У меня были сторонники, они на меня напирали. У меня есть одна совершенно точная дата. Этот последний разговор, когда я видел Угланова летом 1932 г., был действительно последним, и я утверждаю, что ни единого человека из углановской группы и своей бывшей группы я после этого ни разу не видел. Это очень интересно для того, чтобы действительно распутать весь клубок этих дел. Я на этом более подробно останавливаюсь.

ЕЖОВ — Весной 1932 г. Куликов приехал с посевной кампании, пришел к Угланову и, сговорившись с ним, решил встретиться с Бухариным. Самый факт встречи с Куликовым в переулке ты не отрицаешь?

БУХАРИН — Нет.

ЕЖОВ — На тебя нажимали, а ты аргументировал дело таким образом: не надо драться, потому что нет крепких людей.

БУХАРИН — Я считал это дело абсолютно безнадежным и ненужным. Я подал заявление в 1930 г., но я еще поддерживал некоторые сношения с людьми, я изживал эти остатки своей собственной идеологии.

ЕЖОВ — Считаешь ли ты допустимым такой факт, что к тебе приходит человек, приехавший с посевной кампании, который сообщает, что надо вести борьбу против партии, что нельзя сидеть сложа руки, а ты отвечаешь, что у вас нет крепких людей. И это после того, как в 1930 г. ты подал заявление о признании своей неправоты в борьбе с партией. Значит, ты считал возможным скрыть этот факт от партии?

БУХАРИН — Сейчас я ничего не скрываю, а тогда я считал возможным скрыть это, и объясню почему. Это было, может быть, моей ошибкой, которую я делал по отношению к своим ученикам и углановским людям. Дело в том, что я надеялся на изживание и у них этих самых процессов. Я старался подводить их к этому исподволь. Тут были и личные мотивы. До 1932 г. у меня не было ясности в вопросе о стимулах в земледелии. Я не понимал, как пойдет дело с коллективизацией с точки зрения товарооборота и т. п. После законодательства о советской торговле в 1932 г.³² вопрос для меня стал абсолютно ясен. Поэтому вполне возможно такое положение вещей. У меня не хватало присутствия духа сказать своим людям, что все,

что я говорил раньше, это абсолютная чепуха. Это было у меня ложным педагогическим методом, который, конечно, был очень глупым. Ведь они сразу могли сказать: это есть измена, ты переходишь на сторону противника.

МИКОЯН — А партия — это противник?

БУХАРИН — Я боялся, что эти товарищи мне так скажут, и поэтому не давал решительных и резких формулировок. Теперь я понимаю, откуда появилась эта версия.

Последний раз с Углановым я виделся в 1932 г., зайдя специально к нему на квартиру. Тогда появились какие-то особые трудности, были волынки на ряде предприятий. Я знал, что Угланов необычайно истеричный человек, подверженный необычайным колебаниям. То он плачет, то потрясает кулаками, то весь дрожит от напряжения и т. д. До меня дошли слухи, что по каким-то городам разъезжает публика и говорит, что имеются директивы относительно того, что нужно поднимать и оживлять фракционную деятельность и проч. Зная, что представляет собою Угланов, я пришел к нему и сказал: нужно работать с партией целиком, нужно сидеть и выполнять партийные решения, нужно бросить всю фракционную борьбу.

Тогда же, летом 1932 г., по другой линии, по линии моих бывших учеников, у меня был разговор со Слепковым³³. Я ему сказал: нужно все абсолютно кончать. Совершенно ясна правильность генеральной линии партии. Он мне сказал: хорошо. Я после этого уехал в отпуск и, когда вернулся из Средней Азии, из отпуска, застал такую картину. Эти юноши устроили конференцию и были почти все арестованы³⁴. Тут же появилась на свет брошюра о рютинской платформе и целый ряд связанных с этим всевозможных вещей.

Уверяю вас, что относительно рютинской платформы я не имел никакого представления. Я считал, что не может быть, чтобы эти мои бывшие ученики после того, как я говорил со Слепковым, пойдут на такую авантюру. Я даже за них заступался, а потом оказалось, что они все арестованы. Я видел эту рютинскую платформу физически при таких обстоятельствах. Тов. Сталин или показал мне сам или приказал показать мне рютинскую платформу. Я ее перелистал, посмотрел оглавление и помню, что у меня со Сталиным был по этому поводу разговор, причем различные догадки строились насчет того, кто мог это написать. По крайней мере Сталин говорил, что, вероятно, это написал Зиновьев.

С этого времени я ни единого человека ни из группы своих учеников, ни из углановской группы абсолютно не видел.

ЕЖОВ — Ты подал заявление о признании своей вины в 1930 году?

БУХАРИН — Да.

ЕЖОВ — Весной 1932 г. Куликов тебя информирует о тяжелом положении в деревне, говорит, что народ требует открытой борьбы против партии, нажимает на тебя, а ты, для того, чтобы показать, что ты против этой борьбы, аргументируешь следующим образом: нет у вас крепких людей, если есть эти люди — покажи их, тогда будем говорить.

Считаешь ли ты допустимым даже с партийной точки зрения скрыть этот факт от партии? К тебе приходит человек с настроением драться против партии. А ты это скрываешь. Считаешь ли ты возможным скрыть и другой факт. Осенью 1932 г. ты был на квартире Угланова по поводу того, что до тебя дошли слухи, будто бы собираются драться против партии. И ты скрыл этот факт от партии?³⁵

БУХАРИН — Я считаю, что эти мои шаги были ошибочными. Но я объясняю, из каких соображений я тогда исходил. И по отношению к моим ученикам, к группе молодежи, и по отношению к углановской публике у меня всегда было желание привести их в нормальное партийное состояние. Я старался это сделать, может быть, совершенно неверными методами. Я боялся, что если я скажу Куликову и другим о том, что мы совершенно обанкротились, они мне скажут: ага, и ринутся в противоположную сторону. Я хотел оставить какие-то веревочки.

ЕЖОВ — Зачем тебе нужны были эти веревочки?

БУХАРИН — Они нужны были для того, чтобы по возможности исправить людей. И по отношению к Угланову было то же самое. Если бы я ему сказал о нашем крахе решительным образом, он бы двинулся в другую сторону, а я знал экспансивность этого человека. Я хотел привести всех их в лоно партии. Я боялся не того, что потеряю этих людей для себя, я боялся, что они будут потеряны для партии, в том числе и Угланов. Эти честные намерения у меня были.

ЕЖОВ — Ты сказал, что мысль о возможности применения террора могла появиться у Куликова и других потому, что в 1932 г. ты узнал относительно каких-то активных методов борьбы бывших правых ³⁶, которые разъезжают по городам, как ты выразился. Ты боялся, что и Угланов двинется по этой линии, зная его экстремистские настроения. Ты боялся террора.

БУХАРИН — Нет, о терроре я не думал.

ЕЖОВ — А почему ты думаешь, что отсюда могла возникнуть мысль о терроре?

БУХАРИН — Я представлял себе дело так. За этот период, когда я от этого дела совершенно отошел, не в смысле персональных связей, у меня появились какие-то заместители. Из какого лагеря и откуда, я не знал. С Невским я никогда ни о чем не разговаривал. Может быть, это был Невский или Рютин, я не знаю. Одним словом появилось замещение бывшего правого руководства какими-то новыми людьми, одним человеком или группой. Относительно своих бывших учеников я должен сказать, что по указанию тов. Сталина мне давали читать их показания, и я их читал. В некоторых показаниях было прямо написано, что Бухарин ненадежный человек, что он стал на общепартийную линию, что вообще с ним нужно расквитаться.

ЕЖОВ — Ты сказал, что в 1932 г. у тебя еще не были изжиты колебания, и эти колебания были в вопросе о стимулах в ³⁷ земледелии.

БУХАРИН — Я точнее скажу. Я абсолютно добросовестно и честно занял партийную линию, но не могу сказать, что для меня все было понятно и ясно. Если бы я видел тогда весь план целиком, как он сложился, я бы ни в какую оппозицию не пошел. Я очень мучился и не знал, как мне выйти из этого положения. В 1932 г. картина для меня была неясна. Я рассуждал так: ну, хорошо, машины мы дадим в деревню, а как мужик будет эти машины проворачивать, за что он будет бороться. Я этот пункт мучительно переживал. Этот пункт для меня был неясен, он меня внутренне мучил. Когда появилось это законодательство и я понял, что дело идет относительно советской торговли, для меня этот пункт стал совершенно ясным, как стала ясной полная победа генеральной линии не только в основном, но и во всех своих основных частях. Поэтому я подчеркиваю этот основной факт, под-

черкиваю его не для моего самооправдания, а для действительного положения вещей с точки зрения разбора всех этих внутривнутрипартийных отношений. Именно с этой точки зрения он играет исключительную роль, и я обращаю на него внимание. Повторяю, что с 1932 г., т. е. после разговора с Углановым на его квартире, о котором я имел честь докладывать, я ни одного человека ни из углановской группы, ни из слепковцев физически не видел и никаких, ни прямых, ни косвенных, сношений с этими людьми не имел. Поэтому эта дата чрезвычайно важна и с моей личной точки зрения и с точки зрения общей. Как я себе это дело представляю? Очевидно, раз борьба шла дальше и докатилась до террора, бывшие правые пошли по какому-то другому руслу, и это вырвалось из моих рук целиком.

МОЛОТОВ — Разговор с Куликовым был о терроре?

БУХАРИН — Я уже говорил об этом, в каком смысле велся разговор.

ЕЖОВ — Куликов рассказал нам во всех подробностях вашу встречу у Александровского сада. Нельзя ли рассказать ту часть разговора, где ты аргументировал, что у вас нет крепких ³⁸ людей?

БУХАРИН — Куликов меня ругал отчаянно. Вы, говорит, только болтали, а никакого дела не делаете.

МИКОЯН — Какого дела?

БУХАРИН — Не ведете антипартийной работы. А я тогда антипартийной работы не вел.

МИКОЯН — Это еще неизвестно.

БУХАРИН — Он на меня нажимал и ругал за то, что я антипартийной работы не веду. Я уже объяснял это. Вместо того, чтобы прямо сказать ему: брось говорить глупости, я боялся, что, если я так скажу, эти люди будут потеряны и скажут: этот человек пустился во все тяжкие и отошел от нас.

ОРДЖОНИКИДЗЕ — А разве он не знал, что ты перешел на сторону партии, подав в 1930 г. заявление с признанием своих ошибок?

БУХАРИН — Если вы меня спросите, правильно ли и партийно я тогда поступал, я не буду говорить, что я поступал правильно и партийно. Я думал, что поступал целесообразно даже с общепартийной точки зрения, а на самом деле это было неправильно, нецелесообразно и непартийно. Этого я не отрицаю.

ОРДЖОНИКИДЗЕ — В каком году ты показывал свою платформу Пятакову?

БУХАРИН — Это можно посмотреть, я не помню точно. Во всяком случае это было в гораздо более ранние годы.

ОРДЖОНИКИДЗЕ — Раньше 1930 года?

БУХАРИН — Да, конечно. Вы помните, как на заседании Политбюро вы все меня расспрашивали, покажи документ, а я упирался и не показывал. Значит, это было тогда, когда я еще находился на позиции совершенно открытой борьбы внутри ЦК. Что же касается того, о чем говорит Куликов, будто вся работа велась на основе рютинской платформы...

ЕЖОВ — Отвечайте на конкретные факты, на конкретные обвинения, которые он вам предъявил. Куликов говорит, что вы обсуждали эту рютинскую платформу на квартире у Томского.

БУХАРИН — Я лично не обсуждал. Куликов говорит, что Угланов рассказывал ему, будто вся работа велась на основе рютинской платформы, вплоть до 1935 года. Мы же разбираем вопросы, которые вплотную подводят нас к современным вещам. Я прошу как угодно обследовать этот

вопрос, но опять-таки заявляю, что в 1932 г. я никого из этих людей не видел по обеим составным половинкам. Так что говорить, что я мог принимать какое-либо участие в этой работе...

ОРДЖОНИКИДЗЕ — Он же говорит о разговоре на террористические темы, который происходил весной 1932 года.

БУХАРИН — Да, и он говорит, что это стало исходной позицией для того, чтобы вести на этой платформе всю работу вплоть до 1935 года.

ОРДЖОНИКИДЗЕ — Верно это, Куликов?

КУЛИКОВ — Верно.

БУХАРИН — А я это отрицаю. Я расчлению вопрос: до 1932 г., куда включается весенний разговор, и после 1932 г. вплоть до 1935—1936 года. По первому периоду я вам объяснения давал. Вы можете считать их убедительными или неубедительными, верить мне или не верить. Я говорю совершеннейшую правду. Я категорически отрицаю самую мысль о терроре. Никто не может доказать, что в период после 1932 г. меня видели хоть с одним человеком из лагеря бывшей правой оппозиции, и уже по одному этому становится понятно, что я не мог принимать участие в проводимой работе.

АПРФ, ф. 3, оп. 24, д. 260, л. 84—116.
Машинописный экземпляр с правкой.

№ 2. Стенограмма очной ставки между Сосновским и Бухариным в ЦК ВКП(б) от 7 декабря 1936 года³⁹.

ЕЖОВ — Когда вы вернулись из ссылки?

СОСНОВСКИЙ⁴⁰ — В феврале 1934 года.

ЕЖОВ — По возвращении из ссылки, когда вновь примкнули к троцкистской организации?

СОСНОВСКИЙ — В начале 1935 года.

ЕЖОВ — С кем были связаны?

СОСНОВСКИЙ — С Радеком⁴¹ в первую очередь.

ЕЖОВ — Вам было известно, что Радек является членом троцкистской организации?

СОСНОВСКИЙ — Не сразу, с первых встреч я этого не обнаружил. Сначала таких разговоров не было, и уже в начале 1935 г. это стало для меня ясно.

ОРДЖОНИКИДЗЕ — Когда вы подали заявление, вы продолжали работать?

СОСНОВСКИЙ — Да, это было обманом с моей стороны. Тут был только частично искренний шаг, чтобы посмотреть, проверить себя, так как я 5 лет находился в строгой изоляции. Но я не могу сказать, что это не было обманом с моей стороны.

ЕЖОВ — Когда Радек рассказал о существовании троцкистской организации, и в частности о составе центра?

СОСНОВСКИЙ — Это было в начале 1935 года.

ЕЖОВ — Кого называл Радек в составе центра?

СОСНОВСКИЙ — Он назвал себя и Пятакова как оставшихся руководителями центра.

ЕЖОВ — Говорил он вам о существовании блока⁴² с зиновьевцами и правыми?

СОСНОВСКИЙ — Да, он говорил о существовании блока. В одном серьезном разговоре он сказал о новой платформе, что для меня было

неожиданным, и о том, что на этой платформе стоят и зиновьевцы и правые.

ЕЖОВ — Именно?

СОСНОВСКИЙ — Он в качестве руководителей правых назвал Бухарина, Рыкова и Томского.

ЕЖОВ — А на какой именно платформе?

СОСНОВСКИЙ — Кроме всего основной вопрос — это был вопрос о терроре.

ЕЖОВ — Значит, вам Радек заявил, что на основе платформы террора объединились и правые, и зиновьевцы, и троцкисты?

СОСНОВСКИЙ — Да, причем сообщил, что этот блок с правыми санкционирован Троцким.

ЕЖОВ — Связал ли он вас с кем-нибудь из правых?

СОСНОВСКИЙ — Нет. Это произошло без него. Еще в 1934 г. Бухарин пригласил меня на работу в «Известия». Самый переход произошел осенью, после моей поездки на курорт. Именно тогда я приступил к работе в «Известиях». Как я уже сказал, в начале 1935 г. состоялся откровенный разговор с Радеком, и я узнал от него, что Бухарин является участником организации...

БУХАРИН — Смотрите, пожалуйста, мне в глаза.

СОСНОВСКИЙ — Я хотел это сделать и без вашего приглашения. От Радека я узнал, что правые участвуют в этом блоке, в том числе и Бухарин. Причем этому предшествовал такой случай. Я шел в «Известия» с опасением, что буду встречен там подозрительно, недоверчиво, как человек, вернувшийся позже всех троцкистов из Сибири. Я и встретил со стороны части партийцев такое отношение к себе. Однажды меня Радек встретил и спросил: как работаете в «Известиях»? Я сказал, что мне трудно вжиться в коллектив, я чувствую себя чужаком. Со стороны руководителей партийного коллектива ко мне не совсем доверчивое отношение. Радек сказал: ничего, Николай Иванович свой человек, он тебя поддержит.

Тогда я этот «свой человек» понимал так, что мы с Бухариным работали в «Правде» почти с 1918 г., и он меня хорошо знает. Но позже, когда мы с Радеком разговаривали о другом, я понял смысл этих слов.

Надо сказать, что на последнем партийном собрании, которое происходило после процесса, когда я вернулся из отпуска, целый ряд партийцев говорил в отсутствие Бухарина (это зафиксировано в стенограмме) о том, что он создал для меня и Радека атмосферу особого покровительства.

МОЛОТОВ — В каком году это было?

СОСНОВСКИЙ — Это теперь, после процесса. Они приводили примеры, особенно моего привилегированного положения, и в частности, Радек говорил, что Бухарин не дает обижать Сосновского, т. е. критиковать его статьи и т. д. Говорили, что Бухарин приехал однажды на редакционное собрание и сообщал, что вот, де, статьи Сосновского одобряют такие-то из членов Политбюро, что многие выступавшие ораторы расценивали как желание терроризировать их при попытках меня критиковать.

ЕЖОВ — Конкретно с Бухариным как членом центра правых в каком году вы начали вести разговоры относительно платформы террора и конкретных мерах борьбы с партией?

СОСНОВСКИЙ — В начале 1935 г., после того как я имел этот разговор с Радеком.

БУХАРИН — Вы со мной говорили о терроре? Вы после этого мерзавец совершенно исключительного масштаба!

СОСНОВСКИЙ — Слово мерзавец может относиться не к тому, что я сейчас говорю, а к тому, что я делал раньше, к тому, что я принял платформу террора. Если бы меня именно за это упрекнул Бухарин, это было бы верно.

БУХАРИН — Откуда я знал, что вы приняли эту платформу.

СОСНОВСКИЙ — Я приходил к Бухарину как к редактору не один раз с некоторыми жалобами, что вот встречаю такое-то враждебное отношение к моим статьям и т. д. Такие разговоры между нами происходили, и вот в один из таких разговоров Бухарин начал говорить о встречных жалобах: «Ты думаешь, мое положение легче? Меня со всех сторон клюют». Он даже выражался более нецензурно, иллюстрировал выступление против него «Правды» и «За индустриализацию». Ведь мое положение такое, говорил Бухарин, что я как затравленный.

И это было неслучайно, в этом была система. Так как я от Радека уже знал о Бухарине, я задал ему вопрос: а разве нет оснований к тому, чтобы на тебя нажимали? Он меня спросил: что ты подразумеваешь? Я сказал ему, что знаю от Карлуши ⁴³, в чем дело. И после этого разговор пошел по существу, т. е. о платформе, о том, что идет борьба, о том, что борьбу вести трудно. Это было постоянным припевом в этих разговорах. Таких разговоров было два или три, и каждый раз Бухарин говорил что стало трудно, нужна дьявольская осторожность, потому что кругом большая настороженность и подозрительность.

ЕЖОВ — Где эти разговоры происходили?

СОСНОВСКИЙ — У Бухарина в кабинете весной 1935 года. И затем вскоре, тоже весной, был второй разговор. Эти разговоры были уже после того, как я связался с Радеком. Это сопровождалось соответствующими попытками или стараниями Бухарина укрепить мое положение в редакции, а следовательно и за пределами редакции.

ЕЖОВ — Скажите о конкретном разговоре с Бухариным относительно состава центра ⁴⁴ правых.

СОСНОВСКИЙ — Во время этих двух бесед и назывались фамилии: Рыкова, Томского и Бухарина ⁴⁵ как членов центра правых.

ЕЖОВ — Это вам Бухарин подтвердил?

СОСНОВСКИЙ — Я его спросил, кто работает ⁴⁶ в центре правых.

ОРДЖОНИКИДЗЕ — А вы откуда узнали ⁴⁷ о центре правых?

СОСНОВСКИЙ — А мне Радек сказал, что для переговоров ⁴⁸ с блоком больше всего уполномочен Томский и что он, Радек, сносится с Бухариным. Причем Радек рассказал мне, что они с Бухариным проводят время на Сходне, где была дача «Известий» и где все время бывали вместе Радек и Бухарин. Радек рассказывал даже о комических вещах, в частности, о том, что Бухарин целые ночи проводит в спальне у Радека и там они имеют возможность по душам разговаривать. В редакции, где вечная сутолока, вести такие разговоры трудно.

ЕЖОВ — После 1935 г. были такие беседы?

СОСНОВСКИЙ — Были, но уже не такого характера, а более или менее мимолетные. Последний раз был разговор в начале мая 1936 г., тоже перед моим отъездом в отпуск. Я пришел по личному редакционному делу к Бухарину, спросил у секретарши: свободен ли Бухарин. Она говорит, что

у него сидит товарищ из Ленинграда, из Института истории техники, но он, вероятно, скоро уйдет. Я зашел в кабинет и увидел там молодого человека. Когда я зашел, разговор оборвался. Я решил подождать, пока они кончат, и затем изложить свои дела. Но они перестали разговаривать, и в результате после паузы Бухарин с ним распрощался. А когда он ушел, Бухарин с большим раздражением стал мне говорить, что вот его людей в Ленинграде арестовывают, институт его закрывают⁴⁹. Все это он говорил в очень озлобленном тоне. Опять повторял, что стало трудно, кругом подозрения, напор, что приходится быть дьявольски осторожным и т. д.

ЕЖОВ — Нельзя ли рассказать конкретно, какие разговоры о терроре велись с Радеком?

СОСНОВСКИЙ — И Радек и Бухарин исходили из того, что другие пути борьбы исчерпаны. Путь легальной внутрипартийной борьбы, голосованием, подсчетами, себя не оправдал. И чем дальше, тем смешнее будет пытаться внутрипартийными способами добиться руководства и завоевать это руководство. Других способов устранить руководство нет. Причем Бухарин мне говорил, что вы — троцкисты — ставили вопрос не только об изменении политики, но и о том, что данное руководство должно быть сменено. Оставалось, перебравши что угодно, учитывая, как складывается настроение в низах, в массах партии, придти к выводу, что других способов не остается. На эту тему было больше разговоров с Радеком, но были и с Бухариным.

ЕЖОВ — нет ли у вас конкретных фактов переговоров с Бухариным или фактических материалов?

СОСНОВСКИЙ — Ведь все это происходило наедине. Если бы печатались прокламации или другие документы, я мог бы располагать этими материалами. Но это были разговоры наедине⁵⁰. Причем я должен сказать, что возглас Бухарина меня не совсем удивил, потому что во время одного из разговоров, где говорилось о трудностях и о настороженности, он говорил: имей в виду, что нужно быть таким осторожным, что если меня спросят, я скажу: я знать не знаю⁵¹ и ведать не ведаю.

БУХАРИН — Классический провокатор!

СОСНОВСКИЙ — Так что я этому не очень удивляюсь. Конечно, никаких других доказательств у меня нет. Мы разговаривали один на один, в его кабинете, на его диване.

Я хотел с этого начать свой рассказ, почему я пришел к необходимости, к сознанию сделать то, что делаю с запозданием. Я подвел итоги своей жизни. Я думаю, вы понимаете, что других⁵² доказательств у меня нет, нет ни стенограмм, никто нас не подслушивал.

Когда, в самые последние дни, я был приказом по «Известиям» уволен, освобожден от работы в «Известиях», это было 7 октября, я решил все же выяснить свое положение. Поэтому по телефону созвонился с Талем⁵³, чтобы он меня принял. Таль назначил мне явиться в редакцию 13 октября в 12 часов ночи. Я не знал, что Бухарин там, потому что он отсутствовал много месяцев. И, придя к Талю, я узнал, что впервые в этот день Бухарин вышел на работу. Тогда я решил повидаться с Бухариным. Мое положение было очень неопределенное, я чувствовал, что дело может не только ограничиться увольнением из «Известий». Я послал Бухарину маленькую записочку: мне нужно с тобой поговорить несколько минут. Бухарин мне тоже ответил запиской: предмета для разговора сейчас

нет, а я не апелляцияционная инстанция. Я ему ответил на это дело опять запиской, переданной через секретаршу: «Мне в голову не приходило апеллировать к тебе. Я понял, что мое увольнение это результат работы комиссии ЦК, которая работала по пересмотру состава редакции. Что касается предмета для разговора, мне кажется, предмет для разговора есть. Впрочем, тебе виднее». И ушел.

Я расцениваю эту записку как продолжение того же разговора, т. е. я от тебя отопрусь при первой надобности. Записка его это подтвердила. То, что я ему ответил, что предмет для разговора есть, а впрочем, тебе виднее, он мог истолковать совершенно недвусмысленно, что предмет для разговора у нас есть. Предмет для разговора сейчас как будто бы и подошел.

Я эту его записку разорвал и хотел бросить, но потом положил в кошелек, чтобы бросить ее не в редакции. Случайно оказалось, что она у меня сохранилась и при обыске была взята.

Я думал, что все это значит. У нас давнишние хорошие отношения по работе в «Правде» в течение стольких лет. Что означает, что предмета для разговора нет. Я понял так, что это сжигание мостов и тактика полного отрицания.

ЕЖОВ — Стало быть, вы утверждаете, что, вернувшись из ссылки в 1934 г., вы связались вначале с Радеком, который информировал вас о существовании троцкистской организации, о существовании центра, назвал среди руководителей Радека и Пятакова и сообщил потом, что правые в лице Бухарина, Томского и Рыкова блокируются с троцкистами⁵⁴, причем в основу блока положена платформа террора?

СОСНОВСКИЙ — Да.

ЕЖОВ — В 1935 г., весной 1935 г. и потом несколько позже, перед вашим отпуском, вы имели разговор с Бухариным, из которого вам стало ясно, что Бухарин достаточно осведомлен и о составе центра, и о блоке, и о платформе?

СОСНОВСКИЙ — Вполне.

ЕЖОВ — Причем разговор шел с Бухариным не только в плоскости наличия этой платформы, но и ее обоснования?

СОСНОВСКИЙ — Все это я подтверждаю.

ЕЖОВ — Бухарин, каким образом Сосновский попал в «Известия»?

БУХАРИН — Я в качестве предварительного заявления, относящегося к Куликову, сказал, что никогда не имел с ним никаких столкновений и конфликтов и считаю его субъективно честным человеком. Но после того, что Сосновский изволил здесь докладывать, я могу сказать о нем только противоположное. Выступление здесь Сосновского, а также его показания я считаю классической провокацией совершенно неслыханного масштаба.

В его рассказе верны только две вещи. Это то, что я по-человечески о нем заботился до последней капли крови и текст записок, которыми мы обменялись. Это правильно. Все остальное представляет тонкую, беллетристическую, как и подобает Сосновскому-фельетонисту, очень хорошо подстроенную вещь.

Как он поступил в редакцию? Он был в «Социалистическом земледелии». Я знал из протоколов Политбюро, что Политбюро решило восстановить Сосновского в партии. Я знал литературное дарование Сосновского, я хотел как следует поставить литературную часть «Известий» и поэтому обратился к тов. Сталину с разрешением занять Сосновского в газете. Сталин мне это разрешение дал.

Относительно привилегированного положения Сосновского. Это верно, и это могут подтвердить целый ряд работников. Сосновский часто приходил ко мне: не хватает денег, нет того-то. Я думал, человек вернулся в лоно партии, пострадал, надо дать ему подняться. Я думал, что всяческие сомнения его легче всего ликвидировать тем, чтобы дать ему возможность посмотреть наиболее хорошие места в Союзе, как раз по аграрной линии. Я договорился с Беталом Калмыковым и дал возможность Сосновскому провести некоторое время в Нальчике.

Если Сосновский просил у меня денежных ассигнований, я это делал. Я относился к Сосновскому самым человеческим образом, как только мог относиться, и увидел сейчас этого зверя перед собой.

Что касается записок, то это верно, мы обменялись такими записками. Но здесь Сосновский недоучел одного обстоятельства, а именно, того, что текст этой записки я согласовал с новым секретарем редакции Кривицким и Талем, который там был. Я сказал им: Сосновский насаждает и просит его принять. Мы условились, что я должен написать, что предмета для разговора со мной нет. По согласованию с ними я эту записку и написал. Тут получилась промашка во всей концепции Сосновского, который этого недоучел. По этому поводу можно спросить Кривицкого и Талья.

Верно то, что я говорил Сосновскому о том, что меня клюют. Может быть, говорил еще хлеще, потому что действительно у меня было много неприятностей. Но неслыханной провокационной клеветой является все остальное, что говорил Сосновский от начала до конца.

МОЛОТОВ — Неправда?

БУХАРИН — На 100%. Это есть злостная, гнусная клевета от начала до конца, и здесь Сосновский мстит мне за то, что я отказался с ним разговаривать. Я утверждаю, что все его показания относительно состава центра, блоков, относительно разговоров с Радеком — все это на 100%, совершенно рассчитанная ложь. Его показание относительно того, будто я советовал ему и сам это делаю — все отрицать — это есть рафинированная провокационная ложь от начала до конца. Я к Сосновскому проявлял максимум настоящей человечности, а он проявляет сейчас максимум подлости, возмутительной и рассчитанной подлости!

ЕЖОВ — В прошлом взаимоотношения с Сосновским у вас были плохие?

БУХАРИН — Нет, неплохие.

ЕЖОВ — До последнего дня?

БУХАРИН — У нас были хорошие отношения. Я о нем заботился. Вы можете допросить по этому поводу людей, которые это знают.

МОЛОТОВ — Словом, личных оснований у него нет?

БУХАРИН — Мне кажется, имеет значение финал, когда он попросил разговора со мной, а я ему отказал.

СОСНОВСКИЙ — Почему?

БУХАРИН — Если комиссия ЦК удаляет Сосновского, то я не инстанция для апелляции. Я понимаю отлично, что нахожусь на подозрении и что, если Сосновский удален комиссией ЦК, значит что-то подозревается. Я считал статью Сосновского, которая была напечатана, страшно искренней, и я оценивал эту статью Сосновского как одну из самых искренних статей, которые были напечатаны в прессе, в связи с обратным приемом бывших троцкистов. Когда мы жили в Нальчике, я постоянно его поддерживал. Я всегда оказывал ему помощь.

СТАЛИН — Почему вы не поговорили с ним?

БУХАРИН — Я по этому поводу посоветовался с Кривицким и Талем, причем Таль мне сказал: Николай Иванович, с ним говорить не стоит вам, я сам с ним поговорю. Кривицкий сказал то же самое. Так как я посоветовался с товарищами, которые пользуются доверием ЦК и посажены в газету для того, чтобы осуществлять это доверие, я их совету последовал. Сосновский на это, конечно, мог разозлиться при его характере концентрированной злобы.

СОСНОВСКИЙ — А ты видел ее у меня?

БУХАРИН — Я видел. У нас как-то стоял вопрос относительно заботы о людях. Шел разговор об одной товарке, фамилию ее не помню. Сосновский, который получал у нас тысячи рублей, которому мы закупали шерстяные фуфайки и прочее, выступает и говорит: в редакции со мной обращаются как с парием, я не имею того-то и того-то, причем выступает против этой женщины с совершенно невероятной злобой, хотя она ни ухом, ни рылом этой злобы не заслуживала. Он способен на дикую, коварную, концентрированную злобу.

Я с ним вел разговоры о терроре, как он говорит. Это не шутка, это чёрт знает что такое. Я не только [не] вел разговоры, я не могу себя приучить к тому, чтобы такое слово, как террор, стало привычным.

СОСНОВСКИЙ — Я, то же самое, не мог себя приучить.

БУХАРИН — Значит ты двурушник! Ты двурушничал, писал такое письмо, которое всеми было принято за самое искреннее письмо. Ты после этого самый глубокий негодяй, который мог вполне рассчитать все, чтобы потопить кого угодно и чтобы спасти свою шкуру.

СТАЛИН — Ты, во-первых, не ругайся. Чем он мог спасти? Какой ему интерес?

БУХАРИН — При той системе двурушничества, которую проводили троцкисты и зиновьевцы, у них был рассчитан целый ряд заранее намеченных шагов.

ЕЖОВ — Откуда мог Сосновский знать о составе центра правых и состав московского центра, конкретно называть фамилии людей?

БУХАРИН — Это очень простая вещь. Если нужно было топить бывших правых, то известны все их имена. Такой центр существовал, не террористический центр. На пленуме ЦК тов. Сталин сказал о том, что Радек признал свою вину⁵⁵. А ведь Радек со мной рассусоливал такую степень искренности! Он мне говорил: раз ты попал в такое положение, надейся на старика, как он называет Сталина, он тебя в обиду не даст, Сталин — девять десятых нашей победы. Перед самым арестом Радека прибежала ко мне его жена и сказала, что Радек просил передать, что он абсолютно чист и невиновен, что на нем нет ни пятнышка, и я ему верил. Он не раз предупреждал меня относительно возможных оговорок. Он подозревал, что в ГПУ сидят агенты дефензивы, польские шпионы и т. д. Берегись оговора!

ЕЖОВ — Почему же Сосновский не оговаривает другого?

БУХАРИН — Если нужно оговорить бывших правых, сказать, что они входили в какой-нибудь центр, то это легче всего сделать, так как имена их известны.

МИКОЯН — Кому нужно оговаривать правых?

БУХАРИН — Вы не знаете сейчас, виновен я или нет. Вы считаете, что

я или виновен или нет. И вы все говорили, и Сталин говорил: мы тебя поддержали, мы тебя пощадили. Но поймите, что все эти категории звучат как положительные только в том случае, если человек виновен. А если человек не виновен, а я себя считаю абсолютно невиновным...

МИКОЯН — И сейчас, после показаний Куликова?

БУХАРИН — Да, ни на йоту. Я себя считаю виновным за 1928 год, но я себя считаю абсолютно невиновным перед партией за все последующие годы. И никакая сила в мире никогда не заставит меня признать противоположное, чему бы меня ни подвергали.

МОЛОТОВ — Что за чепуха? Кто и чему вас подвергает!

СОСНОВСКИЙ — Относительно эпитетов Бухарина. Бухарин меня знает лучше, чем все здесь присутствующие. Никогда в жизни не только таких слов, которые он сейчас произносит по отношению ко мне, но вообще ничего подобного за весь тот период с 1918 г., как он меня знает, он никогда не произносил.

Я имел встречу с Рыковым в 1935 г. по делу. Я получил жалобу на наркомат, решил ее проверить, пошел к Рыкову и провел у него несколько часов. Почему я теперь, зная от Радека, что Рыков есть член центра правых, почему я Рыкова не оговариваю? Потому что я с Рыковым вел только тот разговор, который я вам передал. Оговаривать его не могу, потому что не имел с ним таких разговоров. А от Радека я знал...

БУХАРИН — Это и есть оговор и ложь.

СОСНОВСКИЙ — Коль скоро два человека говорят про одно и то же, но один говорит, что это было, а другой утверждает, что этого не было, — конечно, не мы себе судьи. Я доверия заслуживаю не так много. Статья, о которой говорит Бухарин и которая произвела впечатление искренности, была искренней только в какой-то части, потому что я хотел на свободе подумать и посмотреть. Я был 5 лет в изоляции, довольно строгой, я отстал от жизни, озлобление было большое. И поэтому то, что Бухарин и ЦК, очевидно, приняли за искренность, было только частично искренним, а на самом деле этот поступок нужно назвать своим настоящим именем. Поэтому теперь, когда я решил сказать партии правду, этот негодяй (обращаясь к Бухарину) теперь называет меня негодяем, а тогда, когда я обманывал...

ОРДЖОНИКИДЗЕ — Вы теперь за партию?

СОСНОВСКИЙ — Да, но я не заслуживаю доверия.

ОРДЖОНИКИДЗЕ — А когда вы писали свое письмо во время процесса, вы были за партию?

СОСНОВСКИЙ — Когда я прочитал в газетах все эти документы, будучи в Нальчике, я был потрясен, и нынешний мой разговор с партией начался, по существу, тогда.

ОРДЖОНИКИДЗЕ — Чем же вы были потрясены?

СОСНОВСКИЙ — Я не отдавал себе отчета в этих делах. Но когда я увидел все эти вещи, как их воспринимают все, вплоть до моего сына и моей жены, я понял другое. Я бросил все и поехал сюда. В поезде я наблюдал, какое отношение к этому делу, я многое понял, я подвел итоги всей своей жизни. Должен сказать, что когда я был арестован в 1929 г., как троцкист, с первого дня и до конца я себя чувствовал в состоянии войны с партией. С момента, когда я прочитал обвинительный акт, увидел, как воспринял это мой сын, а мне уже 52-й год, я подвел итоги и увидел, что мое имя будет проклятием для моих детей. Я увидел, что я зашел так далеко, дальше чего некуда идти.

Конечно, я мог изобразить дело так же просто, как этот гусь (обращаясь к Бухарину)⁵⁶, и сказать: знать не знаю и ведать не ведаю.

БУХАРИН — Первоклассный фокусник!

СОСНОВСКИЙ — Я веду борьбу с партией с 1920 года.

ВОРОШИЛОВ — Давненько!

СОСНОВСКИЙ — Это действительно давно. Вся мою сознательную жизнь я вредил партии, причинял ей, начиная с профсоюзной дискуссии⁵⁷, с маленьким перерывом, много вреда. Кое-что я сделал полезного, но это тонет в том вреде, который я причинил партии. И чем больше я имел доверия в партии, тем хуже я себя вел. Мне возврата в партию нет. Доверия у вас я больше просить не могу. Что мне остается делать? Только сказать правду. Конечно, Бухарин пытается все отрицать. Почему же я избрал объектом человека, к которому у меня было лучшее отношение, с которым никогда не было никаких конфликтов. Бухарин начинает философствовать, что у нас — троцкистов — выработан дьявольский план топить честных людей. Это не совсем так. Радек на партийном собрании в «Известиях», которое длилось четыре дня, выступал в защиту Бухарина и, исходя из того, что он, Радек, чистый человек, ручался головой за Бухарина и приводил аргумент: Каменев и Зиновьев негодяи, на процессе законспирировали настоящий центр и теперь для того, чтобы отвести глаза, топят честных⁵⁸ людей.

А ведь я-то знаю, что такое Радек. Бухарин говорит, что он 100%-й человек. Хорошо. Вот небольшая иллюстрация, небольшой эпизод. В «Известиях» Зорич написал статью о сочинском курорте. «Известия» ее долго не хотели помещать. Почему? Потому что Зорич очень хвалил то, что делается в Сочи. Наконец обратился к Бухарину, почему не пускают статью? Бухарин хотел сначала, чтобы выкинули абзац, где очень хвалят Мителева за умелую работу, или какой-то другой абзац. После этого Бухарин разрешил статью напечатать. Статья эта все же подверглась критике, и когда шел разговор о всей этой сочинской истории, то говорили: разве Сталин что-нибудь в архитектуре понимает? Этот разговор происходил в присутствии Бухарина, Зорича и Ляма⁵⁹. Когда тов. Шкирятов⁶⁰ вызвал к себе Ляма и Зорича и спросил, какой разговор происходил в присутствии Бухарина, они пытались вилять и отрицать все, но это было установлено.

Но не в этом суть. А когда они из КПК вернулись к Бухарину, то этот 100%-й святой говорит: как можно работать, когда из трех человек один доносит в КПК. Кто это рассказывает партии о том, что говорят о вождах. Мне все это рассказал Зорич. Если Бухарин такой 100%-й человек, каким себя изображает, как он может допускать такие вещи, что продают нас в КПК⁶¹, — это характеризует человека.

Я могу для характеристики сообщить другой эпизод. Это относится к другой физиономии Бухарина и характеризует его как человека, умеющего влезать в доверие. Вся тактика Бухарина построена на завоевании доверия в ЦК, в партии. Он очень заботился, чтобы и я вошел в доверие. Поэтому очень часто, когда я писал статьи, он говорил: вставь здесь имя Сталина. Конечно, он опять скажет, что это ложь. Но оказалось, что при обыске у меня забрали записку, написанную рукой Бухарина по поводу одной моей статьи: «Для тебя необходимо упоминание о Кобе». Всеми этими искусственными способами он хотел, чтобы я добился уважения и меня сочли за иного человека.

Что это означает, как не фальшивую, искусственную дипломатию, умение влезать в доверие партии, а за спиной делать другое? ⁶²

Я двурушничал меньше, чем другие ⁶³, я до последних лет боролся с партией и, подав заявление, я обманул партию. У меня не было искренности, у меня были задние мысли, я думал присмотреться, может быть да, может быть нет. И начиная со связей с Радеком...

ЕЖОВ — Оказалось, нет?

СОСНОВСКИЙ — Да.

ВОРОШИЛОВ — О терроре, когда вы узнали?

СОСНОВСКИЙ — Я был в строгой изоляции. Никаких связей из изолятора ни с кем не поддерживал ⁶⁴. Когда я узнал об этом от Радека ⁶⁵, меня это буквально ошеломило, и мы с Радеком полночи разговаривали на эту тему. Тут нужно было отшатнуться — я не отшатнулся. Он понял, что я его единомышленник. Вот к чему привела эта проклятая инерция!

Я хотел еще сказать об одной вещи — не знаю, насколько это уместно. Во время профсоюзной дискуссии в газетах в конце печатались отчеты о голосовании за резолюцию Томского, Ленина и замечания, сведения, которые доставлялись тов. Сталиным. Однажды я встретил Иосифа Виссарионовича во дворе Кремля и спросил: почему вы обостряете эту борьбу? Сталин мне сказал: вы думаете, речь идет о той или иной профсоюзной резолюции? Речь идет о том, кому руководить партией. Троцкий считает, что Ленин устарел и руководить не может, а мы считаем, что Ленин должен руководить партией. Нужно создать ЦК, в котором Ленин имел бы прочное большинство, чтобы колебаний и шатаний больше не было.

Неужели Троцкий мог претендовать заменить Ленина? Меня тогда урезонивали и говорили: очевидно, ты не просвещен...

ВОРОШИЛОВ — Хотя помогаешь ему изо всех сил.

СОСНОВСКИЙ — Да, совершенно верно. Сталин мне, как будто старому большевику, не чужому человеку пытался это объяснить. Сейчас, когда дело дошло до террора, понятно, что эти слова Троцкого об устранении Ленина, т. е. слова и мысли о терроре, возникли не в 1931 г., а гораздо раньше. Если бы я был большевиком не дефективным, как об этом кто-то выразился на процессе, я бы понял это своевременно.

Вот итог моей жизни. Сейчас мне клеветать на этого 100%-ного человека незачем. Какой мне расчет? Меня спрашивали на следствии, с кем еще я имел дело? Ни с кем. Есть у меня мои бывшие приятели, но я с ними не разговаривал на эти темы. Поэтому никого не могу и не считаю нужным оговаривать. Я фактически назвал две фамилии, с которыми непосредственно имел дело — это Радек, во-первых, Бухарин — во-вторых.

БУХАРИН — Относительно статей Сосновского. Совершенно верно, я говорил относительно того, что Сталин заступался за статьи Сосновского. Как-то на заседании Политбюро тов. Мехлис ⁶⁶ сделал довольно резкий выпад против Сосновского, а Сталин бросил реплику: ты говоришь так потому, что не у тебя Сосновский пишет. Я увидел в этом проявление добавочного доверия по отношению к Сосновскому и счел своим долгом поощрить Сосновского. Поэтому, когда публика часто подкапывалась под Сосновского, я за Сосновского заступался.

СТАЛИН — Сервилистические чувства, сервильизм.

БУХАРИН — Вы не знаете современной газетной жизни. Мы очень часто вставляем соответствующие слова в те или иные статьи, потому что

считаем, что для бывших оппозиционеров, каким являюсь, в частности, я, это абсолютно необходимо.

ЕЖОВ — Кто тебя, ЦК что ли заставлял это делать?

СТАЛИН — Для партийца это оскорбительно.

БУХАРИН — Я припоминаю один такой эпизод. По указанию Кли-мента Ефремовича я написал статью относительно выставки Красной ар-мии. Там говорилось о Ворошилове, Сталине и других. Когда Сталин сказал: что ты там пишешь, кто-то возразил: посмел бы он не так написать. Я объяснил все эти вещи очень просто. Я знаю, что незачем создавать культ Сталина, но для себя я считаю это целесообразной нормой.

СОСНОВСКИЙ — А для меня вы считали это необходимым.

БУХАРИН — По очень простой причине, потому что ты бывший оппозиционер. Ничего плохого я в этом не вижу. Относительно Зорича я должен сказать следующее. Кто поместил эту статью? Я — несмотря на сопротивление. Зорич меня благодарил после этого. Я действительно ска-зал, разве можно заставить Сталина следить за каждым стеклянным ша-ром.

СТАЛИН — Конечно, я не архитектор, в архитектуре не понимаю. Ну, какой тут грех!

БУХАРИН — У нас постоянно, в нашей газетной работе, возникают споры, сказать это слово или другое. Конечно, если по каждому спору нас будут таскать в ЦК, тогда невозможно работать, потому что известный минимум доверия обязательно должен быть.

МИКОЯН — А ты обижаешь человека, который сообщает в ЦК.

БУХАРИН — Янисколько не обижаю, я сообщил об этом Шкирятову. И вообще, почему меня хотят заподозрить в том, что я старался оставить на работе этого Ляма? Мехлис у меня просил, чтобы я ему отдал Ляма.

КАГАНОВИЧ — Если взять вашу версию о том, что вы говорили с Сосновским, будто вас клюют и т. д., получается следующее вы — кандидат в члены ЦК ⁶⁷, редактор «Известий», присутствующий на заседа-ниях Политбюро, — с человеком, который сидел 5 лет в тюрьме, был исключен из партии и только что восстановлен, заводите разговор о том, что вас клюют и прочее. Какие родственные чувства толкали вас на этот душевный разговор?

БУХАРИН — Я не только Сосновскому об этом говорил.

КАГАНОВИЧ — А я спрашиваю о Сосновском. Троцкист с 1920 г., как он сам об этом заявляет, только что восстановленный в партии...

СОСНОВСКИЙ — Еще не восстановленный в партии.

КАГАНОВИЧ — Тем более. Какие родственные, душевные чувства толкали вас на то, чтобы, будучи наедине с ним, жаловаться на то, что вас клюют?

БУХАРИН — Прежде всего, Сосновский поступил ко мне на работу после того, как он был восстановлен в партии. Это всем было известно. Я ему не жаловался. Я говорил, что мне трудно. Мне трудно работать, потому что меня клюют.

КАГАНОВИЧ — А кто же вас клевал? Просто душа душу чует.

БУХАРИН — Меня клевали в «Правде», меня клевали в аппарате. Я много писал и Сталину и Серго.

АПРФ, ф. 3, оп. 24, д. 260, л. 51—72.
Машинописный экземпляр с правкой.

(Окончание следует)

Примечания

1. Заголовок документа. До исправления: «Протокол очной ставки между Бухариным Н. И. и Куликовым». — *Ред.*
2. Куликов Е. Ф. (1885—?) до ареста в 1936 г. работал в Свердловске управляющим коженным трестом. В сентябре 1936 г. Г. Г. Ягода направил Сталину протоколы допросов Куликова и А. В. Лугового-Ливенштейна с показаниями на Томского, Рыкова и Бухарина. В сопроводительном письме говорилось: «Особый интерес представляют показания Куликова о террористической деятельности контрреволюционной организации правых» (Известия ЦК КПСС, 1989, № 5, с. 73). 7 декабря 1936 г. Ежов направил протоколы допроса Куликова Сталину, Молотову и Кагановичу: «Направляю Вам протокол допроса от 6 декабря с. г. арестованного участника контрреволюционной организации правых Куликова Е. Ф. Куликов показал, что в 1932 г. им была получена от Н. И. Бухарина директива о необходимости убийства Сталина. Ежов» (АПРФ, ф. 3, оп. 24, д. 260, л. 8).
3. Речь идет о пленуме ЦК ВКП(б) 10—17 ноября 1929 года. Угланов и Куликов обратились к пленуму с заявлением о признании своих ошибок и разрыве отношений с группой Бухарина, Рыкова, Томского (Правда, 18.XI.1929.). На пленуме Бухарин был выведен из состава Политбюро. 25 ноября Бухарин, Рыков и Томский подписали краткое заявление в ЦК ВКП(б) с признанием своих политических ошибок.
4. Угланов Н. А. (1886—1937) — в 1924—1928 гг. секретарь ЦК ВКП(б), одновременно первый секретарь Московского комитета партии, в 1926—1929 гг. кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б), в 1928—1930 гг. нарком труда СССР, затем на хозяйственной работе. В феврале — апреле 1933 г. находился в заключении, затем на хозяйственной работе в Тобольске. В 1932 г. исключен из партии, в 1934 г. восстановлен, в 1936 г. вновь исключен; в мае 1937 г. расстрелян.
5. Шмидт В. В. (1886—1938) — в 1930—1931 гг. зам. наркома земледелия СССР, с 1931 г. главный арбитр при СТО, затем при СНК СССР, с 1933 г. работал на Дальнем Востоке. Репрессирован.
6. Ровинский Я. И. — до ареста в 1936 г. управляющий Союзкожсбыта.
7. Невский В. И. (1876—1937) — с 1924 г. директор Библиотеки им. В. И. Ленина. Репрессирован.
8. Котов В. А. (1885—?) — до ареста в 1936 г. управляющий треста «Госотделстрой» Наркомхоза.
9. Матвеев Д. И. (1900—?) — до ареста в 1936 г. аспирант Энергетического института. На допросе 24 сентября 1936 г. показал, что являлся участником организации правых во главе с Бухариным (АПРФ, ф. 3, оп. 24, д. 243, л. 111—130).
10. Цетлин Е. В. (1898—1938) — в 1920-е годы секретарь Бухарина, один из участников «бухаринской школы», в 1928—1929 гг. член редколлегии «Правды», в начале 30-х гг. зам. начальника сектора техпропаганды Наркомтяжпрома СССР.
11. Афанасьев Е. А. (1899—?) — в 1929—1930 гг. работал в Наркомтруде, в 1933—1935 гг. слушатель Военной академии связи. В протоколе допроса он 23 декабря 1936 г. показал, что в 1933 г. якобы по заданию Угланова приступил к созданию боевой группы для совершения террористического акта над Кагановичем.
12. Далее текст начат с новой страницы с зачеркнутым (карандашом) заголовком: «Показания Куликова от 7 декабря 1936 г. (Начало показаний не стенографировалось)».
13. Слово «Бухарин» вписано от руки. — *Ред.*
14. Рютин М. Н. (1890—1937) — первый секретарь Краснопресненского райкома ВКП(б) г. Москвы, исключен из партии в 1930 г. «за пропаганду правооппортунистических взглядов». В марте 1932 г. подготовил проекты двух документов: платформы под названием «Сталин и кризис пролетарской диктатуры» и обращения «Ко всем членам ВКП(б)». Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) постановил исключать из партии коммунистов, знавших о существовании «белогвардейской, контрреволюционной группы Рютина — Слепкова, в особенности читавших ее контрреволюционные документы и не сообщавших об этом в ЦКК и ЦК ВКП(б)». См. ШИШКИН И. Б. Дело Рютина. — Вопросы истории, 1989, № 7.
15. Полонский В. И. (1893—1937) — участник Октябрьской революции 1917 г. и гражданской войны. С 1920 г. на партийной и профсоюзной работе. Кандидат в члены ЦК ВКП(б) с 1927 года. Репрессирован.
16. Запольский — в 1920-е годы зам. зав. орготделом МК ВКП(б). Арестован в 1936 году.
17. Далее вычеркнуто «как вы заявляете?» — *Ред.*
18. Вычеркнуто начало фразы: «До 1935 года...» — *Ред.*

19. Далее зачеркнуто: «практически» — *Ред.*
20. Далее вычеркнута фраза. — *Ред.*
21. Ягода Г. Г. (1891—1938) — с июля 1934 г. до сентября 1936 г. председатель ОГПУ, нарком внутренних дел СССР.
22. Бубнов А. С. (1884—1938) — в 1924—1929 гг. начальник Политуправления РККА, член РВС СССР и ответственный редактор газеты «Красная звезда». В 1929—1937 гг. — нарком просвещения РСФСР. Избирался членом ВЦИК и ЦИК СССР. В 1938 г. расстрелян.
23. В 1928 г. в дни работы июльского пленума ЦК Бухарин пришел к выводу о возможности соглашения с полуразгромленной оппозицией Л. Б. Каменева — Г. Е. Зиновьева. С этой целью 11 июля он пришел к Каменеву на квартиру. Краткая запись беседы, которую сделал Каменев, впоследствии попала к троцкистам и была ими опубликована в феврале 1929 г. в виде листовки под названием: «Партию ведут с завязанными глазами к новой катастрофе».
24. Речь идет о докладе Бухарина «Политическое завещание Ленина», сделанном 21 января 1929 года.
25. Имеются в виду записи, продиктованные Лениным в конце декабря 1922 г. и в начале января 1923 г., названные впоследствии «Письмо к съезду». Наряду с другими вопросами партийного и государственного значения Ленин дал личные характеристики видным деятелям партии, в том числе Сталину.
26. Пятаков Г. Л. (1890—1937) — член партии с 1910 года. Участник Февральской и Октябрьской революций, гражданской войны. В 1920—1926 гг. на хозяйственной работе. В 1927 г. торгпред во Франции. В 1928 г. зам. председателя, в 1929 г. председатель правления Госбанка СССР. С 1930 г. член Президиума ВСНХ. С 1932 г. зам., в 1934—1936 гг. первый зам. наркома тяжелой промышленности СССР. Член ЦК в 1923—1927 гг., 1930—1936 годах. Репрессирован по фальсифицированному делу «Параллельного антисоветского троцкистского центра».
27. Антипов Н. К. (1894—1938) — в 1928—1931 гг. нарком почт и телеграфов СССР, в 1931—1934 гг. — заместитель наркома рабоче-крестьянской инспекции и член Президиума ЦКК ВКП(б). С 1934 г. — зам. председателя, с 1935 г. — председатель Комиссии советского контроля при СНК СССР и зам. председателя СНК и СТО СССР. Избирался членом ВЦИК и ЦИК СССР. В июне 1937 г. на пленуме ЦК был исключен из состава ЦК и из партии; репрессирован.
28. См. документ № 4. — *Ред.*
29. 20 ноября 1930 г. «Правда» опубликовала заявление Бухарина, в котором высказывалась поддержка решений XVI съезда партии, осуждалась «всякая фракционная работа» и признавались ошибочными теоретические положения «организованного капитализма».
30. См. Вопросы истории, 1995, № 1, с. 15, 22 (примеч. 13). — *Ред.*
31. Дата вписана от руки. — *Ред.*
32. В начале 30-х годов была проведена реформа внутренней торговли. В 1932 г. частная торговля была запрещена законодательством. Крупная оптовая торговля перешла к государственным организациям, розничная — к потребительской кооперации, заменившей частных торговых посредников. 6 мая 1932 г. было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О плане хлебозаготовок из урожая 1932 г. и развертывании колхозной торговли хлебом».
33. Слепков А. Н. (1899—1937), с 1921 г. слушатель исторического отделения Института красной профессуры, в 1924—1928 гг. член редколлегии журнала «Большевик», в 1928 г. член редколлегии «Правды». Работал ответственным инструктором ЦК ВКП(б) и в секретариате Исполкома Коминтерна. Следователи ОГПУ якобы установили, что в Москве с 1928 г. под руководством Слепкова существовала организация «правых», куда входили представители так называемой «бухаринской школы».
34. Конференции группы «правых», как таковой, не было. Выдаваемые за конференцию встречи и разговоры привлеченных потом к ответственности лиц сводились к обсуждению политических проблем того времени и попыткам осмыслить и определить пути преодоления кризисных явлений в стране в начале 30-х годов. Слово «конференция» впервые прозвучало в признаниях В. Н. Астрова (Известия ЦК КПСС, 1990, № 2, с. 3—48).
35. Первоначальная редакция (до правки): «И чтобы не открывать драку, ты считаешь нужным скрыть...» — *Ред.*
36. Далее вычеркнуто: «оппозиционеров». — *Ред.*
37. Слова «стимулах» вписаны от руки. — *Ред.*
38. Слово вписано от руки. — *Ред.*
39. Заголовок документа. До правки: «Показания Сосновского от 7.XII.1936 г.» — *Ред.*
40. Сосновский Л. С. (1886—1937), журналист-литератор. В 1927 г. исключен из партии за

- принадлежность к троцкистской оппозиции, в 1928—1934 гг. находился в заключении, в 1935 г. по ходатайству Бухарина принят вновь в партию. В 1936 г. вновь арестован. 23 ноября 1936 г. Ежов направил Сталину протокол допроса Сосновского 14—16 ноября 1936 г., где говорилось об установлении блока троцкистского центра в правых, причем указывались фамилии Бухарина и Томского, отмечалось, что основой блока «стал индивидуальный террор против руководителей партии». Сосновский в своих показаниях подчеркнул, что Бухарин знал о платформе Рютин и обсуждал с ним ее содержание (АПРФ, ф. 3, оп. 24, д. 258, л. 25—62). 21 декабря 1936 г. Сосновский подал письменное заявление Ежову с подтверждением своих показаний на очной ставке с Бухариным. В заявлении говорится: «Именно от Бухарина я услышал подробное изложение Рютинской платформы... Бухарин охарактеризовал эту платформу как преемственно связанную с внешней платформой контрреволюционного блока, он подробно изложил ее суть и подчеркнул, что хотя слово «террор» в ней не упомянуто, но идея насильственного устранения Сталина развита совершенно отчетливо, резко» (АПРФ, ф. 3, оп. 24, д. 262, л. 130.)
41. Радек (Собельсон) К. Б. (1885—1939) — деятель международного социал-демократического движения с конца XIX в. (Польша, Германия), партийный публицист. После Октябрьской революции в советской России. В 1919—1924 гг. член ЦК РКП(б). В 1920—1924 гг. член (в 1920 г. секретарь) Исполкома Коминтерна. С 1923 г. участник троцкистской оппозиции. В 1927 г. исключен из партии, в 1929 г. восстановлен; в последние годы работал зав. иностранным отделом газеты «Известия». В 1936 г. исключен из ВКП(б), арестован и осужден по делу «Параллельного антисоветского троцкистского центра». Погиб в тюрьме.
 42. Далее вписано от руки. — *Ред.*
 43. Карл Радек. — *Ред.*
 44. Далее строчка дописана от руки. — *Ред.*
 45. Далее строчка дописана от руки. — *Ред.*
 46. Далее строчка дописана от руки. — *Ред.*
 47. Далее строчка дописана от руки. — *Ред.*
 48. Слова «с блоком» вписаны от руки. — *Ред.*
 49. В декабре 1928 г. общее собрание АН СССР избрало Бухарина действительным членом Академии по социальным наукам, с 1932 г. он возглавлял Институт истории естественных наук и техники АН СССР, в 1935 г. стал членом Президиума АН СССР. В письме Сталину от 2 декабря 1936 г. Бухарин сообщал об арестах сотрудников Института и с возмущением опровергал свою причастность «к подпольной идеологии и деятельности фашистских негодяев» (АПРФ, ф. 3, оп. 24, д. 259, л. 8—16. Автограф).
 50. В первоначальной редакции: «но это всё были только разговоры». — *Ред.*
 51. Далее дописано от руки. — *Ред.*
 52. Первоначально было зачеркнутое: «прямым». — *Ред.*
 53. Таль Б. М. — в 1935—1937 гг. зав. отделом печати и издательств ЦК ВКП(б), в 1936—1937 гг. первый заместитель ответственного редактора газеты «Известия». Репрессирован.
 54. Слова «с троцкистами» вписаны от руки вместо слов «на той же платформе». — *Ред.*
 55. См. Вопросы истории, 1995, № 1, с. 10.
 56. Слова «обращаясь к Бухарину» вписаны от руки. — *Ред.*
 57. Дискуссия о профсоюзах проходила с ноября 1920 года. В ходе дискуссии подавляющее большинство партийных организаций поддержало ленинскую платформу. Бухарин поддерживал Троцкого.
 58. Первоначально — «настоящих». — *Ред.*
 59. Лям Л. М. — ответственный секретарь газеты «Известия».
 60. Шкирятов М. Ф. (1883—1954) — в 1923 г. член Президиума и секретарь ЦКК партии. В 1927—1934 гг. — член коллегии Наркомата рабоче-крестьянской инспекции СССР. В 1934—1939 гг. секретарь партколлегии КПК при ЦК ВКП(б).
 61. Слова: «что продают нас в КПК» вписаны от руки. — *Ред.*
 62. Далее вычеркнута фраза: «Конечно, доверять мне нельзя». — *Ред.*
 63. После вычеркнутой фразы: «...но я двуручничал» вписано «я до последних лет боролся с партией и, подав заявление». — *Ред.*
 64. Первоначальная редакция фразы: «Я был в такой строгой изоляции, что не знал об этом совершенно. Никаких связей ни с кем не поддерживал». — *Ред.*
 65. Слова «от Радека» вписаны от руки. — *Ред.*
 66. Мехлис Л. З. (1889—1953) — в 1930—1937 гг. зав. отделом ЦК ВКП(б), член редколлегии и редактор газеты «Правда».
 67. Далее вычеркнуто: «не раз исключавшийся из партии». — *Ред.*

Испанский вопрос в ООН в 1946 году

А. А. Сагомонян

После окончания второй мировой войны так называемый испанский вопрос был одним из самых сложных, не имел прямых аналогов в Европе. Испания, с одной стороны, была долгие годы дружественным по отношению к Германии и Италии государством, оказывала им помощь в период военных действий, а сам режим, установленный генералом Франко в 1939 г., после гражданской войны считался фашистским. Но с другой стороны, страна формально сохраняла нейтралитет и ближе к концу войны все больше стремилась отмежеваться от держав «оси».

На гребне антифашистской, демократической волны в 1944—1945 гг. предполагался и такой вариант, как оккупация Испании войсками союзников, свержение франкистского режима и передача власти демократическому правительству. Именно на это уповали многие деятели испанской политической эмиграции. Тем не менее, формальных поводов для этого не было. Правительства США и Англии не проявляли заинтересованности в таком развитии событий. Со своей стороны Советский Союз, который традиционно поддерживал тесные связи с испанской компартией, был настроен гораздо более решительно. Испанскому вопросу суждено было стать одной из первых вех в той череде взаимонеприемлемых подходов, которая вскоре вылилась в глобальное противостояние между Востоком и Западом.

Сразу же после создания Организации Объединенных Наций ситуация в Испании стала одной из тем ее повестки дня. На учредительной конференции в Сан-Франциско (апрель — июнь 1945 г.) представитель Мексики (поддерживавшей испанскую республику) Л. Кинтанилья предложил резолюцию, гласящую, что государства, режимы которых были созданы при поддержке держав, воевавших против Объединенных Наций, не могут быть приняты в ООН¹. Единственным таким государством к тому времени оставалась Испания. Мексиканский делегат мотивировал свое предложение тем, что нельзя допустить укрепления режима Франко, свергнувшего с помощью Италии и Германии демократическую республику и сотрудничавшего со странами «оси» в годы войны, тогда как демократические силы Испании сражались на стороне союзников.

Американский делегат К. Хейс подчеркнул, что в его стране с весны 1945 г. сложился новый антифранкистский климат, и выразил «полное

Сагомонян Александр Артурович — кандидат исторических наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории международных отношений Московского государственного лингвистического университета.

согласие» с предложенной декларацией. От имени Франции резолюцию поддержал Жан Поль Бонкур, отметивший стратегическое значение Испании². В поддержку резолюции выступили также делегаты Украины и Белоруссии. К. В. Киселев, представлявший БССР, в частности, заявил: «...фашистская Испания находилась в состоянии войны с белорусским народом. От рук фашистских убийц пало много тысяч белорусских воинов. Особой жестокостью и бессердечием отличались солдаты Франко в расправах над белорусскими партизанами и мирным населением страны... Вот почему для белорусского народа было бы оскорбительно работать вместе с Испанией в рамках одной организации»³. Резолюция не встретила возражений и была принята без голосования (19 июня).

На первом заседании Потсдамской (Берлинской) конференции глав правительств СССР, США и Великобритании, 17 июля 1945 г., И. В. Сталин предложил «рассмотреть также вопрос о режиме в Испании». В советском проекте соответствующей резолюции предлагалось исходить из того, что режим Франко возник не в результате внутреннего развития страны, а в результате интервенции держав «оси»; он является «серьезнейшей опасностью для свободолюбивых наций в Европе и Южной Америке»; перед лицом жестокого террора испанский народ неоднократно выражал желание восстановить демократию. Поэтому конференции следовало рекомендовать Объединенным Нациям порвать с правительством Франко всякие отношения и «оказать поддержку демократическим силам Испании и дать возможность испанскому народу создать такой режим, который соответствует его воле». Советское предложение было, однако, отвергнуто, в основном благодаря непримиримой позиции У. Черчилля. И все же осуждение режима Франко было зафиксировано в итоговом документе конференции. В резолюцию «О заключении мирных договоров и о допущении в Организацию Объединенных Наций» вошел следующий пункт: «...три правительства... не будут поддерживать просьбу о принятии в члены [ООН], заявленную теперешним испанским правительством, которое, будучи создано при поддержке держав «оси», не обладает, ввиду своего происхождения, своего характера, своей деятельности и своей тесной связи с государствами-агрессорами, качествами, необходимыми для такого членства»⁴. Фактически это было подтверждение Сан-францисской резолюции; о каких-либо акциях против Франко речь не шла, хотя осуждение его режима вселило новые надежды в оппозицию.

1946 год был отмечен пристальным вниманием в мире к испанскому вопросу и широким его обсуждением на различных уровнях. О ситуации во франкистской Испании писали газеты многих стран Европы и Америки, ее анализировали в своих записках, нотах, меморандумах политики и дипломаты. Общественные деятели, профсоюзные лидеры, депутаты выражали солидарность с испанскими демократическими силами, в крупнейших городах проходили антифранкистские митинги. Проблема будущего Испании приобрела широкое международное звучание в тот противоречивый переходный период, когда другие проблемы послевоенного мироустройства еще не вызрели окончательно и не обострились до критического уровня.

Упорная борьба вокруг Испании развернулась в стенах только что созданной ООН, где представители различных политических «лагерей» демонстрировали весь арсенал полемических приемов — от полных пафоса призывов к «миролюбивому человечеству» до скрупулезных юридических выкладок. Эти споры, по сути, отражали противоположность целей и подходов в испанском вопросе, а затем, все больше, и нарастание конфронтационности в отношениях между Советским Союзом и западными державами.

В начале и в конце 1946 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла две резолюции по испанскому вопросу, а в апреле — июне он рассматривался Советом Безопасности. Включение вопроса в повестку дня этого органа — чрезвычайный по значимости факт, оно стало итогом сложных дипломатических баталий, начавшихся в конце 1945 года.

12 декабря 1945 г. французский министр иностранных дел Ж. Бидо вручил американскому и британскому послам идентичные ноты, в которых

предлагалось предпринять совместную акцию трех стран против Франко, а именно — разорвать дипломатические отношения с Испанией. В ноте подчеркивалось, что Францию непосредственно затрагивает ситуация в соседней стране, однако сепаратные действия французского правительства не возымели бы должного эффекта. Ставился также вопрос, какую позицию следует занять трем державам в отношении испанского республиканского правительства в изгнании во главе с Х. Хиралем⁵. (При этом Бидо и генерал Ш. де Голль не поддерживали такой поворот в политике, но были вынуждены пойти на него под давлением левых партий и профсоюзов).

К Советскому Союзу французы не обращались, потому что он не имел с Испанией ни дипломатических, ни торговых отношений и, соответственно, не мог участвовать в каких-либо санкциях. Тем не менее, это был первый случай после окончания войны, когда советская сторона не приглашалась к обсуждению «союзниками» международной проблемы, причем предложение исходило от правительства, наиболее резко осуждавшего режим Франко и имевшего в своем составе коммунистов.

В США многие представители госдепартамента склонялись тогда к разрыву дипломатических отношений с Франко, в то время как Форин Офис не собирался отступать от своей политики невмешательства. Теперь у него появились, казалось, новые аргументы. В декабре 1945 г. британский посол в Мадриде В. Мэллет передал в Лондон информацию о том, что Франко, якобы, готовится уйти в отставку и уступить свое место законному наследнику королевского престола Дону Хуану де Бурбону, если только давление из-за рубежа не вызовет националистическую реакцию в общественном мнении и политических верхах. Вообще же, утверждал Мэллет, применение англосаксонских политических стереотипов к Испании абсолютно недопустимо, ее население отвергает демократию, помня ужасы гражданской войны. Что же касается отсутствия свободы прессы, то она не является порождением франкизма: та же ситуация была и при монархии, и при республике⁶.

В госдепартаменте к французской ноте отнеслись, казалось, с большим пониманием. Так, помощник госсекретаря Дж. Данн, встречаясь 19 декабря в Вашингтоне с испанским послом Х. Ф. де Карденасом, заявил, что отношения с Испанией Соединенным Штатам «возможно, придется разорвать». О колебаниях в американском внешнеполитическом ведомстве свидетельствует такой факт. 20 декабря Данн принял по его просьбе Ф. де лос Риоса, «министра иностранных дел» в правительстве Х. Хирала (он просил у Вашингтона признать это правительство, иначе последнему придется пойти на сотрудничество с коммунистами, чтобы получить признание Советского Союза). Данн заявил, что отношения между США и Испанией постоянно ухудшаются, разрыв дипломатических отношений между двумя странами будет неизбежным логическим результатом этого процесса, причем французское предложение может его ускорить. Однако 22 декабря в официальном американском ответе на французскую ноту было заявлено: США не собираются прибегать к разрыву отношений с Испанией, т. к. эта мера не может дать какого-либо позитивного результата⁷.

Правительство Великобритании свой ответ французам отправило 24 декабря. В нем подчеркивалось, что предпринимать любую акцию против Франко, действительно, следует только совместно, но необходимо тщательно взвесить все ее последствия. Авторы документа утверждали, что в Испании идет процесс консолидации оппозиции и чуть ли не готовится реальная замена Франко (!), в связи с этим не следует делать поспешных шагов⁸. Трудно судить, насколько искренне верили в Лондоне в скорый уход Франко, во всяком случае, там были убеждены: в случае установления в Испании республиканского режима доминирующее положение быстро захватят левые силы, и тогда неизбежно начнется новая гражданская война.

Советский Союз заявил в связи с французской нотой, что «серьезное обсуждение... [испанского] вопроса немыслимо без участия всех великих держав, которые несут основную ответственность за поддержание мира и всеобщей безопасности. Всякое иное обсуждение испанской проблемы

может вызвать лишь необоснованные надежды во франкистском стане. ...Пора, давно пора перейти в испанском вопросе к конкретным делам. Ликвидация последних островков фашизма — насущнейшая задача, которую необходимо разрешить при создании послевоенной системы мира и безопасности»⁹.

Во Франции общественное мнение все настойчивее требовало принятия антифранкистских мер. Открывшаяся 15 января 1946 г. в Париже Конституционная Ассамблея приняла декларацию, выражающую поддержку своему правительству за предложение Соединенным Штатам и Великобритании порвать с Франко и предлагающую гарантировать право на убежище испанским беженцам и антифранкистским лидерам. В результате главе французского внешнеполитического ведомства пришлось убеждать своего английского коллегу предпринять хоть что-нибудь в отношении Испании, чтобы выйти из кризисной ситуации. Э. Бевин, однако, лишь приводил свои уже известные аргументы. Он признал, что, выбирая между Франко и республикой, Соединенное королевство предпочтет первое¹⁰.

Таким образом, каждая из трех стран — США, Англия, Франция — обозначила свою, особую позицию по испанскому вопросу и единство их действий на международной арене было поставлено под вопрос. Госдепартамент видел наилучший выход из положения в публикации совместной декларации США, Великобритании и Франции, призывавшей испанский народ сместить Франко и создать переходное правительство. В Форин Офис не считали такой вариант целесообразным. Отсутствие среди подписавших еще одной стороны — Советского Союза — выглядело бы слишком демонстративным. Хотя, в то же время, о том, чтобы пригласить к участию СССР, речи быть не могло: его появление в числе инициаторов какой-либо антифранкистской акции, по мнению английских дипломатов, только вселило бы страх в «умеренных» испанцев, прежде всего желавших мира и спокойствия (с которыми советское участие никак не ассоциировалось).

Со своей стороны советское руководство предпочитало не выдвигать никаких публичных инициатив в отношении Испании, ожидая, когда с ними выступит кто-либо из его союзников и все более усиленно поддерживая международную антифранкистскую кампанию.

3 февраля 1946 г. Дж. Кеннан, поверенный в делах США в Москве (вскоре ставший известным как идеолог американской политики «сдерживания»), направил госсекретарю Дж. Бирнсу послание, в котором проанализировал основы испанской политики Советского Союза. По его мнению, эта политика есть следствие гражданской войны и второй мировой войны. Свержение франкистами республиканского правительства Испании, посылка на русский фронт Голубой дивизии (причастной к разрушению и разграблению Большого Екатерининского дворца в Царском Селе, «возможно, самого прекрасного из русских исторических памятников»), определили враждебное отношение Москвы к режиму Франко и желание его устранить. Последнее представляется ей необходимым также в силу политических и стратегических интересов. Советский Союз стремится к созданию в Испании прокоммунистического правительства для поддержки с этого ключевого плацдарма компартий в Италии и Франции, проникновения в Латинскую Америку и Марокко. Стратегически же Испания обеспечивает контроль над западным Средиземноморьем. Для достижения своих целей Кремль не может делать ставку ни на свою военную мощь (так как здесь требовалось бы применение авиации и военно-морских сил, которых у СССР явно недостаточно), ни на слабую антифранкистскую оппозицию внутри Испании, ни тем более на непопулярную испанскую компартию. Поэтому тактика его, по мнению Кеннана, заключается в мобилизации мирового общественного мнения и воздействии через него на западные правительства. Особенно ощутимо советское влияние в таких массовых организациях, как Всемирная федерация профсоюзов и Международная женская федерация. Установление в Испании умеренного переходного правительства, ориентированного на Запад, противоречило бы советским интересам. Добиваясь принятия против Франко жестких санкций,

Москва рассчитывает, что в условиях дестабилизации и беспорядков в стране организованность и дисциплина компартии позволят ей взять ситуацию под свой контроль. Интересы России в Испании неизбежно столкнутся с интересами Великобритании и США ¹¹.

Этот документ представляет особый интерес, если вспомнить, что знаменитая «длинная телеграмма» Кеннана, в которой давалась оценка советским геополитическим притязаниям в целом и выдвигалась концепция «сдерживания», была отправлена из Москвы уже 22 февраля. В ней Кеннан также предупреждал: «Если Испания попадет под коммунистический контроль, вопрос о советской базе на Гибралтаре может быть решен» ¹². Обозначив же в своем «предварительном» послании в госдепартамент максимально возможные рубежи советской заинтересованности в испанских делах, американский аналитик как бы готовил почву для вывода относительно полной бесперспективности диалога с Москвой.

В этот же период проводили заседание 1-й сессии генеральной Ассамблеи ООН, где ситуация в Испании рассматривалась как одна из актуальных международных тем. Очевидно, что именно ее имел в виду делегат СССР А. А. Громыко, выступая на одном из первых заседаний: «...Было бы ошибочным считать, что военная победа над фашизмом снимает с повестки дня дальнейшую упорную борьбу за искоренение и полную ликвидацию еще оставшихся очагов фашизма. Эта борьба за выкорчевывание остатков фашизма не может быть отделена от работы нашей организации» ¹³.

Инициатором рассмотрения вопроса об отношении к Испании стала Панама, которая 8 февраля представила проект резолюции. В ней напомним о заявлениях по испанскому вопросу, сделанных в Сан-Франциско и Потсдаме, и рекомендовалось всем членам ООН строить свои будущие отношения с Испанией, «в соответствии с буквой и духом этих заявлений» ¹⁴. Резолюция была принята с весьма показательным соотношением голосов: 46 — «за», 2 — воздержались (Сальвадор и Никарагуа), при трех отсутствовавших делегациях.

Между тем события приняли новый оборот. 20 февраля 1946 г. в Испании были расстреляны один из лидеров антифранкистского партизанского движения коммунист К. Гарсиа и девять его товарищей. Вскоре к длительным срокам тюремного заключения были приговорены 37 социалистов. Казни и репрессии были обычной практикой франкистского режима, однако в обстановке, когда к нему были прикованы взоры мирового сообщества, это было воспринято как откровенный вызов, если не как провокация.

Во многих странах поднялась новая волна возмущения действиями испанского режима. Давление на западные правительства усилилось, прежде всего со стороны профсоюзов. Во Франции развернувшаяся общественная кампания была особенно сильна, так как Гарсиа был бойцом французского Сопротивления, имел звание подполковника французской армии и был награжден орденом Почетного Легиона. Правительство Французской Республики просило Франко его помиловать, но эта просьба была проигнорирована.

Для советской прессы казнь партизан стала поводом для новых обличений испанской диктатуры и тех кругов в «некоторых странах», которые стремятся «сохранить последний фашистский очаг в Европе». В последующие несколько недель газета «Правда» почти *ежедневно* публиковала сообщения о различных акциях протеста во всем мире против «фашистского террора» и «кровавого режима» в Испании, а также соответствующие статьи, очерки и фельетоны. Так, в статье «Франко и Дон Хуан» содержалось весьма многозначительное политическое, хотя и далекое от реальности утверждение: «Голод, нужда, жесточайшая эксплуатация и фашистский террор заставляют самые широкие слои испанского населения вступать в борьбу против франкистского режима. Борьба растет, несмотря на то, что власти прибегают наряду со зверским террором к безудержной демагогии. ...Особого внимания заслуживает рост партизанского движения в Испании. По всей стране действуют партизанские отряды, хорошо организованные, вооруженные и дисциплинированные...» ¹⁵.

Крайне жесткую позицию заняла Франция. 26 февраля французский кабинет принял решение, во-первых, привлечь внимание США и Соединенного Королевства к «губительному влиянию существующей в Испании ситуации на международную безопасность», а во-вторых, закрыть с 1 марта франко-испанскую границу. 27 февраля совет министров Франции принял решение обратиться к правительствам США, Великобритании и СССР с предложением о внесении испанского вопроса в повестку дня Совета Безопасности ООН и направил им соответствующие ноты¹⁶. В них утверждалось, что по сравнению с декабрем ситуация в Испании ухудшилась, на границе двух стран происходит концентрация испанских войск и что политика Франко представляет собой вызов принципам международного мира и безопасности.

Для англичан такой поворот событий был крайне нежелателен, поскольку это сразу же вовлекло бы в обсуждение испанской проблемы Советский Союз. В Лондоне пришли к выводу: французская инициатива во многом инспирирована «советскими агентами», которые делают ставку на то, что возможные инциденты на франко-испанской границе спровоцируют военный конфликт и заставят вмешаться великие державы. Британские политики утверждали, что ситуация в Испании является внутренним делом суверенного государства, и не хотели создания прецедента ее обсуждения в Совете Безопасности: она не содержала ни такого момента, как спорная проблема между двумя странами, ни явной угрозы миру и безопасности — чего требовал Устав ООН. Американское правительство также выразило Франции свое несогласие, утверждая, что принятие французского предложения было бы мерой незаконной, способствующей возобновлению гражданской войны¹⁷.

После появления такой перспективы, как передача испанского вопроса в Совет Безопасности, американский проект — выпустить совместную декларацию трех стран — приобрел значение альтернативного и, соответственно, получил новый импульс. 4 марта декларация была опубликована¹⁸. Она содержала следующие положения: 1). До тех пор, пока в Испании сохраняется режим генерала Франко, испанский народ не может рассчитывать на полномасштабные и сердечные отношения с нациями, разгромившими германский нацизм и итальянский фашизм. 2). Испанский народ должен своими силами решить свою судьбу без какого бы то ни было вмешательства извне, но и без новой гражданской войны. 3). Выражалась надежда, что патриотические и либерально настроенные силы сумеют мирным путем добиться устранения Франко, запрета фаланги, создания временного правительства, которое проведет выборы. 4). Правительство, которое восстановит свободы, получит признание и помощь, включая помощь в восстановлении экономики. 5). Вопрос о продолжении или разрыве дипломатических отношений с нынешним испанским правительством будет решаться в зависимости от будущих перемен.

Этот документ отличался от предыдущих резолюций по Испании тем, что апеллировал непосредственно к испанскому народу, призывая его свергнуть Франко, и гарантировал признание и помощь будущему правительству со стороны западных держав. Однако о каком-либо содействии в деле свержения диктатуры не говорилось. Не было в декларации также и речи о санкциях против режима Франко, не объявлялось о разрыве с ним дипломатических отношений. Все надежды связывались с добровольным уходом каудильо, ведь только это и могло обеспечить мирный характер перемен. Пункт о «временном правительстве» означал игнорирование уже существующих в изгнании республиканских институтов.

9 марта в «Правде» появилась большая статья (без подписи) «К ликвидации фашистского режима в Испании», в которой давалась не только исчерпывающая оценка Кремлем заявления трех стран, но излагалось видение советским руководством испанской проблемы в целом. В Архиве внешней политики РФ содержится документальное свидетельство того, что автором этой статьи был В. М. Молотов. Его записка, адресованная Сталину, гласит: «Прилагаемую статью об Испании я направил в «Правду» для

напечатания... Нет ли возражений или поправок?». И краткая резолюция последнего: «Можно. Ст.»¹⁹.

Полемика с позицией западных стран начиналась уже с первых фраз, а именно с утверждения, что в Испании «фашистский режим фактически поддерживает состояние гражданской войны». Впоследствии этот тезис не получил развития в советской пропаганде, зато второй принципиально важный момент в ближайшие месяцы повторялся буквально во всех выступлениях советских политиков и дипломатов по испанскому вопросу: режим Франко «представляет собой угрозу для всеобщего мира и безопасности». В отношении декларации от 4 марта указывалось, что она «является некоторым шагом вперед с точки зрения критики и осуждения» франкизма, но вместе с тем — «совершенно недостаточна, так как оставляет открытым вопрос о ликвидации фашистского режима в Испании». По мнению автора, «речь должна идти о действительных мероприятиях, направленных к свержению Франко», а не о новых призывах и уговорах. Он резко высказывался о принципе «невмешательства» в дела Испании, который «как в прошлом, так и в настоящее время больше всего устраивает самого Франко. ... Он стал общим лозунгом Франко и его зарубежных покровителей».

8 марта 1946 г. поверенный в делах США в Испании Ф. Бонсал направил госсекретарю США следующее сообщение. «В Париже некоторое время находилась советская военная миссия во главе с полковником Лапшиным. В СССР опасаются, что США и Великобритания добиваются, чтобы внешняя и экономическая политика Испании ориентировалась на них. Советский Союз стремится расстроить планы западных демократий и с этой целью задействовал мощные средства для проникновения в Испанию. Среди этих средств — использование дисциплинированной Французской компартии и испанских эмигрантов во Франции. Влияние Москвы на французских коммунистов и испанских беженцев стало совершенно очевидно в последнее время ... Члены советской военной миссии в Париже имеют постоянные контакты с испанскими эмигрантами... пытаются организовать отправку нелегальных грузов с оружием и амуницией в Испанию... Пассионария, лидер испанских коммунистов, которая несколько лет жила в России, постоянно посещает советское посольство и передает другим испанским группам полученные приказы...»²⁰.

Таким образом, и широкая международная антифранкистская кампания, и решительные заявления советских политиков, и активизация помощи испанским партизанам — все это выстраивалось в звенья одной цепи. В Москве к этому времени, по-видимому, сложился определенный план, для полной реализации которого требовался, однако, целый комплекс благоприятных условий. Но даже при невозможности успешного воздействия на ситуацию в самой Испании, эта страна представляла интерес как козырь в политическом противоборстве с Западом в условиях установившегося «холодного мира».

В Архиве внешней политики РФ находится письмо Громыко Молотову, которое он направил из Вашингтона 11 марта. Советский посол предлагал возможный вариант резолюции Совета Безопасности по Испании. «В настоящее время еще не вполне ясно, — писал он, — поставит ли французское правительство данный вопрос на одно из ближайших заседаний Совета Безопасности ввиду опубликования известного англо-франко-американского заявления... Надо полагать, однако, что данный вопрос французы поставят в Совете, так как они уже в достаточной степени заангажировались на этот счет и отступить от занятой ранее позиции им будет не так легко». Ожидая, что для англичан советский проект окажется неприемлемым и они смогут его отклонить, Громыко выражал убеждение, что такой проект все же следует внести на рассмотрение Совета Безопасности «для того, чтобы зафиксировать нашу позицию по данному вопросу. Политически для нас это будет, безусловно, выгодно. Пусть англичане и др. тянут назад и компрометируют себя в глазах общественного мнения». Нельзя не отметить, что своих главных оппонентов советский дипломат видит именно в англичанах, а не в американцах. «Наша тактика должна сводиться к тому, чтобы Совет

Безопасности принял хотя бы и недостаточно политически твердую резолюцию», т. к. вообще не принять решения и ограничиться просто обменом мнениями «было бы нам политически невыгодно». Проект Громько предусматривал в качестве меры, направленной на устранение Франко, призвать все страны, как являющиеся членами ООН, так и не входящие в ООН, разорвать дипломатические отношения с Испанией. Обоснованием могут служить такие пункты: режим в Испании, пришедший к власти при поддержке германского и итальянского фашизма, несовместим с принципами Устава ООН; Франко предоставил убежище германским военным преступникам; испанский режим представляет угрозу мирному существованию народов²¹. Таким образом, уже в начале марта советская дипломатия выразила готовность добиваться через ООН дипломатических санкций против Франко, а в случае неудачи использовать обсуждение своего проекта для компрометации сторонников политики невмешательства. Забегая вперед, можно констатировать, что когда дело дошло до обсуждения испанского вопроса в Совете Безопасности, Громько пришлось там отстаивать гораздо более радикальную позицию.

12 марта Франция сообщила Великобритании, США и Советскому Союзу, что собирается поставить испанский вопрос перед Советом Безопасности, так как существование режима в Испании «представляет угрозу для всеобщего мира»; предлагалось применить к нему меры в соответствии со статьей 39 Устава ООН, которая определяла, что Совет Безопасности устанавливает наличие такой угрозы или акта агрессии и рекомендует меры для поддержания или восстановления мира. В доверительной беседе с английским послом Бидо, однако, заявил, что «постарается сделать все возможное, чтобы избежать постановки вопроса перед Советом Безопасности». По словам министра, его положение было просто отчаянным: уже несколько дней с ним добивается встречи советский посол А. Е. Богомолов, которого все же придется принять и который, несомненно, будет оказывать на него давление в отношении Совета Безопасности²².

Пока западные союзники продолжали консультации, на авансцену выступило правительство Польши, которое направило на имя Генерального секретаря ООН два письма, 8 и 9 апреля, настаивая на включении испанского вопроса в повестку дня Совета Безопасности. Основанием служило то, что режим Франко представляет угрозу международному миру (гл. VII) Устава ООН). Для «подстраховки» делалась также ссылка на другую статью Устава, гласящую: организация должна принимать меры и вмешиваться, когда возникают международные разногласия или трения (гл. VI). В качестве меры воздействия предлагался разрыв дипломатических отношений с Испанией государств — членов ООН. (Одновременно Польша заявила о признании испанского эмигрантского правительства Хирала, в которое тогда вошел представитель компартии).

Как раз в начале 1946 г. польский представитель на два года вошел в Совет Безопасности ООН в качестве одного из шести непостоянных (избираемых) членов. Этим представителем стал О. Ланге, около 12 лет проживший на Западе, в частности в США. Он был одним из нескольких видных эмигрантов-некоммунистов, которые согласились сотрудничать с СССР в деле формирования нового коалиционно польского правительства. Ланге приезжал в Советский Союз весной и осенью 1944 г., встречался со Сталиным и Молотовым, участвовал в обсуждении польской проблемы во время визита в Москву Черчилля и С. Миколайчика, премьера польского правительства в эмиграции²³.

Присутствие в Совете Безопасности такого союзника серьезно подкрепило позиции советской делегации, особенно если учесть, что тогда же в СБ вошла Мексика, не говоря уже о Франции — постоянном члене Совета. США и Великобритания могли оказаться в невыгодной ситуации, так как, отвергая неприемлемые для себя меры в отношении правительства Франко, вынуждены были бы выступать в качестве его защитников. Английской дипломатии, самой решительной противнице обсуждения испанского вопроса в Совете Безопасности, пришлось голосовать за внесение вопроса

в повестку дня, чтобы не остаться в одиночестве: «за» выступил американский делегат Э. Стеттиниус, в соответствии с инструкцией, полученной от госсекретаря Дж. Бирнса. Тот выражал удовлетворение тем, что проблема будет рассмотрена Советом Безопасности, хотя признавал, что Кремль может воспользоваться обсуждением, дабы отвлечь внимание мировой общественности от других проблем, наносящих ущерб его международному престижу (имелся в виду прежде всего параллельно обсуждавшийся в СБ болезненный для СССР иранский вопрос). Сам факт обсуждения, по мнению Бирнса, будет иметь позитивное влияние на ситуацию внутри ООН (среди членов которой, действительно, намечалась явная поляризация позиций), однако доводить дело до голосования не следовало. Ведь если Совет проголосует, что режим Франко не представляет угрозы миру, то это будет дипломатическим успехом диктатора, если же будет принято польское предложение, то это откроет путь дальнейшему давлению на Совет, за принятие им новых мер²⁴.

Таким образом, менее заинтересованные на тот момент в испанских делах США попытались сыграть роль «примирителя» двух сторон в СБ с диаметрально противоположными взглядами, рассчитывая в процессе переговоров если не снизить уровень разногласий между ними, то во всяком случае не допустить явного кризиса внутри этого ключевого органа новой международной организации. Американцы, кроме того, не хотели предстать в роли защитников франкистской диктатуры, оставляя Советскому Союзу миссию главного борца за свободу и демократию на этом поле. Англичанам пришлось согласиться со своим главным союзником.

Франко сразу же отверг все предполагаемые обвинения. В приуроченной к началу обсуждения ноте сообщалось о военных приготовлениях «групп испанских революционеров» на юге Франции, их планах прорыва на испанскую территорию и провозглашения собственного «правительства». Утверждалось, что в этих приготовлениях участвуют советские агенты, «направляемые или поддерживаемые московским правительством». В подтверждение приводились такие факты, как присутствие в этом районе советских офицеров и прибытие в Марсель советского корабля «Клим Ворошилов» с военным снаряжением. Вывод был прямо обращен к членам Совета Безопасности: «В то время, когда обвиняют Испанию, революционные элементы проявляют активность на границе. Они являются инструментом советской пропаганды и поддерживаются Францией. Это и есть серьезная и явная угроза миру в настоящее время»²⁵.

Рассмотрение испанского вопроса в Совете Безопасности началось 17 апреля 1946 года²⁶. Его открыл Ланге, который заявил: 1). Режим Франко был установлен против воли испанского народа вооруженными силами держав «оси», врагами Объединенных Наций; 2). Во время второй мировой войны фашистский режим в Испании был неофициальным, но деятельным соучастником держав «оси»; 3). Он продолжает оставаться «центром фашистской заразы и плацдармом, с которого война может снова распространиться по всему миру». Испания содержит большую армию (600—700 тыс. чел.), «некоторые участки пограничной зоны между Испанией и Францией мощно укреплены, ...месяц назад фашистское правительство приступило к сосредоточению военной силы вдоль французской границы»; 4). В Испании «немецкие ученые и инженеры продолжают заниматься изысканиями для изобретения новых средств ведения войны». Главное обвинение, выдвинутое Ланге, состояло в том, что «некий доктор Герман фон Сегерстадт, специалист по тяжелой воде, работавший по ядерному горючему в нацистском предприятии в Норвегии, в настоящее время состоит ...директором подобного же рода испанского предприятия». Испания сделалась прибежищем для десятков тысяч нацистов, среди них — известные военные преступники и политические лидеры. Нацистские агенты используют Испанию как базу для осуществления своих планов реванша. В связи с этим Ланге предложил резолюцию, призывающую всех членов ООН, имеющих дипломатические отношения с Испанией, к их полному разрыву.

Представитель Франции поддержал польское предложение, но свою

позицию аргументировал соображениями общего порядка («дух господства и завоевания, который характеризует эту форму диктатуры, представляет собой угрозу международной безопасности») и не упоминал об испано-французских «трениях». Делегат Нидерландов заявил, что большинство представленных обвинений являются лишь догадкой: «Я не слышал ни одного слова, которое с какой-нибудь степенью достоверности или хотя бы вероятности указывало бы на действительно враждебные по существу действия испанских вооруженных сил». Представитель Великобритании А. Кадоган выступил с подробным опровержением представленных обвинений как «угрозы миру». Многие из положений доклада Ланге основываются «на позициях и действиях генерала Франко в первые годы войны», в отношении же последних лет, утверждал английский делегат, приводятся лишь сомнительные факты и предположения. Он отверг самый серьезный пункт обвинения: Посольство Соединенного Королевства в Мадриде сообщило в январе, что нет никаких доказательств того, что немецкие ученые в Испании занимаются научно-исследовательской работой, относящейся к разработке новых методов ведения войны. ...Союзные миссии в Мадриде следят за немецкими техническими специалистами в Испании ...Большинство находящихся там немцев ведет спокойный и скромный образ жизни, надеясь избежать репатриации». По твердому убеждению англичан, требование разрыва дипломатических отношений не имеет под собой оснований. Стеттиниус заявил, демонстрируя свою «неангажированность», что Совет Безопасности должен тщательно изучить и обсудить проблему, рассмотреть все относящиеся к делу факты.

Выступление Громыко было исполнено обличительной риторики (здесь были и «фашистская гидра», и «крах политики невмешательства», и «голоса борцов за мир» и т. п.). Большое место он уделил факту посылки на советский фронт Голубой дивизии, т. е. фактическому участию Испании в войне, поддержал все польские обвинения в адрес режима Франко и высказался за принятие срочных мер.

Представитель Австралии предложил создать специальный комитет для расследования и изучения всех фактов. Большинство делегатов поддержало эту идею — за исключением Громыко и Кадогана, позиции которых были неоднозначны и не предполагали никакого «расследования».

Обращаясь во время дискуссии к Стеттиниусу, Громыко, пытаясь призвать его в союзники против «консервативных» наций, даже сдеалал такое отступление: «Известно, что гражданские войны в некоторых странах были не так уж плохи. Всем известно историческое место гражданской войны в Соединенных Штатах Америки и ее значение. Боязнь гражданской войны в Испании представляет собой оправдание бездействия в отношении насажденного Гитлером и Муссолини фашистского режима». Нетрудно предположить, какое впечатление это заявление произвело на его западных коллег...

Английские дипломаты не сумели убедить американцев выступить против создания специального комитета и «повести за собой» представителей других стран. Стеттиниус был намерен твердо следовать избранной господом «центристской» линии. В связи с этим британская делегация получила инструкции из Лондона голосовать за создание комитета по испанскому вопросу²⁷. Комитет призван был установить, «привела ли ситуация в Испании к международным трениям и является ли она угрозой международному миру и безопасности», а если это будет установлено — предложить соответствующие практические меры. В его состав вошли пять членов Совета Безопасности — Австралия (председатель), Польша, Бразилия, Китай, Франция. По итогам своих расследований комитет должен был представить в Совет доклад до 31 мая 1946 года²⁸.

Перед голосованием Громыко заявил, что по-прежнему считает создание комитета ненужным, но не стал пока применять права вето и воздержался. Все остальные 10 членов Совета проголосовали «за». Подкомитет по испанскому вопросу работал с 29 апреля по 31 мая 1946 года. Всего состоялось 17 заседаний. Комитет собрал и изучил множество документов,

полученных от государств — членов ООН, проанализировал розданные им анкеты, провел ряд встреч. Ни о каких попытках послать комиссию в Испанию, чтобы изучить вопрос на месте, или встретиться с представителями испанского правительства, речи не было.

Впервые с трибуны Подкомитета публично заявило о себе республиканское правительство Хирала, вручившее меморандум, в котором, в частности, утверждалось, что Испания уже располагает «самой мощной военной машиной во всей Западной Европе»²⁹.

31 мая Подкомитет представил свой доклад. Этот документ призван был стать отражением выработанного компромиссного подхода, приемлемого для всех членов Совета Безопасности. С одной стороны, его авторы стремились не допустить, чтобы их выводы могли хотя бы в какой-то степени трактоваться как оправдание Франко, с другой — председатель комитета, австралийский министр иностранных дел Г. Эватт был твердым сторонником принципа невмешательства во внутренние дела государств (именно он предложил внести соответствующую статью в Устав ООН на конференции в Сан-Франциско). Поэтому в плане предложенных мер воздействия комитет не слишком далеко ушел от уже принятых ранее международных деклараций. Доклад не подтвердил обоснованность обвинений франкистской Испании в проведении разработок атомного оружия, а также в подготовке нападения на Францию и т. п. Так как политика Франко не создает «непосредственной угрозы», как это трактует ст. 39 Устава, Подкомитет основывал свои заключения на главе VI (ст. 34), а не VII, то есть не предлагал применения к Франко мер принуждения и санкций. Он признал, что режим Франко не является миролюбивым; он действительно имеет фашистское происхождение и природу; продолжает применять методы преследования против политических противников; он не угрожает миру, однако деятельность его «создает ситуацию, являющуюся потенциальной угрозой для международного мира и безопасности».

Подкомитет рекомендовал в связи с этим: а) поддержать авторитетом Совета Безопасности принципы, изложенные в Трехсторонней декларации от 4 марта;

б) передать собранные материалы и сам вопрос на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН вместе с рекомендацией, чтобы была принята резолюция о немедленном прекращении всеми членами ООН дипломатических отношений с правительством Франко;

в) Генеральному Секретарю предпринять шаги к информированию всех членов ООН о рекомендациях Совета³⁰.

С 6 по 26 июня проходило обсуждение доклада в Совете Безопасности. Оно вылилось в непримиримое столкновение подходов, выдвинутых советской и английской делегациями. Американский представитель сумел добиться серьезного изменения в тексте доклада относительно рекомендаций. Он предложил самим членам комитета внести добавление в пункт «б»: «или были приняты другие меры, которые Генеральная Ассамблея сочтет подходящими и эффективными при существующих в данный момент обстоятельствах». Члены комитета согласились, и таким образом эта поправка, значительно смягчающая смысл рекомендаций, вошла в текст без голосования в Совете (что соответствовало бы обычной процедуре)³¹.

Громыко заявил, что собранные Подкомитетом материалы полностью подтвердили все обвинения против режима Франко, который представляет серьезную угрозу для поддержания мира. Однако комитет, по его мнению, не осмелился сделать правильные выводы. Советская позиция осталась неизменной и состояла в том, что вопрос не следует передавать в Генеральную Ассамблею, а решение о разрыве дипотношений с Испанией должен принять сам Совет Безопасности, который в противном случае рискует подорвать свой авторитет³². Это чрезвычайно жесткое по тону выступление оставляло мало шансов для достижения консенсуса, учитывая, что советская делегация обладала особыми правами при голосовании.

Кадоган, в свою очередь, также выразил несогласие с тезисами доклада. Он интерпретировал их как попытку вмешательства во внутренние

дела государства, «определенная угроза миру» со стороны которого осталась не доказанной. По сути, заявил он, «мы пытаемся оказать давление на Испанию, чтобы свергнуть существующий там режим», а на это Устав ООН не дает юридического права. Со всеми сделанными оговорками английский дипломат все же признал допустимым передачу испанского вопроса на рассмотрение Генеральной Ассамблеи, но при условии, что ей не будет дана рекомендация о разрыве дипломатических отношений. Кадоган внес соответствующую поправку к резолюции, которая, однако, была отклонена шестью голосами против двух, при трех воздержавшихся³³.

18 июня голосовалась сама резолюция по докладу. Предваряя голосование Громько впервые позволил себе сделать открытый выпад против английской делегации. Он саркастически процитировал полученное накануне по каналам агентства «United Press» сообщение о том, что официальные круги в Мадриде были «в восторге», узнав об усилиях Кадогана оттянуть принятие мер против режима Франко. За этим последовало скептическое замечание Эватта: какова же будет радость Франко, когда он узнает, что один из постоянных членов Совета Безопасности поставил крест на всей работе подкомитета ... Так по существу и произошло.

Резолюция голосовалась отдельно по каждому пункту. Пункт «а» набрал 10 голосов «за», один — «против» (СССР), и соответственно не был принят.

После этого с неожиданным заявлением выступил Кадоган: несмотря на все свои предыдущие возражения, он намерен голосовать за пункт «б» (о рекомендациях Генеральной Ассамблеи), т. к. его поддерживает большинство Совета. «Я голосую не столько за резолюцию, — заявил он, — сколько против пренебрежения волей большинства». Но его лишь слегка завуалированный призыв остался не услышанным. Голосование по 2-му и 3-му пунктам, а также по всей резолюции в целом дало идентичный результат: девять голосов «за», один «против» (СССР) и один воздержался (Нидерланды)³⁴.

Таким образом, советская делегация воспользовалась правом вето и практически единолично отклонила резолюцию. Ясно, что протестуя против передачи вопроса в Генеральную Ассамблею, СССР отстаивал прежде всего свою возможность контролировать принятие решений по любому делу, рассматриваемому в Совете Безопасности, оставаясь даже не в меньшинстве, а в одиночестве.

После этого Ланге внес новое предложение: поставить на голосование свой первоначальный проект резолюции от 17 апреля, — и о том, что Совет Безопасности призывает все страны немедленно разорвать дипломатические отношения с Испанией. При голосовании 24 июня за предложение Ланге высказались только Мексика, Польша, СССР и Франция. Но у польского представителя был готов новый вариант резолюции — с выражением единодушного мнения Совета Безопасности о природе режима Франко, решением Совета держать положение в Испании под своим контролем и снова поставить испанский вопрос на обсуждение до 1 сентября текущего года. Ланге так аргументировал введение в резолюцию определенной даты: «Это возлагает на испанский народ как бы известное обязательство. Устанавливается срок, до истечения которого испанский народ должен освободиться от режима Франко. ... Иначе испанский вопрос снова будет поставлен в Совете Безопасности»³⁵.

В проекте Ланге ничего не говорилось о возможности рассмотрения испанского вопроса на Генеральной Ассамблеи ООН, более того, такая возможность фактически блокировалась: ведь пока какой-либо вопрос находился в повестке дня Совета Безопасности, Генеральная Ассамблея не имела права выносить по нему рекомендации и, строго говоря, даже обсуждать. В этом, собственно, и заключался главным смысл маневра польской делегации.

Эватт и Кадоган выступили с возражениями, которые сводились к тому, что надо обеспечить право Генеральной Ассамблеи рассмотреть испанский вопрос. Англичанин внес поправку о том, что Совет Безопасности

будет держать испанский вопрос в своей повестке дня только вплоть до начала сессии Генеральной Ассамблеи. Эту поправку поддержали Франция и США. Таким образом, западные страны выступили за фактическую передачу вопроса в Генеральную Ассамблею, где отсутствовало право вето и решения принимались квалифицированным большинством, и где, как можно было ожидать, многие члены проявят должную «бдительность» в отношении вмешательства во внутренние дела.

Громыко сразу же высказался в поддержку польского проекта, хотя оценил его как недостаточный и не соответствующий серьезности обстановки в Испании. Мотивировал он свою позицию парадоксальным образом: заявил, что готов согласиться с резолюцией, поскольку «Совет Безопасности в результате длительного рассмотрения вопроса оказался неспособным принять какое-либо лучшее решение».

Ситуация была фактически тупиковой. Последней попыткой выйти из нее было создание редакционного комитета в составе Австралии, Великобритании и Польши, однако согласованного проекта резолюции он выработать не смог.

Последнее заседание Совета, посвященное испанскому вопросу (26 июня) оказалось беспрецедентным по напряженности противоборства «советско-польского» и «англо-австралийского» блоков. Борьба велась по поправкам, по процедурным вопросам, голосовались отдельные абзацы и даже фразы проекта резолюции³⁶. Громыко настойчиво использовал право вето при голосовании каждого пункта, который «угрожал» передачей испанского вопроса на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН. Его непримиримая позиция дала повод Эвату заявить: «Г-н Громыко должен понять, что его «нет» не может применяться к каждому из представленных предложений, до тех пор, пока не останется только его собственное предложение! ...». Все эти сложные маневры, «увенчавшие» обсуждение вопроса, по сути, отражали реальную слабость позиции советской делегации.

Итоговая резолюция содержала лишь положение о том, что Совет Безопасности «оставляет ситуацию в Испании под своим наблюдением и сохраняет в списке дел, находящихся на его рассмотрении с тем, чтобы в любое время быть готовым принять необходимые меры». Фактически это означало отсутствие какого-либо ощутимого результата всей полугодовой антифранкистской эпопеи. Как английские, так и советские планы в отношении Испании остались нереализованными, а республиканское правительство Хирала «союзники» попросту проигнорировали.

Официальная советская оценка итогов обсуждения испанского вопроса в Совете Безопасности была дана в «Правде» 1 июля. Эти результаты были названы «худосочными» и неудачными для СБ. Ответственность за неудачу полностью возлагалась «на тех членов Совета, которые провалили предложения польского делегата порвать дипломатические отношения с франкистской Испанией, в первую очередь на Англию и США... Стремление утопить испанский вопрос в омуте юридической казуистики, переросшее к концу дискуссии в попытки вообще снять с обсуждения проблему франкистской Испании, более чем красноречиво отражает политику» этих держав в отношении гитлеровского подручного Франко. Английская и американская делегации обвинялись также в попытке умалить значение Совета Безопасности и «поставить под вопрос единогласие пяти постоянных членов Совета». Можно предположить, что эта «установочная» публикация (многие положения и формулировки которой не раз впоследствии цитировались в «Правде») исходила от Молотова.

Бездействие главного органа ООН в испанском вопросе при одновременном нагнетании обвинительной риторики составило такой баланс, который в наибольшей степени благоприятствовал Франко. С одной стороны, диктатор сумел представить дело таким образом, будто международным нападкам подвергается не его режим, а Испания и испанский народ, и использовать для укрепления своей власти чувство уязвленной национальной гордости. С другой стороны, он с удовлетворением наблюдал за нападками его противников друг на друга.

В «Правде» испанская тема вновь актуализировалась в связи с десятилетней годовщиной начала «борьбы испанского народа против фашистских орд Франко». Так, 18 июля газета опубликовала статью Б. Изакова «В петле невмешательства», в которой автор утверждал, что в Испании, по заявлению самого Франко, государство преследует цель «истребления одной трети мужского населения страны». Кроме того, «франкистская фаланга создала военизированную организацию в составе десяти тысяч человек, готовящихся осуществить нечто вроде Варфоломеевской ночи: истреблению подлежат уцелевшие противники Франко», и т. п. Именно на этом фоне следовало оценивать политику невмешательства Англии и США, их роль во время обсуждения польского предложения в Совете Безопасности.

О том, что в Москве внимание к испанским делам не ослабевало, свидетельствует «сов. секретный» документ, рассматривавшийся министерством иностранных дел в августе — сентябре 1946 года. На документе имеется датированная 4 сентября резолюция Молотова. Автор документа, ссылаясь на то, что во Франции находится множество испанских эмигрантов, действуют республиканские организации, связанные с подпольем, и т. п., предлагал «возложить на посольство во Франции собрание для МИД СССР разносторонней информации по Испании и поддержание связей с испанскими республиканскими и демократическими организациями». Надо полагать, сбор информации велся и ранее (и через другие ведомства), теперь же планировалось эту деятельность организовать на новом уровне: «командировать в Париж для работы в посольстве по испанским делам квалифицированного дипломатического работника»³⁷.

23 октября в Лейк-Сакесе начала работу сессия Генеральной Ассамблеи ООН. В отчетном докладе, с которым генеральный секретарь ООН Трюгве Ли выступил 24 октября, испанский вопрос был затронут в качестве одной из важных международных проблем, причем именно в контексте взаимоотношений между великими державами: «Пока будет сохраняться в Испании режим Франко, он останется постоянной причиной недоверия и несогласия между основателями ООН... Надеюсь, что те, кто привел нас к победе и миру, найдут способы и средства, благодаря которым свобода и демократическое правительство будут восстановлены в Испании». Роль Генеральной Ассамблеи Трюгве Ли видел в том, что она «может оказать ценную услугу, дав своим органам и государствам-членам ООН общие указания об их отношении к режиму Франко»³⁸.

Представители целого ряда стран поддержали инициативу генерального секретаря по Испании. Среди них — многие латиноамериканские страны, Польша, Югославия и др. Не упоминая о возможной роли Генеральной Ассамблеи, а в первую очередь «разоблачая» защитников Франко, Молотов заявил: «...некоторые великие державы взяли на себя моральную ответственность за бездействие в отношении опасного очага фашизма в Европе». Кроме того, испанский вопрос он затронул в связи с отстаиванием принципа единогласия пяти держав в Совете Безопасности: право вето он назвал фундаментом ООН. Ситуация вокруг Испании все отчетливее воспринималась как узел противостояния между СССР и его недавними союзниками по антигитлеровской коалиции. Так, делегат Кубы заявил: «Мы должны принять все меры против вспышки тлеющей испанской проблемы, чтобы она не превратилась в яблоко раздора между Востоком и Западом»³⁹.

31 октября при утверждении повестки дня Генеральной Ассамблеи в нее был включен испанский вопрос. Основанием для этого стало письменное обращение делегаций Бельгии, Чехословакии, Дании, Норвегии и Венесуэлы к генеральному секретарю ООН⁴⁰. Но чтобы обсуждение стало возможным, необходимо было снять этот вопрос с повестки дня Совета Безопасности.

Среди советских дипломатов вначале не было единства мнений относительно целесообразности такого шага. В «Справке по испанскому вопросу» от 29 октября 1946 г. (хранящейся в фонде референтуры ООН Архива внешней политики РФ) сообщается, что глава испанского республиканского

правительства Хираль обратился к Молотову с просьбой о снятии испанского вопроса с повестки дня СБ, с тем чтобы он мог быть рассмотрен Генеральной Ассамблеей. «Просьба Хиралья вызвана тем,— сообщает автор, зав. отделом МИД по делам ООН А. А. Рошин,— что он надеется собрать две трети голосов в Ассамблее в пользу рекомендации о разрыве членами ЮНО [ООН] дипломатических отношений с Франко ... Тов. Молотов внес предложение об удовлетворении просьбы Хиралья ... и одновременно запросил мнение тов. Громыко по этому вопросу. Тов. Громыко отрицательно отнесся к такому предложению и в свою очередь предложил воздержаться при голосовании в том случае, если какая-либо страна внесет [такое] предложение...»⁴¹. Как видим, все же речи о вето в ответе Громыко не было, он возражал лишь против снятия вопроса по инициативе СССР.

30 октября в Совете Безопасности Ланге внес предложение снять испанский вопрос с повестки дня Совета и «передать Генеральной Ассамблее все отчеты и документы». Оно не встретило возражений со стороны Громыко и при голосовании 4 ноября было принято единогласно. Первой свои предложения представила польская делегация: в письме на имя председателя Генеральной Ассамблеи П. Спаака от 1 ноября содержался проект резолюции «с призывом о разрыве дипломатических отношений». Во вступительной части делались ссылки на резолюцию Генеральной Ассамблеи от 9 февраля 1946 г. и на заключение Подкомитета по испанскому вопросу. Предполагалось, что Генеральная Ассамблея рекомендует «каждому члену ООН прекратить на будущее время дипломатические отношения с режимом Франко». Во втором польском письме предлагался проект резолюции «относительно исключения франкистского правительства Испании из органов и учреждений, основанных Организацией ООН или связанных с ней». Дополнение к польскому проекту внесла делегация Белорусской ССР — она требовала разрыва не только дипломатических, но и экономических отношений между государствами — членами ООН и франкистской Испанией⁴².

Американский проект, составленный председателем сенатского комитета по международным делам Т. Коннелли, был внесен 3 декабря. В нем режим Франко характеризовался в более резких, чем ранее, выражениях: «Генеральная Ассамблея ООН убеждена, что фашистское правительство Франко в Испании, которое было силой навязано испанскому народу при помощи держав оси, которое оказывало материальную помощь державам оси во время войны, не представляет испанский народ; из-за его существования Испания лишена возможности быть представленной в ООН». Рекомендательная часть была, однако, гораздо более сдержанной: «Режим Испании должен быть отстранен от участия в международных агентствах, образованных по инициативе ООН, от участия в конференциях и другой деятельности под эгидой ООН, пока не будет сформировано новое приемлемое правительство». И, наконец, последний пункт гласил, что испанский народ должен сам определить форму будущего правления, а генерал Франко должен передать власть временному представительному правительству⁴³.

Всего на имя председателя Генеральной Ассамблеи Спаака поступили предложения от 13 стран Европы и Америки, но основных, принципиально различающихся, проектов было два — польский и американский. Их обсуждение проходило в Первом комитете Генеральной Ассамблеи 3—4 декабря 1946 года. Там развернулись острые дискуссии относительно способов воздействия на Франко, при этом практически все выступавшие осуждали франкистский режим как фашистский и диктаторский (его защищали лишь несколько латиноамериканских стран). Ланге добавил новые аргументы: существуют два испанских правительства, признанных разными членами ООН; «внутреннее угнетение испанского народа представляет опасность, так как может привести к гражданской войне, в которой противоборствующие стороны будут поддержаны различными членами ООН». Американский и британский представители вновь выступили против «иностранного вмешательства», которое могло бы способствовать разжиганию гражданской войны в Испании. Интересно, что, возражая польскому делегату, Коннелли фактически повторил его доводы: «Разрыв дипломатических

отношений и экономические санкции приведут только к ухудшению положения испанского народа, созданию политического и экономического хаоса в стране, ведущего к гражданской войне. Ситуация создаст международные осложнения, так как каждая из сторон будет добиваться помощи у разных членов ООН». Он добавил, что более благоприятный момент для принятия мер в отношении Франко наступит после восстановления разрушенной войной Европы⁴⁴.

Серьезные добавления к американскому проекту предложил представитель Бельгии: а) Генеральная Ассамблея «рекомендует, чтобы, если в течение представляющегося достаточным периода времени перечисленные выше условия осуществлены не будут, Совет Безопасности рассмотрит мероприятия, необходимые для урегулирования ситуации»; б) «рекомендует также, чтобы тем временем все члены ООН отозвали из Мадрида, в виде предупреждения, своих послов и полномочных министров, ныне там состоящих»⁴⁵.

На заседании 4 декабря выступил Громыко. «Некоторые государства в Генеральной Ассамблее не хотят применять против Франко эффективных мер и отстаивают политику бездействия, — заявил он. — Советская делегация считает, что минимум, на что должна была бы пойти Генеральная Ассамблея, — это принятие предложения, внесенного делегацией Польши ... Что касается проекта резолюции, внесенного делегацией США, то ...она является недостаточной, чересчур слабой, ...она содержит чуть ли не призыв к Франко и его клике о добровольной передаче власти». Он заявил, что советская делегация поддержит польскую резолюцию⁴⁶.

Согласия среди членов Комитета, таким образом, добиться не удалось. Ввиду сложности ситуации было принято решение создать редакционный подкомитет и поручить ему выработать проект резолюции для представления Генеральной Ассамблее. В подкомитет вошли представители 18 стран: 5 постоянных членов Совета Безопасности и все, кто вносил предложения. В качестве основы обсуждения в подкомитете был выбран проект Коннелли, «с тем, чтобы одновременно были приняты во внимание другие проекты и поправки». Подкомитет заседал в течение 6—8 декабря, в результате был выработан следующий текст. Вступление состояло из «вводной части» предложения США и обширного фрагмента из предложения Польши (ссылка на выводы доклада подкомитета по испанскому вопросу). В части рекомендаций был принят один пункт, предложенный США (об устранении Испании от участия в органах ООН), и к нему добавлена совместная поправка пяти латиноамериканских стран — об отказе поддерживать дипотношения с Франко. В ходе обсуждения Коннелли «стойко сопротивлялся всем предложениям, предусматривающим призыв к разрыву дипломатических отношений или экономическим санкциям»⁴⁷. Однако было ясно, что большинство склоняется к коллективным дипломатическим мерам в той или иной форме, и что ограничиться подтверждением прежних резолюций и призывов не удастся.

9 декабря предложения поступили на рассмотрение Первого комитета, где борьба возобновилась. Коннелли внес свой изначальный проект, без исправлений подкомитета, в качестве «поправки», его поддержали Нидерланды, Великобритания, Куба, Сальвадор. Ланге в связи с этим заявил, что первоначальный текст США апеллирует не к членам ООН, а к испанскому народу, чтобы он сменил правительство; но так как ООН отвергает сотрудничество с Франко, любой призыв к народу будет означать гражданскую войну⁴⁸.

Резолюцию редакционного подкомитета поддержали СССР, Франция, Польша, Мексика и др. В результате голосования «поправка» Коннелли была отвергнута. Принятая за основу резолюция подкомитета в ходе обсуждения подверглась новой доработке. Вместо пункта из латиноамериканской поправки были вставлены оба пункта из предложения Бельгии. За резолюцию в целом проголосовали представители 23 стран (Австралии, Бельгии, Белоруссии, Великобритании, СССР, Мексики, Франции, Польши и др.). США воздержались⁴⁹.

Итоговая резолюция Комитета подтверждала все принятые ранее решения по франкистской Испании (в Сан-Франциско, Потсдаме и Лондоне), а также выводы Подкомитета Совета Безопасности, квалифицировала режим Франко как фашистский, навязанный испанскому народу Гитлером и Муссолини. В качестве конкретных мер воздействия предлагалось: под тверждение отказа в приеме Испании в ООН и созданные при ней органы; рекомендация всем государствам — членам ООН — отозвать своих послов из Мадрида (без формального разрыва дипотношений); поручение Совету Безопасности вновь вернуться к испанскому вопросу, если в течение «разумного времени» ситуация не изменится.

Таким образом, Первый комитет сумел подготовить и принять компромиссный вариант резолюции, однако фактических сторонников у него набиралось пока меньше половины членов.

В Генеральной Ассамблее обсуждение резолюции происходило 12 декабря. Желаящих принять в нем участие записалось так много (только латиноамериканских стран — 16), что время выступления и число выступающих пришлось строго ограничить. Делегаты Франции, Польши и др. высказались в том смысле, что резолюция, конечно, слаба и недостаточна, но ее следует принять в качестве демонстрации конкретной поддержки ООН испанскому народу. Громыко также заявил, что рекомендуемые шаги являются «тем минимальным, на что должна пойти Генеральная Ассамблея», хотя полный разрыв дипотношений с франкистской Испанией был бы вполне оправданной мерой. С наиболее развернутым изложением позиции непримиримых противников резолюции выступил представитель Аргентины. Он заявил, что проблема является внутривосточной и ее разрешение вообще не входит в обязанности ООН. Дальнейшее муссирование испанского вопроса «скорее приведет к новой войне, чем будет содействовать поддержанию мира», а утверждение, что испанское правительство является потенциальной угрозой миру, не выдерживает критики. Аргентинец разъяснял: многие заявляют, что спокойствию и безопасности мира угрожает коммунизм, другие в том же самом обвиняют «империалистический капитализм», однако никто не предлагает вмешательства во внутренние дела коммунистических или же капиталистических стран, чтобы изменить существующий там режим. С другой стороны, Испанию обвиняют в отсутствии демократического правления, но подобная претензия также может быть предъявлена отнюдь не только ей⁵⁰.

Представители Великобритании и США высказались против рекомендации Совету Безопасности вернуться в будущем к рассмотрению «надлежащих мер», так как это противоречит Уставу ООН: Совет должен сам решать, следует ли ему принимать меры. Делегация Великобритании внесла предложение голосовать этот пункт отдельно; он был принят 29 голосами при 8 «против» и 11 воздержавшихся. Резолюция в целом была принята 34 голосами (на этот раз среди них были и США), против проголосовали 6 стран (все — латиноамериканские, во главе с Аргентиной), воздержались 13.

Большинство участников обсуждения — членов ООН — проявили явную заинтересованность в принятии резолюции, поэтому главным оппонентам в испанском вопросе пришлось пойти по пути сложного поиска некоей средней линии, без претензий на достижение невозможного. При этом США и Великобритания сумели не допустить принятия рекомендации о разрыве дипломатических отношений с Испанией, а Советский Союз смог поставить новый барьер на пути возможной нормализации в ближайшем будущем отношений между Франко и западными державами.

Другой вопрос — в какой степени и каким образом резолюция могла повлиять на развитие ситуации в самой Испании, на власть Франко. Изоляция франкизма обернулась немалыми трудностями для страны и народа, но сам режим сумел даже стабилизироваться и консолидироваться, а каудильо — закрепить за собой, в условиях «нападок» из-за рубежа, титул национального лидера и спасителя от ужасов новой гражданской войны. Кроме того, за принятым решением уже явно не стояло ничьей (даже

советской) подлинной решимости действовать. Франко не мог не оценить того, что документ от 12 декабря — это максимум, на что смогло решиться «мировое сообщество», а именно — чрезвычайно резкое осуждение при весьма ограниченных мерах воздействия. По большому счету брать на себя ответственность за будущее Испании ни все великие державы вместе, ни кто-либо из них по отдельности не собирались.

Единственный действительно важный пункт резолюции — о подключении к испанской проблеме Совета Безопасности — так никогда и не вступил в силу. В соответствии с рекомендацией резолюции своих послов из Испании отозвали три страны — Великобритания, Сальвадор и Нидерланды (однако во главе посольств были оставлены дипломатические представители более низкого ранга). Остались в Мадриде послы Ватикана, Португалии, Ирландии и Швеции, в январе 1947 г. к ним присоединился новый посол Аргентины. Остальные страны в это время уже не имели в Испании представительства на таком уровне. В целом же большинство исследователей согласны в том, что дебаты вокруг испанского вопроса в 1946 г. в конечном счете способствовали укреплению режима Франко.

Резолюция от 12 декабря 1946 г. — один из последних достигнутых между «Востоком» и «Западом» политических компромиссов в преддверии «холодной войны».

Примечания

1. Espana y ONU. Vol. 1. Madrid. 1978, p. 30.
2. FRUS. 1945. Vol. 1. Washington, 1971, p. 1166—1167, 1358—1360; Espana y ONU. Vol 1, p. 30; Documents of United Nations Conference of International Organization. San-Francisco. 1945. Vol. 6. N. Y.; 1945, p. 152—162.
3. Правда, 22.VI.1945.
4. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Потсдам. Т. VI. М. 1984, с. 301, 334.
5. FRUS. 1945. Vol. 5, p. 698.
6. PORTERO F. Franco aislado: la cuestion espanola (1945—1950). Madrid. 1989, p. 118—119.
7. FRUS. 1945. Vol. 5, p. 705, 707.
8. PORTERO F. Op. cit., p. 139.
9. Правда, 13.I.1956.
10. PARTERO F. Op. cit., p. 140—144; ПОЗАНЦЕВА Н. А. Франция в ООН. 1945—1980. М. 1984, с. 72.
11. FRUS. 1946. Vol. 5, p. 1030, 1033—1036.
12. FRUS. 1946. Vol. 2, p. 678.
13. Правда, 19.I.1946.
14. ООН. Генеральная Ассамблея. Офиц. отчеты. 1-я сессия, 1-я часть. Пленарные заседания. Лондон. 1946, с. 189; ООН. Генеральная Ассамблея. Резолюции, принятые Генеральной Ассамблей на 1-й части ее 1-й сессии. Лондон. 1946, с. 41, 191.
15. Правда, 2 и 3.III.1946.
16. FRUS. 1946. Vol. 5, p. 1043—1044; ПОЗАНЦЕВА Н. А. Ук. соч., с. 73.
17. PORTERO F. Op. cit., p. 147—148; FRUS. 1946. Vol. 5, p. 1048—1049.
18. Espana y ONU. Vol. 1, p. 61—62.
19. АВП РФ, ф. 06 (Секретариат В. М. Молотова), оп. 8, папка 34, д. 536, л. 2.
20. FRUS. 1946. Vol. 5, p. 1047—1048.
21. АВП РФ, ф. 06 (Секретариат В. М. Молотова), оп. 8, папка 34, д. 533, л. 1—4.
22. Устав ООН и Статут Международного суда. М. 1945, с. 18; FRUS. 1946, Vol. 5, p. 1058—1059.
23. О. Ланге был принят И. В. Сталиным (вместе с В. М. Молотовым) 17 мая 1944 г., беседа продолжалась более двух часов.— Исторический архив, 1996, № 4, с. 76; SIEROCKI T. Oscar Lange. Warszawa. 1989, S. 148—154, 183—186.
24. FRUS. 1946. Vol. 5, p. 1065—1069.
25. Ibid, p. 1070—1072.
26. ООН. Совет Безопасности. Офиц. отчеты. 1-й год. 1-я серия. № 2. Нью-Йорк. 1946, с. 87—103, 123.

27. PORTERO F. *Op. cit.*, p. 166—167.
28. ООН. Совет Безопасности. Офиц. отчеты. 1-й год. 1-я серия. № 2, с. 131—132.
29. Правда, 20, 25, 29.V.1946.
30. ООН. Совет Безопасности. Офиц. отчеты. 1-й год. 1-я серия. № 2, с. 183—184.
31. Там же, с. 184.
32. Там же, с. 188—189.
33. Там же, с. 193—194, 206.
34. Там же, с. 208.
35. Там же, с. 214—216, 222.
36. Там же, с. 221—241.
37. АВП РФ, ф. 06, оп. 8, д. 534, папка 34, л. 16—17.
38. ООН. Генеральная Ассамблея. Офиц. отчеты 2-й части 1-й сессии. Нью-Йорк. 1952, с. 13.
39. Там же, с. 82, 104.
40. United Nations. General Assembly. First Committee. Summary Records of Meetings 2 nov.— 13 dec. 1946. Lake Success (New York). [б. г.]. Annexes, p. 352 (Далее — First Committee).
41. АВП РФ, ф. 433, оп. 1, папка 1, д. 19 (1946), л. 50.
42. ООН. Совет Безопасности. Доклад Генеральному секретарю ООН за период с июля 1946 по июнь 1947 г. Нью-Йорк. 1947, с. 11; ООН, Генеральная Ассамблея. Комитет 1. [1946—1947]. А/С.1/24,25; First Committee, p. 354.
43. FRUS. 1946, Vol. 5, p. 1080—1081.
44. First Committee, p. 228, 239—240.
45. ООН. Генеральная Ассамблея. Комитет 1. [1946—1947]. А/С.1/107.
46. Правда, 9.XII.1946.
47. ООН. Генеральная Ассамблея. Комитет 1. [1946—1947]. А/С.1/128. Доклад подкомитета по испанскому вопросу; FRUS. 1946. Vol. 5, p. 1081.
48. First Committee, p. 296.
49. См.: Правда, 13.XII.1946; FRUS. 1946. Vol. 5, p. 1082; First Committee, p. 302—305.
50. ООН. Генеральная Ассамблея. Офиц. отчеты 2-й части 1-й сессии, с. 256—265.

Федор Федорович Ушаков

А. Г. Сацкий

Ни один из российских адмиралов не удостоился столь широкой известности и внимания историков, как Федор Федорович Ушаков. Его жизнь и боевая служба оказались теснейшим образом связаны с важнейшими политическими событиями в жизни России конца XVIII века: русско-турецкими войнами, созданием Черноморского Флота, освобождением захваченных наполеоновской Францией Ионических островов. Флотоводец, не проигравший ни одного сражения, умелый организатор флотской службы, новатор тактики морских битв, Ушаков, оказавшись в период Ионической кампании в центре сложнейшего переплетения европейской политики, поднялся до уровня государственного политического деятеля, показав себя истинным патриотом России. Жизненный путь Ушакова (1744—1817) интересен уже тем, что в эпоху всеобщего протекционизма он достиг вершины своих успехов только упорным трудом, личным мужеством, флотоводческим талантом, беззаветным служением Родине.

Ушаков не оставил после себя ни мемуаров, ни дневников, ни записок. Не имел он и родовитых приятелей, в чьих семейных архивах могли бы сохраниться его письма или другие документы личного характера. Однако адмирал оставил обширную служебную переписку: рапорты вышестоящему начальству, приказы по эскадре, распоряжения подчиненным и т. п. И нам остается судить о жизни и личности этого знаменитого флотоводца и человека преимущественно по сухим казенным бумагам.

В один из последних дней мая 1766 г. к борту пинка «Наргин», стоявшего на кронштадтском рейде в ожидании попутного ветра, подошла шлюпка, доставившая нескольких воспитанников Морского кадетского корпуса. Одним из них был 22-летний Федор Ушаков. В списке из 58 выпускников корпуса 1766 г., произведенных в мичманы указом Адмиралтейств-коллегии, его фамилия стояла четвертой. Место в списке зависело от успехов в учебе и определяло очередность при производстве в следующий чин и назначении на должность¹.

Путь пинка, на который свежеепеченные мичманы были определены вахтенными офицерами, лежал в Архангельск, куда следовало доставить различные материалы и припасы для строящихся там кораблей. В полдень 29 мая «Наргин» снялся с якоря. Погода не благоприятствовала плаванию: только 12 августа судно вошло в Северную Двину. Приближающаяся осень

Сацкий Анатолий Григорьевич — кандидат технических наук, Украинский государственный морской технический университет, г. Николаев.

с тяжелыми штормами не позволяла надеяться на успешное обратное плавание, и «Наргин» остался в Архангельске. Судно разоружили, а команда сошла на берег и поселилась на частных квартирах в Соломбале. После весеннего ледохода началась подготовка к обратному плаванию. Пинк загрузили алебастром, смолой, негодным железом и старой парусиной. На борт приняли пятимесячный запас провианта; убрали в трюм якоря, канаты, закрыли и законопатили пушечные порты, забили люки. Наконец, 19 июня «Наргин» поставил паруса и лег курсом на горло Белого моря. Рейс проходил при слабых, но попутных ветрах. На несколько дней пинк задержался у Копенгагена: возили с берега шлюпками питьевую воду в бочках. У борта кружили лодки с торговцами: кто имел деньги, покупали сахар, бамбуковые трости, хлопчатые платки и чулки — все это в Петербурге стоило втрое дороже.

Пока «Наргин» находился в плавании, Адмиралтейская коллегия перевела Ушакова в числе десяти мичманов выпуска 1766 г. из корабельного в гребной флот, где ощущался некомплект офицеров. Эта мера носила формальный характер и не означала, что переведенные офицеры в дальнейшем будут служить только на судах галерного флота. Действительно, кампанию 1768 г. Ушаков провел на линейном корабле «Три иерарха», которым командовал С. К. Грейг. Служба, хотя и короткая, в качестве помощника вахтенного офицера на одном из лучших кораблей флота под началом такого опытного и знающего моряка, как Грейг, явилась хорошей школой для молодого офицера.

И все же перевод в галерный флот сыграл важную роль в жизни Ушакова. Осенью 1768 г. началась давно назревавшая война с Турцией. Для содействия сухопутным войскам в проведении операций в прибрежной зоне Азовского моря правительство решило создать флотилию парусно-гребных судов. Их постройку предполагалось произвести на старых донских верфях. Поскольку типы судов, задачи и район их действия соответствовали специфике гребного флота, то и для укомплектования Донской флотилии коллегия решила использовать в первую очередь личный состав галерного флота. Получил приказ явиться в формируемую для отправки на Дон команду и Ушаков. В середине января 1769 г., получив в подчинение, как и другие младшие офицеры, группу нижних чинов, он на ямских подводах отправился через Москву в Воронеж ².

Прибывающие на Дон команды тут же приступали к исправлению и достройке пяти прамов — плавучих батарей, стоявших на берегу в Павловске еще с русско-турецкой войны 1735—1739 годов. Работы велись день и ночь, чтобы успеть спустить их на воду и сплавить с весенним половодьем к Азову. Первый из прамов пошел вниз по реке 8 мая, второй — на следующий день, 15 мая — третий. Следующие два, на одном из которых находился Ушаков, отправились в путь 17 мая. Двухдневная задержка оказалась для них роковой: уровень воды стремительно падал, и к 5 июля оба прاما окончательно застряли среди мелей, не пройдя и 90 верст от Павловска. К концу лета 1769 г. выяснилось, что трех прамов, сумевших дойти до Азова, достаточно для защиты устья Дона. Командующей флотилией контр-адмирал А. Н. Сенявин приказал отвести, при первой возможности, застрявшие прама в Новопавловск и там их оставить.

Тем временем в Петербурге и Кронштадте шла энергичная подготовка к походу первой из отправляемых в Средиземное море балтийских эскадр. Екатерина II подписала указ с распоряжением «сделать скорее произвождение, дабы перемещая офицеров не было бы остановки адмиралу Спиридову». Коллегия, «разсмотрев ведомости и послужные списки с аттестатами» срочно провела производство группы офицеров в следующие чины. В этих ведомостях значился и мичман Ушаков, один из немногих выпускников корпуса 1766 г., произведенный 30 июля в лейтенанты ³.

Зимовавшие на Дону прама «Троил» и «Гектор», — последним командовал Ушаков, — в середине июня 1769 г. добрались до Новопавловска. Сдав судно в порту, Ушаков с большей частью команды прибыл осенью в Таганрог. Прошла еще одна зима. С приближением весны приступили

к комплектованию команд для первых двух строящихся в Новохоперске 32-пушечных фрегатов. По мере готовности, партии служителей с офицерами отправлялись на верфь, чтобы успеть сплавить фрегаты с большой водой к устью Дона. С верфи, собственно, отправлялись недостроенные пустые корпуса, что делалось для уменьшения их осадки, в сопровождении каравана барж, лодок и других мелких грузовых судов, везших лес, железо и другие необходимые для достройки фрегатов в Таганроге материалы. Ушаков со своей партией добрался пешим ходом до Новохоперска в три недели. Матросов определили на фрегаты, а Ушакову поручили доставку из Новопавловска на транспортных судах фрегатских канатов и такелажа. Из-за низкого уровня воды растянувшийся по реке караван не успел в летнюю навигацию 1771 г. дойти до Ростова и застрял на зимовку. Льды повредили обшивку некоторых судов, и они начали тонуть. Ушаков отправил их грузы на наемных подводках. Оценивая усилия, предпринятые для своевременной доставки грузов, вице-президент Адмиралтейств-коллегии И. Г. Чернышев писал в марте 1772 г. капитану над Таганрогским портом: «За всем тем коллегия за доброе ваше распоряжение в доставлении тех припасов, как и лейтенанту Ушакову за усердие и исправность, изъявляет свое удовольствие и представляет иметь себе в памяти»⁴.

В кампанию 1772 г. Ушаков получил в командование свое первое, хотя и небольшое, но настоящее военное судно — палубный бот «Курьер». В сентябре он отправился из Таганрога к крейсирующему у южных берегов Крыма отряду судов Азовской флотилии. По возвращении отряда в середине октября в Керчь, бот был поставлен на стражу у входа в Керченский пролив. Почти всю следующую кампанию 1773 г. Ушаков продолжал командовать «Курьером». В течение лета бот плавал в Таганрог, Феодосию, крейсировал у южного берега Крымского полуострова. В конце сентября бот пришел к Балаклаву, где находилась часть Азовской флотилии, в том числе и три корабля «новоизобретенного» типа. Два из них имели такие течи, что стояли, опершись килями на отмель, третий — «Модон» — находился в лучшем состоянии, хотя также требовал серьезного ремонта. Чтобы экипажи этих судов «не оставались в праздности» Сенявин решил отправить их в Таганрог, исправив для этого «Модон». Зная усердие и исполнительность Ушакова, Сенявин назначил его командиром «Модона»⁵. Дважды корабль пытался выйти в море, но оба раза Ушаков вынужден был возвращаться в гавань: первый раз — из-за крепких встречных ветров, второй — по причине сильной течи корпуса. В результате, «Модон» остался на зимовку в Балаклаве.

1774 год принес обострение военной обстановки в Крыму. Высадившийся турецкий десант при поддержке местных татар, вероятно, захватил бы Балаклаву, если бы не решающие успехи русских войск на Дунае, приведшие к заключению 10 июля мира с Османской Портой. Война была закончена. Многие офицеры и служители флотилии оказались не у дел. Ушаков не был включен в список «Азовской флотилии штаб- и обер-офицеров» на 1775 г. и подлежал к отправке в Петербург. Служба на Балтике в «регулярном» флоте на крупных кораблях являлась более престижной и давала больше шансов на продвижение по служебной лестнице. Так что перевод Ушакова можно расценить как своеобразное поощрение за его более чем шестилетнюю добросовестную и инициативную службу. Подобным образом можно было бы расценить и факт производства Ф. Ушакова в августе 1775 г. в капитан-лейтенанты. Но, скорее всего, это следует считать нормой, поскольку он отслужил в лейтенантском чине более пяти лет.

Кючук-Кайнарджийский мирный договор принес России право иметь военный флот на Черном море⁶. Однако в начале 1776 г. в правительственных кругах еще только обсуждался вопрос о выборе места для создания верфи под постройку кораблей для будущего черноморского флота. Поэтому было решено попытаться провести в Черное море несколько балтийских фрегатов под видом купеческих судов. На трех фрегатах оставили только по восемь пушек, остальные опустили в трюм и зарыли в песок.

Орудийные порты забили и покрасили, численность экипажей сократили вдвое, приведя их в норму, принятую для торговых судов. Уменьшенный соответственно запас продовольствия, воды, дров, амуниции позволил принять на борт товары традиционного российского экспорта — кожи, железо, воск, парусные полотна и лен. Флагманом отряда назначили командира эскортного фрегата «Северный Орел» Т. Г. Козлянинова. Команды подбирались с особым тщанием: третью часть экипажей составляли матросы, служившие в прошедшую войну на российских эскадрах в Средиземном море. Офицеры отбирались из добровольцев, также служивших в последнюю войну в Архипелаге и знавших иностранные языки. В Ливорно к отряду Козлянинова должны были присоединиться еще два небольших фрегата — «Св. Павел» и «Констанция», оставшиеся там после ухода российского флота из Средиземного моря. Эти суда имели малочисленные экипажи, состоявшие преимущественно из греков-волонтеров российской службы. Присутствие греков, в основном подданных Порты, могло вызвать нежелательные осложнения при переговорах с Турцией о пропуске фрегатов в Черное море. Поэтому решено было укомплектовать экипажи ливорнских фрегатов русскими матросами и офицерами. 3 июня, когда суда уже стояли на кронштадском рейде, коллегия постановила: «По некоторым обстоятельствам на отправляющихся в дальний вояж 4 фрегатах командировать еще капитан-лейтенанта Федора Ушакова»⁷, который должен был принять в командование один из ливорнских фрегатов.

Плавание отряда фрегатов с пятидневной остановкой в Копенгагене и двухнедельной стоянкой у острова Минорка получилось довольно длительным — только 10 сентября 1776 г. суда пришли в Ливорно. Здесь Ушаков получил ордер Козлянинова о назначении его командиром «Св. Павла». Вскоре новый командир с экипажем перебрались на свой фрегат и сразу же приступили к работам по приданию ему облика транспортного судна. К середине ноября фрегат был загружен и готов к выходу в море. В трюме «Св. Павла», кроме тщательно спрятанных пушек, находилось 20 тыс. штук жженого кирпича, 40 бочек серы, свинец в слитках, бочонки с дробью.

Тяжелые зимние штормы задержали отряд в пути — лишь в середине января 1777 г. фрегаты достигли острова Тенедос у входа в Дарданеллы. Здесь Козлянинова дождалась депеша от российского посланника в Порте А. С. Стахиева с уведомлением о согласии турецких властей «купецкие фрегаты в Константинополь пропустить». Дальше коммерческие фрегаты пошли сами: «Северный Орел», будучи под военным флагом, не имел права входить в проливы.

По приходу на константинопольский рейд на суда явились турецкие таможенные чиновники. Длинными железными прутами они пронзали песчаный балласт в поисках спрятанных там пушек. Но, «хотя действительно по звуку ударения железа о железо, могли оные ощупать, однакож звук подаренного им золота заглушил сей звук железа и принудил написать, что ничего не нашли»⁸. Пребывание российских судов в столице еще недавно враждебной страны проходило, в общем, без осложнений, если не считать ходившие поначалу слухи о намерении турок захватить российские суда и побег матросов. Не обошла эта неприятность и «Св. Павла», с которого после постановки его к причалу пропали три человека. Из посольства сообщили, что матросы приняли магометанство и передали на судно свое обмундирование, возвращенное турками.

В конце марта «Св. Павел», закончив разгрузку, перешел на рейд. Началось долгое и неопределенное ожидание результатов переговоров Стахиева о пропуске пяти фрегатов в Черное море. Турки еще задолго до прихода российских судов были осведомлены об их истинной миссии. Более полугода провели фрегаты в Константинополе, но разрешения на проход через Босфор так и не получили. В конце сентября 1777 г. пришел рескрипт Екатерины II о возвращении эскадры на Балтику.

Фрегаты собрались у острова Тенедос, где готовились к обратному плаванью. Из трюмов поднимали пушки, устанавливали их на свои места.

Пустые орудийные палубы принимали привычный военному глазу вид. В конце декабря эскадра покинула Архипелаг, направляясь в Ливорно, где ее должны были ожидать дальнейшие инструкции. Однако там их не было, и Козлянинов решил ждать их до конца марта, занимаясь тем временем ремонтом своих судов.

Между тем, возникли непредвиденные обстоятельства, приведшие, в общем, к годичной задержке эскадры в средиземноморских водах. Во время визита вежливости к тосканскому герцогу Леопольду Козлянинов познакомился с марокканским посланником. Последнего сопровождала свита и около сотни освобожденных из итальянского плена марокканцев, которых следовало доставить на родину. Леопольд уговорил Козлянинова «подбросить» марокканцев по пути на Балтику в Танжер. Разместив неожиданных пассажиров на двух уже отремонтированных фрегатах, командующий отправил их вперед, приказав капитанам после высадки гостей ожидать его в Гибралтаре. Не дождавшись в оговоренный срок Козлянинова, задержанного исправлением судов, фрегаты вернулись в Ливорно, разминувшись в пути с основным отрядом. Когда эскадра собралась, наконец, в Гибралтаре, кончилось лето. Из-за спешки в ремонте фрегаты снова стали течь, и военный совет капитанов постановил вернуться в Ливорно. Окончательно эскадра оставила этот гостеприимный порт только в середине марта 1779 г., чтобы 13 мая, спустя почти три года после ухода, вновь бросить якорь у бастионов Кронштадта⁹.

Офицеров, вернувшихся из длительного плавания, коллегия для смены рода их деятельности и отдыха от монотонности корабельной службы зачастую использовала при выполнении береговых поручений. В соответствии с этой практикой, в конце зимы 1780 г. Ушаков был направлен руководить проводкой в Петербург зазимовавшего в Твери каравана из 34 барок с корабельным лесом. Прибыв на место, Ушаков первым делом распорядился «для сохранения казенного интереса» опорожнить семь барок, догрузив остальные суда. Подрядчики, терявшие на каждой барке по 30 руб., протестовали против действий Ушакова и задерживали отход каравана. Времени же терять было нельзя ни дня: даже при самых благоприятных обстоятельствах барки, вышедшие из Вышнего Волочка ранней весной, прибывали в Петербург лишь в конце лета¹⁰. А ведь от Твери, где находился караван, до Волочка следовало пройти еще 177 верст на конной тяге. Для скорейшей отправки каравана Ушакову пришлось самому нанимать за казенный счет лоцманов, коноводов с лошадьми. Не зная, как выйти из конфликта с подрядчиками, требовавшими оплату в соответствии с контрактом за все 34 барки, Ушаков обратился в коллегия за инструкциями. Видимо, на этот раз служебное рвение Ушакова оказалось чрезмерным, поскольку коллегия определила: «Расчет произвести по договору за 34 барки, о чем Ушакову послать указ».

По прибытии в Петербург этой крупной партии леса коллегия назначила ревизию скопившейся на адмиралтейских складах древесины, организовав для этого комиссию. Среди прочих в ее состав включили однокашника Ушакова П. И. Шишкина. Срок работы комиссии назначался в полтора месяца, в связи с чем коллегия распорядилась: «А как капитан-лейтенант Шишкин находится на придворных яхтах, то на его место определить флота капитан-лейтенанта Федора Ушакова». 12 августа Ушаков принял от Шишкина стоявшие у набережной Зимнего дворца суда придворной флотилии. Императрица и двор находились в Царском Селе, и флотилия стояла без дела. С приближением осени надобность в яхтах и вовсе отпала. В сентябре Ушаков получил приказ перейти в распоряжение коллегии, которая предписала: «Яхты ввесты в галерную гавань и разоружить, и как командиров, так и протчих офицеров и нижних чинов служителей определить в прежние команды». Исполнительный и добросовестный офицер Ушаков и за этот короткий срок успел проявить себя с лучшей стороны, заслужив письменную «похвалу» генерал-адъютанта князя А. М. Голицына за то, что «отправлял положенную на него должность со всею исправностью и подчиненных держал в дисциплине».

По сдаче придворных судов, коллегия наметила отправить Ушакова, как это часто практиковалось, своим представителем на заготовку корабельного леса в одну из внутренних губерний. Узнав о намерении коллегии, Ушаков обратился непосредственно к графу И. Г. Чернышеву с просьбой об отмене его посылки и назначении на корабль. В ответном письме от 11 ноября 1780 г. вице-президент писал Ушакову: «Коллегия, найдя просьбу вашу справедливою, сделать так и определила»¹¹.

В феврале 1781 г. Адмиралтейств-коллегия получила высочайший указ о подготовке эскадры из пяти линейных кораблей и двух фрегатов «к охране торгового плаванья»¹². Командир одного из назначенных в поход кораблей, 66-пушечного «Виктора», обратился в коллегия с просьбой освободить его по болезни от посылки в плавание. Командиром «Виктора» коллегия назначила Ушакова. Факт весьма любопытный, поскольку командирами линейных кораблей в зависимости от их величины назначались, как правило, капитаны 1-го и 2-го рангов. Хотя Ушаков в это время и стоял первым в списке капитан-лейтенантов флота, и, следовательно, в соответствии с действующей системой чинопроизводства, должен был быть первым из капитан-лейтенантов произведен в капитаны 2-го ранга, его назначение можно расценить как поощрение со стороны коллегии. 11 мая Ушаков официально принял корабль от его прежнего командира и окунулся с головой в круговерть дел по подготовке судна к походу.

Эскадра направлялась в Средиземное море. Флагманом являлся контр-адмирал Я. Ф. Сухотин, знавший Ушакова еще по совместной службе в Азовской флотилии. 25 мая корабли снялись с якоря. Это плавание оказалось самым тягостным в жизни Ушакова. Теснота и скученность людей на корабле, отсутствие свежей зелени, которой суда не успели запастись из-за раннего ухода в море, почти сразу же дали себя знать «гнилой горячкой» и цингой. Первая смерть на «Викторе» последовала уже на подходе к Копенгагену. Затем едва ли не ежедневно корабельный священник читал заукоиную молитву над зашитым в старую парусину и с ядром в ногах очередным умершим. После Гибралтара умер судовой лекарь К. Миленберн: болезни усилились еще больше. Наконец, 15 августа, с больными на две трети экипажами, корабли стали на рейде Ливорно. За 12 недель плаванья на «Викторе» скончалось 47 человек, что составило более трети потерь в людях по всей эскадре¹³. С разрешения и с помощью местных властей на берегу оборудовали временный лазарет, куда свезли с судов большую часть больных.

Несмотря на принятые меры, на начало сентября в лазарете еще находилось до 800 человек. «По сей причине,— сообщал Сухотин в Петербург,— и не имею надежд, чтоб мог от Ливорны отправиться»¹⁴. Ушакову предстояло провести в этом порту уже третью зиму. Прибывший из Петербурга курьер доставил указ коллегии об очередном производстве в чины. Как и можно было ожидать, первым в списке капитан-лейтенантов, произведенных в капитаны 2-го ранга, значилось имя Ушакова. Для него чин «флота капитана» значил очень много, так как, кроме качественного перехода из обер- в штаб-офицеры, обеспечивал существенную прибавку к жалованью с увеличением всех сопутствующих доплат, что для человека, живущего, практически, на казенном иждивении, являлось немаловажным.

В обратный путь эскадра вышла в середине апреля 1782 г., но из-за ветров и сильного волнения почти все корабли, в том числе и «Виктор», получили значительные повреждения. Плавание стало опасным и эскадра возвратилась в Ливорно. Вторично корабли вышли в море в начале мая. На этот раз переход прошел вполне благополучно. Наконец, после годичного отсутствия, моряки услышали гром пушечных выстрелов кронштадтских фортов, салютовавших эскадре Сухотина. Корабли ввели в гавань — им требовался серьезный ремонт; офицеры, имевшие жилье в Кронштадте, перебрались на берег, многие уехали в «домовые отпуска». Но для Ушакова кампания не завершилась.

Походы русских эскадр с длительными стоянками в южных портах выявили дотоле почти не известное отечественным мореплавателям зло —

морского червя-древоточца. В иностранных флотах для защиты подводной части корпусов от разрушающего действия древоточца применяли обшивку из медных листов. Стоимость меди была высокой, и коллегия решила попытаться использовать для этой цели «белый металл», бывший, по ее мнению, «столь же способным, но дешевле». Для сравнения качества медной и «белометаллической» обшивки коллегия выделила два небольших однотипных фрегата — «Св. Марк» и «Проворный». Результатам испытаний придавалось большое значение, и коллегия с особым тщанием подбирала офицеров для назначения командирами опытовых судов. Ими стали Ушаков и капитан-лейтенант К. Обольянинов. Короткий рейс на «Проворном» оказался последним плаванием Ушакова как моряка-балтийца.

Включение Крымского ханства в состав Российской империи изменило геополитическую ситуацию в Черноморском регионе. Князь Г. А. Потемкин, осуществивший эту акцию, сознавая, что при первом же удобном случае Турция попытается вернуть Крым, наметил ряд организационных мер по усилению обороноспособности южных границ. Исключительно важная роль при этом отводилась флоту, которого Россия на Черном море, практически, не имела. По требованию Потемкина Екатерина II распорядилась командировать на юг морских служителей для комплектования экипажей семи линейных кораблей, заложенных в Херсонском адмиралтействе. Коллегия 13 июня 1783 г. получила предписание генерал-адмирала цесаревича Павла Петровича срочно отобрать требуемое число людей. Спустя две недели Екатерина писала Потемкину: «К вооружению морскому люди отправлены и отправляются, и надеюсь, что выбор людей также недурен — самому генерал-адмиралу поручен был»¹⁵. На Черное море было командировано 3880 нижних чинов и 132 офицера, в том числе два капитана 1-го и пять 2-го рангов, одним из которых являлся Ушаков. Опытный, с высоким чувством долга морской офицер, имевший за плечами несколько лет службы в Азовской флотилии, не привязанный к месту прежней службы личными интересами, не обремененный семьей, хозяйством и т. п., он был весьма подходящей кандидатурой для откомандирования на юг.

Находившийся в стадии организационного становления Черноморский флот открывал широкие возможности для быстрого служебного роста, в чем коллегия и обещала содействовать в качестве компенсации за тяготы жизни в далеком, необустроенном крае. Что касается Ушакова, то уже спустя полгода по прибытии в Херсон он по представлению коллегии производится указом от 1 января 1784 г. в капитаны 1-го ранга, пробыв в предыдущем чине всего два года. Важную роль в этом сыграл вице-президент коллегии граф Чернышев, даривший Ушакова дружеским расположением. Именно Ушакова граф личным письмом просил съездить в одно из его имений в Новороссии, чтобы выяснить там положение дел.

В Херсоне Ушаков был назначен командиром одного из стоявших на стапелях 66-пушечных кораблей, находившегося в начальной стадии постройки. Прибывшая из Петербурга команда должна была участвовать в сооружении своего судна наравне с адмиралтейскими мастеровыми. Однако, вскоре работы пришлось прекратить из-за вспышки чумы, завезенной из Турции. По приказу командующего флотом вице-адмирала Ф. А. Клокачева морские команды вывели из города в степь, изолировав друг от друга. Ушаков предпринял все возможные меры для борьбы с болезнью в своей команде, а главное, жестко следил за их неукоснительным исполнением. В результате, в его экипаже число умерших оказалось наименьшим, а в начале ноября эпидемия прекратилась. Чума нанесла жестокий урон — потери умершими только по морскому ведомству составили 1598 человек. В октябре скончался и Клокачев.

Новым командующим Черноморским флотом стал вице-адмирал Сухотин, с которым судьба уже в третий раз свела Ушакова и который был весьма расположен к нему. По приезде Сухотина в Херсон Ушаков был назначен командиром линейного корабля № 1 — будущего «Св. Павла», имевшего наибольшую степень готовности из всех стоявших на стапелях 66-пушечных кораблей. В начале октября стапельные работы

на «Св. Павле» практически завершились; спуск состоялся 12 числа «по полудни в 3 часа в присутствии всех знатных особ обою пола и не малого числа зрителей».

При большой занятости в течение лета 1784 г. на «Св. Павле», Ушаков нашел время и для своих личных дел. В июле он подал по команде челобитную на высочайшее имя с просьбой о награждении его орденом св. Владимира за заслуги в борьбе с чумой. Его успешная самоотверженная деятельность в полной мере соответствовала статусу ордена и подтверждалась рядом официальных документов, вплоть до именного благодарственного указа Адмиралтейств-коллегии от 3 мая 1784 года. Челобитная с сопроводительным ходатайством Сухотина, написанным в самых хвалебных выражениях, была направлена Чернышеву, поскольку, как писал Сухотин, «всевысочайшее благоволение, а особливо для его господина Ушакова, состоят из единого вашего милостивый государь предстательства». Бумаги по каким-то причинам не успели попасть в капитул ордена до 22 сентября, когда в день учреждения ордена Екатерина подписывала указы о награждениях. Ушаков получил орден св. Владимира 4-ой степени только через год, в 1785 году. Это дало ему право подписывать бумаги словами «капитан флота и кавалер».

В зимние месяцы 1784—1785 гг. на вмерзшем в лед «Св. Павле» велись достроечные работы. В первые дни мая корабль провели, воспользовавшись высокой водой, через днепровское устьевое мелководье. Проводкой руководили капитан над Херсонским портом А. П. Муромцов и Ушаков. Почти два месяца корабль находился в Днепровском лимане у Глубокой Пристани: ставили мачты, тянули такелаж, вязали паруса. Затем «Св. Павел» перевели к Кинбурну, где производилась окончательная загрузка кораблей перед выходом в море и устанавливалась артиллерия. Наконец все работы были завершены, и Ушаков подписал адмиралтейский акт о приеме корабля. Переход в Севастополь Ушаков, в соответствии с приказом Сухотина, использовал «к обучению морской практике» команды, в значительной мере состоявшей из рекрутов — вчерашних крестьян. Сообщая Чернышеву о благополучном прибытии 28 августа нового корабля в Севастополь, Сухотин не преминул высказать лестную оценку деятельности его командира: «Могу вашей светлости об оном господине Ушакове свидетельствовать всегдашнюю его исправность, попечение, а при сем случае он особливо доказал оные»¹⁶.

Август 1785 г. стал знаменательным для Черноморского ведомства радикальными переменами в системе его управления и подчиненности. Высочайшим рескриптом Черноморский флот и вся его инфраструктура были изъяты из ведения Адмиралтейской коллегии и переданы под начальство Г. А. Потемкина. Руководящим органом становилось Черноморское адмиралтейское правление во главе со старшим членом правления и подчиняющееся непосредственно Потемкину. «Чистосердечно вашей светлости признаюсь, сие... отделение от адмиралтейств-коллегии здешнего места собственно для меня, да и для всех служащих во флоте весьма сожалительно», — с горечью писал Сухотин Чернышеву¹⁷. Ушакова с полным основанием можно отнести к категории лиц, для которых отделение от коллегии было «весьма сожалительно»: он терял своего высокого покровителя Чернышева; возвращался на Балтику Сухотин, закончивший к середине ноября передачу дел старшему члену Черноморского правления капитану 1-го ранга Н. С. Мордвинову. Теперь судьба и служебная карьера Ушакова зависели от его непосредственного начальника, командира флотской дивизии недоброжелательного М. И. Войновича, малознамого Мордвинова, недосыгаемого Потемкина.

Однако служба оставалась службой, и главной проблемой Ушакова по прибытии в Севастополь являлось обеспечение благополучной зимовки своему кораблю и команде на базе флота, которой еще фактически не существовало. В первую очередь для разгрузки корабля стали своими силами строить причал. «Он, Ушаков, сам за мастера, офицеры за урядников, унтер-офицеры всех званий и рядовые употреблялись в работе: кто

с носилками, другие камень носят и землю, колья бьют, фашинником застилают, а он сам из своих рук бьет палкою, кричит ревучи, как бешеный», — писал в своих воспоминаниях матрос со «Св. Павла»¹⁸. С приходом холодов в пушечные порты вставили рамы со стеклами, в командирской каюте сложили камелек, и, прорубив палубу, вывели наружу трубу. В продолжение зимы матросы и канониры занимались ломкой камня-ракушечника, заготовляя его для строительства казармы, работали в местном адмиралтействе.

Весной, одновременно с сооружением служебных построек, Ушаков приступил к строительству собственного дома. Так поступали многие офицеры, поскольку свободного жилья в Севастополе не имелось. Дома строились из ракушечника, покрывались черепицей, лес покупали в Херсоне. Однако при всей дешевизне материалов и даровой рабочей силе — матросов и корабельных мастеровых, строительство требовало денег. Судя по тому, что Ушаков заложил большой дом, они у него имелись.

Если сведения, что за отцом будущего адмирала числилось 19 душ крестьян мужского пола, верны, то при наличии в семье еще трех братьев — Ивана, Степана, Гаврилы — материальная поддержка с этой стороны не могла быть существенной. Главным, а на первых порах и единственным, источником благосостояния Ушакова являлось жалование и соответствующие ему доплаты. Многомесячные заграничные плавания, когда доплаты к жалованью были наибольшими, могли при разумной экономии позволить составить весомую сумму. Ушакову служба обеспечивала не только проживание, но и некоторый избыток средств, которые он использовал для покупки земли и крестьян. Служа на Балтике, он стремился делать эти приобретения в местах, близких к Петербургу или своему родовому имению. Достоверно известно, что во второй половине 1780-х годов Ушаков владел землею в родовом сельце Бурнаково Романовского уезда Ярославской губ., имел землю с крестьянами в деревне Анциферовой Вытегорского уезда Олонецкой губ. и участок земли в том же уезде, купленный им у помещицы А. И. Наумовой. Поместья были небольшими, и надзор за ними осуществлял наездами брат Ушакова Иван Федорович. Ощутимых доходов они не приносили, доставляя только хлопоты и беспокойства своему владельцу. Обосновавшись основательно и, видимо, надолго в Севастополе, Ушаков решил избавиться от вытегорских поместий, поручив брату продать их за «свободную цену». С этим эпизодом его жизни связано любопытное письмо, в какой-то мере характеризующее Ушакова как помещика. «Уведомился я, — обращается он к брату, — что находящийся в деревне Анциферовской крестьянин мой Никита со своим братом и по ныне ослушны моим приказаниям, оброку мне во все времена не плотят, и когда за ним к оным приезжают, из домов своих они убегают, и во всем делают великие бездельства, наглости и ослушание; к отвращению таковых их беззаконных беспокойств прошу вас съездить туда, взять оных ослушников под караул, и обоих отдать в рекруты».

Весной 1787 г. состоялась путешествие Екатерины II в Новороссию. Находясь в Херсоне, она в ознаменование успехов в создании Черноморского флота подписала 16 мая указ о внеочередном производстве многих офицеров флота: капитаны 1-го ранга Н. С. Мордвинов и М. И. Войнович были пожалованы в контр-адмиралы, П. Алексиано и Ф. Ф. Ушаков — в капитаны бригадирского ранга. Торжества продолжались в Севастополе. Три дня старшие морские офицеры находились в обществе императрицы: были жалованы к руке, благодарили за производство, обедали и ужинали за одним столом с Екатериной. В понедельник 24 мая Черноморский флот под грохот артиллерийского салюта прощался с императрицей. И никто не предполагал, что спустя три месяца эти же орудия будут заряжены уже не холостыми, а боевыми зарядами.

В Херсон сообщение о выступлении Турции против России поступило 20 августа. Мордвинов, не зная планов Потемкина относительно флота, отправил Войновичу предписание выйти в море с эскадрой и держаться пока у Севастополя. Когда стало известно, что армейское командование не

намечает в ближайшее время активных действий против Очакова, Мордвинов решил, «что флот должен действовать сам собою». Контр-адмирал отправил Войновичу приказ «учинить нападение на Варну и истребив флот там стоящий, ийти к Очакову»¹⁹.

Севастопольская эскадра в составе трех 66-пушечных кораблей, двух новых 54-пушечных и пяти азовских 40-пушечных фрегатов вышла в море 31 августа. На подходе к Варне эскадру застиг затяжной шторм, нанесший урон, какого флот не получил за всю последующую войну: фрегат «Крым» пропал без вести, полузатопленную 66-пушечную «Марию Магдалину» занесло к Босфору, где ее захватили турки. Из всех судов только фрегат «Легкий» сохранил все мачты. Досталось и «Св. Павлу»: сначала переломилась передняя фок-мачта, затем упала задняя бизань-мачта, последней рухнула, переломившись у самой палубы, грот-мачта. Корабль занесло к кавказскому побережью. С большим трудом удалось установить на остатке фок-мачты импровизированный парус и повернуть к крымскому берегу. «Ушаков сказал: «Дети мои! Лучше будем в море погибать, нежели у варвара быть в руках», — вспоминал матрос Полномочный²⁰.

Зима и весна 1788 г. прошли в заботах по ремонту кораблей Севастопольской эскадры. Вся тяжесть борьбы с турецким флотом легла на лиманскую парусно-гребную флотилию. Поначалу она находилась в непосредственном подчинении Н. С. Мордвинова. Ордером от 17 октября 1787 г. Потемкин приказал последнему возвратиться в Херсон и заняться исправлением флота, одновременно предписав Войновичу командировать на лиман вместо Мордвинова бригадира П. Алексанов. Но поскольку последний оказался «одержим болезнью», Войнович вместо него отправил командовать флотилией Ушакова. На лиман тот прибыл в последних числах октября, когда боевые действия флотилии практически прекратились, и главной проблемой являлось обеспечение безопасной зимовки ее судов. После разоружения судов флотилии у Ушакова особых дел на лимане не стало, и Мордвинов ордером от 18 января 1788 г. отправил его обратно в Севастополь, где шел ремонт его «Св. Павла» и других судов. Потемкин, узнав об этом самоуправстве Мордвинова, разгневался, однако Ушакова обратно отзывать не стал.

Севастопольская эскадра вышла в море 18 июля 1788 г. с целью отвлечения турецкого флота от осажденного русскими войсками Очакова. Эскадре, состоявшей из двух 66-пушечных кораблей, двух 54-пушечных и восьми 40-пушечных фрегатов противостоял флот, в котором только линейных кораблей насчитывалось 16, в том числе пять 80-пушечных. Авангардом русской эскадры командовал Ушаков. Зная нерешительность Войновича, он накануне добился его разрешения «в потребных случаях командующим судов следовать движению передовой эскадры (то есть авангарда. — А. С.)»²¹. Это позволяло Ушакову в случае необходимости взять в свои руки маневрирование боевым ордером. Ушаков с нетерпением ожидал этого первого в его жизни настоящего морского сражения. «Я с моей стороны чувствовал великое удовольствие, — писал он позже в рапорте, — ...ибо весьма выгодно практикованным подражать регулярным образом против неискуства».

Сражение произошло 3 июля неподалеку от острова Фидониси. Тактическое мастерство Ушакова, решительные действия авангарда, высокая выучка экипажей решили успех боя. Турецкий флот, несколько кораблей которого получили серьезные повреждения, покинул место сражения, отойдя к устью Дуная. Войнович, не зная намерений противника и опасаясь нападения капитан-паши на таврические берега, отвел эскадру к Евпатории. Тем временем командиры составляли донесения о действиях своих кораблей в прошедшем сражении. Представил свой рапорт Войновичу и Ушаков, описав храбрые действия судов авангарда, на которые пришелся основной удар неприятельского флота. Здесь же он просил о награждении своих офицеров и нижних чинов, которым он для поднятия боевого духа «обещал ...в случае совершенной победы исходатайствовать награждение монаршей милости». Войнович же в своем рапорте принизил значимость действий

ушаковского авангарда, никак не выделил решающую роль своего младшего флагмана в успехе сражения, отметив только его мужественное поведение наряду с прочими командирами кораблей.

В один из последующих дней, когда эскадра медленно двигалась вдоль западного побережья Крыма, в капитанской каюте Ушакова собрались командиры четырех фрегатов и капитан-лейтенанты из команды «Св. Павла» Ф. В. Шишмарев и И. И. Лавров. Обсуждая за столом перепетии недавнего боя, офицеры, не очень стесняясь в выражениях, вспоминали нерешительное, почти паническое поведение своего командующего. Хотя все, казалось бы, были свои, кто-то донес контр-адмиралу о неліцеприятных отзывах о нем его подкомандных, и в первую очередь Ушакова. Войнович написал резкое письмо Ушакову. «Поступок ваш весьма дурен, и сожалею, что в такую расстройку (то есть в боевой обстановке.— А. С.) к службе вредительное в команде наносите,— писал контр-адмирал. Сие мне несносно и начальствовать над этакими; решился, сделав точное описание к его светлости (то есть Потемкину.— А. С.), просить увольнения». Ушаков, в свою очередь, подал жалобу на Войновича, обвинив того в замалчивании его заслуг, предвзятости и зависти к его успехам. При этом Ушаков так же, как Войнович, просил светлейшего испрошать ему увольнение от службы: «Ничего на свете столь усердно не желаю, как остаток отягаченной всегдашними болезнями моей жизни провести в покое»²². К письму Ушаков приложил копии рапортов, поданных им командующему после сражения. Потемкин не стал вдаваться в нюансы конфликта флагманов эскадры. Главным являлось то, что слабый русский флот устоял в сражении с несравненно более сильным противником. Конечно, на фоне впечатляющих побед лиманской флотилии, результаты боя при Фидониси выглядели весьма скромно. Награды получили только М. И. Войнович — орден св. Георгия 3-ей степени, и Ушаков — Георгия 4-ой степени.

В эту кампанию эскадра еще дважды выходила в море для отвлечения турецкого флота от Очакова. И оба раза Войнович выводил корабли только после неоднократных понуканий Потемкина. В конце года произошли изменения в командном составе Черноморского ведомства. В декабре подал в отставку Мордвинов, обвиненный Потемкиным в развале работы адмиралтейского правления и его служб. На его место светлейший определил Войновича, оставив формально под его командованием и севастопольскую эскадру. Войнович, сославшись на необходимость постоянного присутствия в Херсоне, поручил эскадру следующему по старшинству флагману Ушакову, по представлению Потемкина произведенному указом от 14 апреля 1789 г. в контр-адмиралы.

К началу кампании 1789 г. Черноморский флот был значительно усилен. Зимой удалось перевести из лимана в Севастополь 66-пушечный корабль «Св. Владимир». Эту рискованную и сложную операцию выполнил по поручению Потемкина капитан-лейтенант Д. Н. Сенявин, бывший прежде флаг-офицером при Войновиче и уехавший из Севастополя вместе с ним. Кроме того, в июле под Очаковым, взятом штурмом русскими войсками в декабре 1788 г., находился в готовности к выходу в море отряд из четырех кораблей: 80-пушечного «Иосифа II», 60-пушечного «Марии Магдалины» и 50-пушечных «Св. Александра» и трофейного турецкого «Леонтия». Севастопольская же эскадра была готова к выходу в море уже 19 июня. Ушакову, которому при решении даже самых незначительных вопросов по эскадре приходилось обращаться в Херсон к Войновичу, подготовка кораблей стоила большого труда и огромного напряжения.

Время шло, а русские корабли стояли в бездействии. Неприятель также не проявлял активности. Потемкин, занятый военными действиями в Молдавии, казалось, забыл о флоте. Только в конце августа флоту была поставлена задача способствовать армии во взятии крепости Гаджибей. Эскадра Ушакова должна была отвести турецкий флот от крепости в открытое море; лиманскому же отряду Войновича предписывалось оказать поддержку с моря войскам при штурме Гаджибея, затем соединиться с севастопольской эскадрой. Крепость была взята армейскими частями 14 сентября несмотря

на сильное противодействие артиллерии турецких кораблей. Ни Ушаков, пришедший к Гаджибею только 22 сентября, ни Войнович, вынужденный укрыться от шторма за островом Березань, порученные им задачи не выполнили, вызвав этим резкое неудовольствие Потемкина. Лиманский отряд прибыл в Севастополь в конце сентября, где соединился с эскадрой, которая за несколько дней до этого пополнилась двумя новыми 46-пушечными фрегатами, пришедшими из Таганрога. Светлейший предписал флоту немедленно идти на поиск турецкой эскадры. На рассвете 8 октября Войнович со всем флотом вышел в море, и до начала ноября крейсировал у западного побережья, но так и не встретил турецкую эскадру. Так закончилась кампания 1789 г., в течение которой корабельный флот не сделал ни единого выстрела по неприятелю. Главным виновником бездействия флота Потемкин посчитал его командующего.

22 ноября Войнович получил ордер Потемкина с предписанием о скорейшем отправлении Ушакова в ставку светлейшего. Уже на следующий день Ушаков, получив подорожную на восемь лошадей и 300 руб. на прогоны до Ясс и обратно, выехал из Севастополя. В ставке Ушаков находился почти четыре месяца. Результатом неоднократных личных встреч и бесед с Потемкиным о флотских и адмиралтейских делах стали радикальные перемены в начальствующем составе Черноморского ведомства. Светлейший решил формально лично возглавить Черноморский флот, отправив Войновича командовать морскими силами на Каспийское море. Орденом от 14 марта 1790 г. Ушакову было «препоручено начальство флота по военному употреблению»; обязанности старшего члена адмиралтейского правления возлагались на главного строителя флота обер-интенданта С. И. Афанасьева, генерал-майор И. М. де-Рибас определялся командующим гребным флотом. Ушаков получил разрешение самостоятельно назначать командиров кораблей «смотря не на одно старшинство, но и на способность».

Возвращаясь в конце марта из Ясс, Ушаков задержался на несколько дней в Херсоне для согласования с адмиралтейским правлением вопросов по снабжению флота к предстоящей кампании амуницией, продовольствием, ремонтными материалами. Прибыв в Севастополь, Ушаков в первую очередь занялся подготовкой эскадры из семи фрегатов, отобранных для набеговой операции на порты азиатского побережья Турции, план которой был составлен во время его пребывания в Яссах.

Утром 16 мая Ушаков, подняв контр-адмиральский флаг на бизань-мачте «Св. Александра Невского», вывел эскадру в море и лег курсом на Синоп. Поход к «анадольским и абазинским берегам» оказался, в общем, удачным, хотя и не столь успешным, как предполагалось. Ограниченный указанием Потемкина беречь суда для будущих больших дел, Ушаков не рискнул вступить в противоборство с береговыми батареями, прикрывавшими стоящие под берегом два фрегата в Синопе и линейный корабль в Анапе. Основным результатом похода стал захват или уничтожение полутора десятка транспортных судов противника. 5 июня эскадра бросила якоря на севастопольском рейде. «Я только весело время проводил в походе, — писал Ушаков, сожалея о завершении операции, — а возвратясь сюда, принужден опять заняться за скучные письменные дела»²³.

Турецкий флот появился в виду мыса Херсонес, держа курс в сторону Анапы, в конце июня. Капитаны кораблей тут же получили приказ приготовиться к выходу в море; 2 июля флот двинулся вслед за турками. Встреча с неприятелем произошла 8 июля 1790 г. напротив входа в Керченский пролив. Турки подходили со стороны Анапы с попутным для них восточным ветром. Русский флот лежал в боевой линии, ожидая нападения. В полдень началось сражение: против пяти линейных кораблей, трех 50-, двух 46- и шести 40-пушечных фрегатов русского флота капитан-паша направил 10 линейных кораблей и 8 фрегатов. Турки атаковали голову русской колонны, из-за чего большая часть судов — центр и арьергард — оказались в бездействии. Ушаков поднял сигнал с приказом 40-пушечным фрегатам покинуть линию, а оставшимся судам, имевшим крупнокалибер-

ную артиллерию, подтянуться к авангарду. Сменивший вскоре в пользу русских направление ветер существенно улучшил их положение. Жестокий непрерывный бой продолжался до 5 час. пополудни, когда турецкий флот сумел вырваться из-под губительного огня русских пушек. Поставив все паруса, турки стали отходить к югу. Ушаков бросился вдогонку, стараясь не упустить «уже бывшую почти в руках наших знатную добычу». Но за ночь капитан-паша сумел оторваться от преследователей. Ушаков, потеряв противника, отошел к Феодосии для неотложного устранения повреждений. Отсюда он отправил Потемкину реляцию о победе и сбитый с одного из турецких линейных кораблей флаг.

Вернувшись с флотом 12 июля в Севастополь, Ушаков занялся ремонтом и подготовкой судов к повторному выходу в море. Екатерина II в ответном на сообщение Потемкина о победе Черноморского флота послании писала: «Контр-адмиралу Ушакову великое спасибо прошу от меня сказать и всем его подчиненным». Наградой Ушакову за сражение стал орден Св. Владимира 2-ой степени.

Турецкий флот вновь показался у таврических берегов в начале августа, затем его видели у Гаджибея. Ушаков вышел в море 25 августа, имея сведения, что неприятельский флот стоит на якорях между островом Тендра и Гаджибеем. Утром 28 августа с кораблей русской эскадры, находившейся у Тендры, увидели неприятеля: 14 линейных кораблей, восемь фрегатов и более двух десятков мелких судов, свернув паруса, покачивались на якорях. Дул свежий юго-восточный ветер, создавая едва ли не идеальные условия для нападения. На русских судах поставили все паруса. Турки, заметив приближение идущего в трех колоннах русского флота, стали спешно сниматься с якорей и в беспорядке отходить, ложась на единственно возможный для них курс, к устью Дуная. Капитан-паша, ушедший с несколькими кораблями вперед, не желал, видимо, принимать бой, но, увидев, что русские вот-вот отрежут отставшую часть его флота, вынужден был повернуть обратно, на ходу выстраивая из ближайших кораблей линию баталии. Ушаков, в свою очередь, четким маневром свел свои три колонны также в линию и дал сигнал к атаке.

В три часа началось сражение. Турецкие корабли, не выдерживая огня русских пушек с близкой дистанции, стали отступать. Натиск кораблей Ушакова тут же усилился, они «с отличной неустрашимостью спускались беспрестанно весьма близко на передовую часть отборных неприятельских кораблей, где и все флагманские корабли их находились, теснили оных и, поражая, наносили великий вред, и тем принудили всю оную передовую часть неприятельского флота поворотить через фордевинд и бежать к стороне Дуная». Русские корабли преследовали неприятеля пока ночная темнота не скрыла беспорядочно бегущий турецкий флот. На флагманском «Рождестве Христовом» был поднят сигнал с приказом всем судам собраться и стать на якорь. Поменявший направление ветер не позволил многим турецким судам уйти за ночь далеко от места сражения. Рассвет следующего дня застал их в зоне видимости русской эскадры, которая, вступив под паруса, пустилась вдогонку. Вскоре был отрезан 66-пушечный турецкий корабль, сдавшийся без боя. Затем наступила очередь 74-пушечного вице-адмиральского корабля «Капитания», отставшего из-за полученных накануне повреждений более других. Несколько русских кораблей, проходя мимо, обрушивали на него всю мощь бортовых залпов. Когда «Рождество Христово», находясь в какой-то полусотне метров от горящего, без единой мачты турецкого корабля, готовился дать последний, смертельный залп, тот сдался. Однако было поздно. Едва первая из подошедших русских шлюпок успела забрать адмирала, капитана и других офицеров, «Капитания» взлетела на воздух, унеся в пучину моря восемь сотен жизней и казну турецкого флота.

Черноморский флот одержал впечатляющую победу малой кровью: число убитых составило 21, раненых — 25 человек. В последний день августа флот в полном составе, включая захваченный турецкий корабль, на корме которого развивалось огромное полотнище андреевского флага, стал

на якорь в виду Гаджибея, ожидая приезда Потемкина. Утром следующего дня над морем прокатились раскаты орудийного салюта: флот 13-тью выстрелами с каждого корабля приветствовал прибытие высокого гостя. Светлейший пробыл на борту «Рождества Христова», где собрались командиры всех судов, более трех часов. Под грохот пушечных залпов и крики «ура» расставленных по реям и вантам матросов звучали здравницы в честь Екатерины и Потемкина, Ушакова и его боевых капитанов. А в это время курьеры мчались во все стороны, неся весть о второй за лето внушительной победе Черноморского флота. Заслуга Ушакова в этом была несомненной. Потемкин писал в Николаев своему сподвижнику М. Л. Фалееву: «Наши благодаря богу такого перцу туркам задали, что любо. Спасибо Федору Федоровичу! Коли бы трус Войнович был, то он бы с...л у Тарханова Кута, либо в гавани»²⁴. Отвечая светлейшему, Фалеев в свою очередь отмечал: «Я много слышал хорошего о неустрашимости духа Федора Федоровича. Спасибо ему, и дай бог, чтоб он и всегда таков был и преуспевал!».

Указом от 16 сентября 1790 г. Екатерина II наградила Ушакова по просьбе Потемкина орденом св. Георгия 2-го класса и пожаловала ему деревни и 500 душ мужского пола в Могилевской губернии. Вторая степень военного ордена являлась очень почетной наградой, которая жаловалась военачальникам более высоких, чем контр-адмирал, рангов. Екатерина, упоминая в частном письме о награждении Ушакова, писала, что «это будет первый в чине генерал-майора, награжденный Георгием этой степени». Орден Георгия 2-ой степени обеспечивал Ушакова пожизненной ежегодной пенсией в 400 рублей.

От Гаджибея Ушаков вернулся в Севастополь для ремонта кораблей. Следующей задачей, поставленной Потемкиным перед флотом, являлось прикрытие перехода гребной флотилии к устью Дуная, а затем поиск неприятельской эскадры для окончательного ее разгрома. Суда гребной флотилии, вооруженные крупнокалиберными орудиями, крайне нужны были для взятия турецких придунайских укреплений, и, в первую очередь, Измаила. В конце сентября Ушаков и командующий флотилией генерал-майор де-Рибас получили ордера Потемкина о проведении совместной операции.

Однако из Севастополя флот, вместо обещанного Ушаковым 8 октября, вышел, задержанный встречными ветрами, только спустя восемь дней. Потемкин видя, что флот не идет в море, орденом от 11 октября приказал де-Рибасу двигаться к Дунаю самостоятельно. Когда, наконец, флот подошел к устью, уже последние суда флотилии втягивались в Килийское гирло. Ушаков, не выполнив приказа Потемкина, пытался все же создать впечатление своего активного участия в действиях флотилии. Он пишет Потемкину несколько донесений, а также просит де-Рибаса замолвить за него слово перед светлейшим: «Когда будете писать реляцию о ваших действиях, желал бы я, чтоб упомянули о флоте, что вы под прикрытием оного в разсуждении неприятельского флота ...совершенно обеспечены; желание мое для того, чтоб после бывших дел видно было, что мы не стоим в гаванях»²⁵. Ушаков обещает де-Рибасу любую помощь. Однако когда де-Рибас попросил Ушакова помочь гребными судами, корабельными солдатами и присылкой нескольких морских офицеров, контр-адмирал, сославшись на их нехватку на флоте, отказал.

Оба командующих стали после этого врагами. «Я не ожидал никак со стороны вашей так мало уважения, и что вы, поспешая донести его светлости о происшествиях на Дунае, лишили флотилию той славы, которую она заслужила своим подвигом без малейшего вспомоществования вашего флота,— высказывал свое негодование де-Рибас в письме от 28 октября, копию которого он отправил Потемкину.— И так как вы мне дали полный случай, что пренебрегаете мою дружбу, то мы остаемся между собою врозь». Ушаков в этот же день отправляет письмо Потемкину, с обвинениями в адрес де-Рибаса и других «недоброхотов» из гребной флотилии. Светлейший, верный своей практике не вмешиваться в подобные конфликты, ответил Ушакову: «Я люблю отдавать справедливость. Никто у меня, конечно,

ни белого очернить, ни черного обелить не в состоянии и приобретение всякого от меня добра и уважения зависит единственно от прямых заслуг»²⁶.

В декабре русская армия взяла штурмом Измаил. Вклад гребной флотилии в овладении этой твердыней был очень значительным. Флотилия была преобразована в Черноморский гребной флот. Теперь на Черном море имелось два флота и два командующих одинакового ранга. Такое положение грозило обострением конфронтации между Ушаковым и де-Рибасом, особенно в ситуации, когда Черноморское адмиралтейское правление возглавлял корабельный мастер С. И. Афанасьев, имевший чин бригадира. Потемкин решил внести изменения в управление Черноморским ведомством. Ушаков был срочно вызван в Яссы. Здесь светлейший 11 января 1791 г. подписал распоряжение, которым Ушаков назначался старшим членом адмиралтейского правления, оставаясь при этом командующим корабельным флотом. При этом Ушаков не переводился в Херсон, а остался в Севастополе. С этим назначением Ушаков занял высшую административную должность в Черноморском ведомстве и формально мог чрез правление распоряжаться также и гребным флотом. Посетив на обратном пути из

Ясс Николаев и Херсон, где в соответствии со своими новыми обязанностями ознакомился с работой адмиралтейств, осмотрев строящиеся там корабли, Ушаков в конце февраля возвратился в Севастополь, чтобы взяться за подготовку флота к летней кампании.

Ставя превыше всего долг и дисциплину, Ушаков постоянно вступал в конфликты с нерадивыми или неисполнительными офицерами. В марте это был капитан 1-го ранга А. Г. Баранов, в апреле — капитан 2-го ранга Д. Н. Сенявин. Будущий знаменитый адмирал являлся командиром фрегата «Навархия», на который он, кстати, был назначен Потемкиным, и одновременно числился при штабе светлейшего в должности генеральс-адъютанта. Истоки недоброжелательства в отношениях Ушакова и Сенявина относятся, скорее всего, еще ко времени службы последнего флаг-офицером при Войновиче.

Сенявин, который, подобно другим командирам, должен был в соответствии с распоряжением Ушакова выделить из состава своего экипажа несколько служителей «в своем звании исправных, здоровых и способных к исполнению должностей», для отправки в Херсон на новые корабли, в числе прочих выделил для этого трех больных. Повторный же приказ Ушакова заменить больных здоровыми выполнить отказался. Командующий приказом по флоту объявил Сенявину выговор, а тот со своей стороны подал по команде прошение на имя Потемкина с жалобой на Ушакова. Реакцией последнего явился очередной приказ по флоту, на что Сенявин ответил отправкой жалобы светлейшему. Ушаков, узнав об этом, отослал Потемкину личное письмо с просьбой «повелеть строго исследовать справедливость дела» и защитить его от наветов, подчеркнув, что «недоброжелательства ко мне не чрез одно здешнее место клонятся, большей частью происходят они из Херсона, напоследок и от гребного флота»²⁷. Но Потемкин в это время находился в Петербурге.

Когда в конце июня 1771 г. турецкий флот появился у берегов Крыма, севастопольская эскадра уже стояла на рейде, практически готовая к походу. В море Ушаков вышел 10 июля, осуществляя плавание к Керченскому проливу. Встретившись, противники несколько раз сближались, но турки всякий раз уклонялись от сражения, отойдя, в конце концов, к румелийским берегам. Ушаковская же эскадра вернулась в Севастополь для исправления полученных в бурном море повреждений.

Вторично Черноморский флот вышел в море 29 июля, но теперь его курс лежал на запад, где по предположениям Ушакова, должны были находиться турки. 31 июля с русских кораблей увидели турецкий флот, стоящий под прикрытием мыса Калиакра. Турки, ошеломленные внезапным появлением русской эскадры, стали в спешке сниматься с якоря. Воспользовавшись их замешательством, Ушаков, перестроив походный ордер в линию баталии, атаковал противника. Состоялось знаменитое сражение при Калиакре, принесшее турецкому флоту очередное и, пожалуй, самое крупное, поражение. Турецкие адмиралы так и не сумели организовать серьезное сопротивление, и их флот бежал к югу, преследуемый российскими кораблями. Только опустившаяся ночь заставила Ушакова дать сигнал о прекращении погони. Исправив наскоро за три дня повреждения, Ушаков повел эскадру к Варне, где по сведениям разведчиков находилась часть турецких сил. Однако 8 августа адмирал получил повеление о прекращении военных действий в связи с подписанным 31 июля перемирием. Говоря о впечатлении, какое произвело на султана возвращение его судов от Калиакры, Екатерина II писала: «Испуганный при виде своих кораблей, лишенных мачт и совершенно разбитых, и экипажа, среди которых много убитых и раненых, он тотчас же отдал приказ кончать возможно скорее, и даже сами турки говорили, что его высочество, заносившееся двадцать четыре часа тому назад, стал мягок и сговорчив, как теленок». Наградой Ушакову за Калиакру стал орден св. Александра Невского и 200 душ крестьян в Тамбовской губернии.

Флот возвратился в Севастополь 20 августа. Спустя неделю Ушаков получил приказ Потемкина отправить к нему капитана 2-го ранга

Д. Н. Сенявина, отстранив его от должности командира фрегата. Еще через несколько дней курьер доставил ордер с предписанием явиться в ставку теперь уже самому Ушакову. Для скорейшего прибытия адмирала Потемкин распорядился приготовить по тракту от Очакова до Бендер по десяти лошадей на каждой станции. В Яссах Ушаков встретил теплый прием у светлейшего. Главной темой их бесед являлись проблемы подготовки флота к возможному возобновлению военных действий.

Попутно решался вопрос о дальнейшей службе Сенявина, содержащегося в кордегардии под арестом. За неподчинение командующему в военное время ему грозил суд, на чем настаивал Потемкин. Ушаков считал такое наказание слишком суровым. По его мнению, нахождение под арестом и сама угроза военного суда являлись хорошим уроком молодому офицеру. Благородная позиция Ушакова в отношении Сенявина импонировала князю: «Ваше о нем ходатайство из-за уважения к заслугам вашим удовлетворяю я великодушную о нем просьбу и препровождаю здесь снятую с него шпагу, которую можете возвратить, когда заблагорассудите»²⁸. Ушаков вернул шпагу Сенявину и, распрощавшись с Потемкиным, отбыл через Херсон в Севастополь. Сенявин же, не имея должности в корабельном флоте, был определен в гребной и отправлен в Галац, где базировались суда Дунайской флотилии.

5 октября 1791 г. по пути из Ясс в Николаев скончался Потемкин. Отношение к Ушакову в Главной квартире сразу же изменилось. «Я довольно уже чувствую, предвидя, сколь много я потерял, лишившись истинного моего покровителя и милостивца», — с горечью отмечал он в письме от 9 ноября. Указом Екатерины II Южная армия и Черноморский флот были на время переданы под начальство генерал-аншефа М. В. Каховского. Спустя несколько месяцев неопределенность в руководстве Черноморским ведомством закончилась: 24 февраля 1792 г. императрица пожаловала находившегося не у дел Мордвинова в вице-адмиралы и назначила председателем Черноморского адмиралтейского правления. Ушаков же остался командующим флотом.

В первую послевоенную кампанию флот в море не выходил. В течение четырех военных лет все заботы были обращены прежде всего на флот; береговые сооружения и постройки возводились только при крайней необходимости и на скорую руку. Теперь, по окончании войны, значительно возросшая численность судов и служителей морского ведомства обусловили острую потребность в казармах, госпиталях, магазинах и т. п. Поэтому практически весь 1792 год Ушаков занимался обустройством главной базы флота. Из-за скудости отпускаемых денежных средств строительство велось почти исключительно силами судовых команд и адмиралтейских мастеровых. Тем не менее, успехи были заметными. Наряду с казенным строительством, Ушаков занимался благоустройством и упорядочением жилой застройки Севастополя²⁹.

Много внимания уделял Ушаков поддержанию воинского порядка в подкомандных ему частях. Падению дисциплины способствовало нахождение служителей при береговых работах, отсутствие жесткого судового распорядка дня, тесные контакты с городскими жителями и возможность приобретения спиртных напитков, зачастую в обмен на казенное имущество. Пьянство, драки, карточные игры, самовольные отлучки, побеги стали едва ли не повседневным явлением. Многочисленные дисциплинарные приказы Ушакова пестрят выражениями: «наказать при команде по рассмотрению», «наказать жестоко при разводе фрунта», «наказать нещадно кошками», «наказать шпицрутенами». Вместе с тем, Ушаков делал все, чтобы сократить число больных и умерших, сохранить здоровье служителей, видя в здоровых и бодрых экипажах залог боевых успехов флота.

В декабре 1792 г. Ушаков получил разрешение императрицы на четырехмесячный отпуск для поездки в Петербург. В середине января он прибыл в столицу. Оттуда не преминули сообщить Мордвинову: «Федор Федорович дней десять как сюда приехал и много говорит о своих заслугах». За короткое время адмирала пять раз приглашают в Зимний

дворец на званные обеды к Екатерине II, где обычно присутствуют члены императорской фамилии и узкий круг высших сановников, военачальников, дипломатов. В апреле Ушаков возвратился в Севастополь. Эскадра в кампанию 1793 г. опять не выходила в море, и командующий продолжал заниматься береговым строительством. Этот год ознаменовался для него дальнейшим продвижением по служебной лестнице: 2 сентября Ушаков был пожалован в вице-адмиралы. Зимние месяцы, когда флот стоял на приколе, проходили в Севастополе, если говорить об офицерской среде, не скучно: был организован театр, устраивались маскарады, и, как вспоминает современник, «Ушаков давал балы»³⁰.

Начало 1794 г. ознаменовалось «угрожением войною со стороны вероломной Порты Оттоманской». Ушаков занимается исправлением, вооружением и оснасткой уже более двух лет не выходившего в море флота. Трудности в подготовке кораблей усугублялись плохим его самочувствием. Он вынужден просить Мордвинова приказать доктору Мотике, который пользовал Ушакова и по своим делам находился в Херсоне, немедленно отправиться в Севастополь, «ибо я по худости моего здоровья крайнюю надобность в нем имею»³¹. В общем, Ушаков не был здоровым человеком: упоминания в документах о его болезненном состоянии встречаются довольно регулярно начиная с 1784 г., когда он страдал «частыми припадками».

Тревога в отношении враждебных действий Турции оказалась несостоятельной, и эскадра вышла в море для обычных практических плаваний. Почти два месяца день за днем шла напряженная учеба, восстановление утраченных за три года навыков движения кораблей в различных порядках, уборки и постановки парусов, аварийной смены рангоута, пушечные и ружейные учения. Неправильно или не вовремя выполненный маневр или поставленный парус, несоблюдение дистанции в строю или задержка с исполнением сигнала, — ничто не ускользало от всевидящего ока адмирала и не оставалось без последствий для командиров кораблей.

К весне 1795 г. российско-турецкие отношения вновь вошли в мирное русло. В связи с этим Мордвинову было приказано «вооружить и выслать в море елико возможно менее и только то число, которое признаете вы необходимо нужным для эзерциции». Небольшая эскадра под флагом вице-адмирала Ушакова вышла в море в начале июня «для практики и обучения флотских офицеров и служителей». Плавание было недолгим, и вскоре корабли бросили якоря на рейде Северной бухты Севастополя.

В конце года Мордвинов уехал на всю зиму в Петербург, поручив руководство Черноморским ведомством адмиралтейскому правлению. Ушаков оказался в унижительной для него ситуации, когда он, вице-адмирал и командующий флотом, вынужден был подчиняться членам правления, имевшим более низкие чины, но отдававшим распоряжения в форме обязательных к исполнению указов правления. В последнем на ключевых постах имелось немало недоброжелателей Ушакова, пользовавшихся должностными возможностями для мелочных придирок и уколов самолюбия адмирала. С приездом в 1792 г. Мордвинова на Черное море возле него сплотился круг лиц, главным образом из береговой администрации и ряда флотских офицеров, не благоволивших по личным причинам к Ушакову. К ним, в частности, относился и Д. Н. Сенявин. Его первый биограф отмечал, что «по смерти князя Потемкина, Дмитрий Николаевич нашел ревностного покровителя в лице Мордвинова».

В кампанию 1796 г. Ушаков, как обычно, возглавил практическую эскадру и ушел в учебное плавание в северо-западную часть Черного моря, «имея при том в виду охранение берегов между Севастополем и Одессою». По возвращении в главную базу Ушаков отправился в Херсон, Николаев и Глубокую Пристань «для вспоможения в надобностях приуготовляющемся к выходу оттоль трем новым кораблям, дабы их непременно в самой скорости привести в Севастополь в соединение к флоту»³². Речь шла о построенном в Николаеве 90-пушечном «Св. Павле» и сооруженных в Херсоне 74-пушечных «Св. Петре» и «Святых Захарии и Елисавете».

«Св. Петр», которым командовал Сенявин, и «Святые Захарий и Елисавета», где командиром являлся близкий к Ушакову капитан 1-го ранга И. И. Ознобишин, были спроектированы и построены талантливым корабельным мастером А. С. Катасановым. Суда имели конструктивное новшество — сплошную верхнюю палубу. Появление этих судов в октябре 1796 г. в Севастополе разделило флотскую среду на два лагеря — противников и сторонников указанного новшества, нарушив почти на два года нормальное течение флотской жизни и обострив до предела отношения между Ушаковым и Черноморским правлением во главе с Мордвиновым. В конфликт оказался втянутым широкий круг лиц, вплоть до императора Павла I, вступившего на российский трон в ноябре 1796 года.

Ушаков и поначалу многие из его капитанов-сподвижников по прошедшей войне встретили в штывы внедренное при поддержке Мордвинова усовершенствование. Спор о достоинствах и недостатках новых кораблей вскоре перешел во взаимные обвинения адмиралов в подтасовке фактов и давлении на подчиненных. Спор осложнялся тем, что капитаны этих двух совершенно одинаковых кораблей давали им противоположные оценки: Сенявин — положительную, а Ознобишин — отрицательную. Воцарение Павла I, сопровождавшееся ликвидацией самостоятельности Черноморского правления, придало Ушакову надежду найти поддержку со стороны Адмиралтейской коллегии, ряд членов которой неприязненно относились к Мордвинову. Ушаков пишет в коллегию и на имя царя жалобы на предвзятое к нему отношение и гонения со стороны администрации Черноморского ведомства, считая, что «они ничто иное есть, как продолжающееся ко мне неприятство и политическое притеснение вице-адмиралом Н. С. Мордвиновым»³³. Он также обращается несколько раз в коллегию и к Павлу I за разрешением на проезд в Петербург для личного свидания с императором: «Беспредельная крайность состояния моего понуждает искать по команде, чрез кого надлежит высочайшую защиту, милость и покровительство».

Однако в Петербург в январе 1797 г. поехал Мордвинов, формально вызванный для отчета о деятельности Черноморского ведомства, а на самом деле — для дачи показаний комиссии, проводившей на основании доноса следствие о злоупотреблениях в экспедиции строения порта в Одессе. Ушакову же было предписано исполнять должность председателя правления. Адмирал, ссылаясь на нездоровье, продолжал оставаться в Севастополе, и в Николаев, где с 1794 г. размещалось правление, прибыл только 2 марта. На следующий день туда возвратился Мордвинов, сумевший доказать суду свою невиновность. Ушаков же сразу вернулся в Севастополь, где занялся подготовкой эскадры к кампании.

Летние 1797 г. практические плавания эскадры прошли, в соответствии с указанием Павла I, под знаком многообразных сравнительных испытаний традиционных и катасановских кораблей. Ушаков старался собрать доказательство для подтверждения своего отрицательного мнения в отношении новых 74-пушечных кораблей.

Известие о подготовке оттоманского флота к раннему выходу в Черное море, полученное в Петербурге в начале 1798 г., насторожило Павла I. Хотя официальная причина, называвшаяся турецким правительством, состояла в умирении мятежных придунайских пашей, и ничто пока не указывало на ухудшение отношения Турции к России, подозрительный император не исключал возможность внезапной перемены намерений Порты и нападения при поддержке или под давлением Франции на черноморские владения России. Обеспокоенность Павла I усилилась, когда стали поступать сведения о начавшейся в марте в средиземноморских портах широкомасштабной подготовке французского флота и высадочных средств для какой-то секретной экспедиции, возглавить которую Директория поручила Бонапарту. Уже только это свидетельствовало о серьезности планируемой операции.

Указом от 9 апреля Павел предписал Ушакову выйти с линейным флотом в море для крейсирования между Севастополем и Одессою. Затем последовал новый рескрипт императора, которым Ушакову приказывалось

дать, по возможности, решительное сражение французской эскадре, если она «покусится войти в Черное море». При этом Павел подчеркивал: «Мы надеемся на ваше мужество, храбрость и искусство, что честь нашего флага соблюдена будет»³⁴. Столь лестная оценка была для Ушакова как нельзя кстати после царского выговора, полученного неделю назад за вмешательство в дела, лежащие вне сферы его служебных обязанностей. «Буде сие еще от вас учинено будет, то строго от вас взыщется», — предупреждал Павел I. Такое же предупреждение получил и Н. С. Мордвинов. Гнев царя был вызван очередным столкновением между адмиралами.

Результаты испытаний 74-пушечных кораблей, полученные Ушаковым в кампанию 1797 г., он отправил в коллегию, представив одновременно дубликаты Павлу I. Коллегия обязала рассмотреть их петербургским корабельным мастерам. Хотя ведущие кораблестроители и признали введенное Катасановым новшество полезным, коллегия все же не сочла возможным игнорировать протесты Ушакова и решила вернуться к прежней конструкции кораблей. Несмотря на это Мордвинов, стремясь доказать свою правоту, властью главного командира провел весной 1798 г. новые испытания. Комиссия в выводах отметила, что «в остойчивости корабли не токмо чтоб имели недостаток, но даже имеют преимущество перед прочими». Ушаков, единственный из членов комиссии не подписавший это заключение, подал на имя Павла I очередную жалобу на Мордвинова. Выведенный из себя император распорядился «о удобности кораблей сих сделать единожды заключение и впредь о сем более не представлять», указав в отношении Ушакова, что «протесты ...со стороны вице-адмирала неосновательны по каким-либо личным ссорам; то дабы подобных чему представлений не могло последовать впредь, подтвердить с тем, чтобы всякая личность была отброшена, где дело идет о пользе службы»³⁵.

Неуступчивая позиция Ушакова в споре о кораблях со сплошной верхней палубой надолго задержала введение в отечественном флоте этого прогрессивного новшества. При этом трудно заподозрить адмирала Ушакова в консерватизме.

Конец столкновениям с Мордвиновым и черноморской администрацией, спорам о качествах 74-пушечных кораблей и прочим большим и мелким обидам и ссорам положиле прибытие 4 августа в Севастополь столичного курьера с именным секретным императорским указом Ушакову о немедленном выходе эскадры в Константинополь для совместных действий с турецким флотом против Франции. Работа по подготовке к походу велась днем и ночью, и уже 13 августа 1798 г. шесть линейных кораблей, семь фрегатов и три посыльных судна, ядро Черноморского флота, оставили за кормой крымский берег.

Поход выдался тяжелым: шторм нанес многочисленные повреждения судам. Один корабль и посыльное судно пришлось вернуть с половины пути в Севастополь. Только 23 августа эскадра пришла к Босфору. На следующий день, получив официальное подтверждение Порты о свободном пропуске российских военных судов через проливы, корабли под орудийный грохот салюта турецких батарей вошли в Босфор.

Официальный Стамбул встретил Ушакова золотой с бриллиантами табакеркой в качестве награды за скорое прибытие. Адмирал съехал на берег и поселился в резиденции российского посланника В. С. Томары. Пока суда эскадры устраняли повреждения, Ушаков знакомился с состоянием турецкого флота, участвовал в совещаниях с высшими чиновниками Порты, российским и английским посланниками, обговаривая стратегические задачи совместных действий военно-морских сил, уточняя организационные, финансовые и другие вопросы. Достигнутое соглашение предусматривало занятие соединенным флотом захваченных Францией Ионических островов, охрану берегов турецких владений и содействие английскому флоту у побережья Египта. Общее руководство русско-турецким флотом было возложено на Ушакова.

По завершении переговоров российская эскадра оставила Константинополь и, прибыв 8 сентября в Дарданелльский пролив, соединилась там

с турецким отрядом из четырех линейных кораблей, шести фрегатов, трех корветов и 14-ти канонерских лодок, которым командовал вице-адмирал Кадыр-бей. Соединенный флот проследовал в Архипелаг и приступил к освобождению Ионических островов, начав операцию с овладения лежащим первым в цепочке острова Цериго. Ионическое население, состоявшее преимущественно из греков, среди которых имелось довольно много лиц, сражавшихся на стороне России в первую и вторую русско-турецкие войны, с надеждой и нетерпением ожидало своих освободителей, готовое оказать им всемерную помощь.

Совместные действия русско-турецкого десанта, установленных на берегу батарей и угроза штурма заставили французский гарнизон спустить флаг главной опорной точки острова крепости Капсали. Павел I щедро награждал черноморцев: Ушаков получил бриллиантовые знаки ордена св. Александра, все представленные им к награждению офицеры — ордена, и все 300 нижних чинов, участвовавших в десанте, — знаки ордена св. Анны.

Затем последовало освобождение островов Занте, Кефаллонии и Св. Мавры. За взятие Занте Ушаков был награжден большим командорским крестом ордена св. Иоанна Иерусалимского с полагающейся при этом пожизненной ежегодной орденской пенсией в 2 тыс. рублей. Обеспечив таким образом безопасность тыла и коммуникаций с Константинополем и портами Черного моря, Ушаков мог вплотную заняться самым крепким орешком — городом-крепостью Корфу на одноименном острове. Ее гарнизон в 3700 человек располагал почти 650 орудиями и имел запас продовольствия на несколько месяцев. С морского направления крепость прикрывал надежно укрепленный скалистый остров Видо, со стороны суши — три форта. В проливе между Видо и Корфу стояли два французских линейных корабля — «Женеро» и «Леандр», фрегат и более десятка мелких судов. Взятие этой твердыни штурмом возможно было только с суши, для чего требовалось порядка 10 тыс. солдат. Ушаков же при довольно мощном флоте, (по данным января 1799 г. — 12 линейных кораблей и 11 фрегатов)³⁶ располагал несравненно меньшим количеством людей, которых он мог выделить для этой цели из экипажей русских и турецких судов. Ионическое ополчение не представляло собой серьезной военной силы, и до прибытия турецких войск Ушакову оставалось только блокировать крепость для пресечения доставки осажденному гарнизону подкрепления и продовольствия.

После сокрушительного поражения французского флота при Абукире союзные военно-морские силы, основу которых составляла английская эскадра, стали фактическими хозяевами Средиземного моря. Поэтому падение оставшейся без помощи извне и заблокированной Ушаковым крепости Корфу являлось, в общем, вопросом времени. Командование крепости, видимо, понимало это, подтверждением чему является уход «Женеро» с двумя мелкими судами в Анкону. Ночью 26 января французский корабль, воспользовавшись благоприятным ветром и вычернив для скрытности паруса, сумел практически безнаказанно прорваться сквозь двойную блокадную линию русских и турецких судов, и, пользуясь преимуществом в скорости хода, уйти от посланной Ушаковым погони. Каковы бы ни были объективные причины и кто бы ни был конкретным виновником допущенной оплошности, ответственность за этот инцидент ложилась на командующего флотом. Теперь только скорая и впечатляющая победа могла сгладить негативное впечатление от побега «Женеро», уже считавшегося верной добычей союзного флота, и оправдать Ушакова перед Петербургом. Страхился султанского гнева и Кадыр-бей. Адмиралы решили захватить, не откладывая, Видо наличными силами. О штурме собственно Корфу пока речь не шла, поскольку прибывшие на остров 4 тыс. человек албанского воинства не имели амуниции, провианта, требовали жалованья и были практически неуправляемы.

Утром 18 февраля к острову Видо подошла русская эскадра. Став на якоря на дистанции картечного выстрела от берега и оборотясь бортами к французским батареям и укреплениям, линейные корабли и фрегаты

открыли интенсивный огонь. Турецкая эскадра расположилась мористее второй линией, и ее корабли стреляли в промежутки между русскими судами. К 11 час., когда все пять батарей противника были подавлены, началась высадка русско-турецкого десанта. Несмотря на упорное сопротивление французов, к 14 час. Видо был взят. Тем временем сухопутные части под прикрытием огня осадных батарей предприняли, с целью отвлечения неприятеля от Видо, штурм предкрепостных укреплений Корфу. И здесь был достигнут успех: после трехчасовой бомбардировки противник оставил ключевой форт Сальвадор и отступил во внутреннюю крепость. Безднадежность положения Корфу побудила ее командование уже на следующий день начать переговоры о сдаче. 20 февраля на борту флагманского «Св. Павла» состоялось подписание капитуляции.

Штурм крепости Корфу стал классическим образцом успешного взаимодействия корабельной артиллерии и десантных войск. Главная тяжесть блокады, а затем и сражения за Корфу легла на русскую эскадру; турецкий флот играл роль, скорей, статистов и использовался, в лучшем случае, для выполнения второстепенных задач. Значимость достигнутого успеха выглядит еще весомее, если учесть постоянно испытываемую эскадрой нехватку продовольствия, осадных орудий, амуниции, сухопутных войск, необходимость выделения кораблей для проведения крейсерских операций, плохое техническое состояние судов ³⁷.

Об уходе «Женеро» Ушаков рискнул доложить царю только спустя неделю после капитуляции Корфу. Известие о потере верного трофея — 74-пушечного линейного корабля, а в еще большей мере — сопутствующие этому обстоятельству вызвали понятное неудовольствие императора. Как результат Павел I оставил без последствий обширный список представленных Ушаковым к награждению флотских и армейских офицеров. Высочайшей милости удостоились трое: Ушаков, произведенный в адмиралы, П. В. Пустошкин и Кадыр-бей.

Пока длилась блокада Корфу, Ушаков не хотел, да, собственно, и не мог отвлекать флотские силы на выполнение других оперативных задач. Требования же о выделении кораблей неоднократно поступали от союзников России по антифранцузской коалиции. Так, российский посланник при Неаполитанском дворе от имени короля сообщил Ушакову, что «его величество со всевозможным домогательством просит вас о оказании ему помощи», имея в виду прикрытия флотом берегов Сицилии и защиту Мессины. Англичане, со своей стороны, требовали от Ушакова отделения судов для содействия в блокаде Египта, оказания им помощи у Мальты, прикрытия берегов острова Крит. Освободив Ионические острова, Ушаков должен был обратиться к решению других неотложных задач, важнейшими из которых являлись организация структуры гражданского управления на островах и подготовка флота к оказанию военной помощи Неаполитанскому королевству, что адмирал считал первоочередной задачей.

С завершением военных действий ослабло влияние патриотической идеи, объединявшей дотоле население Ионических островов в борьбе за освобождение от французского господства. Противоречия между традиционно правившей дворянской верхушкой и вкусившей плодов «якобинской» свободы местной буржуазией и крестьянством, внесших основной вклад в дело освобождения, резко обострились, поставя ионическое население на грань гражданской войны. В этой ситуации главной задачей адмирала стало обеспечение социально-политической стабильности на островах, которые для него, как командующего флотом, представляли ценность, в первую очередь, в качестве устойчивой операционной базы. Ушаков вынужден был вплотную заниматься вопросами организации местного и центрального управления, избирая такие его компромиссные формы, которые хоть в какой-то степени удовлетворяли бы противоборствующие общественно-политические силы. Созданный Ушаковым комитет, активно сотрудничая с передовыми представителями дворянства, разработал статус ионического выборного правления — так называемый «Временный план об учреждении правления», утвержденный Ушаковым. План отражал общие принципы

политики адмирала, направленной на умиротворение и смягчение противоречий в ионическом обществе в стратегических интересах России на Средиземном море.

Ремонт судов эскадры грозил затянуться надолго, и Ушаков по настоятельным просьбам неаполитанского и австрийского дворов отправил в апреле в Адриатическое море два отряда судов. Первый должен был содействовать в восстановлении королевской власти в прибрежных городах Южной Италии, второй — обеспечить блокаду захваченной французами Анконы и охрану австрийских судов, занятых перевозкой провианта. Вскоре адмирал получил императорский рескрипт, содержание которого он истолковал как подтверждение правильности предпринятых им шагов и «доверенность, что могу я предпринимать и исполнять по случаям обстоятельств, какие есть настоящие и вновь окажутся»³⁸.

Закончив с большими трудностями к середине лета самые неотложные работы по исправлению судов и отозвав из Адриатики оба находившихся там отряда, Ушаков с соединенным флотом перешел в Палермо, намереваясь совместно с эскадрой Г. Нельсона отправиться затем к Мальте для овладения этой крепостью. Однако англичане, опасаясь утверждения России в этом ключевом пункте Средиземноморья, отказались от совместной операции, и Ушаков по настоянию неаполитанского двора отправился со своею эскадрой в Неаполь для утверждения там королевской власти и содействия в освобождении Римской области от французов. В Палермо Ушаков распрощался с Кадыр-беом.

Основной состав российской эскадры находился в Неаполе, когда Ушаков в конце октября вновь получил предложение Нельсона принять участие во взятии Мальты. Спустя два месяца, ушедших на подготовку, эскадра Ушакова направилась к Мальте. По пути эскадра зашла в Мессину, где адмирала ожидал пакет с рескриптом Павла I о возвращении флота на Черное море. Поход к Мальте был прерван. Срочно разослав ордера командирам отдельных отрядов о соединении с основными силами, адмирал отплыл на Корфу, где был назначен сборный пункт.

Эскадра находилась в Корфу, когда в марте 1800 г. вновь встал вопрос о российском участии в боевых действиях против Мальты. Через посланника в Палермо Ушаков получил присланную из Петербурга инструкцию о размещении русских войск, наряду с английскими и неаполитанскими, на Мальте после ее захвата. Однако при этом высочайшего повеления об отмене приказа о возвращении на родину или рескрипта об отправлении к Мальте адмирал не получил. Посчитав, что указ задерживается в пути, он решил готовить эскадру к походу к Мальте.

Между тем военно-политическая обстановка в Северной Италии резко изменилась. В июне австрийская армия потерпела крупное поражение, и Вена вынуждена была заключить перемирие на выгодных для Франции условиях. Неаполитанский двор впал в смятение. Правительство королевства обратилось к Ушакову с просьбой о помощи войсками и кораблями. Адмирал дал обнадеживающий ответ, хотя не знал, сможет ли он это выполнить. С одной стороны, продолжал действовать указ о возвращении, с другой, — войска должны были участвовать в боях за Мальту, а теперь еще и требование о помощи в защите Неаполитанского королевства. При всем этом большая часть российских кораблей уже не в состоянии была выдержать сколько-нибудь серьезного плавания. Ушаков оказался в исключительно сложной ситуации. Обращение за разъяснениями в Петербург мало что могло дать — ответ в лучшем случае мог поступить через два-три месяца. Следовало на что-то решиться. Адмирал в соответствии с Морским уставом, собрал военный совет, на котором было решено незамедлительно возвращаться в черноморские порты, как это предписывалось прежним высочайшим повелением. Впереди был опасный переход на обветшалых кораблях, с чиненым-перечиненым такелажем, латаными парусами, практически без провианта. Уповать приходилось лишь на благоприятное для плавания летнее время.

Большая часть населения Ионических островов с сожалением расстава-

лась с российскими моряками и особенно Ушаковым, воплотившем в себе их надежды на государственную самостоятельность и ставшего олицетворением бескорыстной помощи единой России. Сенат Ионической республики тожественно заявил, что население островов «единогласно возглашает Ушакова отцом своим». Корфу преподнес адмиралу в качестве памятного подарка украшенную алмазами шпагу, Занте — серебряный щит и золотую шпагу, Кефаллония — золотую медаль с портретом Ушакова и благодарственной надписью, Итака — золотую медаль.

В начале июля российская эскадра покинула Корфу и после долгого, почти двухмесячного, плавания пришла в Босфорский пролив. Константинополь с почестями встретил Ушакова: султан в знак признательности наградил адмирала алмазным челенгом и подарил ему пять медных пушек. Исправление кораблей, получение провианта и противные ветры задержали эскадру в проливе. Только 26 октября корабли после более чем двухлетнего похода вновь бросили якоря на севастопольском рейде. Уже здесь Ушаков получил присланную через Петербург высшую награду Неаполитанского королевства — орден св. Януария 1-ой степени — в сопровождении высочайшего соизволения принять ее.

За время отсутствия Ушакова в руководстве Черноморским ведомством произошли изменения: впавший в немилость Мордвинов был отставлен от службы, и теперь главным командиром Черноморских флотов и портов являлся адмирал В. П. фон Дезин, человек во всех отношениях весьма посредственный, но по старшинству стоявший выше Ушакова в списке флагманов.

В Севастополе Ушакова поглотила круговерть канцелярских дел: подготовка ведомостей на ремонт кораблей, составление финансового, материального и исторического отчетов по прошедшей кампании. Ушакову следовало также привести в порядок и свои запущенные за время отсутствия хозяйственные дела.

Ушаков, подобно Мордвинову, де-Рибасу, Войновичу и другим, в свое время получил по распоряжению Потемкина довольно значительные земельные наделы в Крыму — дачи Дуванкой и Кууш, общей площадью 8506 десятин³⁹. Осенью 1794 г. адмирал купил еще участок земли в 1462 дес., расположенный на Северной стороне с находящейся на нем татарской деревней Учкуй. К этому времени он продал в казну пожалованные ему Екатериной II деревни с крестьянами в Могилевской губ., оставив себе только 200 душ, полученных им на Тамбовщине. Со временем Ушаков построил в учкуйском имении каменный дом со службами, на реке Бельбек — каменную мельницу со складами. Вдоль большой дороги, проходящей по его землям из Симферополя через селение Дуванкой к переправе через Северную бухту, адмирал соорудил несколько постоянных дворов, причем самый большой, с трактиром, — непосредственно у переправы. Здесь же, у бухты, он построил два больших каменных склада для хранения зерна и муки. Трактир Ушаков сдавал в аренду конторе питейных откупов с годовой оплатой в 1 тыс. руб.; складами пользовалась иногда безвозмездно, иногда — за небольшую плату Севастопольская портовая контора.

Земли ушаковских имений состояли в основном из «неудобий», пахотной земли было мало. Жители четырех расположенных на территории адмиральских дач татарских деревень продолжали традиционно пользоваться этими землями, «исправляя те повинности, какие прежним владельцам отбывали», то есть выплачивали десятину и отрабатывали на помещика соответствующее число дней в году. Значительный доход Ушакову приносил дубовый лес, который татары в счет повинности вырубали на его землях и доставляли в адмиралтейство. Цены за лес он назначал более низкие, чем другие поставщики. Так, в 1796 г. Ушаков поставил по контракту Севастопольской портовой конторе корабельного леса на 25 тыс. рублей. При этом имевшийся у них излишек вырубленного леса в 7 тыс. пуд. он передал адмиралтейству без оплаты, составлявшей 3,5 тыс. рублей.

Наступил март 1801 года. На российский престол вззошел Александр I. Молодой император в числе первых шагов по преобразованию управления

Морским ведомством назначил Мордвинова вице-президентом Адмиралтейств-коллегии и наметил кадровую перестановку флагманов с целью отстранения старых адмиралов от ключевых должностей. На место главного командира Черноморских флотов и портов Мордвинов и Александр I предполагали назначить адмирала И. И. де-Траверсе. Однако предварительно следовало решить вопрос о перемещении черноморских адмиралов: фон Дезина, и имевших по праву служебного старшинства формальное преимущество в определении на эту должность Ушакова и Войновича.

Слух о готовящейся смене руководства Черноморским ведомством стал известен Ушакову. Являясь первым претендентом на должность главного командира и будучи уверен, что вице-президент приложит все старания, чтобы воспрепятствовать таковому назначению, адмирал отправился в Петербург, надеясь найти поддержку у Александра I. Он еще не знает, что мнение последнего о нем ненамного отличается от мнения Мордвинова⁴⁰.

Впервые Ушаков и де-Траверсе встретились 5 января 1802 г. на воскресном приеме высших сановников в Зимнем дворце. Адмирал, если принять во внимание конфиденциальный характер переговоров Мордвинова с де-Траверсе, скорей всего, не знал о планируемом назначении последнего. По завершении официальной части приема, Ушаков в числе 12 гостей был приглашен на обед к императрице-матери. Это приглашение к Марии Федоровне, где за столом собирались заслуженные, но при молодом царе оказавшиеся не у дел вельможи, видимо, не было случайным. Адмиралу тем самым давали понять, что его время, как и время вдовствующей императрицы и многих приближенных Павла I прошло, и теперь он принадлежит к почетному кругу отрешенных от серьезных государственных постов сановников, военачальников, дипломатов.

Ушаков продолжал находится в Петербурге, ожидая решения своей судьбы. В начале апреля его даже пригласили на обед в узком кругу у императорской четы. Наконец, в мае неопределенность его положения закончилась: 21 мая император подписал приказ, которым фон Дезин определялся в сенаторы, Ушаков назначался главным командиром балтийского гребного флота, Войновичу предписывалось оставаться в должности директора черноморских училищ, а де-Траверсе назначался главным командиром Черноморского флота.

Приняв дела от оставленного от службы прежнего командующего гребным флотом адмирала Пущина, Ушаков в середине лета отправился в инспекционную поездку в главную базу флота Роченсальм. Результатом поездки стала докладная записка с предложениями по реконструкции этого порта.

Осенью 1802 г. началось реформирование государственной административной системы. В числе прочих было образовано Министерство военных морских сил, во главе которого император поставил Мордвинова. Почти одновременно был учрежден Комитет образования флота, задачей которого являлась реорганизация Морского ведомства. Принятая руководством страны к действию континентальная доктрина закрепляла за флотом только оборонительные функции, отводя ему второстепенную роль в системе вооруженных сил России. Фактическое финансирование Морского ведомства было сокращено: корабли в основном стояли в гаванях, морская служба потеряла свою престижность.

Служебная деятельность Ушакова свелась, главным образом, к рутинной канцелярской работе. Немало времени отнимало составление бумаг по запросам комиссии, занимавшейся назначением призовых денег личному составу подкомандного ему в период Ионической кампании флота. Крупные суммы получил и сам Ушаков как командующий. Так, его доля только в стоимости захваченного французского судна с товарами составила свыше 30 тыс. руб.; 3 тыс. фунтов стерлингов он получил из суммы, выплаченной Англией за линейный корабль «Леандр». Часть денег — 20 тыс. руб. — он положил под проценты в сохраненную кассу Санкт-Петербургского опекунского совета. В общем, Ушаков являлся довольно обеспеченным человеком — только его годовое адмиральское жалованье и столовые деньги

составляли 7200 рублей. В столице Ушаков жил в собственном доме, находившимся в 4-ой части Измайловского полка и вел скромную холостяцкую жизнь, исключавшую какие-либо излишества⁴¹. Когда в 1806 г. среди дворянства был организован сбор средств в связи с войной с Францией, Ушаков пожертвовал 2 тыс руб., пять пушек и алмазный челенг, подаренные ему султаном Селимом III. Александр I, зная о благородном поступке адмирала, предписал вернуть ему драгоценность, указав, «что сей знак сохранен должен быть в потомстве его памятником подвигов, на водах Средиземного моря оказанных». В декабре того же года Ушаков безвозмездно передал казне участок в 209 дес. своего учукуйского имения в связи с необходимостью обнесения Севастополя с суши оборонительными укреплениями.

После ухода Мордвинова с поста министра в отставку из-за его несогласия с проводимыми в Морском ведомстве реформами, Ушаков передвинулся на самую верхнюю ступеньку флотской иерархической лестницы. Теперь его имя стояло первым в списке адмиралов отечественного флота. Время от времени его, в соответствии с придворными церемониальными правилами, приглашали в числе других лиц 1-го и 2-го классов на торжественные приемы и званые обеды в царские дворцы: Зимний, Таврический, а летом — Петергофский. В 1804 г. таких приглашений было 10, в 1805 — 7. Однако служба не приносила удовлетворения. Не видя ни смысла в такой службе, ни перспектив, адмирал в декабре 1806 г. подал прошение об отставке, сославшись, что «при старости лет своих отягощен телесною и душевною болезнью и опасается по слабости здоровья быть в тягосте службе». Горечь и обида, звучавшие в прошении, побудили Александра I обратиться к Ушакову за разъяснениями. Адмирал откровенно ответил, что «по окончании знаменитой кампании, бывшей на Средиземном море, ... замечая в сравнении противу прочих лишенным себя высокомонарших милостей и милостивого воззрения»⁴². Император этим удовольствовался — 17 января 1807 г. последовало высочайшее повеление: «Балтийского флота адмирал Ушаков по прошению за болезнью увольняется от службы с ношением мундира и с полным жалованьем». В июле 1807 г. Ушаков получил на руки указ Адмиралтейств-коллегии с изложением его служебных и боевых заслуг. Теперь уже ничто, кроме воспоминаний, не связывало заслуженного адмирала с флотом, беззаветному служению которому он отдал 46 лет.

Хотя большая часть земель и недвижимости Ушакова находилась в Крыму, для жительства он избрал свое тамбовское имение — невыносимо тяжело было бы находиться в Севастополе будучи, практически, никем. Скромная усадьба в с. Алексеевка Темниковского уезда — каменный двухэтажный дом «монастырской архитектуры», кирпичная конюшня, деревянный каретный сарай, погреб с ледником, большой фруктовый сад, огород, — стала прибежищем последних десяти лет его жизни. По сведениям 1812 г. за ним числилось 118 крепостных душ мужского пола. Не имея своей семьи, он содержал живших при нем осиротевших двух племянников и племянницу⁴³.

Летом 1811 г. Ушаков в последний раз посетил любезный его сердцу Севастополь. Это была печальная поездка. Неумолимо приближалась смерть, и адмирал, не имея прямых наследников, решил избавиться от своей крымской собственности. Первым он продал дуванкойское имение; затем учукуйское вместе с постоялым двором, трактиром и пятью крестьянскими семьями за 15 тыс. рублей. Проводил Ушаков и свой севастопольский дом с флигелями, хозяйственными постройками и прочим, оставив в подарок новому владельцу свою реликвию — столик красного дерева, за которым в 1787 г. играли в ломбер Екатерина II и Иосиф II. Впоследствии дом откупило морское ведомство, и еще долгие годы он был известен как «дом Ушакова». Здесь никто не жил, и он, полностью меблированный, содержался на случай приезда именитых гостей. Часть вырученной суммы адмирал пожертвовал на храм. Деньги пошли на расширение соборной церкви св. Николая, построенной еще в 1783 г. за казенный счет контр-адмиралом

Т. Маккензи. Здесь Ушаков прослушал сотни молебнов, в том числе и в честь побед Черноморского флота, где присягал на верность Павлу I и Александру I, подписывал присяжные листы при получении званий контри- вице-адмирала. Благодарительную деятельность он продолжал и дома. Летом 1812 г. он пожертвовал 2 тыс. руб. для 1-го Тамбовского пехотного полка, в январе 1813 г. — 540 руб. на продовольствие для находившихся в Темникове военнослужащих, а в апреле — всю хранившуюся в С.-Петербургском опекуновом совете сумму с процентами — 31 тыс. руб. — в помощь пострадавшим от наполеоновского нашествия.

Летом 1812 г. тамбовское губернское дворянское собрание почти единодушно избрало Ушакова на должность начальника намеченного к формированию внутреннего губернского ополчения. Однако 68-летний адмирал вынужден был отклонить данное предложение: «Будучи ныне при совершенной старости лет, находясь в болезни и всегдашней, по летам моим, великой слабости здоровья, должности понести и в Тамбовское сословие дворянства явиться не могу»⁴⁴. Он прожил еще пять лет в тишине и забвении. О его кончине, последовавшей «от натуральной болезни» 2 октября 1817 г., в столице стало известно из краткого сообщения тамбовского корреспондента в газете «Северная почта». Мало кого взволновала эта печальная весть (ушли из жизни почти все: и близкие Ушакову сподвижники и бывшие недоброжелатели), разве что побудила воспоминания о черноморской службе у живших в столице и находившихся уже не у дел адмирала Н. С. Мордвинова и вице-адмирала Сенявина. В годы Великой Отечественной войны имя знаменитого русского флотоводца адмирала Ушакова было увековечено путем учреждения в марте 1944 г. ордена Ушакова и медали Ушакова для награждения наиболее отличившихся в боях за свободу и независимость Родины моряков.

Примечания

1. КОРГУЕВ Н. А. Обзор преобразований Морского кадетского корпуса с 1852 г. СПб. 1897, с. 16—18.
2. Материалы для истории русского флота. Ч. 6. СПб. 1877, с. 260—268; Российский государственный архив военно-морского флота (РГАВМФ), ф. 870, оп. 1, д. 897.
3. Дневник путешествия в южную Россию академика С.-Петербургской Академии Наук Гильденштедта в 1773—1774 г. Записки Одесского общества истории и древностей (ЗОО-ИД). Т. II. Одесса. 1879, с. 185; Материала для истории русского флота. Ч. 11. СПб. 1886, с. 498, 499.
4. РГАВМФ, ф. 212, оп. 4, д. 4, л. 212.
5. СКАЛОВСКИЙ Р. К. Жизнь адмирала Федора Федоровича Ушакова. СПб. 1856, с. 23.
6. ДРУЖИНИНА Е. И. Ключук-Кайнарджийский мир: Его подготовка и заключение. М. 1995.
7. Материалы для истории русского флота. Ч. 12. СПб. 1888, с. 356; КРОТКОВ А. Русский флот в царствование императрицы Екатерины II с 1772 по 1783 год. СПб. 1889, с. 111, 365.
8. УШАКОВ Ф. Ф. Документы. Т. 1. М. 1951, с. 25; ШИШКОВ А. С. Записки адмирала А. С. Шишкова, веденные им во время путешествия его из Кронштадта в Константинополь. СПб. 1834, с. 39.
9. РГАВМФ, ф. 172, оп. 1, д. 72, л. 33.
10. ИСТОМИНА Э. Г. Водные пути России во второй половине XVIII — начале XIX века. М. 1982, с. 136.
11. РГАВМФ, ф. 212, оп. 7, д. 716, л. 306; д. 717, л. 104; д. 718, л. 111; ф. 172, оп. 1, д. 318, л. 136.
12. Материалы. Ч. 12, с. 635.
13. РГАВМФ, ф. 212, II отд., д. 168, л. 146.
14. Материалы. Ч. 12, с. 615.
15. Русская старина. Т. 16. 1876, с. 44.
16. РГАВМФ, ф. 172, оп. 1, д. 40, л. 113, 90, 169.
17. Материалы для истории русского флота. Ч. 15. СПб. 1895, с. 34.
18. ПОЛНОМОЧНЫЙ И. А. Род мой и происхождение. ЗООИБ. Т. 15. Одесса. 1889, с. 693.
19. РГАВМФ, ф. 245, оп. 1, д. 34, л. 552; Архив гр. Мордвиновых. Т. 1. СПб. 1901, с. 386; Материалы. Ч. 15, с. 63.

20. Записки командира корабля «Мария Магдалина» капитана Тизделя. — Морской сборник, 1863, № 10, прил.; Записки адмирала Д. Н. Сенявина. — Морской сборник, 1913, № 7, прил.; ПОЛНОМОЧНЫЙ И. А. Ук. соч., с. 696.
21. Материалы. Ч. 15, с. 55.
22. УШАКОВ Ф. Ф. Документы, т. 1, с. 63, 66, 73.
23. Там же, с. 118, 119, 177, 321.
24. ВИСКОВАТОВ А. Взгляд на военные действия россиян на Черном море и Дунае с 1787 по 1791 год. СПб. 1828, с. 39; СКАЛОВСКИЙ Р. К. Ук. соч., с. 92; Ордера князя Потемкина-Таврического. ЗООИД. Т. 4. Одесса. 1860, с. 371.
25. УШАКОВ Ф. Ф. Документы. Т. 1, с. 346, 391.
26. Материалы. Ч. 15, с. 357; Бумаги кн. Г. А. Потемкина-Таврического Сборник военно-исторических материалов. Вып. VIII. СПб. 1894, с. 185.
27. Материалы. Ч. 15, с. 384.
28. УШАКОВ Ф. Ф. Документы. Т. 1, с. 533; Материалы. Ч. 15, ч. 406.
29. ГОЛОВАЧЕВ В. Ф. История Севастополя как русского порта. СПб. 1872, с. 189; История города-героя Севастополя (1783—1917). Киев. 1960, с. 48.
30. Архив гр. Мордвиновых, т. 1, с. 539; Камер-фурьерские церемониальные журналы за 1793 г. СПб. 1892; Жизнь моя. Записки адмирал Данилова, 1759—1806 гг. Кронштадт. 1913, с. 128.
31. УШАКОВ Ф. Ф. Документы. Т. 1, с. 602.
32. Архив гр. Мордвиновых. Т. 1, с. 256; АРЦИМОВИЧ А. Адмирал Дмитрий Николаевич Сенявин. — Морской сборник, 1885, № 4, с. 162; РГАВМФ, ф. 245, п. 1, д. 138, л. 81.
33. Материалы для истории русского флота. Ч. 16. СПб. 1902, с. 210.
34. ТАРЛЕ Е. В. Наполеон. М. 1957, с. 59; Материалы. Ч. 16, с. 239.
35. Архив гр. Мордвиновых. Т. 2, с. 350; Материалы. Ч. 16, с. 244—245.
36. ВЕСЕЛАГО Ф. Ф. Краткая история русского флота. СПб. 1893, с. 180.
37. ИСАКОВ И. С. Приморские крепости. Избранные труды. М. 1984, с. 331—334; Русские и советские моряки на Средиземном море. М. 1976, с. 74.
38. СТАНИСЛАВСКАЯ А. М. Россия и Греция в конце XVIII — начале XIX века. М. 1976, с. 59—62; ее же. Политическая деятельность Ф. Ф. Ушакова в Греции. М. 1983; УШАКОВ Ф. Ф. Документы. Т. 2. с. 502.
39. ТАРЛЕ Е. В. Адмирал Ушаков на Средиземном море (1798—1800). Сочинения. Т. 10. М. 1959, с. 165; ЛАШКОВ Ф. Ф. Исторический очерк крымско-татарского землевладения. Известия Таврической ученой архивной комиссии. Т. 24. Симферополь. 1896, с. 59; ДРУЖИНИНА Е. И. Северное Причерноморье в 1775—1800 гг. М. 1959, с. 120.
40. ЗООИД. Т. 12, с. 339; РГАВМФ, ф. 243, оп. 1, д. 963, л. 189; ф. 25, оп. 1, д. 16, л. 15, 16.
41. Материалы для истории русского флота. Ч. 17. СПб. 1904, с. 223; ШТОРМ Г. Страницы морской славы. М. 1954, с. 403.
42. УШАКОВ Ф. Ф. Документы. Т. 3, с. 493; РГАВМФ, ф. 243; оп. 1, д. 963, л. 185; ф. 227, оп. 1, д. 132, л. 1; ф. 315, оп. 1. д. 602, л. 98.
43. УШАКОВ Ф. Ф. Документы. Т. 3, с. 494; Морской сборник, 1992, № 4, с. 77; Флаг Родины, 1990, № 253.
44. РГАВМФ, ф. 243, оп. 1, д. 4862, л. 3; ЗАКРЕВСКИЙ Н. Севастополь. 1830—1831 год. — Морской сборник, 1861, № 9, неоф, отд., с. 17; Статистическое обозрение военнопортового города Севастополя за 1839 г. — Журнал Министерства внутренних дел, 1840, № 8, с. 249; УШАКОВ Ф. Ф. Документы. Т. 3, с. 501.

Л. Б. Красин. Письма жене и детям. 1917—1926

1919 год

№ 29.

15 февраля [1919 года]

Милый мой родной Любан! Золотые мои девочки!

Ну, наконец-то я дождался от вас прямых вестей: приехал Володя, и я получил ваши письма и выслушал его рассказ про вашу жизнь. Опечалило меня, что вы все там не выходили из болезней.

Родные мои! Особенно жаль мне тебя, родной Любонаша, милый мой, воображаю, как тебе трудно быть одному с целым лазаретом, да одновременно еще выдерживать всю эту травлю, сплетни и ежедневно слышать разную чепуху про меня (вроде моего с Лениным ареста) и про Россию. Уж как-нибудь крепись, родной мой дружок, всем и везде сейчас трудно, видела бы ты, как тут люди бьются как рыбы об лед буквально, и с какими элементарными бедствиями приходится считаться всем почти каждый день.

Родные вы мои, милые, стосковался я по вас всех ужасно, и если бы только от моего желания это зависело, я выписал бы вас сюда немедленно. Но поймите, что меня все сочли бы безумцем, если бы я, имея возможность оставить вас там в тепле, относительной сытости и спокойствии, повез бы вас сюда. Тут люди сидят не то что без хлеба, но вот, например, нет дров, в доме лопаются трубы и все замерзает, в квартирах на месяцы воцаряется 4-6 градусов. Нет масла, нет молока, нет картофеля, нет белья, мыла, нет возможности вымыться, всюду очереди и безнадежные хвосты. Мне-то еще не беда, я все-таки в привилегированном положении, но обывательская жизнь — это прямо мука, и я мучился бы, глядя на вас и не имея возможности вам помочь.

Но это бы еще туда-сюда, если бы была уверенность, что не будет еще хуже. Ее нет, ибо войну мы ведем на всех фронтах и это всё более подтачивает всё хозяйство и все ресурсы страны. Нельзя без конца расходовать металлы, топливо, порох, губить лошадей и скот, кормить здоровых лоботрясов, вместо того чтоб кормиться от их работы, без конца печатать бумажные деньги. Пока война не кончена, общее положение страны будет ухудшаться и, стало быть, будущая зима, может быть, заставит пожалеть о нынешней. Улучшение настанет лишь при конце войны, но он еще, м[ожет] б[ыть], не так близок.

Наконец, есть ведь еще опасность поражения, и хотя лично у меня есть все основания думать, что даже и враги должны будут отдать должное работе, которая целиком вся уходила на внесение сознательности и порядка

в этот стихийный хаос, на устранение всяких эксцессов, все же я не столь наивен, чтобы полагаться на милость победителя, особенно в первые дни и недели, и тут лишь так же много легче быть одному, и я скорее смогу очутиться в условиях, гарантирующих от чего-либо худого. Вас же не спрячешь, а подвергать вас какому-либо риску, устранив от него сам, я, конечно, был бы не в состоянии. Вот причины, по которым я пока не могу вас сюда взять и звать. Как ни тяжела разлука, надо пока с ней мириться, и я прошу тебя, милый мой, дорогой мой любимишек, проникнуться сознанием необходимости и, кроме того, принять во внимание, что при тяжелых условиях современности мы еще во много раз лучше поставлены, чем другие, и множество людей нам завидовали бы.

Не далее как сегодня у меня был Вашков и сокрушался, что он не может никуда отправить своих. Прими еще во внимание, что езда по жел[езной] дор[оге] абсолютно невозможная, и как странно слышать о поездке в Крым! Это предприятия для нашей семьи пока что абсолютно невыполнимое, и даже для взрослого такой переезд — просто подвиг, уже не говоря о военных и политических заставах, границах и пр. Нет, други мои, надо еще ждать, и я надеюсь все-таки скоро быть у вас, и там мы обсудим вопрос, как и что, как и где быть дальше.

Разве нам удастся в марте взять Дон и Кубань, тогда возможен скорый мир и, м[ожет] б[ыть], к лету или осени положение упрочится достаточно, чтобы и некоторым пятнистым и прочим мордасам появиться на территории Советской республики. Но какие же у меня большие и красавицы стали дочки! Ты, маманя, можешь гордиться, что произвела на свет таких и, еще больше, что таких вырастила!

Что же это только сами-то Вы отвернулись куда-то в сторону!?! Вы уже пришлите мне карточку такую, чтобы посмотреть на маманю, да поласковее!

Моих писем, очевидно, пропало громадное число, ибо не было 2-х недель, чтобы я к Вам не писал с кем-либо. Последние 3 письма были по одному со шведом, с французом и персом. Неужели тоже не дошли? Раза 2 я посылал чай и даже папирос для мамани, и Нина тоже часто писала.

Я совершенно здоров. Недели две назад была легкая инфлюэнция, перенес ее на ногах, а сейчас опять чувствую себя великолепно. Гриша [Таубман] меня осматривал 6—7 янв[аря] и нашел даже мой склероз уменьшившимся. Я это объясняю более грубой пищей и, в частности, что там много черного хлеба. Едение белого хлеба и вообще утонченной пищи есть несомненное зло. Это ясно для меня как день.

Нина и Володя выглядят очень хорошо. Володя, вероятно, возьмет место в Минске в продовольственной армии¹, это его спасет от солдатчины: он ведь призывной, а свидетельствуют очень либерально, и вид у него далеко не больного. Посылать его на Украину пока опасаясь, но когда там положение более определится, можно будет перевести его в еще более хлебные места. В Минске в этом отношении сносно, и мы с Ниной даже надеемся от него почтой кое-что получить.

Эти шведы ставят условие завтра же сдать письмо, и я пока кончаю. Крепко вас целую и благословляю, милые мои други! Целую и Лялю. Ад[ам] Иванович² принят уже давно в русское подданство.

Обнимаю.

Пишу еще несколько строк перед самой отдачей письма. Относительно денег вы, значит, до лета устроены, а там видно будет. Я все-таки не думаю, что этот разрыв сношений будет длиться вечно, и надеюсь, что весной или летом мне можно будет к вам съездить. Я здесь пока что ни в чем особенно не нуждаюсь. Меня беспокоит, не забнете ли вы, но, кажется, вы жаловались, что зима слишком теплая.

Ну, родные мои, целую вас еще раз крепко-крепко, так что аж, аж, аж! Маманя вам объяснит, как это.

№ 30.

21 февраля 1919 года

Милый мой, родной Любан!

Пишу тебе в надежде послать это письмо с Классоном, если только ему

удастся получить пропуска в Швецию. С ним такая история: у него давно уже бывали припадки какой-то желудочной болезни — образование газов в желудке, давление на сердце, которое доходит до двухсот и больше ударов в минуту. Раньше эти припадки бывали редко, а теперь повторяются чуть не через две недели. И вот на днях был один такой, после которого Роберт наш едва не отдал Богу душу. Мы с Ульманом решили отправить его за границу и вот выдумали командировку в Швейцарию, и возможно, что его, как политически нейтрального, и пропустят. Хорошо бы, если бы ему удалось вас повидать, вы бы лишний раз убедились, что я тут совсем благополучен и за меня беспокоиться нет основания.

Что-то союзнички не отвечают на наши ноты, хотя последние составлены если не в примирительных, то в успокаивающих тонах. А то одно время меня совсем уже было начали снаряжать на Принцес Острова³ для мирных переговоров. Пока что это, видимо, откладывается, но если до мирных переговоров дойдет, то мне, по всей вероятности, не избежать в них участия. Мы не теряем надежды переговаривать с французами и компанией не на Принцес Островах, а, например, в Париже, и тогда по пути мне, вероятно, удалось бы заехать в Стокгольм.

Впрочем, это все пока мечты, действительность же заключается в том, что мы воюем и на Северном, и на Южном, и на Западном, и на Восточном фронтах. После Великой Французской революции не было еще такой революционной на всех фронтах войны. С топливом и транспортом очень плохо, пассажирское движение на днях, вероятно, будет остановлено и, пожалуй, надолго. Войска приходится снабжать, подвозить артиллерию и припасы и перебрасывать воинские части из Самары на Ригу или из Вятки под Киев или Полтаву. И все это после четырех лет большой войны и двух лет большевистской революции. Это письмо я пишу в Питере, в «Астории». Приехал сюда на три дня и, по обыкновению, занят выше головы.

Сегодня, между прочим, была у меня баронесса Ропп, хлопотала за каких-то сидящих людей, которых мне приходится выручать, — просила вам кланяться. Ее, конечно, уже давно выселили из великолепной квартиры и, вероятно, изрядно при этом пограбили, но так она бодрa и выглядит неплохо. У Анны Казанской⁴ умер муж, и вот не знаю, удастся ли выхлопотать какую пенсию. Надежды мало. Саму Анну я еще не видел и не представляю, как она с ребятами перебивается.

Не дай бог сейчас попасть в этакое положение.

В Царское (оно теперь называется не Царское, а Детское Село, ибо тут большой приют или колония) в этот приезд я не попаду, не мог пока успеть повидать и Таубманов. Питер совершенно пуст, магазины все закрыты, вид довольно унылый, как, впрочем, и в других городах Европы. Война всюду наложила свою печать, и только в Скандинавии еще уцелели более или менее неприкосновенно прежний блеск, шум и суетола. Люди по улицам ходят изрядно обшарпанные, как дома, с которых обваливается штукатурка, и часто, встречая знакомое лицо, останавливаешься, поражаясь переменам. Была у меня как-то Анна Яковлевна. Тоже постарела здорово, живет в Москве у Адели. У ней ведь терялись старшая дочь и сын, но потом как-то нашлись, и сейчас все при ней и где-то работают. Трудную школу всем приходится проходить. Молодежи-то еще ничего, у них есть шансы выбраться до более приветливых дней, ну а вот пожилые и старики внушают жалость.

А перспективы и возможности в этой стране громадные, и если бы оставить нас в покое, через какой-нибудь десяток лет не узнать бы России. Пора спать. Кончаю пока. Ну, прощай, мой ласковый Любченьшек, целую тебя крепко, мой родной. Не унывай и не тоскуй там, голубышек мой. Родных девочек целую крепко.

Твой, любящий тебя Красин⁵.

Милые мои, родные девочки!

Прошу вас очень, пишите мне чаще и попросите маму через каких-нибудь шведов мне письма пересылать. Как вы поживаете? Не забыли ли язык? Усердно ли занимаетесь музыкой? Я жду, что к нашему свиданию вы

будете уже хорошо играть. Не хворайте, берегите маманю. Мы здесь все здоровы, об Андрее нет известий, но в Крыму люди, по слухам, живут хорошо, и, надо думать, Андрей наш там живет не худо. Не скучайте очень по папе и знайте, что как только можно будет вас взять в Россию, я это сделаю, но пока нельзя — значит нельзя, ничего тут не поделает. Ну, целую вас крепко-крепко, кланяйся Ляле.

№ 31.

14 марта 1919 года

Милый мой Любан и родные девочки. Должен спешить отсылать это письмо и могу вас только крепко-крепко расцеловать. Бог с вами, мои любимые, ненаглядные. Будьте здоровы, берегите маму. Ваш Красин

№ 32.

14 марта 1919 года

Милый мой, родной, любимый мой Любанышек! Как мне скучно иногда делается без тебя и как больно и горько, что приходится жить в разлуке и сознавать, что ты там одна и чувствуешь себя покинутой и одинокой. Если бы я знал, что дело примет такой оборот, то в августе не уехал бы от тебя, хотя это для всех нас было бы в других отношениях хуже. Когда я представляю себе тебя с твоей «обиженностью» и со всеми трудностями жить одной на чужой стороне, бросил бы, кажется, все и поехал к вам, ни на что ни глядя!

Родимый мой дружок, очень тебя прошу, уж как-нибудь ты укрепишься, а главное, не чувствуй ты там себя несчастной, покинутой и прочее, помни, что я все время о тебе думаю и самую эту разлуку ради тебя и ребят несу. В то же время каждый новый день меня убеждает в правильности принятого решения не звать вас пока сюда. Мы тут боремся с самыми элементарными бедствиями, и я не знаю, что случилось бы тут с тобой и ребятами. Сейчас, например, Москва остается без дров и температура во всех домах 4-6°, а морозов предстоит еще целый месяц. Я хожу весь в коже, имею толстую фуфайку, кожаную куртку на меху или, когда потеплее, надеваю шикарную куртку, привезенную Володей, ношу также валенки и даже купил себе доху, хотя ее и не пришлось пускать в дело. Но все это пустяки по сравнению с трудностями, которые приходится выносить обыкновенному обывателю и семейным людям. Как ни храбрятся мои родные девочки, но жить здесь было бы невыносимо трудно сейчас, а главное, я сам чувствовал бы себя намного хуже, сознавая, что я треплюсь по всякого рода заседаниям и еще более или менее сносно питаюсь, «семье» моему дома в нетопленной квартире, без масла и без мяса и даже, м[ожет], б[ыть], без хлеба. Гнетет всех не столько самое необходимое, сколько сознание неуверенности в возможности регулярно получать продовольствие. Тут у нас такое идиотское устройство, что сами народные комиссары питаются в Кремле в столовой, семьи же их не могут из этой столовой получать еду, и потому Воровский, например, питается в столовой, Д. М. [Воровская] и Нинка пробавляются неизвестно как и чем.

Купить же что-либо можно лишь за невероятные цены: сахар 100 руб. ф[унт], хлеб 20 руб. ф[унт], мука — 1200 руб. пуд и т. п. Как вообще люди живут — загадка. Красины тоже зябнут все и едят плохо. Масла совсем нет, и еще от меня они немного его получают, я же получаю временами из Вологды от Ивана Адамовича Самнера. Положение русских больших городов теперь почти как осажденной крепости, деревня же живет в общем, пожалуй, как никогда! У мужика бумажных денег накопилось без счету, хлеб и все продукты есть, самое необходимое он за дорогую цену всегда найдет, городу же ничего не продает иначе как по сумасшедшим сверхспекулянтским ценам. Главная причина всей этой разрухи — продолжающаяся война и изоляция от всего внешнего мира.

Война — ведь, как-никак, не менее 1½ миллиона человек отвлечены от труда и превращены в дармоедов — высасывает из страны последние соки, металл, ткани, кожу, продовольствие — все это в первую голову идет на снабжение армии, транспорта; жел[езные] дороги заняты воинскими перевозками, не оставляющими почти ничего для снабжения оставленного

населения. Работы всех фабрик и заводов, транспорт и заготовка топлива не идут из-за недостатка продовольствия и невозможности его подвезти. Расстройство одной стороны экономической жизни парализует работу другой, получается порочный круг, и все катится под гору.

В предшествующие годы разруха не так сказывалась, ибо всюду были еще запасы, да и внутренняя война не захватывала еще стольких областей. Многие заводы, также трамваи уже остановились. Волжский флот также будет стоять: дров нет и 15% против самой крайней потребности.

Заготовка идет плохо: нет хлеба для рабочих и овса для лошадей. Я с ужасом думаю о будущей зиме. Если не случится чуда, вроде всеобщего мира, и не откроется еще в мае-июне возможность вывоза нефти из Баку или хотя бы Грозного, то вся Россия осуждена на замерзание и голод, ибо дровами мы не сможем обеспечить фабрики и заводы, но и железные дороги, а стало быть, и подвоза хлеба, топлива, сырья. Размеры и формы бедствий сейчас трудно себе представить. Но и в Европе неизвестно еще, что будет. Германия еще только вступает в революцию, сейчас находится в фазе, соответствующей нашему июлю 1917 года, а уже борьба идет много более кровавая, жестокая, и расстройство всего экономического аппарата доходит уже до прекращения транспорта, сидения целых городов впотьмах и т. п. Все основания думать, что и другие страны, принимавшие участие в войне, не избегнут глубочайших потрясений, не исключая победителей, которых в этой войне, в сущности, нету, м[ожет] б[ыть], за исключением Америки. Кто бы мог думать, что баварцы, пивные баварцы учредят у себя в Мюнхене советское правительство ⁶ и додумаются до столь большевистских методов, как взятие 30 заложников из буржуазии. Если бы я год назад что-либо подобное сказал Герцу, он, конечно, счел бы меня сумасшедшим, да я и сам этого не думал. Поистине гениальную прозорливость проявил Ленин, увидавший события за 2-3 года раньше, чем кто-либо. Его уверенность в неизбежности подобного же развития для остальной Европы — также лишний аргумент в пользу высказанного.

Вот видишь, мой дружок, какие дела и как мало надежды в близком будущем не только на спокойную тут жизнь, но и на возможность вообще самого элементарного существования. Подумай, если зима 1919/1920 года должна быть прожита в нетопленных домах, без света, на голодном пайке или без всякого пайка, то можно ли обрывать ребяг и тебя на такое существование? Сам я все-таки в привилегированных условиях, наконец, я один, и уж в самом крайнем случае, если дело дойдет до полного развала и просто уничтожения городов, а на некоторое время, может, даже вообще всякой государственности, то я смогу как-нибудь спастись, всем же нам вместе это будет невозможно. Последнее имеет полную силу и для такого случая, если бы пришлось считаться с неблагоприятным оборотом и исходом войны. Хотя вся моя работа на виду у всех, и я не думаю, чтобы кто бы то ни было лично мне мог сделать какой-нибудь упрек, напротив, сотни и тысячи людей даже из противоположного лагеря помянут меня добром при всяких обстоятельствах, но если дело дойдет до перемены режима, несколько недель и даже несколько месяцев могут оказаться очень неопределенными, и никакие гарантии (вроде, например, того, о чем тебе будет говорить податель этого письма) не будут действительными. Во всяком случае я не настолько наивен, чтобы на них полагаться, и знаю, что в таких обстоятельствах надо надеяться прежде всего и даже исключительно на самого себя, а тут опять быть одному — значит иметь все шансы на удачу, если же попасть в такое положение сам-пятым или седьмым, то, наверное, не унесешь ног. Уверен, что если ты видела Классона, то он все это подтвердил тебе в полной мере. Конечно, ни вам, ни мне от этого не легче, но что же делать, мой родимый, когда человечество попало в такое бедствие? И судьбы отдельных лиц, семей и даже народов уподобляются щепке в бурном водовороте. Пока вы отсиживаетесь в Скандинавии — у нас наибольшие шансы выйти благоприятно из этой передраги, вырастить девочек и, может быть, сравнительно спокойно доживать дни. Действуя же без разумения, только по непосредственному влечению, не рассчитывая

и [не] учитывая про и contra, мы рискуем просто гибелью, в физическом смысле. Вон у Анны Кугушевой муж умер просто от физического истощения, от недоедания, а сколько детей гибнет и погибнет еще от болезней!!

Письмо это передаст тебе, милый мой Любан, мой большой приятель граф де Сан-Совёр, бывший всю войну представителем в России французского Круппа — Шнейдер-Крезю ⁷ — человек с большим весом и влиянием и за пределами ближайшей своей деловой сферы. Он очень любезный и обязательный человек и обещал мне устроить возможность навестить вас. Сколько я понимаю, со стороны шведского правительства не будет препятствий, но главное — разрешение финляндцев на проезд туда и обратно, и тут хорошо было бы получить официальную бумажку. Если ты сама испытываешь какие-либо утеснения там, то Mr. Saint-Sauveur любезно выразил готовность переговорить с кем надо, и тебя, несомненно, оставят в покое. Дальше, мне приходит в голову следующее: не воспользоваться ли дружеским содействием Сен-Совёра тебе для перемены местожительства и с лета переехать в Норвегию, где климат, несомненно, лучше? Переезду вашему во Францию я мало сочувствую: 1) это слишком далеко, а я твердо надеюсь на скорое восстановление сношений со Скандинавией, и я тогда смогу 1-2 раза в год у вас бывать, и 2) я не поручусь, что французам не придется пережить у себя октябрьских и всяких иных дней, в Скандинавии же, как и вообще в маленьких странах севера, меньше вероятности стать участниками такой передраги. Обдумай это, мой родной Любченышек, может быть, ты переедешь в Норвегию, в Христианию или около. Все-таки климат там несравненно легче, а люди ведь везде те же. Наконец, последняя просьба в связи с Сан-Совёром: я столько раз пользовался его гостеприимством, что будет более чем справедливо, если ты накормишь его хорошим обедом, но со всеми онёрами ⁸, так, чтобы он получил представление, как когда-то кормили своих гостей россияне, да еще имевшие обширную родню.

Девчата должны показать ему что m-lle Ridon ⁹ не совсем безуспешно вбивала в их головы французскую грамоту: пусть помогают мамане занимать гостя разговорами (в подмогу можешь взять еще и Семчевского, который его знает). Пригласи тоже едущую с ним С. А. Волконскую ¹⁰, в доме которой он жил и у которой я раз тоже был приглашен на обед. По части финляндского разрешения Сан-Совёр мог бы действовать через Брунстрема, у которого хорошие связи. Меня же извести о результатах через какого-нибудь курьера, или пусть финл[яндское] правит[ельство] пришлет разрешение через своих торговых представителей в Питере, которые ведут с нами кое-какие если еще не дела, то переговоры и, конечно, смогут меня найти.

Имея такое разрешение, мне только останется как-нибудь выкроить тут 3 недели времени на поездку к вам. Когда это будет можно, еще не знаю, но уж как-нибудь я ухитрюсь это сделать, несмотря на все дела. А дел, конечно, у меня не убавляется. Правда, сейчас я работаю много регулярнее и лучше, чем раньше, имеется целый большой аппарат, есть и помощники, так что машинка функционирует более правильно и мое время распределяется регулярно. Но возникают и новые задачи. В частности, с транспортом сейчас так плохо, что меня уже давно уговаривают за него взяться, и, в частности, даже Гермаша стоит за то, чтобы я взялся за комиссариат путей сообщения и подтянул несколько железные дороги. Не знаю еще, как это будет, но не удивляйся особенно, если до тебя дойдут слухи о таком моем назначении. Положение здесь сейчас таково, что никто не в праве отказываться от работы, которую он может сделать. А что в смысле организации, привлечения новых сил, введения порядка, дисциплины я кое-что могу сделать, последние полгода это показали. Инженеры со мной работать пойдут, некоторые из товарищей-рабочих первое время будут, может быть, несколько коситься, но мы и с ними поладим, где убеждением, а где и некоторым нажимом, по-старобольшевистски.

Чувствую я себя великолепно, шимало не устаю и в смыслах душевного равновесия и сознания, что делаешь все что можешь и делаешь не худо, я,

пожалуй, еще ни на одном из многочисленных своих мест и ампула так хорошо и покойно себя не чувствовал, как сейчас. Питаюсь я весьма удовлетворительно, все у меня есть. Обносился насчет белья, но вчера достал каких-то карточек (комиссарским делом!) и, вероятно, не сегодня-завтра прикуплю, что надо. Нина живет тоже ничего себе. От Володи вчера была телеграмма из Минска: просил разрешения Любе служить в одном отделе с ним, на что я, конечно, дал согласие. (Он служит в военно-продовольственных комиссиях, которые мне подчинены, почему и разрешения от меня требуется.) Уверен, что ему там живется не плохо: город небольшой, там и еда, и дрова есть, это сейчас главное. Ну, пока до свидания, христовый ты мой, родной, Любонаша! Соскучился я по твоим ясным глазкам. Да и жаль мне тебя, бедняжку, хотел бы сюда взять, а вот нельзя. Целую крепко.

№ 33.

18 мая 1919 года. Москва

Милый мой, родимый Любченышек и дорогие мои детки! Опять представляется случай вам послать письмо, и я спешу им воспользоваться. От вас с этой оказией ничего не получилось, но это, положим, и не удивительно, если принять во внимание способы сообщения. Я все-таки очень прошу и маму и девочек внимательно следить за случаями, с которыми можно отправлять письма. Думаю, что вы могли бы приспособить к этому делу Ад[ама] Ив[ановича] и Я[кова] П[етровича], ведь едва ли они слишком перегружены делами. Теперь вы ведь уже, наверное, уехали из Стокгольма и надо письма посылать кому-либо из оставшихся там и просить следить за предоставляющимися возможностями. Нина тоже очень грустит при каждом пустом приезде кого-либо из Швеции, а таких приездов было порядочно.

Ну, прежде всего о делах.

1. Ваш летний адрес? А то ведь, приехав невзначай в Швецию, даже не буду знать, где вас разыскивать.

2. По поводу денег делается распоряжение о их выплате одному из лиц, везущих это письмо, именно адвокату Helberg'у ¹¹, и я надеюсь, он в точности выполнит поручение. Некоторое затруднение может выйти лишь из-за вашего отъезда, но деньги надо получить без промедления, и я прошу маманичку даже специально съездить за этим в Стокгольм, конечно, если нельзя будет обойтись при помощи заочной доверенности. Во всяком случае не откладывай этого дела и получи деньги теперь же. Что с ними делать, это тебе там, конечно, виднее, отсюда же советовать что-либо трудно ¹². Об исходе дела непременно меня извести.

3. Я уже писал тебе, что по проверке здесь счетов оказалось, что в мае прошлого года я имел [право] получить от Як[ова] Петр[овича] свыше 15 000 кр[он], а потому прошу тебя выдать ему против выше упомянутой суммы расписку, хранящуюся в ящике. О получении этих денег равным образом меня не забудь уведомить.

4. О возможных способах переписки и пересылки известий посоветуйся с Эд. Рейнг.: он, конечно, сможет сделать тебе полезные указания, и по всему тому, что мне здесь пришлось для него сделать, было бы не грех, если бы он догадался предложить тебе взять на себя переправку писем.

5. В нашей квартире пока все по-старому. Нюша по-прежнему в Царском (впрочем, оно теперь называется не Царское, а Детское Село — там помещаются большие детские колонии), и пока она там, можно за квартиру не беспокоиться. Конечно, нельзя поручиться, что она все время там останется, но ведь и вообще нельзя ни за что поручиться — в такое уж мы живем время. На худой конец, кому-нибудь передам. Просится Александра Семеновна, но я не особенно пока пригlašаю, может, найдется более подходящая комбинация.

6. Постарайся передать Ульману, чтобы он осведомил нас, где Классон и что с ним? Его скорейший приезд нужен, чтобы двинуть им особенно энергично пропагандируемый способ получения торфа, а без него дело тут не пойдет. Может, ты о том же попросишь и Ад[ама] Ив[ановича]? Дети

Р. Э.¹³ здоровы, я недавно у них был: сдавал старой уже престарой няне купленную зимой доху на сохранение от моли.

7. Пиши мне, Любанаша, как ты предполагаешь дальше устраиваться, где жить лето и зиму? Приезд сюда я считал бы еще кое-как правдоподобным, если бы немедленно прекратилась внутренняя наша война и вместо взаимоистребления можно было бы заняться подвозом нефти из Баку и восстановлением копей Донецкого бассейна. Но на это надежды нет, война затягивается, может, придется потерять даже и Питер, что нас еще не очень смутило бы, но условия жизни будущую зиму не поддаются даже отдаленному представлению. В прошлом году мы еще дожигали остатки минерального топлива, а потому дров и отопления было относительно много, теперь же минерального топлива не осталось абсолютно, заготовка дров из-за продовольственных и транспортных затруднений ничтожна, и города роковым образом осуждены на замерзание в самом ужасном и непереносном смысле слова. Топлива не будет не только для отопления жилищ, но его не будет и для приготовления пищи. В замерзших домах, как это было отчасти (а тут это будет правилом) уже в эту зиму, полопаются водопроводные и клозетные трубы, и нельзя будет иметь не только ванны, но и просто стакана воды, санитарное же состояние таких жилищ можно себе представить. Ну посудите сами, мои родимые, могу ли я при таких перспективах звать вас сюда? Это было бы с моей стороны безумием. Вы скажете, ну как же ты-то сам будешь жить? Во-первых, мне как комиссару многое легче доступно, а по нашим во многом идиотским порядкам, семьи даже ответственных работников не пользуются почти никакими льготами, а затем, я все же и выносливее и сильнее всех вас. Наконец, кто знает, какой оборот примут далее события? Правда, лично моя деятельность такова, что я даже от людей иного политического лагеря постоянно получаю всякие заверения, но возможно ли все их считать за чистую монету? Потом, первое время в общей свалке разбираться не будут, наконец, самое поражение советской власти, если до этого дело дойдет (а мы думаем, что прежде, чем это случится, Антанта пойдет по стопам Венгрии)¹⁴, будет процессом отнюдь не молниеносным, а длительным, следовательно, может быть, придется менять резиденцию, переезжать из города в город и т. п. Одному все это полбеды или даже никакой беды, если же представить себе что-либо подобное при наличности целой семьи, то мне, конечно, не оставалось бы другой возможности, как оставаться с вами и смотреть, что из этого выйдет, т. е. искушать судьбу самым неприличным и недозволенным для неглупого все-таки человека образом. Будучи один, я в определенный момент, вероятно, уже не в московский, а в харьковский, киевский или какой-нибудь еще иной период истории нахожу, что далее для моих административных талантов применения уже не имеется, и со спокойным сердцем, малым багажом и ничем ровно не стесняемый, кроме размышлений о правильном выборе маршрута, смогу посвятить все свои силы скорейшему воссоединению с рыжанами мардабрашно-катабрашными и т. п. Согласитесь, этот вариант гораздо занимательней и веселей. Ничего неправдоподобного и неосуществимого в таких предположениях нет: вспомните, например, Бражникова, а мне ведь едва ли надо будет так далеко забираться. Может быть, конечно, в течение некоторого времени не будете иметь от меня известий, но это не должно смущать, вы можете быть за меня спокойны, уж я приму все меры, чтобы обеспечить себе спокойное существование и хороший путь. Повторяю, я считаю, что события будут развиваться иначе и что мы-таки выдержим до наступления таких условий, когда воевать с нами будет уже некому, но дело может затянуться, и, что в данном случае главное, зима будет здесь во всяком случае невыносима. Одно время можно было ждать прекращения войны ранней весной, тогда можно бы было успеть вывезти из Баку нефть. Но Антанта решила попробовать задушить нас во что бы то ни стало, и на скорое окончание этой борьбы рассчитывать еще нельзя. Это, повторяю, решает и вопрос о возможности вашего возвращения в эту еще зиму в отрицательном смысле. Сейчас началось как раз наступление на Петроград. Ведется оно малыши

силами, и довольно трудно судить, что именно преследует при этом неприятель. Само по себе даже занятие Питера еще ничего особенного не означает, так как уже много месяцев Петроград ничего не дает стране, а кормить там надо свыше миллиона душ. Политически потеря, конечно, очень тяжела, но военного значения она иметь не может. Весь провиант, доставляемый туда, останется на усиление других мест. С другой стороны, для удержания города, населенного сотнями тысяч рабочих, более года отстаивавших советскую власть, потребуется немалый гарнизон, и еще вопрос, во что этот гарнизон превратится в красном, хотя и оккупированном Питере? Ведь вся эта война такова, что побеждает не тот, кто одерживает победы.

22 мая.

Приходится спешно кончить, ибо шведы мои собираются уезжать.

Ровно год сегодня, родимые мои, как я распростился с вами в Стоггольме и поехал в Берлин.

Сколько времени и всяких событий и как тоскливо, что жить приходится врозь. Но ничего, други мои милые, наше от нас еще не уйдет, мы свидимся и будем жить вместе.

Вчера у меня был некий немец Альбрехт, выдавший месяц назад у какой-то немки Людмилу и милого Любана, и он рассказывал мне, будто маманю так преследуют антантовские шпики, что она даже в город не решается выезжать. Неужели это так? Швед мой это отрицал, и я думаю, немец что-нибудь приврал. Неужели же через того же Брунстрема или Ашберга нельзя было бы добиться прекращения этого свинства, с которым мы достаточно уже имели дело еще в царские времена. Сан-Совёр мне тоже клялся и божился навести в этом отношении порядок. Был ли он у вас? Вообще пишите, от кого и как до вас от нас доходят известия. Почти недели не проходит, чтобы я через кого-либо не посылал вам поклона или письма, но, очевидно, большинство этих любезных людей, переезжая финляндскую границу, забывают о своих обещаниях и не исполняют их. У нас ничего особенного нового нет. Володя был в Одессе, теперь в Киеве, живет, по-видимому, хорошо, прислал мне недавно 3 фунта конфет, хороших, каких мы тут уже давно не видали. Кстати, если будет окказия, пришли мне 3 шт[уки] кальсон и затем 4-5 коробок плоских карандашков, вставных, для моего синенького карандаша, марка A. W. Faber, НВ. 65 m/m, № 9068. Это единственное, чего мне здесь недостает, да и то, собственно, потому, что нет времени и охоты добиваться карточек или разрешений и ходить по магазинам.

Красины прицеливаются переезжать на Шатурское болото, где будет строиться электрическая станция и где есть шанс не замерзнуть и не пропасть от голода. Старковы¹⁵ хотят ехать в Вольск на Волгу, где живут Емельяновы¹⁶, причем сам Базиль остается в Москве. Вы видите, все, кто еще не уехал из Москвы, стремятся это сделать, и с полным основанием, ибо зима предстоит лютая. Гермаша остается пока в Питере. О Сонечке с детьми нет никаких известий, не знаю, что с ними и как они там живут, оставшись совсем одни. Приходится быть фаталистом и спокойно ждать, что рано или поздно создастся возможность сообщения и весь этот узел развяжется. С Крымом сношения только-только налаживаются, с двумя поехавшими туда знакомыми я послал Андрею письмо Виктора и мое, но не знаю, удастся ли им доехать до Ялты.

Думал было выписать Андрея сюда, но теперь меня берет раздумье, к тому же возраст его, пожалуй, скоро будет призван. В июне-июле, если не произойдет каких-либо особых событий или перемен, я рассчитываю сам поехать на юг и тогда посету Андрея, и там, на месте, решим, оставаться ли ему на юге или возвращаться сюда. Науки тут сейчас по-настоящему никакой не существует, условия жизни тяжелые, а на солнце и на море Андрей запасется здоровьем на всю жизнь. Я объясняю свою живучесть, выносливость и работоспособность отчасти тоже тем, что целый год прожил в Крыму в свое время. Если же Андрей там еще научится садоводству и виноделию, так это по теперешним временам больше стоит, чем окончание высшего учебного заведения. Ближайшие года пройдут под знаком

«сырья», и наилучше будут оплачиваться те роды труда, которые связаны с добычей из земли продуктов и всяких материалов. Если бы вот и девчусшек наших поучить огородничеству, садоводству и вообще хозяйству сельскому. Эти знания везде и всюду нужны, и с ними человек нигде не пропадет. Я мечтаю все-таки на закате дней очутиться в Крыму или где-либо на юге; близость к природе все-таки великое дело, а города в результате всей текущей перетряски загажены будут на двадцать лет. Не можешь себе представить, что в этом отношении тут делается: грязь и свинство в домах не поддаются описанию.

23 мая.

Пишу письмо урывками, все некогда, а шведы завтра уезжают. Ну, мои хорошанчики, как же вы живете-то? Большие, поди, стали! Такие, что вас и не узнаешь. Маманечка милая, моя родимая, дорогая! Как же вы-то поживаете, солнышко мое. И жалко мне тебя и хотелось бы здесь тебя видеть, но я уверен, тут жить сейчас было бы абсолютно не переносно, даже не говоря о чисто внешних затруднениях с пищей, жильем, одеждой и прочим. Пишите мне побольше, как вы жили и живете, мы все здесь почти ничего не знаем. Как девочки учатся, как с языками, рисованием, игрой на рояле? Мне ведь всякая мелочь вашей жизни интересна. С вашей квартиры вы бы мне должны были прислать фотографии.

Крепко вас всех целую, мои драгоценные, маманя и дочери. Пусть мое отцовское благословение хранит вас всех четверых от всякой напасти, дурного глаза и неприятностей.

Целую Лялю и кланяюсь всем.

Еще раз обнимаю.

Любящий вас Красин.

№ 34.

17 августа 1919 года. Москва

Здравствуйте родные мои Любанаша, Людмила, Катя и Люба!

Пишу вам одно из многочисленных писем со случайной оказией, без какой-либо уверенности, что оно до вас дойдет. Таких писем я посылаю вам регулярно штуки по две в месяц, интересно, сколько из них до вас доходит? По случайности, сегодня ровно год, как я приехал в московские Палестины. Время прошло и быстро и медленно — как считать: бесконечно долго, когда думаешь про вас, и довольно незаметно, если ни о чем не думаешь, а просто плывешь по течению дней. Вообще же чем дальше живешь, тем быстрее идет время, по крайней мере мне так кажется.

Как я вас не раз уже писал, чувствую я себя физически все это время хорошо, даже прямо великолепно, и вы мне в этом поверите, если я скажу, что от души хотел бы, чтобы здоровье каждой из вас было так же устойчиво и хорошо, как мое за этот год. Питаюсь я хорошо, благодаря, конечно, возможности пищу получать в казенной столовой, хотя и далеко не шикарной в кулинарном отношении, но всегда с хлебом и свежей провизией. От кулинарных же обедов мы поотвыкли, и отсутствие их не только не беда, но для моего желудка даже очевидное благо. По части сахара и чая я лично еще не садился на мель, но большинство москвичей чаю уже не имеют и пьют вместо него под тем же названием поджаренную рожь, морковь, липовый цвет и даже брусничный лист. Чай стоит сейчас 800 руб., сахар 200 руб. за фунт, но и за эту цену не всегда можно их иметь. Работаю я за последнее время гораздо меньше, чем прежде, отчасти потому, что уже имею штат сотрудников, со мной сработавшихся, отчасти вследствие перераспределения функций. Взявшись за пути сообщения¹⁷, кое от чего разгрузился, и в общем получил выигрыш. С этой стороны за меня тоже не беспокойтесь.

Я уже писал вам многократно, что Андрияша наш нашелся, или, вернее, и не думал теряться, а просто жил себе вполне благополучно в Магараче. 4 июня к нему уехала Нина с намерением остаться там на зиму (она получила из Симферополя приглашение от барышень, с которыми жила в 1917 зимою на Петроградской стороне). Хотя я из Крыма от нее письма еще не успел получить, но знаю, что она доехала благополучно, да и в сегодняшнем письме Володи это подтверждается. Мне без Нины тут будет

скучнее, она иногда приходила ко мне поныть вроде мамани, но все же я рад, что она уехала, так как грядущая зима в Москве, почти лишенной топлива, для обыкновенных смертных будет непереносна. Самому себе на крайний случай я присмотрел уголь у Классона на станции. Нину я с собой не смог бы взять. Как Москва проживет эту зиму, для меня загадка. Володя до последнего времени работал на Украине, в Виннице, по продовольствию, но теперь, вероятно, уедет оттуда, куда — еще не знаю.

Как ни тяжело жить без вас, а все-таки я чуть не ежедневно благословляю судьбу, что вас тут нет, глядя на жизнь людей и те трудности, с которыми приходится бороться.

Жизнь из старой колеи выбилась бесповоротно, а новых путей еще не нашла, да и трудно их найти в обстановке войны и опустошения последних пяти лет.

Только теперь в полной мере начинает сказываться результат того простого обстоятельства, что три года большой войны и два года революции миллионы людей не только ничего не производили, но, напротив, все силы техники и хозяйства, всю свою изобретательность употребляли на истребление десятилетиями произведенных ценностей.

Война окончилась, моря стали снова свободны, но даже самые богатые народы ощущают недостаток в самом элементарном сырье, нет кожи, нет хлеба, нет, наконец, самих людей — миллионы погублены и не встанут никогда. У нас положение тяжелее, чем где-либо, уже по одному тому, что мы не можем кончить войну, войну с фронтом свыше 10 000 верст, какого еще не имел ни один народ — ни при одной из войн с тех пор, как вообще стоит свет.

Страна и без того истощена и измучена, война же пожирает все: продовольствие, топливо, ткани, металл, наконец, рабочую силу. Надо еще удивляться, как при таких условиях мы держимся, и совсем не удивительно, что жизнь наша во многом напоминает осажденную крепость, ибо так оно и есть на самом деле, ибо мы осаждены и окружены со всех сторон. Тем не менее войну мы ведем, и есть все основания надеяться, что мы ее выиграем, как ни велико неравенство сил. Громадное пространство и земледельческий характер страны приходят тут нам на помощь. Как бы ни повернулись обстоятельства, пока я один, я всегда смогу найти выход, если же вы были бы здесь, то в случае неблагоприятных событий мы были бы связаны. Жить здесь при теперешней голодовке сколько-нибудь сносно — надо не меньше 30 000 в месяц, да и тут нельзя поручиться, что в доме не лопнут трубы и весь дом не замерзнет, как и было в минувшую зиму со многими. Пока я один, я могу в случае надобности последовать примеру Бражникова, будучи в то же время спокоен за вас.

От вас я не имел известий с мая месяца, да и то не непосредственно, а только Н. И. Линд[бром] передал мне, что видел маманю у Иосифа Петровича [Гольденберга] в Стокгольме и что вы на лето собираетесь в Фальстербо. Приехавший на днях из Берлина Классон тоже ничего не мог про вас рассказать. Меня несколько беспокоит, правда, неопределенное заявление Классона о денежных затруднениях. Мне казалось, что оставленного Вацлавом Вацлавовичем [Воровским] должно было хватить не менее как на 8—10 месяцев. Не понимаю, в чем тут дело.

От Сонечки было недавно письмо. Пока тоже не жалуется. Кисловодском довольна, хотя ванны девочке запретили. Остается солнце и лечение воздухом. Сонечка продолжает служить в городской управе. Вообще говоря, они отлично сделали, уехав на Кавказ вовремя: на Удельной жить было бы невыносимо трудно, а что еще будет зимой. Дрова в городе уже доходят до 60 рублей сажень.

Ну, пока, иду спать. Целую вас всех поочередно и всех вместе, милые мои, золотые, бриллиантовые, ненаглядные мои. Вся радость моя в вас, мои любимые! Храни вас бог, будьте там веселы, благополучны, здоровы, тогда и я здесь буду хорошо себя чувствовать. На сон грядущий читаю «Правду», но обычно уже на 1-й странице засыпаю. Сплю пока хорошо: стало холоднее и мухи исчезли.

Пока прощайте.

№ 35.

18 сентября 1919 года

Милые мои, бесценные, дорогие маманя и девочки!

Пользуюсь случаем послать вам эти несколько строк из Пскова, где я третий день по случаю начавшихся было мирных переговоров с Эстонией. Переговоры пока оборвались до присоединения к ним других прибалтийских стран¹⁸. Выйдет ли изо всего этого что-либо, сказать трудно.

Ну, мои родные, я жив и здоров и чувствую себя хорошо. Скучаю по вас, но не теряю надежды свидеться. Недавно в Москву вернулся Володя. Он прекрасно выглядит, работает по продовольственному делу и живет вообще хорошо. От Нины и от Андрюшки известий нет с июня, но, я полагаю, им живется тоже неплохо. От вас я имел письмо от начала августа, вот рад-то был!

Крепко вас всех целую и обнимаю. Будьте все здоровы, берегите маму, учитесь, не забрасывайте языков и музыки. Обо мне не тревожьтесь и не беспокойтесь. Не верьте всякому вздору, который печатают газеты. Крепко вас целую и обнимаю.

Ваш папаня и Красин.

№ 36.

25 октября 1919 года

Родные мои, милые Любаша, Людмила, Катя и Люба! Пишу на тонкой бумаге, ибо это письмо должно до вас идти воздушной почтой, на аэроплане. Вот, други милые, до чего мы дожили, что только при помощи аэроплана и удастся вам послать о себе весточку. Гг. руководители «Лиги Наций»¹⁹ так боятся большевистской заразы, что даже писем не хотят из России пропускать, и нам приходится идти на необычные способы.

Я только вчера вернулся из Питера, куда ездил 17 октября — как раз день когда белые, взяв Гатчину и Красное Село, угрожали Детскому Селу (так теперь называется Царское) и самому Питеру. 18 октября в Питере настроение было довольно неважное: наши войска отступили, белые же, хорошо вооруженные, с танками и сильной артиллерией продвинулись вперед²⁰. В воскресенье, 19-го, положение еще ухудшилось, мы потеряли Павловск и Детское Село и создалась угроза самой Николаевской дороге, которая могла быть перерезана в Тосно или в Колпине. Ораниенбаум, Петергоф, Стрельна, Лигово были еще в наших руках, но броневой поезд наш сражался уже на Средней Рогатке и при новом нажиме пришлось бы отступить на линию Приморской ветки, т. е. перенести борьбу почти что на улицы города. Приказ и был дан такой — не сдавать Питера, вести бои на улицах города, в крайнем случае отступать на правый берег Невы, и, разводя мосты, обороняться там до прихода подкреплений. Подкрепления тем временем подтягивались успешно, и со вторника 21-го наши перешли в наступление от Колпина, ударив неприятелю в правый фланг. Наши силы все время были более значительны, чем у белых, но наша слабая сторона — вялое и неумелое командование: своих офицеров нет или почти нет, а кадровые офицеры душой если не на стороне белых, то, во всяком роде, не очень-то склонны особенно распинаться за Советскую Россию и большой инициативы не проявляют. Солдаты устали изрядно и дерутся хорошо лишь при условии руководства, без этого же превращаются в стадо овец, шарахаются при каждой световой ракете. Как только эта масса получает хоть малое руководство и командование берет на себя инициативу — люди идут и дерутся хоть куда. Вообще, вся наша война идет так, что пока мы не получим хорошего подзатыльника, мы деремся вяло, но когда положение делается опасным, — напрягут силы и, так как их у нас в общем больше, — глядишь, и есть успех. Так было и на этот раз с Питером. У вас, вероятно, уже были телеграммы о падении Питера, а в действительности до этого не дошло, Павловск и Царское уже взяты обратно, а если не будет какого-либо сюрприза вроде нападения Финляндии, то дело и на этот раз окончится ничем. Я в Питер приезжал по своим путевским и отчасти электрическим делам и ни в каких военных действиях участия не принимал. Пишу об этом для специального успокоения милой нашей мамани, которая уже не преминула сделать сердобольную мину и, может быть, даже попричитала немно-

го. В день моего приезда в Питер я еще успел спосылать Ньюшу в Детское, и она вывезла мне некоторые нужные вещи из нашей квартиры. Сама Ньюша служит сейчас у Сименс-Шуккерта в правлении у Гермаши, в Царском же в нашу квартиру поселили инженера сименсовского же, Прехта, родом датчанина, — очень добропорядочная семья, и, если сейчас при обстреле дом наш не сгорел, то, вероятно, все наши вещи останутся в целости. Вывозить сейчас оттуда имущество, во-первых, невозможно за полным отсутствием перевозочных возможностей, а во 2-х, куда же вывозить — всюду одно и то же.

Ньюша побывала в Детском всего несколько часов, а на другой день туда пожаловали белые. Вместе с ней ездил туда же за вещами известный вам Ломоносов ²¹. Он сейчас работает частью в моем комиссариате, частью же в других учреждениях. Гермаша был в Питере, хотя собирался по делам в Москву, и приехал сюда вчера вместе со мной.

Ну, я живу здесь по-прежнему, работаю в общем много меньше, так как снабжением не занимаюсь, здоровье мое в прекрасном положении, и Гриша, у которого я был в этот приезд и которому по обыкновению показывался, нашел мое сердце и артерии в лучшем положении, чем прежде. Словом, я был бы рад знать, что вы, и в частности маманя, в отношении здоровья находитесь по крайней мере не в худшем состоянии. Таубманы, как и все, живут плохо: денег никаких не хватает, продовольствия нет, а что будет зимой, и подумать страшно. В прошлом году еще были кое-какие запасы, был еще каменный уголь и частью нефть, теперь все это дочиста израсходовано, а заготовка дров из-за войны, отсутствия фуража и продовольствия не дала и десятой доли того, что нужно для удовлетворения самых насущных потребностей. Не только не хватает топлива, но есть основательные опасения, что, может быть, не удастся даже обеспечить снабжение топливом кухонных печей. Можете себе представить, что это будет за жизнь. В большинстве домов, вероятно, полопаются трубы не только отопления, но и канализации, а это создаст невозможные санитарные условия. Так уже было в прошлую зиму в ряде домов, в эту же зиму это станет общим явлением. Когда я думаю о всех предстоящих бедствиях, я каждый раз благословляю судьбу, позволившую мне уберечь вас, родные мои, от всех этих страданий. Вы скажете, а как же ты-то будешь жить, но мне одному много легче, я в крайнем случае поселюсь у Классона на станции, либо даже в свой салон-вагон перееду, всем же нам спастись было бы много труднее. Ни о каком сколько-нибудь правильном домашнем хозяйстве не может быть и речи, а во многих отношениях мы ежедневно оказываемся в положении Робинзона на необитаемом острове.

Вы, конечно, уже знаете, что ни Нины, ни Андрюши здесь нет. Я надеюсь, что на юге им легче будет прожить зиму, чем здесь. Писем от них, понятно, никаких мы здесь не получаем. Что касается Володи, то он сам вам напишет, если конечно по лени не захалатит дело.

Если военное положение будет развиваться как мы предполагаем — мирные переговоры неизбежны. Дальнейшая затяжка войны вряд ли выгодна даже нашим настоящим врагам, и если до зимы Деникину не удастся нас добить (а вряд ли ему это удастся), то, пожалуй, Англия поймет, что в ее собственных интересах попытаться справиться с большевизмом в экономической области на почве некоторых ограниченных, но мирных сношений. И, может быть, этот план одоления Советской России имел бы больше шансов на успех, чем двухлетние безумные попытки военного завоевания. Словом, милый мой Любан — куражу! Не унывай и надейся: все еще будет хорошо. Не век же будут бури, пристанет когда-нибудь к тихой пристани и наша ладья.

В одном из писем ты упоминаешь о переезде в Германию. Я уже писал, что пока считал бы это преждевременным, по крайней мере пока я сам не побываю в Германии. Вообще такой переезд я считал бы полезным, особенно ввиду интересов девочек, которые могли бы в Германии большему научиться, чем в Швеции. Но, с другой стороны, Германия еще не дошла до конца своих злоключений, и неизвестно еще, что и как там может в ближай-

шие месяцы измениться. Пока лучше подождать. Получила ли ты все от Helberg'a? Если нет, стрейбуи с него все, что тебе полагается, ибо деньги у него непременно должны быть. Хорошо бы также, если бы ты смогла снести с Леонидочкой и попросить его перевести оставшиеся у него суммы, следуемые мне от Барона. Сколько именно, ты можешь увидеть из бумаги (описи, оставленные мною при отъезде в твоём сейфе).

Получила ли ты 15 000 к[рон] от Як[ова] П[етровича]? Если нет, сделай и это, выдай ему расписку от мая 1918, которую найдешь там же. Постарайся написать мне коротенько обо всем этом, а то я напоминаю об этих вещах чуть ли не в каждом письме.

Не забудь также написать мне адрес вашей квартиры. Мало ли какие могут быть случаи, я бы его хотел знать.

Ну пока, прощай, родной мой Любченышек. Целую тебя крепко-крепко, также и девочек.

Воображаю, как они все выросли и какие стали красавицы. Жду от тебя и от них писем. Пишите, очень ли вас угнетает всякая черная сотня. Крепитесь, други мои милые, пошлости людской ведь нет конца-краю, и если раз навсегда научиться ее презирать, то уже вам никто ничего не сделает.

Не тоскуйте обо мне очень. Еще раз, детки прошу беречь и холить маманю.

Крепко-крепко всех обнимаю и целую. То же и Лялю.

Ваш Папаня и Красин.

№ 37.

13 ноября 1919 года. Москва

Родная моя, любимая маманя и золотые мои девочки!

Я дней десять назад послал вам письмо, а завтра едет в Юрьев²², а может быть и далее, Литвинов²³, и я с ним посылаю это письмо. От вас имел прямые вести от начала августа, но на днях сюда прилетит аэроплан из Берлина, и живущий в Берлине мой торговый представитель писал мне 14 октября, что он от Helberg'a знает о вас и что у вас все в порядке. Этот мой берлинский знакомый называется Victor Kopp²⁴, Fasanenstr[asse], 27. Berlin. Я очень вас прошу не реже одного раза в месяц присылать ему письма для меня, и, может быть, он в состоянии будет их пересылать, да и от него вы обо мне можете иметь известия. Victor Kopp — мой давний знакомый с 1905 года, и во всяком случае это один из путей сношения со мной. Второе дело: если Литвинову удастся доехать до Дании, то он должен дать приказ Helberg'у о дальнейшей выплате вам денег с 1 января 1920 еще на полгода в том же размере. Если же Литвинов до Дании не доедет, то Helberg все равно получит каким-либо другим путем такой же приказ, и ты, маманичка, родная, стрейбуи с него следуемые деньги. Средства у него должны быть независимо ни от каких продаж льна и проч. Сам я в Юрьев пока не еду, так как это еще не мирные переговоры, а лишь об обмене пленными и заложниками. Но, весьма возможно, через неделю — или как — начнутся мирные переговоры, и тогда я, по всей вероятности, поеду в Юрьев во главе делегации²⁵ и надеюсь оттуда иметь возможность снести с вами хоть по телеграфу.

Вы, верно, уже читали в шведских газетах о взятии белыми Петрограда. Я как раз в самые тревожные дни был в Питере и посылал Ньюшу за кое-какими вещами в Детское за 2 дня до занятия его белыми. У нас в квартире там живет инженер Прехт (сименсовский), датчанин с семьей. Я еще не имею известий, но, по всей вероятности, дом наш не сторел и все, вероятно, в порядке: живые люди в квартире все время были. Ньюша поступила на службу в правление Сименс-Шуккерта через Гермашу, чему я очень рад: девица она прямо идеальной честности и лучше за всем нашим добром смотреть и ходить было бы просто невозможно.

Третьего дня Володя с Любой уехали по железной дороге в Самару и, может быть, дальше до Уфы, на службу по продовольственному комиссариату. Это лучше, чем зябнуть и полуголодать в Москве, как все здесь обыкновенные смертные принуждены делать. От Нины и Андрея, понятно,

мы никаких известий не имеем с лета, но слух есть, в тех краях живет неплохо, во всяком случае теплее и сытнее, чем на нашем севере, по нынешним временам это уже много... Пока прощайте.

№ 38.

25 ноября 1919 года. Москва

Родной мой Любан, милые дочери мои, золотые мои девочки!

Пользуюсь случаем послать вам несколько строк с одним шведом, едущим в Стокгольм. Правда, на днях уехал туда Литвинов, и вы, конечно, знаете от него обо мне. Я здоров и благополучен, живу по-прежнему, весь день за работой, время идет незаметно. Скучно очень без вас, но надо, други милые, терпеть и ждать. Приходится человечеству расплачиваться за эту братоубийственную войну, и путь к новой лучшей жизни лежит через многие трудные и опасные места. Подумайте только, что делается в Германии. Там нет семьи, где не было бы убитых или искалеченных, и за что и к чему, чего достигли? Невесело и у победителей, я думаю. Утешаться приходится лишь тем, что все-таки главные ужасы позади и медленно, но начнется улучшение.

России тоже трудна будет эта зима. Главная беда — мало топлива, да и с продовольствием неважно. Хлеба на местах много, и даже научились его от мужика добывать, где добром, а где и понуждением, но распределение и транспорт из-за полного расстройтва железных дорог очень страдают.

У меня в «Метрополе» довольно холодно, и я решил переехать к знакомым Гуковского на Малом Знаменском, рядом с музеем. Этот швед — двоюродный брат или кузен хозяйки, и я сегодня вечером, переехав на квартиру, узнал, что он едет в Сток[гольм]. Пишу это письмо. Здесь дрова имеются до января. Если же и здесь будет холодно (по израсходованию дров), то я переселюсь на станцию к Классону, где тепло во всяком случае обеспечено. По части еды я устроен очень хорошо, и если не так вкусно ем, как вы, то наверно хлеба и масла имею больше, чем вы в Швеции. Ем 3 раза: завтрак, обед и ужин и раза 2, а то и 3 пью чай. Квартиру в «Метрополе» оставляю за собой на случай улучшения с дровами и просто как хорошую квартиру. На станции моей находиться неудобно из-за расстояния: на автомобиль не всегда можно рассчитывать, ездим не на бензине, а на спирту, да и того мало.

У дяди Геры пока тоже тепло. Сам он недели 2 назад приехал из Питера и заболел испанкой²⁶, причем у него образовалась опухоль в паховой области величиной с кулак. Вчера сделали ему операцию, выпустили гной, доктора находят, что все идет хорошо, но эта испанская болезнь протекает в страшно изменчивых и иногда коварных формах. Катя тоже хворала, но поправилась. Наташа поступила в Высшее техническое училище, а Аня в Петровскую академию. Обе, значит, студентки. Митя²⁷ ростом выше меня, а по убеждениям большевик. Это его Авель заразил. Нинетта забегает ко мне время от времени. Имеет цветущий вид и пока, кажется, никуда не собирается ехать. От Андрея и Сонечки никаких вестей нет.

Я вам не раз писал о предстоящей здесь тяжелой зиме. Она наступила этот год гораздо раньше прежнего, и в 9/10 московских домов температура уже сейчас 3-4 градуса. Что будет с наступлением настоящих морозов, угадать нетрудно. Дров нет, и нет уверенности даже, хватит ли их на приготовление пищи. Ежедневно я благословляю судьбу, что вам не приходится переносить или хотя бы видеть только все эти бедствия, которым несчастные обитатели городов подвергаются из-за отсутствия дров, одежды, обуви и плохого питания. Собственная сытость и тепло наполовину устраивают, когда тут рядом на каждом шагу видишь такие лишения и нужду.

Да, расплата за войну только теперь начинает приходить, и, судя по известиям из Западной Европы, везде эта зима будет тяжелой. Как-то вы там, ненаглядные мои, устроились на зиму, теплая ли у вас квартира, есть ли топливо? Пишите мне обо всем этом, а то я иногда беспокоюсь.

За меня вы не тревожьтесь. Я лично ни в чем не нуждаюсь, единственное мое лишение — недостача невыразимых²⁷ — удалось устранить недав-

но приобретением целой 1/2 дюжины, не считая теплых вязаных, сохранившихся у меня еще от прежних времен. Теплое белье и даже маманины нарукавники и набрюшник у меня в полной сохранности (хотя и без употребления, так как левого плеча я еще не успел застудить, да и «почка» моя еще не болит, не слезать бы).

Я уже писал, что Гриша Таубман смотрел меня 20 октября в Питере и нашел мое состояние чуть ли не лучше, чем когда-либо! Питаюсь я вполне сносно, а живу в теплой комнате. Даже присланную вами мне кожаную куртку надеваю не часто, лишь когда иду куда-либо, где нет отопления. На разгар же зимы у меня припасены меховая кожаная куртка (на козле), валенки и хорошая теплая доха. Это не то что ваш, маманичка, знаменитый «крот» — ветром подбитый. Публика обнищала и опростилась до крайности. Ходят как хитровцы²⁸, и особенно ударяет этот кризис по интеллигенции и почти уже целиком вымершему дворянству, чиновничеству, пансионерам и т. п. На улицах люди идут нагруженные мешками с картошкой, мукой и всякой вообще кладью. Извозчик за конец стоит 200-250 руб., да и лошадей в живых мало осталось. Поэтому на каждом шагу дамы и старухи в костюмах, бывших некогда изысканными, на ручных саночках волокут домашний скарб или мешки со снадью. Но многие и изловчатся тоже: пекут, например, пироги или шьют из всяких остатков туфли и проч. и продают на Сухаревке³⁹. Таким промыслом, говорят, легко заработать 20-30 тысяч в месяц. Оплачивает все это деревня, в которой деньги отмериваются не счетом, а прямо по весу. Деревня живет в среднем лучше, чем она когда-либо жила, города же за отсутствием топлива не могут почти ничего производить для обмена на продукты деревни, все съедает война.

Военные дела сейчас сильно поправились, и, пожалуй, не будет большой утопией надеяться на открытие еще этой зимой мирных переговоров не только с разными чухнами³¹, но и с Антантой. Тогда мне почти наверно удастся попасть за границу, и я надеюсь с вами так или иначе свидеться.

Как-либо иначе попасть за границу я пока не имею возможности, да и неблагоприятно было бы искушать судьбу. И у нас еще не вполне безопасно путешествовать обыкновенному обывателю, но в Эстляндии, Литве, Латвии, Польше, Украине такая анархия, что людей прямо раздевают и грабят чуть не среди бела дня. Поэтому, други милые, надо пока ждать и терпеть, пока обстоятельства не изменятся к лучшему. Я твердо надеюсь, ждать остается уже не очень долго, и вас всех усиленно прошу, берегите милую нашу маманю, да и сами не хворайте, чтобы папаня всех вас нашел в добром здоровье. Пришлите мне ваши фотографии. Я тоже собираюсь все сняться, да времени как-то нет. Работы у меня хотя и достаточно, но много убавилось против прежнего, так как снабжением армии я теперь не заведу³². И вообще нет такой нервности и спешки, и люди уже подобрались, и организация более или менее установилась. Если бы вас сюда, да иметь уверенность в сколько-нибудь сносной квартире и еде — я чувствовал бы себя совсем счастливым человеком. Работа теперешняя мне дает немалое удовлетворение, и за малыми исключениями идет она в очень благожелательной атмосфере, а это много значит, особенно если сравнить с 1914—1917 годами, когда вся работа проходила в атмосфере этой классовой ненависти и вражды.

Ну вот, мои миленькие, пора мне и кончать. Девчаны мои родные, пишите мне, как вы живете, чему учитесь, очень ли вас обижают? Крепитесь, ребятишки, не падайте духом и помогайте друг другу. Мы тут ведем большое мировое дело, и не тому отребью, что засело по заграницам, судить большевиков. Скоро это ясно будет всему свету. А сами вы, подрастаете — тоже увидите, в чем дело. Ты, моя родная Любанаша, тоже не огорчайся разными инцидентами и помни, если я вас сюда не выписываю, то только в ваших же интересах. Тебе тут сейчас жить было бы просто не под силу. Это тебе Дора Моисеевна подтвердит. И она и В. В. [Воровский] изрядно скисли от здешней обстановки, и только Нинка у них молодцом. Вообще, замечательная вещь, молодое поколение держится, и даже по внешности тяжелые условия на них как-то не отражаются. Мы, например,

с Гермашей изрядно постарели, Катя стала совсем старухой выглядеть, а Наташа, Аня, Митя, даже Володя выглядят совсем как в нормальное время. То же, например, с Вашковым, который был у меня сегодня. Своих держит на заводе в Кольчугине, не решаясь их брать в М[оскву]. Анна Алекс[еевна] за все время, что я здесь, ни разу не была в Москве, езда по железной дороге даже за 200-300 верст — почти невозможная мука, и без крайней нужды никто не ездит. Дядя Боря только что вернулся из Уфы, куда ездил за продуктами для своего учреждения. Ну уж натерпелся и навиделся видов! Взбаламутилась матушка-Русь, и не скоро еще эта волна уляжется. А только чувствуется, что выйдет она из всей этой передраги обновленная, и если не детям нашим, то детям наших детей жить будет лучше и легче, чем нам. Впрочем, и на нашу жизнь жаловаться грех. Хоть и трудновато иногда, зато в какую эпоху живем и сколько уже всячины пережили!

Ну, родимый мой Любанчик, позвольте мне вас крепко-крепко обнять и поцеловать. Пишите. Целую крепко тебя, Людмила, и тебя, Катя, и тебя, милый мой Любан! То же Лялю. Привет всем. Ваш любящий Красин и папана.

Сейчас видел Бориса. Он сообщил: Маруся 2 нед[ели] назад была с Танечкой в б[ывшем] Царском. В нашей квартире все абсолютно в порядке, даже мои костюмы этими аккуратными датчанами выколачивались от моли. Жильцы пришли в ужас, думая, что это приехала маманя их выселять. Но их, конечно, успокоили и отбирать у них мебель придется, вероятно, с постепенностью, раз они так добросовестно нам сохранили имущество.

№ 39.

5 декабря 1919 года. Юрьев

Милая моя, золотая Любашечка, солнышко мое ненаглядное! Родные мои девчущки, Людмилчик, Катабашный, Любан мой маленький! Как я по вас соскучился и как мне вас всех хотелось бы видеть, обнять и поцеловать. Целую вечность мы не виделись, и девочек сейчас, пожалуй, не узнаешь. Ломоносов рассказывает, что Людмила еще летом выглядела 16-летней барышней. Что же это, маманя, такое? Зачем нам таких больших детей, я ведь их заводил малых, жирных, вонючих, для жмени, а тут вдруг тебе барышни, — еще, пожалуй, сконфузишься перед ними! Прямо хоть прекращай охоту! Поглядел бы на вас хоть в щелочку, хоть одним глазком.

Приехал я в Юрьев и как-то сразу ближе себя к вам почувствовал, хотя приблизился к вам всего на те же 600 верст, что и при переезде из Москвы в Петроград. По странной случайности дом нам отвели на Мельничной улице, где, кажется, жил Д. В., когда я в 1-й раз, лет 14 назад, был в Юрьеве.

Ну, родные мои, приехал я в Юрьев во главе делегации, в качестве советского посла, договариваться об условиях мира с этими «независимыми» эстонцами. Так как, однако, их «независимость» весьма призрачна, то не знаю, что из всего этого предприятия выйдет. Война Эстонию разорят вдребзги, рабочие и крестьяне войны не хотят, никаких территориальных споров с Советской Россией нет, словом, воевать абсолютно не из-за чего, и тем не менее, как говорится, «и хочется и колется» — все время оглядываются на Англию, как бы не прогневать покровителей. Мы, со своей стороны, очень охотно пойдем на мир, но, конечно, главным условием ставим не поддерживать никаких Юденичей, Балаховичей³³ и пр[очих] генералов и разоружить их армию, дабы через пару месяцев они не устроили нам вторичного нападения на Петроград. Переговоры сегодня начались, но пока еще нельзя сказать ничего определенного об окончательном исходе. Если бы мир удалось заключить, все-таки открывалась бы кое-какая возможность хоть переписки с вами. Впрочем, я надеюсь, заключение мира повело бы дальнейшие переговоры и, может быть, еще до весны даже и Антанта додумалась бы до начала разговоров о каком-то мире. Сломить Сов[етскую] Россию силой сейчас, пожалуй, труднее, чем когда-либо, и рано или поздно все эти господа вынуждены будут перенести борьбу на почву дипломатии и экономики. В больших переговорах мне, вероятно, также

придется принять участие, и уж тогда-то мы, мои родимые, с вами наверняка увидимся. Я уж мечтаю и о том, что заключение общего мира сделает необходимой большую работу за границей, а тогда и я, не теряя заработка и продолжая посильную работу, смогу еще обрести где-нибудь тихую пристань и зажить опять с тобой вместе, милый мой Любанаша, и с родными девочками.

Сию минуту принесли мне вашу телеграмму, милые мои, родные, бесценные!! Ну, как же я рад, просто аж до слез! Милые мои, голубушки, любимые, как я вас всех люблю и как я по вас истосковался. Готов прямо целовать вашу телеграмму. Ну, я рад бесконечно знать, что все вы, морданы мои милые, здоровы и благополучны. Ведь подумайте! Последнее ваше письмо у меня было еще из Фальстербо, т. е. от начала августа, а время ведь уже к Рождеству подходит. Вот я ругаю себя, что не просил вас прислать фотографии, пожалуй, сами вы не догадаетесь. Я, собираючись в Юрьев, тоже решил для вас сняться в Москве, и даже у порядочного фотографа, но, к несчастью мне не удалось ко дню отъезда добиться карточек, и я уже пришлю их как-нибудь с оказией, а м[ожет] б[ыть], попробую сняться и у кого-либо в Юрьеве, хотя фотографии тут, вероятно, довольно аховы.

Значит, продолжаю: повторяю, положение общее как будто меняется к лучшему и лично для меня тоже начинают вдали брезжить кое-какие заманчивые перспективы жизни с вами и в то же время не бездельником-эмигрантом. Работать я за эти полтора года еще больше привык, и сидеть совсем на отдыхе, пожалуй, плохо отзовется на моих красных кровавых шариках. Боюсь пророчить, но все более и более надеюсь, что и теперь мои далеко задуманные предположения реализуются так же, как в свое время в 1908 году предположения о способах и обстановке возвращения в Россию³⁴. Значит, друзья мои, не унывать, а потерпеть еще и, может быть, уже и не так много. Главное, берегите здоровье и маманю нашу милую. В этом отношении могу похвастаться, берите пример с меня: в 20-х числах октября был в Питере (как раз когда напирал Юденич), и Гришка, освидетельствовав меня, нашел, что у меня с сердцем и склерозом дело стоит лучше, чем [в] прежние годы: вот что значит благочестивый образ жизни и советская голодовка. Нет, право, здесь в Юрьеве нас кормят на убой, и мой желудок, кажется, уже выражает склонность саботировать. Пока прощайте, мои ласковые. Крепко и по очереди всех вас целую, маманичку, Людмилу, Катю, Любу. Целую также Лялю и кланяюсь А[даму] И[вановичу], Я[кову] П[етровичу] и всем знакомым. Ваш папа и Красин.

№ 40.

7 декабря 1919 года

Милая моя, родная Люба!

Стараюсь писать каждый день, хоть бы покороче, чтобы использовать пребывание в Юрьеве. Долго ли пробуду здесь, неизвестно. Все эти переговоры здесь — как будто опять одно вилянье и надувательство: люди жмутся и, видно, решать без «хозяина» ничего не могут, а «хозяин» за морем и все еще не может решить, продолжать ли драку или попробовать хоть какой-то мир. Возможно, переговоры оборвутся уже на днях, и я скоро уеду обратно, тем более, дела дома выше головы и, собственно, отъезд мой был невозможен, и, если бы не желание и надежда снестись с вами, я бы сюда не поехал. Не знаю, так ли исправно дойдут до вас мои письма, как телеграмма (первая), и боюсь не дожидаться писем от вас. А вы все-таки пишите по тому же адресу: возможно, я уеду, а наша делегация еще останется, и тогда письма мне будут досланы вслед. Пришлите также фотографии: снимись сама и детей у хорошего фотографа-художника. Я постараюсь вам тоже послать свой портрет. Очень просил бы Ад[ама] Ив[ановича] купить пленку и при помощи моего аппарата сделать со всех вас по несколько стереоскопических снимков: они дают лучшее понятие, чем обычные фотографии.

О Володе я уже писал. Он одно время хотел переходить в Художественный театр, но потом опять решил остаться на работе по продовольствию

и уехал в Самару и, вероятно, дальше на Урал, в хлебные, мясные, масляные и даже медовые места.

А[лексан]дра Мих[айловна] тебе очень кланяется. Она лишь осенью вернулась с юга и по виду изменилась мало. Видаюсь с ней не часто: некогда. Красины, Вашковы, Глебовы, Старковы и прочие такие люди живут все трудно из-за страшной дороговизны и недостатка питания и, что всего ужаснее, дров. Ходим мы сейчас во многих фуфайках и, у кого есть, в бурковых сапогах или валенках. Я одеваюсь настолько исправно, что у меня ни разу не было даже насморка, и только вот здесь, в Юрьеве, благодаря гнилой погоде, я его, кажется, заполучу, хотя и борюсь отчаянно полосканиями. У меня в комиссариате тепло, а на случай крайний имею соглашение с Классоном о переезде к нему, где уж абсолютное тепло. Все вообще опростились донельзя, и внешний вид теперешней Москвы и Питера, конечно, убил же тебя своим убожеством. И наряду с этим — такое, например, явление, что театры полны, работают вовсю, есть концерты, а ночью по неосвещенным улицам Москвы сплошь и рядом видишь одиноких женщин и барышень: идут как ни в чем не бывало, никого не опасаясь и без малейших инцидентов, не говоря уже о грабежах или нападениях.

Кратко я мог бы характеризовать наше положение: мы, несомненно, перешли в высшую стадию общественного развития, но находимся (из-за войны и собственной безрукости) еще на низшей ее ступени. Кое-какие ростки и признаки лучшего будущего появляются. Даже с транспортом железной дороги удалось с марта добиться больших положительных результатов, в отношении общей дисциплины и дисциплины труда, теперь и в 1918—1917 г. — это небо и земля, но, конечно, все усилия парализуются войной, этим Молохом³⁵ всепожирающим.

Как мне ни тоскливо и горько жить без вас эти месяцы и годы, я все-таки, считаю, поступил правильно, оставляя вас пока там. Не только непосредственно тяжела жизнь, это бы еще туда-сюда, но нет полной уверенности в завтрашнем дне, и вот это главное. Один я так или иначе смогу быстро и решительно принять все меры, до бражниковских включительно, ну а что делать, оставаясь всем «семьём». Не могу же я вас тогда бросить, а оставаясь, можно сказать Бог весть в какую передрагу, особенно первое время³⁶. Вот почему, родной мой, я пока еще не решаюсь вас сюда звать, и, думаю, ты и дети вполне со мной согласитесь и поймете, что иного пути нам пока нет. В то же время я прошу тебя очень при всяких известиях, которых у вас, вероятно, изобретают немало всяческих, сохранять спокойствие и верить, что я уж так или иначе приму свои меры, считаясь с обстоятельствами данного положения, времени и места. Я тебе уже телеграфировал, что Helberg должен был получить от папаша распоряжение о выплате тебе с 1 января за половину апанажи³⁷ в обычном размере. Получила ли ты об этом известие? Я со своей стороны еще раз напомню папаше, но и ты, может быть, обратишься со своей стороны к Helberg'у.

Далее, я давно и не один раз сообщал тебе, что по старым счетам с хоз[яином] Як[ова] Петр[овича] мне в мае 1918-го причиталось получить 15 000 крон, на каковой предмет в твоём сейфе была мною оставлена расписка. Заполнив ее указанной цифрой, ты могла бы от Я[кова] П[етровича] соответствующую сумму получить. Возможно, ты это уже и сделала, я пишу лишь для порядка. Имеешь ли ты какие-либо известия от Леонидочки? Надо бы тебе с ним связаться, тем более что у него также имеются еще принадлежащие мне деньги, сколько именно — не помню, это ты можешь посмотреть в списке, имеющемся там же, где и упомянутая расписка. При случае сообщи мне о всех этих делах.

Ну, квартира наша пока что цела и невредима. Вещей, за исключением теплых, нательного платья и т. п., я не трогаю: все равно негде их хранить, настоящей оседлости ведь никто не имеет, разве еще Классон, у которого я летом хранил, например, свою доху. Кстати, у него за границей нашли отравление поваренной солью и, посадив на диету, почти совершенно его вылечили. Ребята у него большие, и все пошли в какую ни есть работу, как и наши Наташа, Аня, Митяй. Об Андрюше и Нине известий не имею, но

уверен, что им там ³⁷ живется неплохо. Адрес их прежний. Может быть, ты могла бы с ними как-либо списаться, хотя при всеевропейском развале это, пожалуй, невозможно.

№ 41.

23 декабря 1919 года

Дорогой любимый мой Любанчик, родные мои деточки! Вот я уже более недели как в Москве, и за 12 дней моего отсутствия накопилось столько дела, что я не мог собраться вам писать. Решил, что в Юрьев я более не поеду так как переговоры не требуют безусловно моего присутствия, а между тем здесь многое пришло в расстройство. Я не очень об этом сожалею, так как сношения с вами оборвались после единственной вашей телеграммы от 5 декабря, а сами по себе переговоры вступили в довольно безнадежный и скучный фазис, и участие в них уже не представило для меня особого интереса ³⁸. Здесь работа много интереснее и нужнее, и я чувствую, что тут я действительно нужен и необходим и что в моем отсутствии многие важные дела действительно разлаживаются и надо их опять выправлять. Я собираюсь рано или поздно в продолжительную поездку за границу, и чем более здешние дела будут упорядочены до этого времени, тем скорее и тем успешнее будет эта настоящая миссия. Поэтому каждый здесь проведенный день я отнюдь не рассматриваю как потерянный.

Милачки вы мои! Скоро у вас Рождество, и вы, конечно, сугубо вспоминаете к праздникам о своем папане. И он тоже думает о вас и вспоминает былые годы, предпраздничные хлопоты мамани, ее беготню по магазинам, подарки и мордашки милые перед елкой, и хоровое вокруг ее пение! Счастливые были дни. Но ничего не поделаешь, надо, чтобы счастье не было делом только немногих случайно вознесенных на верх общественной пирамиды, и мы здесь закладываем сейчас фундаментальные камни тому порядку, при котором равномерно будет обеспечено счастье всех, пусть сначала на сравнительно скромной основе, с удовлетворением лишь насущнейших потребностей, но лишь бы начать, а там уж увеличение производительности и общего богатства пойдет сравнительно быстро. Сейчас мы, конечно, в самом начале строительства, и жить на самой стройке среди груд разрытой земли, нагроможденных друг на друга камней, настроенных кругом лесов, без крыши, без отопления, без мебели — жить в таких условиях еще трудно и неудобно, многие заполучат болезни, многие и совсем не вынесут этого самого тяжелого подготовительного периода, но и простые человеческие постройки не обходятся без жертв, и надо уметь видеть фасад будущего великолепного дворца в этих лесах, несмотря на груды мусора и щебня. Мы их видим, и это дает силы и бодрость несмотря на все препятствия строить дальше. Только ломать мы определенно ³⁹ перестали, и разница между теперешним временем и тем, когда я приехал в Москву в авг[усте] 1918, огромная. Не подлежит сомнению, внутри страны советская власть уже победила и если нападающие на нас генералы не получат новых миллиардов денег, пароходов грузов и десятков тысяч солдат от разных лакейских вновь образовавшихся государств, то их песенка окончательно спета.

Конечно, обнищали мы до крайности, и сравнение с осажденной крепостью непросто фигура, а горькая правда. Приемы наши и управления и производства все еще грубы, мало производительны, неуклюжи. И тем не менее мы перешли на высшую стадию развития и, будучи сегодня еще на низшей ее ступени, скоро (сравнительно) догоним и много перегоним то положение, в котором были до революции. Так человеческий детеныш глупее умной обезьяны и развивается вначале медленнее, но затем он быстро обгоняет самого умного шимпанзе. Будучи вообще рад и счастлив, что вам на себе не приходится выносить всю тяготу здешней жизни, я в то же время часто жалею, что не могу с тобой, Любаша, делиться всем переживаемым, да и девчушкам многое из переживаемого теперь в России стоило бы увидеть самим, а не только читать об этом в книгах. Во всяком случае, милые мои, родимые, не беспокойтесь и не тревожьтесь обо мне. Главное, в чем мне плохо, это что вас нет со мною, а в остальном мне

можно позавидовать. Я никогда не чувствовал себя более здоровым, уравновешенным, никогда так ясно, свободно и отчетливо не работал мой мозг, и никогда меньше проявить и направить свою волю не давало мне такого удовлетворения, как теперь. Вероятно, в таком роде счастливыми чувствовали себя древние греческие и римские [...] ⁴¹. Желал бы и вам всем такого же здоровья и спокойствия.

Ну, пока прощайте, мои любимые. С праздником всех вас поздравляю и с наступающим Новым Годом. Крепко целую и обнимаю всех вас. Привет Ляле и всем знакомым. Ваш Папаня и Красин.

1921 год

№ 42.

21 января 1921 года. Ганге

Милый мой Любанчичек и родные мои девочки!

Пишу вам на пароходе, в буквальном смысле этого слова у моря жду погоды. Вчера днем выехали из Стокгольма, здесь же застряли ввиду ветреной погоды и невозможности придти в Ревель засветло.

В Стокгольме все живут по-прежнему, и ни в городе, ни в людях никаких перемен нет. Трепка у меня была, по обыкновению, порядочная, и я сейчас на пароходе с удовольствием отдыхаю и высыпаюсь.

Твои телеграммы о каких-то новостях, привезенных Лидом, я получил, но отсрочить отъезд не было никакой возможности, да и, признаться, я не думаю, чтобы Лид мог сообщить что-либо действительно интересное и важное. Он порядочная кумушка и, кроме того, всегда любит делать из мухи слона; вероятно, и тут дело идет о каких-нибудь сплетнях и тому подобное. Да и что собственно мог он, кроме таких рассказней, узнать. Меня только беспокоит несколько, что ты будешь придавать значение всяким таким разговорам, создавая ненужные и необоснованные слухи и опасения.

Ляля выглядит как летом, дома, по-видимому, все в порядке. Вещи, которые ты просила, посланы с Ивицким ⁴². Между прочим, этот джентльмен оказывается порядочной-таки свиньей. Совершенно случайно Стомоняков ⁴³, Фрумкин и Штоль (стало быть, три свидетеля и никакой ошибки быть не может), сидя в Гранд-отеле, слышали разговор подвыпившей компании, в которой Ломоносов хвастливо рассказывал, что теперь, мол, он совершенно освободился от моей опеки или контроля (что не мешает ему заявлять мне о полной готовности исполнять всякое мое распоряжение), Ивицкий же не только не молчал, но в тон разговора честил меня на чем свет стоит дилетантом и т. п. Мне, конечно, безразлично, какого мнения держится обо мне Ивицкий, но за человека делается стыдно — ведь он при всяком удобном и даже неудобном случае воскуривает такой фимиам, что тошно делается, тут же без особой даже надобности пакостничает, как блудливая кошка. Пишу тебе об этом, чтобы ты была осторожнее с этим фруктом. Я ему не показывал виду, но при случае поставлю ему это на вид.

В Ревеле мы будем, по-видимому, завтра утром и после одно- или двухдневной остановки поедem в Москву. Всюду по дороге находится столько дела, что никак нельзя скорее ехать. Со мной вместе едут Багдатьян ⁴⁴ и Сегор ⁴⁵.

В Берлине я получил письмо от Саде — они очень приглашали к себе, но у меня не было времени, и только из Стокгольма я удосужился послать благодарность за приглашение.

Морские переезды пока идут у меня без приключений, и если на переезде Ганге — Ревель не будет большой качки, то можно будет сказать, что мне повезло. Чувствую себя великолепно, и, несмотря на сутолоку в Берлине и Стокгольме, я все же отдохну за дорогу.

Буду вам телеграфировать, как только будут какие-либо новости. Но и вы мне присылайте хоть изредка о себе весточку. Мы с Сегором тут воображаем, что у вас делается каждый данный момент, как вы садитесь за стол, как скандалит Джерри ⁴⁶ и т. п.

Пока до свидания. Крепко-крепко целую всех вас, мои родные. Не

хвораите и не скучайте, а Вы, маманечка, в частности, не беспокойтесь и поменьше придавайте веры разной болтовне. Привет Володе, А[даму] И[вановичу] и всем знакомым.

№ 43.

25 января [1921 года]

Милая маманечка!

Получил твои письма уже по отходе поезда из Берлина. Очень жалею, что ты там беспокоишься по этому поводу: я думал, что, когда мы с тобой поцеловались и я тебе искренне и от всего сердца сказал, что минутное возбуждение мое прошло, ты уже перестанешь об этом думать и тревожиться. Не надо, миленький мой, ей-богу, не надо.

Ну, а что касается твоего вопроса, то я тебя заверяю и на сей день, и на будущие времена, тебе нечего опасаться, чтобы хоть бы самая крупница, которая принадлежит тебе или детям, могла бы найти какое-нибудь другое употребление ⁴⁷.

Я не могу сейчас об этом всем писать подробнее, но прошу тебя учесть только что сказанное и твердо в это верить. Поручаемое сейчас мне никакого отношения к этому вопросу не имеет.

Крепко тебя и девочек целую: тороплюсь, ибо хочу отправить эту записку, с одним из уезжающих обратно.

Твой Красин.

№ 44.

15 июня [1921 года]

Милый мой, родной Любанчик!

Пишу тебе две строчки с Миллером ⁴⁸, который уезжает завтра.

Доехал я великолепно, загорел, отдохнул и совершенно не устал. Выехав в пятницу в 2 дня, я уже в среду утром был в Москве и, стало быть, ехал менее пяти суток. Здесь все в порядке и все мои дела идут хорошо. Вчера еще думал, что 27-го удастся выехать, но сегодня решил остаться тут на месяц, т. е. до половины августа. Главным образом потому, чтобы немного хоть наладить комиссариатскую машину ⁴⁹, да и по концессионным делам ⁵⁰ это будет хорошо.

Атмосферу лично для себя я нашел здесь весьма хорошую, да и вообще дела были бы ничего, если бы не отчаянная засуха на Волге ⁵¹, угрожающая гибелью миллионов людей.

Очень жаль, что не попаду так скоро к вам на ваш волшебный остров ⁵², но зато после Москвы уж наверно возьму отпуск и будет сознание, что многое приведено в порядок.

Должен сейчас кончать. Крепко целую и обнимаю тебя, мой миланчик, девочек родных целую, то же Володю, Асю, Нину и Лялю. Пришли, пожалуйста, с ближайшей оказией Сонечке калоши для ботинок № 38 (калоши № 5 или лучше 6).

Крепко целую, твой любящий тебя Красин.

№ 45.

1 августа [1921 года]

Милый мой родной Любанаша и дорогие ребятки!

Пишу, пользуясь отъездом Стомонякова и Лежавы ⁵³, которые отправят вам это письмо из Германии.

Мне пришлось тут задержаться по целому ряду неотложных дел, которые нельзя было урегулировать иначе, как пожив здесь некоторое время. К тому же Лежаве надо во что бы то ни стало лечиться, а комиссариат как раз сделался предметом жестокой атаки. Дела берл[инского] отделения тоже требовали моего воздействия и, наконец — концессии и вся новая политика. Самый горячий период уже миновал, и сейчас я вступаю в период более спокойной работы. Результатами очень доволен, и польза от моего вмешательства уже сказалась несомненная. Чувствую я себя великолепно, бодр, весел, много работаю, но и много успеваю делать. Очень только соскучился по вас, мои роднанчики, как-то вы там бы меня поживаете? Если бы знал, что пробуду тут 1½ месяца, пожалуй, стоило бы взять Людмилу и Катю. Хотя в городе есть отд[ельные] случаи дизентерии, и, пожалуй,

сердце у меня было бы не на месте, если бы девочки были здесь со мной. Ждут холеры, но были пока только отдельные случаи, и я не думаю, чтобы в Москве она сильно развилась. Голод в приволжских губерниях, кажется, хуже, чем в 90-х годах ⁵⁴, хотя яровые будто бы поправились после выпавших дождей. По обыкновению, никто ничего толком не знает, статистики нет и ни от кого достоверных сведений получить нельзя. В самой Москве положение сейчас более сносное, чем раньше, но, конечно, далеко от изобилия и довольства. Новые порядки, свободная торговля и пр. развиваются, надо сказать, довольно туго и, как всякая ломка и перемена, несут с собою и новые неудобства ⁵⁵. Жизнь обыкновенного обывателя поэтому сплошной крест, и люди бьются как рыба об лед.

Наши все здоровы и живут в общем сносно. Сонечка выглядит очень хорошо, работает. На днях у них поставили в комнате хороший Бехштейновский рояль, и Алеша начинает играть. Германша тоже выглядит очень хорошо, живет на Шатуре и занят своими изобретениями, из которых многие действительно заслуживают большого интереса. Наташа вчера вечером уехала в Варшаву вместе с советской миссией.

Я пробуду тут до 15-20 августа, а затем приеду к вам с некоторой остановкой в Берлине, дня на 3-4.

Целую и обнимаю вас всех крепко.

Ваш любящий папаня и Красин.

(Продолжение следует)

Примечания

1. Продовольственная армия (продармия, правильно — продовольственно-реквизиционная армия) была образована в 1918 г. в связи с введением продовольственной диктатуры. Состояла из вооруженных продотрядов, предназначенных для конфискации хлеба и других продовольственных продуктов у крестьян, осуществления продразверстки, подавления мятежей, проведения агитационной работы на селе. Действия продармии отличались беззаконием и произволом. Многие продотряды фактически превращались в бандитские грабительские группы. С 1918 г. продармия находилась в ведении Наркомтруда, с 1919 г. действовала в составе войск внутренней охраны. Упразднена в 1921 г. в связи с введением нэпа.
2. Речь идет о Самнере Иване Адамовиче (1870—1921) — социал-демократе с 1897 г., занимавшем в советской России ряд административных и хозяйственных постов. В письме от 14 марта 1919 г. его имя названо правильно.
3. Конференция на Принцевых островах (в Мраморном море) намечалась по инициативе премьер-министра Великобритании Д. Ллойд Джорджа и президента США В. Вильсона в составе представителей всех существовавших на территории России правительств для выработки мер к прекращению гражданской войны. Обращение этих деятелей было опубликовано 21 января 1919 г., то есть почти сразу после начала работы Парижской мирной конференции. Правительство РСФСР согласилось участвовать в конференции, но реально принимать участие не собиралось, антибольшевистские правительства не дали ответа. Конференция не состоялась.
4. Казанская Анна — первая жена Кугушева Вячеслава Александровича (1863—1944) — князя, общественного деятеля, сочувствовавшего социал-демократической партии, после 1917 г. находившегося на советской работе. В данном случае речь идет не о Кугушеве, а о втором муже Казанской. В письме от 14 марта 1919 г. Казанская названа Кугушевой.
5. Далее следует приписка карандашом.
6. Баварская Советская Республика существовала 13 апреля — 3 мая 1919 г. в Мюнхене и его окрестностях. Правительство во главе с коммунистами (его возглавлял Е. Левине) объявило рабочий контроль, национализацию банков, образование Красной армии. Были взяты заложники, часть которых расстреляна. Советская республика была разгромлена войсками центрального германского правительства.
7. Шнейдер-Крезо — крупнейший военно-промышленный концерн Франции, основанный в 1836 году (предприятия металлургии, машино- и судостроения, электротехники).
8. Онёры (от фр. honneur — честь, достоинство), со всеми онёрами — со всеми почестями, с проявлением всех знаков уважения.

9. M-lle Ridon (мадмуазель Ридон) — бонна детей Красина до 1917 года.
10. Волконская Софья Николаевна (1889—1942) — участница социал-демократического движения в России с 1915 года. В 20-е годы руководила отделом медицинского образования в Московском отделе здравоохранения, затем директор Центра здравоохранения Московской области. Автор ряда работ по вопросам медицинского образования, амбулаторного лечения и др.
11. Hellberg (Хельберг) — адвокат, полуофициальный торговый представитель РСФСР в Дании в 1919 году.
12. Вопрос, как и где держать свои деньги, обсуди и посоветуйся с добросовестными и знающими людьми. Я боюсь, как бы из-за какого-нибудь произвольного распоряжения ты вдруг не осталась там без средств. Эти подлецы ведь никакими средствами не брезгают! Денег тебе должны выдать около 34 000 крон. — *Примеч. Красина.*
13. Речь идет о Р. Э. Класоне.
14. Имеется в виду Венгерская Советская Республика, существовавшая с 24 марта по 1 августа 1919 года. Правительство состояло из представителей Коммунистической и Социал-демократической партий, которые объединились в одну партию. Советская республика была разгромлена вооруженными силами соседних государств при поддержке стран Антанты.
15. Речь идет о семье В. В. Старкова. Старков Василий Васильевич (1869—1925) — один из организаторов Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса, социал-демократ с 1890 года. После революции 1905—1907 гг. Старков отошел от революционного движения. После Октябрьского переворота 1917 г. работал в Наркомате внешней торговли.
16. Видимо, речь идет о семье Емельянова Николая Александровича (1871—1958) — социал-демократа с 1904 г., находившегося с 1917 г. на большевистской партийной и государственной работе.
17. Красин был назначен наркомом путей сообщения 20 февраля 1919 г. и выполнял эту обязанность до назначения весной 1920 г. Л. Д. Троцкого. Красин выступал за централизацию управления железными дорогами. По его инициативе были упразднены различные комитеты, распорядившиеся отдельными участками железнодорожной сети, назначены начальники и комиссары дорог.
18. Переговоры с Эстонией начались в Пскове 17 сентября 1919 года. Красным было внесено предложение о прекращении военных действий на время переговоров. Эстонская делегация попросила перерыва для получения указаний от правительства. Получив инструкции, эстонцы объявили о прекращении переговоров до получения Советским правительством ответов от других стран, к которым оно обратилось с предложением мира. Через несколько дней армия генерала Н. Н. Юденича начала наступление на Петроград и переговоры были сорваны.
19. Лига Наций — международная организация, учрежденная в 1919 г. Парижской мирной конференцией держав-победительниц в первой мировой войне.
20. Наступление войск Северо-Западной армии Юденича на Петроград происходило в октябре — ноябре 1919 года.
21. Ломоносов Георгий (Юрий) Владимирович (1876—1952) — профессор, специалист в области железнодорожного транспорта. Потомок М. В. Ломоносова. В 1920—1922 гг. возглавлял советскую миссию по закупке в Швеции и Германии паровозов и другого транспортного оборудования. С середины 30-х годов находился в эмиграции.
22. Юрьев — название г. Тарту (Эстония) в 1030—1224 и 1893—1919 годах. В 1224—1893 гг. назывался Дерпт.
23. Литвинов Максим Максимович (настоящие фамилия и имя Валлах Меир) (1876—1951) — социал-демократ с 1898 года. С 1918 г. член коллегии Наркоминдела, в 1920 г. полпред в Эстонии. С 1921 г. заместитель наркома, в 1930—1939 гг. нарком иностранных дел СССР.
24. Копп Виктор Леонтьевич (1880—1930) — участник социал-демократического движения в России с 1901 года. В 1918 г. работал в советском полпредстве в Берлине, в 1919—1920 гг. находился в Германии с официальным поручением Наркоминдела РСФСР, с июня 1920 г. исполнял обязанности поверенного в делах в Германии. Затем работал в штате Наркоминдела. В 1925—1927 гг. полпред в Японии, затем в Швеции.
25. Речь идет о переговорах с Эстонией (конец 1919 г.)
26. Испанка — название гриппа во время его пандемии в 1918—1919 годах.
27. Катя — жена Г. Б. Красина, Наташа, Аня, Митя — его дети.
28. Речь идет о кальсонах.

29. Имеются в виду люмпены — обитатели Хитрова рынка в Москве. С 60-х годов XIX в. местность, названная Хитровкой по имени генерал-майора Н. З. Хитрово, приобретшего здесь участок земли для рынка, стала своеобразной «биржей труда» сезонных рабочих. Окружающие переулки заполнились ночлежными домами, где обитали представители московского «дна» — «хитрованцы». Хитровка была ликвидирована в 1923 году.
30. Сухаревка (правильно Сухаревский рынок) находилась на Большой Сухаревской площади в Москве. Во время военного коммунизма Сухаревка использовалась в качестве черного рынка и «барахолки». Официальная торговля там была запрещена, преследовалась как спекуляция, а милиция и другие карательные органы наживались на поборках с торговцев. Сухаревский рынок был закрыт в 1930 году.
31. Речь идет о возможности мирных переговоров с государствами Балтии и Финляндией.
32. В августе 1918 г. Красин возглавил Чрезвычайную комиссию по производству военного снаряжения. В начале сентября Совнаром реорганизовал ее в Чрезвычайную комиссию по снабжению Красной Армии (Чрезкомснаб), подчинив ей предприятия, производившие военное снаряжение. В начале октября 1919 г. Чрезкомснаб была упразднена, а ее права и органы были переданы Чрезвычайному уполномоченному Совета обороны по снабжению Красной армии и флота, каковым был назначен А. И. Рыков.
33. Булак-Балахович Станислав Николаевич (1883—1940) — офицер; в 1918 г., командуя полком Красной армии, перешел на сторону белых. В 1919—1920 гг. участвовал в Северо-Западной армии Юденича, затем находился в Эстонии и Польше. В 1920 г. с небольшим отрядом предпринял военную экспедицию в Белоруссию. Потерпев неудачу, бежал в Польшу, где жил в эмиграции.
34. Красин выехал из России в 1908 г. легально, с официальным паспортом, и возвратился в 1912 г. на основании личного ходатайства и просьбы руководства компании «Сименс-Шуккерт», в которой он служил.
35. Молох — в библейской мифологии божество, для умилостивления которого сжигали малолетних детей. В переносном смысле — страшная, ненасытная сила, требующая человеческих жертв.
36. Имеется в виду возможное падение власти большевиков.
37. Апанаж (*фр.* *apanage*) — преимущество, прерогатива. В данном случае речь идет об оплате за занимаемое положение в связи с работой Красина в частном бизнесе до Октябрьского переворота.
38. Речь идет о Крыме, занятом белыми.
39. Красин руководил советской делегацией на мирных переговорах с Эстонией, которые начались 12 сентября 1919 г. в Пскове, на следующий день были прерваны и возобновлены в Тарту (Юрьеве) 27 ноября, где продолжались до 2 декабря. Красин полагал, что заключение договора с Эстонией позволит пробить «окно на Запад». Договор был подписан 2 февраля 1920 г., то есть после решения Верховного совета Антанты об отмене экономической блокады России, принятого 16 января 1920 года.
40. Слово неразборчиво, восстановлено по смыслу.
41. Одно слово не поддается прочтению.
42. В. П. Ивицкий перед Октябрьским переворотом и в первые годы советской власти главный инженер машиностроительных заводов в Сормове и Коломне. Член советской делегации на переговорах в Лондоне в 1920—1921 годах.
43. Стомоняков Борис Спиридонович (1882—1941) — участник социал-демократического движения в Болгарии; в 1921—1925 гг. торговый представитель РСФСР (СССР) в Германии, одновременно в 1924—1925 гг. заместитель наркома внешней торговли. В 1926—1934 гг. член коллегии Наркоминдела СССР. В 1934—1938 гг. заместитель наркома иностранных дел. Арестован во время «большого террора» и расстрелян без суда.
44. Багдатьян Саркис Гайкович (Багдатьян Сергей Яковлевич) (1887—1949) — социал-демократ с 1903 года. В 1917 г. большевик. В апреле 1917 г. выдвинул лозунг «Долой Временное правительство!», осужденный Лениным как преждевременный. После Октябрьского переворота был на низовой работе.
45. Сегор Джеймс — глава британской фирмы, с которой было заключено первое советское торговое соглашение 20 апреля 1920 г. о поставке фанеры. После поставки в Великобританию первой партии фанеры разразился скандал. Бывший владелец фанерного завода фирмы «Лютер» в Старой Руссе увидел на ящиках фанеры марку своей фирмы и, подав в суд, добился наложения ареста на эту партию фанеры. 12 мая 1921 г. апелляционный суд отменил это решение: поскольку правительство РСФСР было признано Великобританией де факто, ввозимые в Великобританию советские товары и золото являлись неприкосновенными.

46. Джерри — собака Красиных.
47. Речь, очевидно, идет о том, что Красин не был образцом супружеской верности. «Он имел успех у женщин и отвечал им взаимностью, что, разумеется, доставляло немало огорчений его супруге» (О'КОННОР Т. Э. Ук. соч., с. 242). В 1920 или 1921 г. Красин познакомился в Берлине с актрисой Т. В. Жуковской (Миклашевской), которая стала его «параллельной женой». Красин дал Миклашевской, которая перешла на работу в Наркомат внешней торговли СССР, свою фамилию, и она стала именоваться Миклашевская-Красина. В сентябре 1923 г. она родила от Красина дочь Тамару.
48. Миллер Оскар (1855—1932) — германский инженер-электрик. Создатель музея естественных и технических наук в Мюнхене в 1925 году.
49. Красин занял пост наркома внешней торговли РСФСР 11 июня 1920 года.
50. Концессионные дела, которыми занимался Красин в 1921 г., в основном сводились к переговорам с главой Русско-Азиатской корпорации Дж. Л. Уркартом по поводу получения им концессии на национализированную бывшую собственность этой компании — горнодобывающие и металлургические предприятия.
51. Летом 1921 г. в России начался голод, который был результатом не засухи, а преступной политики большевиков в области сельского хозяйства, прежде всего политики военного коммунизма, насильственных реквизиций сельскохозяйственных продуктов, уничтожения рынка. Помощь России оказали международные организации, прежде всего Американская администрация помощи (АРА) и возглавляемый Ф. Нансеном Международный Красный Крест.
52. Летом 1920 г. Л. В. Красина переехала из Стокгольма в Лондон. Вскоре к ней присоединились дочери.
53. Лежава Андрей Матвеевич (1870—1937) — социал-демократ с 1904 года. В 1919—1920 гг. председатель Центросоюза, в 1921—1922 гг. заместитель наркома внешней торговли, затем до 1924 г. нарком внутренней торговли. В 1924—1930 гг. заместитель председателя Совнаркома РСФСР и председатель Госплана РСФСР. Арестован во время «большого террора» и расстрелян без суда.
54. Имеется в виду неурожай 1889—1892 годов. Голод, эпидемии холеры и тифа охватили 16 губерний Южной России, а также Тобольскую губернию — районы с населением около 35 млн человек. По официальным данным, население страны уменьшилось почти на 1 млн человек.
55. Речь идет о введении новой экономической политики (нэпа).

Деятельность дипломатов царского и Временного правительств в 1917—1938 годах

М. М. Кононова

Деятельность российских дипломатов царского и Временного правительств, оказавшихся после октября 1917 г. в эмиграции, до последнего времени была наименее освещена в отечественной и зарубежной историографии в силу сосредоточенности историков на изучении культурной миссии или политической мысли русского зарубежья, а также из-за засекреченности архивных документов. Только в 1998 г. при содействии Министерства иностранных дел и Службы внешней разведки РФ в научный оборот была введена переписка, проводившаяся по линии эмигрантского Совета послов в 1934—1940 годах.

До начала первой мировой войны российское дипломатическое представительство за рубежом состояло из девяти посольств (в Берлине, Вашингтоне, Вене, Лондоне, Париже, Константинополе, Мадриде, Риме и Токио), 24 миссий, включая диппредставительства, которые возглавлялись министрами-резидентами, 36 генеральных консульств, 84 консульств и 34 вице-консульств. На 1914 г. штаты загранучреждений составляли 431 человек¹. В военный период в столицах союзных держав формируются русские колонии из числа правительственных чиновников, связанных с участием России в войне, представлявших военные, морские, финансовые и другие ведомства. Зачастую они соседствовали с русскими политическими эмигрантами, нашедшими за границей убежище от преследований. По словам В. А. Маклакова, эта «единичная эмиграция ... устраивалась в Европе без каких бы то ни было льгот от правительств, устраивалась под носом всемогущих посольств Императорской России под защитой общих законов, наперекор правительствам, которые скрепя сердце ее терпели». До февраля 1917 г. российские посольства не имели общения с колониями и были изолированы. «Поскольку бюрократия, военная и чиновная среда, проезжие русские нуждались в содействии посольства — они обращались к нему; но нужно признать, что «объединяющим центром», «родным островом» в чужой земле посольство не служило»².

Февральская революция 1917 г. в корне изменила положение российских дипломатических загранучреждений: модифицировала внешние атрибуты дипломатического обихода, изменила профессиональный состав высших должностных лиц, придала новое направление деятельности посольств. Уже в первые недели после революции из Петрограда в российские посольства стали поступать циркулярные телеграммы о новых порядках. Согласно

им, необходимо было убрать с посольского флага двуглавого орла, вынести все царские портреты, а на дипломатических паспортах, бланках посольств удалить слова «императорское» и изображение орла. Кроме того, в одном из циркуляров МИДа всем дипломатам предписывалось не надевать больше придворных мундиров; ведомственные же можно было носить по-прежнему. Для представителей царского дипломатического корпуса вопрос, служить ли новому правительству, был разрешен довольно скоро. Быстрое признание российского Временного правительства всеми союзными державами, а затем и нейтральными, обязывало их оставаться на своих постах, по крайней мере, до окончания войны. Из царских дипломатов добровольно расстался с должностью лишь один — посол в США Ю. П. Бахметьев.

Вскоре Временное правительство, и в частности новый министр иностранных дел П. Н. Милуков, приступило к постепенному обновлению состава российских представителей за границей. Одними из первых вынуждены были уйти в отставку посланники в Лиссабоне и Копенгагене — П. С. Боткин и К. К. Буксгевден, а также поверенный в делах в Берне М. М. Бибилов. Послу в Испании кн. И. А. Кудашеву Милуков также предложил подать в отставку³. Его место занял посланник в Стокгольме А. В. Неклюдов, «по-современному либеральный» и ставший первым послом Временного правительства. В мае 1917 г., уже при сменившем Милукова М. И. Терещенко, российскому послу во Франции, бывшему министру иностранных дел (1906—1910 гг.) А. П. Извольскому также было предложено передать дела посольства советнику Н. Севастопулу⁴.

Ключевые дипломатические посты в союзных и нейтральных державах Временное правительство доверило не профессиональным дипломатам, а представителям «политической общественности», лояльной к республиканской власти. Должность российского посла в США занял Б. А. Бахметев, по образованию инженер-гидравлик, кадет, стоявший во главе Русского заготовительного комитета в Нью-Йорке, сформированного в 1916 г. царским правительством для военных заказов. Посланником в Швейцарии стал И. Н. Ефремов, прогрессист, бывший Государственный контролер Российской империи (1915 г.). Послом во Францию был назначен В. А. Маклаков, известный адвокат, один из лидеров кадетской партии, а в Испанию, вместо внезапно подавшего в отставку Неклюдова — М. А. Стахович, генерал-губернатор Финляндии, октябрист. Они оба прибудут к месту назначения уже после октября 1917 года. Таким образом, произошла резкая политизация российского дипломатического представительства, ранее не доступного для партийных деятелей.

Следует отметить, что либеральные взгляды некоторых дипломатов Временного правительства существенно изменились после февраля 1917 г. под влиянием политической нестабильности в России, в том числе и вследствие Корниловского мятежа. Так, Неклюдов под впечатлением ликвидации государственного переворота, задуманного генералом Л. Г. Корниловым, послал незашифрованную телеграмму А. Ф. Керенскому, в которой упрекнул его в том, что он губит Россию, и заявил о своей отставке. А будущий посол Маклаков в разговоре с генералом Алексеевым накануне мятежа заявил, что в случае его успеха «должно восстановить монархию, вернувшись к манифесту об отречении государя, как последнему законному акту». «Наши роли совершенно изменились... — вы, генерал-адъютант императора, лицо из ближайшего его окружения, протестуете против монархии, а я на ней настаиваю», — отметил Маклаков.

После февральской революции сфера деятельности российских дипломатических загранучреждений значительно расширилась. С одной стороны, они должны были установить и укрепить дипломатические отношения между новой властью в России и иностранными правительствами, а с другой — принять меры к обеспечению беспрепятственного возвращения на родину политических эмигрантов, санкционированного Временным правительством. Помимо этого, на посольства в столицах союзных держав легла неофициальная обязанность «объединить, примирить и направить» русские колонии, внутри которых господствовали монархические настроения. Ранее

отчужденные за границей от соотечественников, посольства начали сотрудничать с «эмигрантскими комитетами», образованными в Лондоне, Париже, Риме, Берне⁵. Своеобразным центром политической реэмиграции, куда стекались русские граждане из европейских стран и Америки, стало российское посольство в Лондоне, которому Временное правительство выделило кредит на нужды эмигрантов. В этот период российские дипломаты в Англии вынуждены были активно взаимодействовать со своими будущими антагонистами — Г. В. Чичериным и М. М. Литвиновым⁶, входившими в «эмигрантскую комиссию» по возвращению политэмигрантов в Россию.

Одновременно в российские зарубежные представительства поступали многочисленные ходатайства о въезде в Россию от самых различных групп ее граждан: трудовых эмигрантов, лиц, выезжавших на время за рубеж и задержавшихся из-за войны, от учащихся, а также военнопленных⁷. Согласно «Правилам об оказании помощи русским подданным за границей», установленным Временным правительством, российским посольствам и консульствам были отпущены кредиты на выдачу пособий и ссуд для оказания материальной помощи лицам, застигнутым войной за рубежом, и возвращения их на родину. Особое внимание при этом российские загранучреждения обязаны были проявлять к совершенно неимущим русским гражданам, преимущественно старикам, больным и женщинам с малолетними детьми, предоставляя им безвозвратные пособия. Основные потоки этой категории возвращенцев из Франции, Швейцарии, Италии и США проходили через российское посольство в Париже, откуда их большей частью направляли в Лондон⁸. К осени 1917 г. российские дипломатические представительства полностью вышли из изоляции и стали «представлять» не только правительственные интересы, но и интересы соотечественников за рубежом. При этом посольства в Париже и Лондоне превратились в своеобразные «объединяющие центры» россиян различных социальных слоев и политических убеждений, оказавшихся вне родины.

В результате октябрьской революции 1917 г. и прихода к власти большевиков перед зарубежными представительствами российского Временного правительства, в первую очередь при союзных державах, встала острая проблема самоопределения по отношению к новому режиму и его «миротворческой» политике. Уже 27 октября (9 ноября) 1917 г. между руководителями политике и миссий начался интенсивный обмен шифрованными телеграммами, имевший целью содействовать установлению единообразного отношения этих учреждений к вопросу об образовании нового правительства в России⁹. Инициатором подобного начинания был посол Временного правительства во Франции Маклаков, выразивший свою готовность к вышеуказанному содействию «в силу географического положения Парижа и значения его как одного из политических центров». В то же время он предпринял попытку, правда безуспешную, установить контакт через французского посла М. Палеолога и военную миссию с представителями бывшего Временного правительства, чтобы выяснить ситуацию преемственности власти.

6(19) ноября 1917 г. чрезвычайный посланник в Лондоне К. Д. Набоков проинформировал российских дипломатических представителей о получении им сообщения от Союза служащих Министерства иностранных дел с просьбой уведомить все российские посольства, миссии и консульства об отказе личного состава МИД и других министерств сотрудничать с правительством Ленина¹⁰. Оповещенный о забастовке чиновников, Маклаков занял выжидательную позицию, всецело ориентируясь на отношение союзников к большевистскому правительству. 10(23) ноября 1917 г. он телеграфировал посланнику в Китае кн. Кудашеву: «Ввиду слухов о предостережении оповещения Троцкого о вступлении в должность министра иностранных дел, полагаю, что со стороны заграничных представительств наших в союзных странах было бы некорректным реагировать на обращение к ним со стороны Троцкого без соглашения с местным правительством, тем более что, как мне сообщил Р. Камбон (французский посол в Англии. — М. К.), союзные правительства решили установить между собой согласованное

отношение к событиям в России. Поэтому рассчитываю, что по получении подобного заявления от Троцкого мы будем иметь достаточно времени для обмена взглядами на наше отношение к такому заявлению»¹¹.

В связи с отсутствием объективной и определенной информации о случившемся из самой России Маклаков был вынужден исходить из оценки «русской проблемы» правительствами стран Антанты. Следует отметить, что подобное правило активно практиковалось российскими дипломатами еще задолго до октября 1917 г., поскольку и при царском режиме, и при Временном правительстве дело их осведомления о внутрисполитическом положении отечества было практически сведено на нет. Поэтому и прежде для того, чтобы составить представление о ситуации в России и авторитете верховной власти, им приходилось руководствоваться сообщениями из зарубежных официальных источников, русскими и иностранными газетными телеграммами и корреспонденциями.

Выяснив, что «французское правительство исходит из предположения о невозможности прочной победы большевиков», Маклаков пришел к выводу, что российским дипломатическим представителям следует «выждать события», не предпринимать, никаких слишком решительных мер и в случае образования в России какой-либо коалиции или компромисса между большевиками и другими партиями — «выждать их программу отношения к войне и сообразоваться с отношением к такому компромиссу союзников»¹². В то же время Маклаков на встрече с министром иностранных дел Франции С. Пишоном высказал убеждение в необходимости участия российского дипломатического представителя в работе предстоявшей в декабре 1917 г. конференции держав Антанты в Париже. По его мнению, отсутствие подобного представителя могло бы «дать повод к толкованиям, что выход России из числа союзников — уже свершившийся факт». Несмотря на то, что Маклаков так и не успел вручить свои верительные грамоты до октябрьской революции 1917 г., французское правительство выразило желание его непременно участия в деловых совещаниях конференции.

В свою очередь Набоков, исходя из того, что «преемственность власти... фактически отсутствует» и «сидеть сложа руки и выжидать событий — невыносимо и преступно», в противовес позиции Маклакова выступил как сторонник решительных мер. Начатые большевиками переговоры о заключении «справедливого демократического мира» без аннексий и контрибуций были расценены Набоковым как измена России союзникам, подорвавшая ее международный авторитет в глазах великих держав. «Я считаю, что каждый день пребывания у власти большевиков или коалиции с ними является для России величайшим позором и приближает тот момент, когда наши союзницы — великие державы Европы и Америки, станут смотреть на нас и обращаться с нами, как некогда мы обращались с Персией или Кореей», — телеграфировал он Маклакову.

Набоков предложил Маклакову свои принципы согласования деятельности российских дипломатических представителей, предполагавшие коллективное обращение представителей России при союзных державах к Родине от своего имени и от имени всех русских, находящихся в пределах союзных держав, и распространение этого воззвания на Юге России посредством румынской Главной квартиры или через союзные консульства в городах южной России. Кроме того, Набоков считал необходимым обратиться с открытым призывом и ко всему личному составу забастовавших министерств продолжить обструкцию «изменническому режиму», отметив, что их позиция укрепляет веру союзников в конечное поражение «клеветов Германии», а также заявить, что те люди, которые привлекут на свою сторону лучшие силы страны и одолеют «анархию и предательство» могут быть уверены, что дипломатические представители России сделают все возможное, чтобы им была обеспечена реальная поддержка союзников¹³.

Не руководствуясь мнением Маклакова, Набоков занял самостоятельную позицию и направил телеграмму во все посольства и миссии 11(24) ноября, в которой предложил не только представителям России при союзных державах, но и при нейтральных немедленно и коллективно реагиро-

вать на «измену Петрограда». Аргумент посланника России в Швеции К. Н. Гулькевича, что такое выступление «противно воле народа», Набоков категорически отверг, поскольку видел в происходящих событиях не волю народа, «а безволие казнить предателей и такое страшное попустительство измене, которое ложится несмываемым позором на Россию». Отредактировать текст воззвания к России он предложил Маклакову. По мнению Набокова, с подобным воззванием российским дипломатам следовало бы обратиться и к зарубежным правительствам. Позиция Набокова была ориентирована прежде всего на отношение к России английских правящих кругов, в частности на заявление товарища министра иностранных дел Великобритании лорда Р. Сесилиа о том, что «если русский народ санкционирует действия Троцкого — это поставит его вне общения с Европой».

Однако Маклаков отверг предложение Набокова, поскольку полагал, что коллективность заявления подорвало бы его значение как акта должностного лица как такового, в пределах его обычных отношений к правительству, при котором оно аккредитовано. «Если бы вместо коллективного обращения послы бы выступили с коллективным протестом, обращенным к публике, то они могли бы действовать как только частные лица», — отметил он. Исходя из этого мнения, Маклаков передал 16 ноября 1917 г. министру иностранных дел Франции заявление с выражением возмущения по поводу опубликования советским правительством секретных договоров, и текст его циркулярно телеграфировал в посольства и миссии России как материал для возможного аналогичного заявления с их стороны ¹⁴. К этому времени большинство российских представителей при союзных и нейтральных державах высказали желание предоставить Маклакову «руководство» своими действиями. Но всецело объединения достичь все же не удалось, поскольку Набоков отказался поддерживать «выжидательную» тактику Маклакова.

17(30) ноября 1917 г. Троцкий направил циркулярную телеграмму всем российским представителям за границей, назначенным царским и Временным правительствами, с предложением немедленного ответа о согласии работать под руководством советской власти на основе платформы II Всероссийского съезда Советов, то есть, проводить международную политику, направленную к скорейшему заключению мира. Все, не желающие проводить эту политику, должны были немедленно отстраниться от работы, сдав дела низшим служащим, независимо от занимаемого ими ранее поста, если те были согласны подчиниться советской власти. Попытки дипломатов продолжить свою политику в прежнем направлении приравнивались к тягчайшему государственному преступлению.

Заручившись согласием министра иностранных дел Франции, Маклаков оставил эту телеграмму без ответа о чём в свою очередь, уведомил российские посольства. По всей видимости тактика бойкота Маклакова была ориентирована на линию поведения, выработанную дипломатическими представителями союзных держав на совещаниях у американского посла Д. Фрэнсиса 9(22) ноября 1917 года. Они решили на советскую ноту от 8(21) ноября не отвечать и в какие-либо контакты с советским правительством не вступать ¹⁵. Российские дипломатические представители единодушно поддержали Маклакова. Исключение составили — временный поверенный в делах Испании Ю. Я. Соловьев и поверенный в делах Португалии барон П. Л. Унгерн-Штернберг, которые сделали попытку положительно ответить на запрос советского правительства. Однако все телеграммы, посылаемые российскими дипломатами в Петроград, перехватывались в пути союзниками. После того как телеграмма Унгерна-Штернберга оказалась перехвачена, он подвергся бойкоту со стороны союзных посланников, а затем и португальского правительства. Копию своего ответа Унгерн-Штернберг прислал российским послам в Лондон и Париж. Набоков тотчас же обвинил его в измене России и Временному правительству. Маклаков же, наоборот, ответил Унгерну-Штернбергу, что «никто не поставит Вам в вину ни Вашего понимания положения в России, ни Вашего желания убедить союзников в правильности этого понимания». «Всех удивил тот факт, —

телеграфировал ему Маклаков, — что Вы ответили Троцкому, чем признали за ним права Вас спрашивать и, следовательно, признали его законной властью. Это недопустимо раньше, чем он признан Россией и союзными правительствами»¹⁶.

Приказом Троцкого от 26 декабря 1917 г. российские дипломатические представители были уволены со своих постов без права на пенсию и поступления на какие-либо государственные должности. Так же они были лишены права производить с этого дня какие бы то ни было выдачи из государственных средств. В русских газетах появилось сообщение о конфискации имущества Набокова, Маклакова, Крупенского и других российских дипломатов и предложение большевиков явиться им на революционный суд. А 22 мая 1918 г. декретом СНК, подписанным Лениным и Чичериным, были упразднены сами звания послов, посланников и других дипломатических представителей и введены должности полномочных представителей РСФСР¹⁷.

Согласно международному праву, падение Временного правительства означало прекращение формальных полномочий представителей России за границей. Однако правительства большинства мировых государств, отказавшись признать советскую власть и надеясь на ее скорое падение, в первые послереволюционные годы продолжали поддерживать официальные отношения с российскими дипломатами. Таким образом, создалось исключительное в истории положение, при котором зарубежные державы официально признавали дипломатические представительства Временного правительства, в действительности переставшего существовать.

В Вашингтоне, Риме, Париже отношение правительств к российским дипломатическим представителям осталось практически без перемен. По-прежнему российские дипломаты официально признавались в Персии, Китае, Японии. Советское правительство неоднократно предъявляло ноты протеста дипломатическим представителям этих азиатских стран по поводу продолжения деятельности на их территории российских дореволюционных дипломатов.

Сложная ситуация сложилась в Лондоне, где наряду с официально признанным российским посланником Набоковым начал действовать и советский полпред Литвинов, признанный неофициально, однако получивший право пользоваться шифрами и посылать дипломатических курьеров. Правда, министр иностранных дел Великобритании А. Бальфур убедил Набокова, что по-прежнему будет продолжать поддерживать с ним отношения. Кроме того, в Берне российскому посланнику пришлось оставить помещение миссии под давлением советских представителей, которые в скором времени были высланы из страны¹⁸. Таким образом, в большинстве случаев положение российских дипломатических представительств внешне осталось без перемен. Но, как отмечал адмирал Колчак, «по существу, они не были авторизированы никакой властью и существовали как бы по инерции, по старым кредитам. С ними считались как с представителями великой державы, и таким образом все шло по-старому».

Материальное положение российских дипломатических представительств, лишившихся государственного финансирования, было неоднородным. Так, для русских посольств в Японии и Китае средства поступали от посланника в Китае кн. Кудашева, который получал крупные ресурсы от контрибуции за боксерское восстание. Посол в США Бахметев и представитель Министерства финансов в Русском заготовительном комитете в Нью-Йорке, финансовый атташе С. А. Угет контролировали все казенные денежные средства и российское имущество в Америке (около 70—80 млн долл.). В тяжелом положении оказались сотрудники посольств в Голландии и Великобритании. Посланник России в Нидерландах Г. Свечин просил Набокова разрешить выдать ссуду сотрудникам миссии из наличного запаса казенных сумм с обязательством «возврата денег при первой возможности», поскольку многие лица оказались стесненными в средствах¹⁹. В Англии же по ходатайству Литвинова на все средства, находившиеся на счетах российского посольства, был наложен арест. Английское правительство взяло на

себя ответственность за финансирование российского посольства, значительно сократив субсидии. Набоков подчеркивал, что подобное финансирование принималось в порядке займа.

Финансовое положение российских дипломатических представительств изменилось в лучшую сторону в ноябре 1918 г., с момента создания всероссийского правительства адмирала Колчака, Министерство иностранных дел которого взяло их под свою формальную юрисдикцию. Так, с 1 марта 1919 г. российскому посольству в Англии стали поступать средства от Омского правительства.

Отказавшись сотрудничать с советской властью, не признав условия Брест-Литовского мира, российские дипломаты активно поддержали белое движение. Посланник в Китае кн. Кудашев санкционировал формирование вооруженных отрядов, которое он поручил Колчаку.

В свою очередь Маклаков обратился через посла в США Бахметева к президенту Вильсону с просьбой предоставить союзническую помощь для антибольшевистской борьбы: «Мы никогда не признавали условий Брест-Литовского мира и считаем, что безвыходное положение, в которое они поставили Россию, может быть улучшено лишь с помощью наших союзников».

Однако он подчеркивал, что отношение русского общественного мнения к союзному действию находится в зависимости от условий его осуществления. «Успех его невозможен вне национального подъема в России. Кроме того, необходимо, чтобы русское общественное мнение получило уверенность в том, что суверенные права государства и неприкосновенность его территории на Дальнем Востоке будут ограждены. Нужна уверенность, что компенсации, следуемые Японии и другим державам, принимающим участие в экспедиции, будут находиться в соответствии с неприкосновенностью прав и интересов России и что действия всех союзников на русской территории будут осуществляться не иначе, как под международным контролем»²⁰.

Маклаков горячо поддержал решение союзников восстановить Восточный фронт путем высадки союзнических войск, преимущественно японских, во Владивостоке и продвижения их к Уралу и Волге.

Он был уверен, что это — «единственный способ спасти Россию от власти, созданной Германией, и от окончательного расчленения... Японцы не потребуют территориальных уступок, союзники никаких тягот на Россию не наложат». Наконец, что «цель интервенции — исключительно защитить Россию от наложившей на нее руку Германии, дать ей свободно организовать и оказать ей экономическую поддержку».

О корыстных планах великих держав по отношению к России, Маклаков и не подозревал. Российские дипломаты при союзных державах последовательно отстаивали идею «единой и нераздельной России», которую они понимали как единую демократическую Россию, воссоединяемую на началах широкой местной автономии с правом местного законодательства²¹.

Маклаков приступил к организации руководящего Центра белого движения за рубежом. Таким центром стала Коллегия послов при союзных державах — посол в Италии М. Н. Гирс, Бахметев, временами — Набоков. Для придания ее решениям большего авторитета она опиралась на приглашенное ею совещание из находящихся в Париже дипломатических представителей: М. А. Стаховича и И. Н. Ефремова, а также кн. Г. Е. Львова, А. И. Коновалова, А. П. Извольского. Кроме того, Маклаков старался привлечь С. Д. Сазонова и представителей левых сил.

В конце 1918 — начале 1919 г. в Париже было сформировано Русское политическое совещание, которое ставило своей задачей отстаивание единства, целостности и суверенитета России, спасение русской демократии. Председателем его был назначен кн. Львов, а в состав членов вошли российские дипломаты: министр иностранных дел Омского и Екатеринбургского правительств Сазонов, послы Бахметев, Гирс, Маклаков, Стахович, посланники Гулькевич, Ефремов, Набоков. Дипломатическое

направление работы совещания было выделено в особую комиссию из послов при союзных державах под председательством Сазонова. Последняя руководила деятельностью Политического отдела при Совещании, состоящего из политико-юридической комиссии и отдела печати, пропаганды и осведомления. Во главе политического отдела стоял член дипломатической комиссии Бахметев, посол в США²². Исполнительным органом Русского политического совещания являлась Русская политическая делегация (Львов, Маклаков, Сазонов, Н. В. Чайковский и Б. В. Савинков) — своего рода эмигрантское правительство, представлявшее в странах Антанты белые армии. Политическое совещание было создано специально для того, чтобы отстаивать интересы России на Парижской мирной конференции в 1919—1920 годах.

Министр иностранных дел правительства Колчака, а затем Деникина Сазонов последовательно выступал на Парижской мирной конференции за территориальную целостность России. С одной стороны, он ходатайствовал перед главами Антанты о материальной или иной помощи белым правительствам, с другой — остался тверд в вопросе о пересмотре границы России, которую в качестве компенсации за участие в интервенции потребовали Прибалтийские государства. С. Хор, глава английской военно-разведывательной миссии, вспоминал: «Когда заговорили о новых русских границах, Сазонов ответил, «что, если Россия их потеряет временно, то она обязательно вновь достигнет их... Какое право русский патриот имеет торговать хотя бы пядью русской земли». На Парижской мирной конференции 1918—1919 гг. сложилась такая обстановка, когда российские дипломаты потеряли право международного голоса (поскольку союзники не считались с их условиями).

С начала 1919 по май 1920 г. Сазонов в качестве министра иностранных дел объединял деятельность российских учреждений за границей. При нем активную роль среди российских дипломатических представителей стал играть Е. В. Саблин, назначенный вместо Набокова поверенным в делах России в Англии. Саблину принадлежит идея создания Крымско-Казачьей федерации, на которую ориентировалось правительство Ллойд Джорджа, стремясь хоть что-нибудь спасти от «деникинщины», поддержка которой стоила союзникам огромных материальных затрат. Если английское правительство старалось превратить Крым во «второй Гибралтар» и использовать крымский вопрос в качестве рычага давления на намечавшихся англо-советских торговых переговорах, то Саблин видел в крымско-казачьем государственном образовании со строгой демократической формой правления своеобразный территориальный щит России. По его мнению, оно по мере надобности могло постепенно входить в политико-экономические соглашения с соседними государственными образованиями, устанавливая с ними по ходу требований самой жизни «модус вивенди» и тем самым способствовать разложению назревающего в настоящую минуту кольца окружения России, не советской, а просто России, союзом враждебных «бордер стейтс».

Саблин же обратился к Сазонову с предложением провести радикальную унификацию фронта белого движения на чисто деловой программе, поскольку сложившаяся ситуация свидетельствовала о неспособности ее участников повернуть события в свою сторону²³. Саблин выступал за патриотическую дисциплину, «железное правило которой продиктовали бы каждому, что прежде всего нужен порядок, для чего от всякого не может не потребоваться самопожертвование».

В развитии антибольшевистского движения роль российских дипломатических представителей, по словам старейшего российского посла в Италии Гирса, сводилась всегда к простой формуле — быть представителем последнего русского законного, признанного державами правительства, помогая всемерно тем лицам, группам лиц, союзам, обществам, государственным образованиям, которые вступили в борьбу с советской властью. Однако это не означает, что служа, скажем, правительствам адмирала Колчака, генерала Деникина, барона Врангеля этим самым отождествляли

себя с ними, признавая себя их представителями, всецело связывая себя с их судьбой. Наоборот, они всегда оставались независимыми и старались оградить собственную самостоятельность и свободу суждения, выбора и действия. Всем указанным правительствам они предоставляли пользоваться своим техническим аппаратом, однако не сливались с ними.

В своей политической деятельности они придерживались принципа беспартийности. Сами же российские партии, оказавшиеся за границей (например, кадеты), рассматривали дипломатический корпус как представительство февральской власти и считали, что для переходного времени «такая позиция достаточна» (Миллюков).

Российским представительствам пришлось взять под официальную защиту и русских беженцев. У многих из них не было паспортов, либо имелось лишь удостоверение на клочке бумаги, выданное временным деникинским учреждением. Российские дипломатические представительства выдавали паспорта старого типа, которые за границей по-прежнему признавались законными. Кроме того, так как иностранные консульства не выдавали виз без рекомендаций российских посольств, они ходатайствовали о визах²⁴.

После поражения армии Деникина Сазонов сложил с себя полномочия министра иностранных дел. Однако он «учитывал опасность связывать свободу действия и судьбу российского заграничного представительства с Южнорусским государственным образованием» и понимал важность его сохранения «насколько возможно дольше, обеспечив ему тесное объединение и спаянную деятельность». Для этого он вызвал Гирса и назначил его «старшиной русского заграничного представительства».

Задачей Гирса стало объединение деятельности последнего с работой правительства Юга России. Прежде всего он взял на свое попечение совокупность международных вопросов, оборванных падением правительств Колчака и Деникина, а также связанное с ними делопроизводство, которое было сосредоточено в канцелярии Сазонова. Гирс не собирался создавать какие-либо центральные органы власти, он оставил лишь в значительно сокращенном виде тот технический аппарат, который координировал политическую работу российских загранучреждений и правительства Крыма, а также занимался текущими делами российских представительств, их личным составом и денежным обеспечением.

В январе 1921 г. этот аппарат состоял из двух технических советников — барона А. Э. Нольде, юриста, члена ЦК кадетской партии, бывшего заместителя министра иностранных дел в первом составе Временного правительства и А. Н. Мандельштама, бывшего сотрудника министерства иностранных дел, ориенталиста-международника, а также канцелярии из трех лиц.

Российские дипломатические представительства, рассеянные в Европе, Азии, Африке, Америке, и в том числе те, которым пришлось сократить свое денежное обеспечение, отзывались на призыв Гирса продолжить сотрудничество. Для них основным принципом деятельности Гирс провозгласил «беспартийность», особенно по отношению к тем русским политическим и общественным группам, которых объединяло общее стремление продолжать политическую борьбу с Советами²⁵.

После падения правительства Врангеля в ноябре 1920 г. и эвакуации его армии и гражданских беженцев из Крыма, Гирс, Маклаков, Бахметев 2 февраля 1921 г. провели совещание в Париже. Там также присутствовал бывший министр финансов Временного правительства М. В. Бернацкий. Участники совещания исходили из тех соображений, что с прекращением существования последнего из антибольшевистских правительств на территории России все действующие до последнего времени за границей представители и уполномоченные этих правительств лишались своих функций и переставали признаваться иностранными властями.

С другой стороны, возникшие эмигрантские русские общественные организации, в том числе ставившие своей целью помощь беженцам, были лишены «необходимого элемента постоянности как со стороны их

конструкции и личного состава, так и в смысле отношения к ним иностранных правительств». В подобной ситуации, по мнению послов, единственным органом идеи государственности, имеющим характер постоянности, законной преемственности и сравнительной независимости от хода событий, осталось лишь дипломатическое представительство России за границей. Поэтому только оно могло нести ответственность за судьбу русских государственных средств и казенного имущества за границей.

Однако в протоколе совещания послов оговаривалось, что подобный статус дипломатического представительства России действителен до тех пор, пока державы отказывались признавать большевиков²⁶.

На совещании послы приняли постановление. В нем говорилось: Армия генерала Врангеля потеряла свое международное значение, и Южно-русское правительство с оставлением территории естественно прекратило свое существование. Как бы ни было желательно сохранение самостоятельной Русской Армии с национально-патриотической точки зрения, разрешение этой задачи встречается с непреодолимыми затруднениями финансового характера. Все дело помощи русским беженцам надлежит сосредоточить в ведении какой-либо одной организации. По мнению Совещания, такой объединяющей организацией должен быть Земско-городской комитет помощи беженцам. Единственным органом, основанном на идее законности и преемственности власти, объединяющем действия отдельных агентов, может явиться совещание послов. Вместе с этим указанное Совещание, при отсутствии других общерусских учреждений, принуждено взять на себя ответственность за казенные средства и порядок их определения²⁷.

По убеждению членов Совещания, получить какие-либо средства из иностранных источников возможно лишь на беженцев, но отнюдь не на содержание армии как таковой. При этом вообще можно было рассчитывать лишь на сравнительно небольшие суммы. Таким образом, расходы по содержанию беженцев всей своей тяжестью ложились на ничтожные остатки русских государственных средств и на те суммы, которые могли быть выучены от реализации казенного имущества.

По решению Совещания под председательством старшины дипломатического представительства Гирса был организован финансовый совет. Управление делами совета возлагалось на В. И. Новицкого, который замещал Бернацкого в случае его отсутствия. Совещание периодически устанавливало общий финансовый план, а также рассматривало и утверждало отчеты всех лиц, уполномоченных по хранению и управлению казенными средствами. Все ассигнования из казенных средств, передаваемые общественным учреждениям и организациям, подлежали ведению и утверждению совета. В случае, если общественные организации, получившие ассигнования из казенных средств, прекратили бы свое существование, остатки выданных им сумм возвращались финансовому совету.

Позицию Совещания поддерживали следующие российские дипломаты: Б. А. Бахметев (США), С. Д. Боткин (Германия), К. Н. Гулькевич (Норвегия), Ефремов (Швейцария), А. А. Нератов (Турция), С. А. Поклевский-Козелл (Румыния), С. А. Персиани (Италия), П. К. Пустошкин (Голландия), Е. В. Саблин (Англия), Б. С. Серафимов (Болгария), барон М. Ф. Мейендорф (Дания), В. Н. Штрандтман (Сербия). Они вошли в состав Совещания послов под председательством русского посла в Риме Гирса (товарищ председателя — Маклаков)²⁸.

Их деятельность координировалась путем переписки с председателем Совещания послов. Оно было неофициальным органом, не имеющим устава. Как позднее отметил Маклаков, никакого устава не было, потому что российские дипломаты считали Совещание своим «внутренним делом». Сами члены Совещания послов предпочитали именовать его Советом послов. Совет послов стал объединяющим и направляющим органом российского дипломатического представительства.

Совет послов отпускал Красному Кресту часть средств из состоящих в его ведении остатков российских государственных сумм, а Финансовый совет при нем взял на себя контроль всех проводимых на эти средства

операций. Кроме того, по решению Совета послов проводились ревизии общественных организаций, в том числе и в Земсоюзе. Эти проверки выявляли факты растрат денежных средств, переданных на содержание беженцев ²⁹.

Одной из первых мер Совета послов стало выделение 400.000 долл. из фондов российского посольства в США и перевод их Бахметевым на размещение в Сербии 5.000 русских беженцев. В 1921 г. Совет послов поддержал акцию по сбору и выделению средств в помощь голодающим Поволжья.

С начала 1920-х годов положение российских дипломатов за рубежом стало ухудшаться в связи с признанием Советской России рядом государств (Китаем, Персией, Японией и др.). В одних странах посольства распускались, в других их состав сокращался и они стали именоваться «бывшими русскими посольствами». Так, в сентябре 1921 г. в Японии посол В. И. Крупенский передал дела Д. Н. Абрикосову и покинул страну, поскольку японское правительство перестало его признавать как посла. В 1924 г. СССР признали Англия и Франция. Российские дипломаты в этих державах были вынуждены сложить с себя официальные полномочия. Но они по-прежнему пользовались авторитетом как у официальных правящих кругов, так и среди соотечественников. Поэтому они продолжали свою деятельность уже в ином качестве. Создавались специальные учреждения, занимавшиеся делами русских беженцев и возглавлявшиеся, как правило, дипломатическими представителями добольшевистских правительств. Во Франции бывший посол Маклаков возглавил Центральный офис по делам русских беженцев, а бывшие консульства в Марселе и Ницце стали его региональными отделениями.

Некоторые из российских дипломатических представительств принимали на себя полномочия представительств Нансеновского комитета, а часть личного состава посольств переходила на службу в специально созданные организации по делам русских беженцев. Аналогично Русскому бюро во Франции было основано в Берлине Бюро ответственного по делам русских беженцев ³⁰, возглавлявшееся бывшим послом в Германии Боткиным, который благодаря обширным связям делал эффективной работу Бюро в интересах беженцев. Бюро просуществовало до прихода к власти Гитлера.

Совет послов продолжал свою работу. Его представитель Гулякевич вошел в совещательный комитет при Международном офисе по делам беженцев при Лиге Наций, где представлял интересы русской эмиграции. В 1932 г., после смерти Гирса, Совет послов возглавил Маклаков, который стал последовательно проводить курс на сохранение «внепартийности» этого органа, рекомендуя членам Совета воздерживаться от участия в политической полемике. По его мнению, положение бывших послов как «представителей эмиграции», расколотой на два фланга и два мировоззрения (правое и левое), не позволяло им занимать чью-либо сторону.

В 1936 г. в одном из писем Саблину Маклаков отмечал: «Все-таки мы все, остатки дипломатического ведомства, в представлении эмиграции представляем что-то единое. Все знают, что мы занимаем какие-то посты, размеры которых они преувеличивают и которыми мы пользуемся, в размерах тоже весьма ими преувеличенных. На эти деньги принято смотреть как на бесхозные, а по модным взглядам, как на народные, на которые имеет право всякий нуждающийся. Но куда мы все-таки оказываем какую-то пользу и можем считать себя представителями всей эмиграции, это завистливое отношение к деньгам и вообще к нашей эмиграции поневоле смягчается. Иное дело будет, когда эти деньги будут идти на кого-либо, занявшего эту позицию, которую часто эмиграция считает недопустимой и вредной».

На все политические вопросы, расколовшие эмиграцию в этот период, то есть оборончество, непораженчество, активизм, пацифизм и т. п. Маклаков объявил для членов Совещания «табу». Этот принцип, по его мнению, также должен был способствовать координации деятельности членов Совещания и сохранению его внутреннего единства. «Ведь Вы

же понимаете, какая бы произошла какофония, если бы все стали говорить то, что думают, при этом поневоле сообразуясь с местными условиями; Вы бы говорили не то, что Боткин, я бы не то, что Штрандтман и т. д. и т. д.»³¹, — обращается Маклаков к Саблину. Маклаков настаивал на коллективной ответственности бывших послов за свои политические высказывания и действия, когда личное мнение каждого из них выражало общее мнение Совета. «За всякий шаг, который делает один из нас, отвечаем мы все», — подчеркивал он.

Позицию Маклакова политические силы эмиграции подвергали критике, обвиняя его в равнодушии, в нейтралитете, в том, что его девиз «моя хата с краю», в дискредитации и принижении значения Совета послов. Однако Маклаков был непреклонен: «Тут ведь приходится выбирать, либо быть ярким и красочным человеком, иметь на своей стороне одну часть эмиграции — и быть поносимым другой. Я считаю, что в нашем положении это непозволительно. Или принимать защитный цвет, заниматься нашим непосредственным делом, т. е. защитой существования эмиграции; быть непримиримым к тем условиям, которые сделали нас эмиграцией, но вопрос о том, какими внутренними и внешними путями России освободиться от теперешнего кошмара, представить разрабатывать людям более свободным, чем мы».

Первостепенную задачу деятельности бывших послов Маклаков видел в оказании материальной помощи и юридической защиты беженцам, независимо от их политических взглядов. «Все, кто не пользуется покровительством большевиков, каких бы политических взглядов они не держались, хотя бы ни о какой политической работе не помышляли, все они — та эмиграция, которую мы должны обслуживать», — писал он Саблину. Маклаков отрицал возможность участия бывших послов в большой политике, их влияние на зарубежные правительственные круги, но считал, что они должны «не только сохранить эмиграцию от падения, нашу молодежь от разрыва с Россией, но и сохранить в иностранцах уважение и симпатию к этой стране, а может быть, и к будущей России». «Мы переубедить никого не можем, но нам очень важно сохранить доброе имя за старой Россией», — отмечал Маклаков³².

Его позицию разделяло большинство бывших российских дипломатов, сосредоточивших свою деятельность в специальных учреждениях по делам русских беженцев в разных странах мира. Они сознательно не участвовали в политических дискуссиях, сохраняли нейтралитет, чем вызывали нападки со стороны эмигрантов. Практически только бывший поверенный в делах России в Великобритании Саблин активно участвовал в политической жизни эмиграции. Однако он был, по его собственному признанию, «ни левым, ни правым, и в высшей степени беспартийным». Саблин был хозяином «Русского дома» в Лондоне, где регулярно проводил лекции на актуальные политические темы для эмигрантов. Кроме того, он регулярно выступал в прессе со статьями против выпадов «активистов» в отношении России. Саблин неоднократно обращался к Маклакову с предложением предоставить право членам Совета послов высказывать гласно свои политические суждения. «А вот меня он (Маклаков. — М. К.) огорчает иногда своим бездействием в смысле политическом, в смысле дипломатическом. Почему бы председателю Совета бывших послов и такому видному деятелю России не выступить с каким-нибудь манифестом по вопросу о недопустимости расчленения России, почему только заниматься визами да паспортами и превратить Совет послов в полицейский участок. Боюсь, что будущий историк очень нас всех — чинов старого МИД — осудит за наше бездействие», — грустно замечал он в письме секретарю Центрального офиса по делам русских беженцев С. В. Жуковскому.

В 1935 г. Маклаков отказался заменить умершего Гулькевича, представлявшего Совет послов в Советательном комитете при Международном офисе по делам беженцев при Лиге Наций. Он решил оставить Совет послов без представителя, поскольку советская сторона предъявила жалобу на то, что «Совет послов есть политическая организация, которой неуместно

участвовать в Советательном комитете частных организаций»³³, и, наконец, потому что ему было трудно ответить на вопрос, в каком порядке он стал председателем Совета послов, у которого не было никакого устава. Фактически вступление в Лигу Наций СССР в 1934 г. стало началом конца Совета послов. Маклаков незаметным образом вывел его из состава Советательного комитета, лишив «всякого официального значения», так как, по его словам, «он был выгодной точкой обстрела для большевиков».

В 1938 г., констатируя этот факт, Маклаков отмечал, что Совет послов мог бы иметь свое значение, да и имел его только во внутренних отношениях между бывшими российскими дипломатическими представителями. Его авторитет зависел, «во-первых, в той мере, в какой он сам признавался, а, во-вторых, в какой мере он материально мог помогать на местах». В 1938 г. оба эти условия авторитета Совета послов исчезли, с одной стороны, с приходом в Лигу Наций большевиков, а с другой — с исчерпанием материальных ресурсов. «С тех пор как вместо содружества всех стран в Лиге наций началась политика соперничества и недружелюбия, то положение беженцев может страдать от того, что их представитель будет зависеть от какого-то центра, вдобавок находящегося во Франции», — писал Маклаков³⁴. Это побудило его оборвать внешнюю связь с бывшими дипломатическими представителями и предложить им устроиться на самостоятельных началах, имея полномочия местных правительств, а не от Совета послов и не от Женевы. Однако переписка между ними продолжалась вплоть до 1940 г., и бывшие послы продолжали защищать интересы русских эмигрантов в странах их пребывания.

В послереволюционной политической деятельности бывших российских дипломатов хронологически прослеживаются два периода. Первый — с октября 1917 по начало 1920-х годов, был периодом их официального или полуофициального признания зарубежными правительствами в качестве представителей последнего законного русского правительства и активной политической деятельности в рамках белого движения. Оставшиеся на государственной службе, честно исполнявшие свой долг перед отечеством, российские дипломаты заложили основу феномена «перемещенной государственности» — уникальной особенности Русского Зарубежья, благодаря которой русские эмигрантские колонии, рассеянные по всему свету, составляли единое целое, «общество в изгнании», структурированное по определенным правилам³⁵.

Во второй период, с середины 1920-х по 1938 г., после официального признания СССР мировыми державами, бывшие российские дипломаты, с одной стороны, выступали в качестве представителей эмиграции, защищая ее интересы, а с другой, — прилагали все усилия, чтобы сохранить в глазах иностранцев образ Великой России. «Волею судьбы мы не представители правительства, а мы представители какой-то идеальной России, которая если не вся заключена в эмиграции, то из которой эмиграцию исключить невозможно»³⁶, — писал Маклаков в 1936 году. Из всех самоназваний, которые использовали в своей переписке бывшие российские дипломаты («представители эмиграции», «представители антибольшевистской России»), определение, данное Маклаковым, наиболее верно выражает суть их деятельности в этот период. На протяжении всего пребывания в эмиграции бывшие российские дипломаты сохраняли верность России как громадной, сильной и, прежде всего, великой державе.

Примечания

1. Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов. 1934—1939. Сб. док. Кн. 1—2. М. 1998, с. 380.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 5865, оп. 1, д. 283, л. 127; НАБОКОВ К. Д. Испытания дипломата. Стокгольм. 1921, с. 63.
3. СОЛОВЬЕВ Ю. Я. Двадцать пять лет моей дипломатической службы (1893—1918). М.-Л. 1928, с. 271, 270.
4. МИЛЮКОВ П. Н. Воспоминания. М. 1991, с. 421.

5. СОЛОВЬЕВ Ю. Я. Ук. соч., с. 278; ГЕССЕН И. В. Годы изгнания. Париж. 1979, с. 214; НАБОКОВ К. Д. Ук. соч., с. 80, 85—86.
6. ЧИЧЕРИН Г. В.— в 1918—1930 гг. нарком иностранных дел РСФСР, СССР; ЛИТВИНОВ М. М.— с 1918 г. член коллегии Наркоминдела, в 1920 — полпред в Эстонии, с 1921 г. — заместитель, а в 1930—1939 гг. — нарком иностранных дел СССР.
7. ТАРЛЕ Г. Я. История российского зарубежья: термины, принципы периодизации. Культурное наследие российской эмиграции 1917—1940. М. 1994, кн. 1, с. 21.
8. ГАРФ, ф. 6851, оп. 1, д. 1, л. 239, 227, 241.
9. Документы внешней политики СССР. (Д. В. П.). Т. 1. М. 1957, с. 708.
10. Чему свидетели мы были... Кн. 2, с. 385, 384, 383.
11. Д. В. П. Т. 1, с. 708.
12. НАБОКОВ К. Д. Ук. соч., с. 97, 185; КУЗНЕЦОВ Н. В. Советская Россия и Франция (ноябрь 1917 — апрель 1918 гг.) — Французский ежегодник. М. 1997, с. 21.
13. Чему свидетели мы были... Кн. 2, с. 385, 384.
14. Там же, с. 386—387.
15. Д. В. П. Т. 1, док. 21; Чему свидетели мы были... Кн. 2, с. 388; История внешней политики СССР. М. 1986, Т. 1, с. 31.
16. СОЛОВЬЕВ Ю. Я. Ук. соч., с. 280; Чему свидетели мы были... Кн. 2, с. 390, 391.
17. НАБОКОВ К. Д. Ук. соч., с. 178; ВЫГОДСКИЙ С. Ю. У истоков советской дипломатии. М. 1965, с. 40.
18. Д. В. П. Т. 1, с. 104, 234, 476, 714; НАБОКОВ К. Д. Ук. соч., с. 181.
19. Протокол заседания Чрезвычайной следственной комиссии по делу Колчака от 27 января 1920 г. Кн. Арестант пятой камеры. М. 1990, с. 344; ТЕР-АСАТУРОВ Д. Г. Записка о деятельности Российского Представительства в Америке (Посольства в Вашингтоне и заготовительного комитета в Нью-Йорке). Nova Scotia. 1923, с. 42; Чему свидетели мы были... Кн. 2, с. 391.
20. НАБОКОВ К. Д. Ук. соч., с. 191; Арестант пятой камеры, с. 348; Чему свидетели мы были... Кн. 2, с. 392.
21. ДЕНИКИН А. И. Очерки русской смуты. — Вопросы истории, 1990, № 6—7, с. 151; Чему свидетели мы были... Кн. 2, с. 396.
22. Чему свидетели мы были... Кн. 2, с. 393—395.
23. Интервенция на Северо-Западе России 1917—1920. СПб. 1995, с. 48; КАРПЕНКО С. В. Крах последнего белого диктатора М. 1990, с. 12, 15; Чему свидетели мы были... Кн. 2, с. 400.
24. Чему свидетели мы были... Кн. 2, с. 404; Протоколы заграничных групп конституционно-демократической партии. М. 1996, т. 4, с. 39; ЛЮБИМОВ Л. Д. На чужбине. М. 1963, с. 45.
25. Чему свидетели мы были... Кн. 2, с. 403—404, 405.
26. Там же, с. 406—407.
27. Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов (гражданские беженцы, армия, учебные заведения). М. 1994, с. 54.
28. Чему свидетели мы были... Кн. 2, с. 408—409; КОВАЛЕВСКИЙ П. Е. Зарубежная Россия — история и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека 1920—1970. Т. 1. Париж. 1971, с. 48.
29. Чему свидетели мы были... Кн. 2, с. 96; Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов..., с. 24—25.
30. Протоколы заграничных групп конституционно-демократической партии. Т. 4, с. 350; Чему свидетели мы были... Кн. 2, с. 441; РАЕВ М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. 1919—1939. М. 1994, с. 52.
31. Чему свидетели мы были. Кн. 1, с. 426—427.
32. Там же, с. 210, 426, 207, 104, 100.
33. Там же, с. 343, 543, 175, 344.
34. Там же. Кн. 2, с. 96.
35. Впервые термин «перемещенная государственность» использовал югославский историк М. Йованович, указавший на то, что в русском зарубежье были сохранены «важнейшие элементы государственного и общественного строя периода монархии и республики — структуры армии и церкви... элементы системы просвещения, культурные организации, печать, высшие организационные и оперативные структуры почти всех политических партий, ряд гуманитарных и профессиональных учреждений — вплоть до появления двух претендентов на царский престол». Кроме того, феномен «перемещенной государственности» не консервировал прежних форм российской государственной и общественной жизни, а отличался их дальнейшим развитием в новых условиях, сохранял признаки «живого общественного организма» (ЙОВАНОВИЧ М. Чехословакия и Югославия на карте Зарубежной России (в первой половине 20-х гг. XX в.). В кн.: Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Результаты и перспективы проведенных исследований. Фонды Славянской библиотеки и пражских архивов. Т. 2. Прага. 1995, с. 675).
36. Чему свидетели мы были... Кн. 1, с. 423.

Сельская кредитная кооперация в России в 90-е годы XIX в.: выбор пути

А. В. Соколовский

Девяностые годы XIX в. — определенный этап в развитии кредитной кооперации. Порождение эпохи Великих реформ, частной инициативы, в этот период она начинает превращаться в инструмент государственной политики в отношении крестьянского хозяйства. Между тем до сих пор практически не привлекали внимания обстоятельства появления на свет Положения об учреждениях мелкого кредита от 1 июня 1895 года. Обычно лишь упоминается факт принятия «Положения». Наиболее подробно рассматривали 90-е годы М. Л. Хейсин и М. И. Дударев¹. Первый из них работал почти по горячим следам и, кроме того, имел возможность использовать архив Петербургского отделения Комитета о сельских ссудосберегательных и промышленных товариществах, после революции утраченный, и все же не нашел ничего особенно примечательного, а второй сконцентрировал свое внимание на частично сохранившихся материалах собственно Комитета, находившегося в Москве. Но, несмотря на резкую активизацию московского Комитета в те годы, связанную с деятельностью А. Г. Щербатова, всё же, как и в 70-е годы, история кооперативного движения делалась в Петербурге². В связи с упомянутой утратой архива возрастает значение опубликованных официальных отчетов Отделения и периодических изданий Московского комитета.

В 90-х годах XIX в. кооперативное движение в России еще только делало первые шаги, так как опыты 60—70-х годов закончились по большей части неудачно. Сыроваренные артели, организованные Н. В. Верецагиным, развалились. От потребительских обществ после принятия рабочего законодательства 80-х годов и запрета фабричных лавок остались только организованные вместо них зависимые от фабрикантов «грабилочки». Маслодельным артелям и сельскохозяйственным обществам еще предстояло появиться. Наиболее распространенным видом кооперации оказались в то время ссудосберегательные товарищества, которых насчитывалось менее тысячи (по данным на конец 1891 г. — 822, на конец 1895 г. — 727; из года в год закрывалось в два-три раза больше товариществ, чем открывалось новых³).

Иначе говоря, кредитная кооперация постепенно деградировала. Главной причиной такого положения являлась малая пригодность принципов устройства тогдашних кредитных кооперативов для удовлетворения потребностей крестьян в кредите.

Соколовский Александр Владимирович — кандидат исторических наук. Ивановский филиал Московского государственного университета коммерции.

Действительно, уставы русских ссудосберегательных товариществ основывались на тех принципах устройства учреждений мелкого кредита, которые заложил в 50-е годы XIX в. в Германии Ф. Г. Шульце-Делич: группа мелких собственников, нуждающаяся в кредите, но недостаточно состоятельная для того, чтобы рассчитывать на кредит в банках, образовывала товарищество на паях, которое могло выдавать своим членам ссуды как из собственных средств, так и из привлеченных со стороны в виде вкладов и займов. В Германии, где членами таких кооперативов состояли городские ремесленники и мелкие торговцы, такая схема оказалась вполне работоспособной. В России же товарищества шульце-деличевского типа создавались главным образом в деревне; вступавшие в них крестьяне и в 90-е годы вели полунаатуральное хозяйство, а в 70-е, на которые пришлась первая волна увлечения ссудосберегательными товариществами, — тем более. Не имея свободных денежных средств, далеко не каждый желающий крестьянин даже по частям мог внести пай, составлявший чаще всего 50, иногда 100 руб. (в некоторых случаях меньше). Крестьянин нуждался в кредите, готов был платить за него деревенским ростовщикам огромные проценты, но, в отличие от германского ремесленника, не имел возможности внести пай в кредитный кооператив.

На практике это приводило к тому, что пай просто вычитали из ссуды, то есть, принимая нового члена, просившего в ссуду, например, 20 руб., давали ему требуемую сумму (на деле чуть меньше — плюсовали еще проценты, 8—12 годовых), но по книгам проводили не 20, а 70 рублей. Поскольку заплатить 70 руб., взяв в ссуду 20, решительно невозможно без разорения заемщика, в товариществах широко практиковалась переписка обязательств: по прошествии 9 месяцев (а именно таковы были сроки кредита, также взятые из опыта немецких городских товариществ) член получал новую ссуду, за счет которой погашалась предыдущая, с уплатой им одних процентов, в лучшем случае — реально им взятой части долга. Для облегчения доступа в товарищества и к получению ссуд практиковались также равный размер кредита для всех членов, поручительство без лишения права на ссуду и т. п.

Таким образом, многое в уставах ссудосберегательных товариществ некритически перенималось из иностранного опыта с малоудачными попытками приспособить этот опыт к местным условиям.

Не менее серьезной проблемой тогдашних кооперативов был их искусственный характер. Структуры, характерные для рыночной экономики и развитой общественной самостоятельности, пытались насадить в среде русского крестьянства, не только не готового к тому, чтобы вполне осознать смысл и задачи кредитных учреждений, но по большей части просто неграмотного. Поэтому товарищества создавались усилиями местной интеллигенции, а не самих крестьян, и для нормального функционирования требовали постоянного надзора и контроля, хотя бы за состоянием счетоводства.

Интеллигенция уже к 80-м годам охладела к идеям кооперации, что и сказалось на количестве товариществ. Действовавшие кооперативы по большей части влачили жалкое существование. Численность членов не увеличивалась или даже сокращалась, истинную кредитную деятельность подменяла продолжавшаяся из года в год переписка старых долгов на новые сроки.

Наиболее успешно ссудные товарищества функционировали в районах интенсивного развития товарного сельского хозяйства, то есть в южных степях (Таврическая губ., Донская обл.), на юге черноземной зоны (Полтавская, Харьковская, Воронежская, Саратовская губ.), а из центральных губерний — в Смоленской. Однако и в этих районах нормально развивались от четверти до трети общего числа открытых кооперативов.

Вплоть до 1898 г., когда образовался Московский союз потребительских обществ, деятельность интеллигенции по руководству кооперативным движением направляло главным образом Петербургское отделение Комитета о сельских ссудосберегательных и промышленных товариществах,

созданное в 1871 г. для насаждения кредитной кооперации группой деятелей либерального толка во главе с А. И. Васильчиковым. На рубеже 80—90-х годов в этой организации происходила заметная смена поколений.

Первое поколение деятелей Отделения и Комитета состояло из либералов эпохи Великих реформ, чья юность пришлась на 40-е годы, зрелость — на 60—70-е, людей, стоявших у истоков земского движения. В 80-е — начале 90-х годов это поколение ушло и из организации и из жизни. Тогда же начался массовый приток в организацию новых людей и в целом обновление состава обеих столичных частей организации. В течение 1880-х годов в Отделении и Комитете поступление новых членов практически прекратилось. А затем пришло второе поколение.

Большинство из новопривывших появилось после событий, связанных с голодом 1891 года. Из 105 человек, состоявших в 1895 г. членами в Отделении и Комитете, 46 (или 44%) поступили туда за четыре последних года, а остальные 59 (56%) — за все предыдущие 20 лет. При этом к тому времени значительная часть старых членов, то есть вступивших в движение в 1870-е годы, к началу 90-х уже представляла собой мертвые души: членство в Комитете было пожизненным, и если кого-то включили в список, то он числился членом организации до самой смерти, независимо от того, продолжал ли участвовать в кооперативной деятельности. Если учесть, что за 1886—1890 гг. в Комитете вовсе не было пополнения, а в петербургском отделении добавилось лишь 10 членов, то есть все основания считать 1891 год годом смены поколений в организации⁴.

Лишь немногие деятели этого позднейшего времени оставили в комитетской истории заметный след, а таких фигур, как комитетчики первого поколения Васильчиков, А. В. Яковлев, Н. П. Коллюпанов, во втором поколении кооператоров не оказалось. Да и вообще, подъем общественной активности, имевший место в начале 90-х, был гораздо меньше по масштабам, нежели в период Великих реформ. Кроме того, атмосфера последних лет царствования Александра III гораздо менее располагала к активной общественной деятельности.

Отражением нового положения вещей стало, в частности, исчезновение теоретических работ. Комитетчики 90-х, в отличие от представителей первого поколения (и от третьего, пришедшего им на смену в начале XX столетия) не склонны были писать теоретические труды и свои представления о направлении развития кооперации излагали в работах прикладного характера.

Еще одна характерная черта новой эпохи — усиление сращивания комитетских структур с государственными. И раньше роль государственной поддержки была велика в деятельности Комитета; он существовал на казенные деньги и заседания проводил в помещении Министерства финансов, но все же государственных чиновников (не отставных, как Н. Ф. Фандер-Флит, а действующих, таких как А. А. Беретти, Н. О. Осипов, А. А. Мурашкинцев) там раньше не водилось. Исповедуя идею государственного содействия развитию кооперации, комитетчики первого поколения (кроме, может быть, позднего Васильчикова и некоторых деятелей на местах), однако, не предполагали государственного контроля над ней.

У нового поколения представления были несколько иные. Кроме того, государство в 90-е годы стало проявлять к кооперативному кредиту определенный интерес. В предшествующий период сочувствие государства, без которого ничего не удалось бы организовать, во многом определялось личной позицией министра финансов М. Х. Рейтерна. Теперь же содействие развитию кооперации становилось одной из форм государственной политики по отношению к крестьянству. Более того, именно государство перехватило у интеллигенции инициативу в насаждении кредитных кооперативов и руководстве их деятельностью и сохраняло свой контроль над этой ветвью кооперативного движения даже в период массового подъема в начале XX века.

Идея усиления государственного вмешательства в дело кооперативного кредита существовала еще в 70-е годы. Второе поколение кооперативов

оказалось к ней гораздо восприимчивее. Неспособность крестьян создавать кооперативы самостоятельно уже стала очевидной. Несмотря на рост товарности крестьянских хозяйств к концу XIX в., безденежье было главной проблемой, поэтому шульце-делическая идея самопомощи была неприменима — деньги могли прийти в деревню только извне. Отношение к частной благотворительности у кооперативных деятелей было негативным, следовательно оставалось рассчитывать на государство. Кроме того, кооперативное строительство на местах встречало сопротивление, как со стороны сельских ростовщиков, так и со стороны местных властей (например, земских начальников), при индифферентном или даже недоброжелательном отношении местной интеллигенции⁵. Поэтому превращение кооперации в род государственного мероприятия представлялось некоторым связанным с нею деятелям весьма желательным.

Тогда же появились и первые критические отзывы об основных положениях устава ссудосберегательных товариществ. Еще в 1874 г. публицист-народник С. Н. Кривенко критиковал краткосрочность кредита и уравнительное его распределение в образцовом уставе Комитета. А в 1879 г. на II съезде представителей ссудосберегательных товариществ Псковской губернии один из делегатов, А. И. Кукин, указал на необходимость ликвидировать паевой капитал и ввести учет кредитоспособности заемщиков при выдаче ссуд. При этом Кукин выступал также и за усиление государственного контроля над товариществами.

Но по-настоящему критика развернулась в 1886 г. в г. Бердянске, где встретились два человека, сыгравшие решающую роль в появлении в России беспаявых кредитных товариществ под правительственным контролем: Беретти и Осипов.

Студенческие годы обоих пришлось на 70-е годы (у Беретти — на начало, у Осипова — на конец десятилетия), оба пережили увлечение общественной деятельностью на благо народа, оба в конечном счете предпочли народническому «потрясению основ» государственную службу. Беретти пошел служить в Государственный банк, сначала в Самарское отделение, а с 1885 г. — в Бердянское, с которым и был связан наиболее плодотворный период его деятельности. Осипов же после университета первое время работал статистиком в Казанской и Уфимской губернских земских управах, а в 1886 г. был нанят Петербургским Отделением для производства статистического исследования ссудосберегательных товариществ Бердянского уезда. Приехав в Бердянск, он остановился в доме Беретти. К тому времени Беретти уже много пришлось наблюдать практику кооперативного кредита в России (и отрицательную — в Самаре, и положительную — в Бердянске), и он пришел к выводу о необходимости изменить существующие уставы. Проект, представленный им в Государственный банк, имел к кооперации мало отношения. Беретти предлагал создать при каждом отделении Государственного банка систему мелких сберегательных касс, при каждой из которых могло возникнуть «кредитное товарищество». В задачи его входило бы занимать деньги в кассе, раздавать ссуды, по истечении срока — собрать платежи и возратить долг, причем все книги вел бы чиновник Государственного банка⁶.

Осипов ознакомился и с практикой товариществ Бердянского уезда (лучшие из которых допускали постоянные нарушения устава, почему и преуспевали), и с проектами Беретти; в результате у него сформировалась целостная концепция организации мелкого кредита. Эту концепцию он изложил в своем отчете об исследовании бердянских товариществ⁷, а затем развил и выработал основные положения нового устава⁸.

При этом прежний устав ссудосберегательного товарищества подвергался полной ревизии. Вслед за Кукиным и Беретти Осипов нападает на краеугольный камень устава — статьи о паевом капитале. Он пришел к понятию кредитоспособности заемщика (как и Беретти) и, отмечая, что в повседневной практике кооперативов этот принцип уже давно используется, требовал узаконить его в уставе. По его мнению, необходимо было также отказаться от принципа краткосрочности ссуды, потому что оборот

в сельскохозяйственном производстве продолжается слишком долго и срок кредита в 9—12 месяцев недостаточен. Кривенко в 70-е годы писал об этом же, но Осипов шел дальше его и обосновывал свою позицию гораздо аргументированнее. Товарищества не только должны выдавать долгосрочные ссуды, но и могут это делать, ибо средства, которые они привлекают, в основном помещаются туда на долгие сроки, даже если речь идет о вкладах до востребования. Переписывание же обязательств, заменяющее долгосрочный кредит в кооперативах, просто опасно (до Осипова никто толком не мог объяснить, почему именно; сделал это только он). Наконец, Осипов подверг критике саму идею единого для всей страны, от Кавказа до Якутии, устава: «Нормальный устав должен существовать только для того, чтобы помогать учредителям в редакционном отношении; но все подробности, как, напр., система поручительства, степень круговой ответственности, процент по ссудам в зависимости от сроков и размеров ссуд, отсрочки, правила для выдачи долгосрочных ссуд... и т. д.— все это должно быть выработано на месте».

Он же выступал и за жесткий государственный контроль над кооперативными учреждениями. Члены кружка Васильчикова говорили о самостоятельности, хотя и признавали, что русские крестьяне не могут еще вполне самостоятельно создавать и поддерживать существование подобных организаций. Осипов же, пропагандируя беспаявые кредитные товарищества с длительными сроками ссуд, учетом кредитоспособности членов при выдаче этих ссуд, с максимальной свободой учредителей при выработке устава кооперативов. Одновременно требовалось создать инспекцию для надзора за ними, причем с такими полномочиями, что ни о какой самостоятельности уже не могло быть и речи. Инспекция (содержать ее предполагалось на средства самих товариществ) должна была, по мнению Осипова, проводить ревизии делопроизводства, отчетности, книг и кассы товариществ, инструктировать должностных лиц товариществ, разъяснять букву, смысл и дух устава, утверждать должностных лиц, избранных общим собранием товарищества, созывать в экстренных случаях чрезвычайные общие собрания, предлагать общему собранию уволить тех должностных лиц, которые окажутся не удовлетворяющими своему назначению, увольнять в случае надобности делопроизводителей товариществ, разрешать краткосрочные ссуды свыше известной нормы и все долгосрочные ссуды, иметь общий надзор за деятельностью товарищества. Инспекция состояла бы из финансовых чиновников, постоянно проживающих в районе инспектируемых ими товариществ⁹.

Разумеется, подобная программа была встречена большинством Отделения в штыки — ведь, как и в первоначальном проекте Беретти, в ней практически ничего не оставалось от кооперации. Наиболее активно против осиповского проекта выступил тогдашний секретарь Отделения П. А. Соколовский — лидер в организации в 90-е годы. Соколовский, как и Осипов, видел недостатки комитетского устава, но, в отличие от чиновников Осипова и Беретти, не считал правильным полностью отвергнуть начало самостоятельности в кредитных кооперативах, залогом которого, по его мнению, был пай. Поэтому, когда в конце 80-х годов появились резко полемичные работы Осипова, отстаивавшего беспаявые, чисто кредитные товарищества под жестким государственным контролем, Соколовский выступил против¹⁰.

Его позиция заключалась в том, что паевой взнос необходимо сохранить, но уменьшить его размер и увеличить отношение ссуды, которую можно взять без поручительства, к размеру паевой доли. Но, как и Осипов, он был за введение принципа кредитоспособности заемщиков и введение помимо краткосрочных также и долгосрочных ссуд. Он был также активным сторонником развития залоговых операций с хлебом в ссудосберегательных товариществах, однако против этого почему-то (может быть просто потому, что Соколовский был за) возражал Осипов¹¹. Залоговые операции получили развитие с начала XX в., и их роль в конце концов стала не меньшей, чем роль традиционных ссудных операций.

Принцип паевого капитала Соколовский поддерживал не столь твердо и абсолютно, как, например, организаторы Отделения в 60—70-х годах.

Деятели 90-х уже были знакомы не только с товариществами системы Шульце-Делича, но и с теми кооперативами, которые создавал почти одновременно с Шульце-Деличем Ф. В. Райфайзен (Reiffeisen), отличавшимся как раз отсутствием паевого капитала и долгосрочностью ссуд. Сравнительно шувальце-делические и райфайзенские кооперативы, Соколовский отдавал предпочтение принятому в последних способу распределения прибыли (она причисляется к основному капиталу, является собственностью кооператива, а не делится между членами, как у Шульце-Делича), несмотря на то, что все защитники паевого начала как раз и подчеркивали важную роль такого распределения в развитии индивидуальной предприимчивости кооператоров¹². Наиболее вероятной причиной неприятия Соколовским осиповских нововведений является не столько предпочтение принципов Шульце-Делича принципам Райфайзена, сколько сознание того факта, что в России основной капитал чисто кредитных товариществ райфайзенской модели можно получить только у Государственного банка — в обмен на установление его всеобъемлющего контроля над этими кооперативами (что и предлагал Осипов). Райфайзенские ферайны основывались на деньги частных благодетелей, а затем — на деньги кооперативных союзов. В России же таким кооперативам фактически была уготована роль почти что филиалов Государственного банка, а с этим секретарь Отделения не мог согласиться. Беретти тоже постепенно эволюционировал в сторону все большей опоры на самостоятельность крестьян, чему немало должна была способствовать его практическая деятельность в Бердянском уезде, где по его инициативе был в 1901 г. основан первый в России союз кредитных кооперативов.

Не найдя поддержки в Отделении, Осипов стал действовать вне его. В 1892 г. он выступил в Обществе содействия промышленности и торговле, изложив в своем докладе уже вполне оформившийся проект организации мелкого кредита¹³.

В это же примерно время — в начале 1893 г. — Министерство финансов начало пересмотр устава Государственного банка, затронув при этом и вопрос о народном кредите. В этой связи в министерстве наконец-то обратили внимание на многократные ходатайства Отделения о содействии развитию в стране мелкого краткосрочного кредита. Отделению Комитета было предложено пересмотреть образцовый устав ссудосберегательных товариществ.

Осенью 1893 г. работала комиссия из членов Отделения, которая выработала новый образцовый устав (осиповские проекты остались без внимания) и передала его на рассмотрение совещания при Министерстве финансов, которое в конце концов его и утвердило¹⁴. Но Осипов с поражением в Отделении отнюдь не смирился. Принимая участие в работе комиссии по составлению устава ссудосберегательного товарищества, он самостоятельно составил образцовый устав кредитного товарищества и, воспользовавшись своими связями в министерстве (он там работал с 1887 г.), добился включения кредитных товариществ и основных принципов их организации в Положение об учреждениях мелкого кредита, принятое 1 июня 1895 года¹⁵.

В своих основах закон 1895 г. о кредитных товариществах практически полностью воспроизводил тезисы Осипова. Что же касается надзора за этими учреждениями, то он был поручен чиновникам Кредитной канцелярии Министерства финансов. Девять лет спустя, уже после смерти Осипова, 7 июня 1904 г. было принято новое Положение, в котором осиповские идеи нашли наиболее законченное выражение. Была создана инспекция по делам мелкого кредита, которая располагала самыми широкими полномочиями в отношении кредитных товариществ и призвана была их опекать и насаждать.

Беспасовые, чисто кредитные товарищества, за идею которых ухватилось правительство, действительно, оказались более соответствующими потребностям русской деревни рубежа веков, нежели старые ссудосберегательные. За десятилетие, к 1905 г. количество действовавших в России ссудосберегательных товариществ увеличилось с 720 до 965, но за тот же период возникло 776 кредитных товариществ, ранее не существовавших.

Таким образом, самодержавное государство вполне использовало новые возможности, открывшиеся в 90-х годах, и постаралось перехватить у интеллигенции инициативу в развитии кооперативного кредита, а Петербургское Отделение не смогло противопоставить статистским построениям Осипова и Беретти ничего столь же эффективного. Пользуясь поддержкой Государственного банка, беспаявые кредитные кооперативы стали с началом XX в. стремительно завоевывать место под солнцем, и уже к концу 1905 г. почти догнали по численности существовавшие к тому времени целых три десятилетия ссудосберегательные товарищества, а в последующий период далеко оставили их позади.

Правда, кредитные товарищества не являлись в полной мере кооперативами и были больше связаны в своей деятельности с Государственным банком, а не с другими кооперативными учреждениями.

Осипов умер летом 1901 г. в возрасте 43 лет от инфаркта. Возможно этим, а также конфликтом с Соколовским, фактически выжившим к 1895 г. своего главного оппонента из Отделения¹⁶, объясняется то, что об этом незаурядном деятеле, фактическом отце русских беспаявых кредитных товариществ, до сего дня ничего не было известно, даже имя его (в отличие, например, от Соколовского и Беретти) не упоминалось ни в одной публикации по рассматриваемой проблеме.

Примечания

Статья написана при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований.

1. ХЕЙСИН М. Л. История Петроградского (б. С.-Петербургского) отделения Комитета о сельских ссудосберегательных и промышленных товариществах. — Вестник кооперации, 1915, № 8; его же. Очерки по истории кредитной кооперации в дооктябрьской России. Л. 1925; ДУДАРЕВ М. И. Ход всероссийского съезда представителей ссудосберегательных товариществ 1898 года и его решения. В кн.: Кооперация. Страницы истории. Вып. 8. М. 1999. См. также: ПРОКОПОВИЧ С. Н. Кредитная кооперация в России. М. 1923; ФАЙН Л. Е. Отечественная кооперация: исторический опыт. Иваново. 1994.
2. О причинах «дуализма» Комитет — Отделение см.: Кооперация как компонент рыночных отношений. Вып. 2. Иваново. 1997, с. 66.
3. Составлено по данным XVII—XXVI и XXXI Отчетов Комитета о сельских ссудосберегательных и промышленных товариществах. Отчеты выходили довольно аккуратно с 1873 по 1906 г., в изучаемый период ежегодно (СПб. XVI — 1891 г. изд., XVII — 1892 г., и т. д., вплоть до XXXI — 1906 г.).
4. XX Отчет. СПб. 1895, с. 1—3.
5. См., напр.: П. С.-В. Задачи контроля над учреждениями мелкого кредита. — Хроника учреждений мелкого кредита, 1904, № 4-5, с. 6—7. Взгляд на крестьянство как на «подлое сословие» и «хамское отродье», неспособное к высокой культуре, получил определенное распространение в образованных кругах рубежа веков. Чеховский «злоумышленник» вполне отражает представления этой части общества о русском мужике. Отсюда крайний скепсис по вопросу о возможности организации кооперативных учреждений в русской деревне в этот период: «Общественную... кассу или земский ломбард, пожалуй, в деревне еще можно устроить, а куда уж им до кооперативного учреждения! — не доросли», — формулировал подобные настроения корреспондент «Хроники» даже десятилетие спустя (РУБИЦОВ И. Почему слабо развиваются у нас учреждения мелкого кредита. — Там же, 1904, № 2-3, с. 2).
6. БЕРЕТТИ А. Из прошлого. — Там же, 1904, № 4-5, с. 13.
7. ОСИПОВ Н. О. Опыт статистического исследования о деятельности ссудосберегательных товариществ. Товарищества Больше-Токмакское и Ново-Васильевское Бердянского уезда Таврической губернии. СПб. 1887; его же. Исследование Утяжского товарищества Курганского округа Тобольской губернии (К вопросу о причинах упадка сибирских ссудосберегательных товариществ). СПб. 1892.
8. ОСИПОВ Н. О. Обзор деятельности ссудосберегательных товариществ и проект организации сельского кредита. СПб. 1893.
9. Там же, с. 31—32, 152—153, 254—255.
10. БЕРЕТТИ А. А. Ук. соч., с. 13.
11. Журнал заседания С.-Петербургского отделения Комитета о сельских ссудосберегательных и промышленных товариществах 23 апреля 1892 г. В кн.: XVIII отчет. СПб. 1893, с. V.
12. СОКОЛОВСКИЙ П. А. Прибыль ссудосберегательных товариществ и способы ее распределения. В кн.: Сообщения С.-Петербургского отделения Комитета о сельских ссудосберегательных и промышленных товариществах. Вып. 2, с. 10—11.
13. БЕРЕТТИ А. А. Ук. соч., с. 13.
14. XIX отчет. СПб. 1894, с. I, II.
15. БЕРЕТТИ А. А. Ук. соч., с. 13.
16. Там же; Исторический вестник, 1901, т. 85, с. 750.

Римская колония русских художников в записках графа Ф. П. Толстого

Е. В. Каштанова

Итальянская колония русских художников по праву занимает выдающееся место в истории отечественного искусства. Десятки научных трудов посвящены жизни и творчеству О. А. Кипренского, К. П. Брюллова, С. Ф. Шедрина, А. А. Иванова, Ф. А. Бруни, К. А. Тона, а также других более или менее известных живописцев, скульпторов и архитекторов «в чужих краях». Общее число их в одном только Риме в разные годы достигало нескольких десятков¹. В отличие от других колоний (немецкой, французской), существовавших там наряду с русской и не определявших художественную жизнь своих стран рассматриваемого времени, русская сыграла существенную роль в истории отечественного искусства, в складывании национальной художественной школы. Восприняв и творчески переработав достижения культуры Западной Европы, русские мастера за короткое время подняли отечественное искусство на качественно новую ступень, поставив его в один ряд с европейскими школами. Именно в Италии были созданы «Последний день Помпеи» К. П. Брюллова, «Явление Христа народу» А. А. Иванова.

Чрезвычайно интересное историко-культурное явление XIX столетия представляет русская колония в целом. Ядро ее, в первую очередь, в Риме, а также в Неаполе, Флоренции и некоторых других городах, составляли пенсионеры Санкт-Петербургской Академии художеств — лучшие выпускники, отправленные за казенный счет для дальнейшего совершенствования, Общества поощрения художников, а также покровительствуемые отдельными меценатами.

В тесной связи и постоянном взаимодействии с художниками находилось множество других деятелей русской культуры — литераторов, ученых (Н. В. Гоголь, В. А. Жуковский, Ф. И. Буслаев, М. П. Погодин и др.). Многие были представителями аристократии (княгиня З. А. Волконская, семейства князей Гагариных, графов Вьельгорских и некоторые другие). Жизнь колонии, ее место в истории русской и европейской культуры XIX века не стали еще предметом специального анализа.

Члены колонии немало сделали для развития общественных и культурных связей России и Италии. Подлинными центрами русской культуры на итальянской земле были аристократические салоны, двери которых были открыты и для европейских знаменитостей Дж. Россини, Г. Доницетти, В. Скотта, А. Мицкевича и других, а также для художников-пенсионеров.

Каштанова Елена Владимировна — аспирантка Московского государственного университета культуры и искусств.

При общении с русскими расширялись представления европейцев о русской культуре. Показателен пример ученого хранителя галерей Ватикана Л. Висконти, который увидев слепки с барельефов Ф. П. Толстого, «был чрезвычайно удивлен и непритворно... хвалил чрезвычайно и рассматривал очень долго и сказал мне, что он, зная все, что есть в этом роде и что выходило впоследствии — ничего подобного не видел [...]. Кажется, он переменял свое мнение об искусствах в России»².

Русская колония стала органичной частью тогдашней художественной жизни Италии: наши соотечественники постоянно участвовали (и весьма успешно) в выставках, имели тесные контакты с живописцами, скульпторами, архитекторами разных наций, посещали их мастерские (в свою очередь, иностранцы, студии наших художников), занимались в натуральных классах Французской академии в Риме, немцы и французы приглашали их на свои торжества.

Одним из важнейших источников для изучения жизни русской колонии остаются письма, записки, воспоминания пенсионеров и людей из их окружения. К последним можно отнести вице-президента Академии художеств графа Ф. П. Толстого. В Отделе рукописей Государственного Русского музея хранится более десятка книг записей, которые граф вел на протяжении многих лет. К рассматриваемой теме имеют отношение шестая и седьмая книги — дневник и путевые заметки, сделанные во время заграничного вояжа в 1845—1846 годах, когда Толстой несколько месяцев провел в Италии. Наряду с описанием достопримечательностей, они содержат сведения о жизни членов колонии в 1840-х годах. Материалы седьмого тома были использованы в некоторых искусствоведческих работах³. Интересны и воспоминания Т. П. Пассек⁴.

Сороковые годы XIX в. — интереснейший период в жизни колонии. Если пенсионеры 1820-х — середины 1830-х годов нередко принадлежали к художественной среде Петербурга уже в силу своего происхождения, то в 1840-е увеличилось число выходцев из «глубинки», из казаков, мещан, бывших крепостных. Самой значительной фигурой среди русских художников в Италии в это время был А. А. Иванов, живший в Риме с 1830 года. Внесли свой вклад в искусство середины века исторический живописец Н. П. Ломтев, скульпторы Н. С. Пименов, Н. А. Рамазанов, П. А. Ставасер, архитекторы Н. Л. Бенуа, А. И. Кракау, А. И. Резанов. Их имена постоянно мелькают в записках Толстого. В русскую итальянскую колонию входило и множество менее значительных, а то и вовсе забытых сегодня мастеров. Не все художники в полной мере оправдали возлагавшиеся на них надежды. Сыграли свою роль и отсутствие системности в образовании, а зачастую и недостаток профессиональной дисциплины и целеустремленности⁵.

Интересно мнение В. В. Стасова о ненужности и бесполезности пребывания в Италии для большинства наших художников 30—40-х годов, не внесших ощутимого вклада в искусство⁶ (современные ученые выше оценивают их роль⁷), по традиции восхищавшихся лишь «великими эпохами» прошлого, не знавших и не понимавших современной им Италии, где назревали революционные события 1848 г., оставшихся в стороне от всего «нового, свежего, здорового, мыслящего и могучего» как в жизни, так и в искусстве (что, разумеется, справедливо отнюдь не для всех пенсионеров). Однако, несмотря на столь невысокую оценку, Стасов пишет: «Но все-таки, тот слой людей, та эпоха принадлежат истории нашего художественного развития. Без них не было бы, конечно, ни нынешнего слоя, ни нынешней эпохи»⁸.

М. В. Алпатов охарактеризовал русскую колонию как «шумное и пестрое общество молодых людей, которых в Петербурге держали под строгим надзором академических инспекторов и которые на чужбине спешили натешиться наконец-то добытой волей... Для рядового пенсионера искусство было прежде всего средством «зашибить деньгу»⁹. А. А. Иванов писал Ф. В. Чижову из Рима в октябре 1845 года: «Как нас заставить работать? Все как-то нам скучно или грустно в розницу, так и хочется сойтиться;

а сойдешься, так вот и пошли пировать, да пировать, а после и давай извиняться то летами, то незнанием новых мест»¹⁰. Впрочем, Толстой считал, что, ввиду краткости пребывания наших художников «в чужих краях» (обычный срок — три года, но он часто продлевался), нельзя сравнивать их с теми, кто жил там много лет (кстати, сам Иванова жаловался на несправедливость подобных сравнений), «и что надо быть довольну, если каждый из наших пансионеров (так у автора! — Е. К.) сделает и по одной статуе или картине — да хорошей»¹¹.

Другие исследователи называют этот период лучшим и наиболее ярким в жизни колонии¹². Известны и примеры дружбы аристократов с художниками.

Знатные путешественники не проявляли очень уж большого внимания к обстоятельствам жизни русских пенсионеров. Как правило, они ограничивались посещением мастерских, зачастую отдавая предпочтение иностранцам, когда делали заказы на картины и скульптуры. Впрочем, и здесь не обходилось без неприятностей. Толстой записывал: «Большая часть русских путешественников... высшего круга, как они себя называют, ведут себя самым развратным образом и подло. Некоторых из них здешние иностранные художники не стали пускать к себе в мастерские, потому что некоторые русские богатые господа, а двое и с титулами сиятельных, взяли у них статуи и, не заплатив деньги, уехали; другие с надменною хвастливостью заказали себе статуи — и как они были готовы, отказались от них и оставили на шею у художников. — После всего этого не мудрено, что об русских идет такая дурная молва»¹³.

Интерес графа Толстого к художникам был продиктован не только его должностными обязанностями: этот представитель старинного дворянского рода был крупнейшим русским мастером-медальером первой половины XIX века. Федору Петровичу в семье прочили карьеру военного. Однако пожалованный уже при рождении сержантом лейб-гвардии Преображенского полка воспитанник знаменитого Полоцкого иезуитского коллегиума, выпускник одного из лучших военных учебных заведений того времени — Морского кадетского корпуса в Петербурге Толстой в 1804 г. оставляет службу и становится «посторонним учеником» Академии художеств. Художниками это решение было встречено с недоверием: «На меня, первого из дворян, к тому же еще с титулом графа и в военном мундире, начавшего серьезно учиться художеству и ходить в академические классы, они смотрели с каким-то негодованием, как на лицо, оскорбляющее и унижающее их свою страстию к искусству». Реакция же дворянских кругов была откровенно враждебной. «Обвинения на меня сыпались отовсюду... Все говорили, будто бы я унизил себя до такой степени, что наношу бесчестие не только моей фамилии, но и всему дворянскому сословию»¹⁴.

Из академического формулярного списка Толстого следует, что у него никогда не было имений, поэтому в первые два года после ухода с морской службы граф вынужден был сам зарабатывать на жизнь. Впрочем, с 1806 г., когда он получил постоянное место при Эрмитаже, карьера его складывалась весьма удачно. В 1809 г. он становится почетным членом Академии, в 1810 г. назначается медальером на Монетный двор, с 1825 г. уже преподает в медальерном классе и получает звание профессора Академии художеств. С 1828 по 1859 г. Толстой вице-президент, а с 1859 по 1868 г. — товарищ президента Академии. Его достижения в области медальерного искусства были признаны не только в России — Федор Петрович являлся почетным членом нескольких европейских академий художеств.

В записках графа в полной мере проявились патриотизм и независимость взглядов, тяга ко всему молодому и новому, характерные для него на протяжении всей жизни. Постоянная критика нравов высшего дворянского общества не удивляет, если вспомнить о близости Толстого к декабристам. С 1819 г. он был членом Коренного совета Союза благоденствия, устав которого требовал борьбы с преклонением перед всем иностранным. После встречи в Риме с секретарем русского посольства, который на все его вопросы отвечал по-французски, Толстой пишет в дневнике: «Боже мой!

неужели на Руси нет истинно русских людей, чтобы занимать и секретарское место при посольстве — или уже русские дошли до того, что есть между ими люди, которых раболепство без всякого разбора ко всему иностранному заставляет стыдиться показывать себя русскими»¹⁵. Федор Петрович был одним из немногих, по-настоящему неравнодушных, людей, кто, пытаясь восстановить справедливость и привлечь внимание к проблемам художественной колонии, не боялся обращаться и к самому императору. Не его вина, конечно, что предложения не всегда получали отклик.

А проблем было немало. Прежде всего постоянный недостаток средств. Наем квартиры и мастерской, покупка материалов, плата натурщикам — пенсионера не хватало, долги были обычным делом среди художников. Приехав в Рим и посетив их мастерские, Толстой выдал одному из них, живописцу Мокрицкому, тысячу франков из казенных денег, выделенных специально для раздачи наиболее нуждающимся пенсионерам¹⁶. Федор Петрович с супругой отправились за границу, прежде всего, для поправки здоровья. Кроме того, вместе с годичным отпуском ему было дано правительственное поручение относительно русских пенсионеров, о занятиях и поведении которых их начальник отзывался в высшей степени неблагоприятно.

В первой трети века художники находились в ведении русского посланника в Риме — (в 1817—1827 гг. это был А. Я. Италинский, в 1827—1832 гг. — князь Г. И. Гагарин — люди образованные, любители искусства, покровители художников). В 30-е годы была введена должность Начальника русских художников, подчинявшегося не Совету Академии художеств, а непосредственно министру императорского двора. С 1845 г. это место занимал генерал-майор Л. И. Киль, мало разбиравшийся в искусстве, но человек в высшей степени амбициозный, стремившийся не только командовать пенсионерами и жестко регламентировать всю их жизнь и занятия, но и судить и давать оценку их творческой работе (что до того было прерогативой Академии). Это служило источником частых столкновений с пенсионерами.

Отношение русских чиновников различного ранга к своим соотечественникам наглядно иллюстрирует случай с паспортом Толстого, который для поездки в Неаполь нужно было «прописать» в римской полиции и у неаполитанского посланника. Посольство отвело два дня на то, что простой рассыльный из гостиницы сделал за полтора часа. «Оставляя этот... случай..., доказывающий нерадение господина посланника и секретаря к приезжающим и живущим здесь русским..., скажу еще несколько слов о посланнике нашем в Риме в отношении к нашим художникам, здесь находящимся. Во все время его здесь посольства, он никогда, ни одного разу не пригласил к себе ни одного из наших художников... и после этого он негодует на их невнимание к нему; но можно ли иметь внимание и уважение к человеку, ...который своею невнимательностью и равнодушием, чтоб не сказать, презрением, оттолкнул от себя всех художников, а большая часть наших молодых пансионеров и образованы и умеют чувствовать себе цену... Приехав сюда, я дал знать г. Сомову [секретарь Килья. — Е. К.] о моем приезде, Килья здесь нету; но вот уже третий день как я здесь, а он еще не был у меня, неужели он думает, что я пойду к нему?»¹⁷ — писал в дневнике вице-президент Академии.

Отношения художников с начальством занимают значительное место в записях графа. С возмущением говорит он о Киле, который и спустя несколько месяцев после вступления в должность не знал большинства своих подопечных даже в лицо. «Взбешенный, что они его ни в грош не ставят, стал всюду их чернить..., представил об них министру как об невежах, развратниках и ленивцах и так отнесся и в Академию. — На этот подлый несправедливый донос я начал уже писать опровержение». 1/13 декабря 1845 г. Ф. П. Толстой отправил герцогу М. Лейхтенбергскому (в 1843—1852 гг. — президенту Академии художеств) рапорт, в котором «описал подробно все исследования... о их поведении и действиях, от хозяев домов, в которых они живут и имеют свои студии, как и от посторонних,

имевших с ними сношения, то же и у иностранных художников, их знающих, и всюду получал об них отзывы самые для них удовлетворительные и благоприятные... Описал мои посещения их мастерских и их занятия, которые совершенно опровергают низкую клевету Киля о их лености»¹⁸.

В конце 1845 г. Италию посетил Николай I, предпочитавший грандиозным международным конгрессам личные контакты с монархами и видными политическими деятелями. В числе прочего было запланировано и знакомство с сокровищами искусства, в том числе, и с целью выбора образцов для снятия копий, которые император желал бы иметь в России. Нанес он визиты и в студии пенсионеров. К приезду царя Киль задумал устроить выставку, несмотря на то, что все хорошие работы незадолго до этого были отправлены в Петербург, и остались лишь этюды и несколько посредственных картин, которые и сами пенсионеры выставить не хотели. Практически все русские художники сходились в крайне негативной оценке этого замысла. Принять участие были приглашены и другие иностранные художники, а местом должен был стать palazzo Farnese, расписанный Рафаэлем. Наверху хотели установить русский герб с надписью «выставка русских художников», что привлекло бы весь Рим. «Это действие прямо показывает намерение Киля осрамить русских пансионеров не только перед царем, но и перед всем Римом — или он пошлый дурак, не имеющий никакого понятия о художествах, а еще менее об обязанностях занимаемой им должности».

Толстой всеми силами старался не допустить выставки, неоднократно ходил к министру двора князю П. М. Волконскому, который, понимая всю глупость и очевидный вред этого замысла, хотел, прежде чем принять решение, увидеть все своими глазами. Несмотря на обещание князя не показывать выставку, царь все же был на ней, но ничего особенного не сказал. Сопровождая императора при осмотре римских древностей и галерей Ватикана, граф всегда брал с собой нескольких пенсионеров, на случай, если потребуются какие-нибудь объяснения по части искусства.

В одну из таких поездок у царя завязался разговор с Резановым и Бенуа об архитектуре, он говорил с художниками ласково и внимательно выслушивал ответы. Толстой радовался, считая, что теперь государь узнает, что наши художники «не только хорошо знают свое дело и хорошие рисовальщики, но что они и хорошо образованы».

Искренне симпатизируя пенсионерам, Федор Петрович постоянно прикладывал усилия, чтобы улучшить мнение властей о них и, через это, изменить к лучшему их положение. Именно он настоял на более раннем посещении мастерской Рамазанова (которое было запланировано на вечер), так как лишь при дневном освещении император мог хорошо рассмотреть его стацию, представляющую нимфу с бабочкой на плече, и в полной мере оценить мастерство и труд художника. Утром того дня собирались ехать к иностранным скульпторам, и ни министр Волконский, ни генерал-адъютант граф В. Ф. Адлерберг, ни посланник А. П. Бутенев не осмелились просить царя изменить планы. Толстой обратился к нему сам. Николай I остался очень доволен работой Рамазанова, как и картиной Иванова («Явление Христа народу»), и работами других пенсионеров, чьи мастерские посетил, и, уезжая, сделал многим из них заказы. «Кажется, как будто царь начинает немного переменять свой вкус или по крайней мере, начинает видеть, что есть в живописи хорошего и кроме картин Labournere и ему подобных живописцев солдат и лошадей». Впрочем, подойдя в галерею купола собора св. Петра к живописцу Моллеру, бывшему военному, Николай упрекнул его в том, что тот перестал работать в батальном жанре и некому поручить — «надобно быть военному, чтобы уметь писать эти сюжеты»¹⁹.

Благодаря действиям Толстого представление министра и царя о художниках значительно улучшилось, но отношение к ним и реальное положение дел изменилось мало. Не прекратились притеснения начальства, не исчезла нужда. Волконский стал благосклоннее принимать пенсионеров, которых раньше не хотел и видеть, но представление о дополнительном

выделении денег для них переадресовал президенту Академии. «У нашего министра трудно добиться получить [деньги. — *Е. К.*], как бы это предложение или просьба не была полезна и даже необходима для пользы искусств в России». И после отъезда императора иностранным мастерам были сразу утверждены и выданы суммы на его заказы, «тогда как нашим художникам, которые и более имеют право получить свои деньги, и необходимости в них, делают препятствия в выдаче их, и делают еще разные пакости, чтоб оттянуть что-нибудь из платы за их работы.— Одним словом, наши посольства и начальства в чужих краях делают все, чтоб вредить своим соотечественникам»²⁰.

Несостоятельность Килья как начальника художников стала всем очевидна, а его должность сделалась главным предметом интриг, но должность свою (как и содержание) генерал сохранил. И спустя год, в ответ на рапорт герцога Лейхтенбергского, в котором тот просил оградить художников от «произвольного неуважения и оскорбления» начальства, Николай I ответил, что доверил надзор за пенсионерами человеку, чьи достоинства ему известны лично, и Киль обязан сам приказывать художникам, не поручая этого секретарю²¹.

Но не только о проблемах и неприятностях мы узнаем из дневников Федора Петровича. Насколько тяжелой была борьба за пенсионеров с начальством, настолько счастливыми и радостными были встречи с самими молодыми людьми. Все описания их проникнуты удивительно теплым чувством. «Наконец провели мы время приятно с русскими и вспомнили, как проводили время у себя. Ах, тут может быть так хорошо, как на родине». Граф вспоминает вечера, устраивавшиеся в его академической квартире в Петербурге, завсегдатями которых были воспитанники Академии. При первой встрече в римском трактире «Лепре», где художники имели обыкновение обедать, ими был сделан импровизированный прием в честь графа. Около двадцати человек собралось в «комнате русских художников» (иностранцы имели свои столы в этом трактире, а наших было много, и они завладели целой комнатой), и пировали до глубокой ночи. «Время текло незаметно, в веселой беседе умных и большей частью образованных молодых людей.— Среди забавных рассказов, шуток и песен, беспрестанно прорывались выражения чувств искренней ко мне привязанности и уважения..., что меня трогало до глубины души». Потом Толстой отнесли на руках до кареты (а хотели нести так до самой гостиницы, но он уговорил их не делать этого) и все пошли провожать с факелами. На празднике, устроенном в Рождество, Федору Петровичу был вручен лавровый венок, а на прощание его осыпали цветами. «Этот день, как и первый нашего приезда, один из лучших дней моей жизни»²².

Интересно характеризует Толстой Иванова. Конечно, его оценка личности великого художника несколько субъективна — по складу ума и характеру Иванов был чужд кругу веселых молодых пенсионеров, и, возможно, граф, не будучи с ним особенно близко знакомым, не понял до конца мотивов его поступков. (Как не понял и Гоголя, назвав его «ханжою, втирающимся в знакомство аристократии».) Впрочем к такому выводу приходит и М. В. Алпатов в своей монографии²³. Толстой называет живописца человеком малообразованным, но от природы умным и хитрым. «Ему бы быть иезуитом, он на них очень смахивает; но впрочем говорят, что он хороший и добрый человек». Художник жил тихо и скромно, работая над «Явлением Христа народу» и совершенно отделившись от большинства товарищей. Основной причиной этого Федор Петрович называет его «устарелость» и задетое самолюбие: «ему очень бы хотелось как старшему по летам и по давнему его жительству в Риме разыгрывать роль главного над ними, а этого они не допускают, не признавая в нем ни по художеству и ни по чему, тех достоинств, которые давали бы ему на это право». Может быть, лишь отчасти справедливо утверждение Толстого, что под видом хлопот об улучшении положения пенсионеров (все трудности Иванов испытал в полной мере и составил несколько проектов переустройства жизни колонии), художник «сильно работает и интригует для себя»²⁴. На самом

деле, искреннее стремление поддержать товарищей, помочь наиболее полному развитию таланта каждого роднило Иванова с Федором Петровичем.

Укорял граф живописца и в том, что круг его знакомых составляют «туземцы незначущего класса», тогда как ему было бы уместнее общаться если не с русскими, то с другими иностранными художниками. И вместе с тем, при посещении студии немецкого живописца Ф. Овербека, Толстой говорит о несравненном превосходстве русского мастера. Когда перед приездом великого князя Константина Николаевича его приближенные просили рекомендовать знающих людей для осмотра музеев, граф назвал именно Иванова. С большой похвалой отзываясь о его картине, он, однако, упрекал автора в медленности работы, очевидно, не принимая во внимание глубины его духовных и творческих исканий. Спорными представляются и не однажды встречающиеся в записках утверждения о стремлении художника к католицизму.

Впрочем, личные симпатии не мешали Ф. П. Толстому вести «беспорывную борьбу» за всех наших пенсионеров, как во время пребывания в Италии, так и по возвращении в Россию.

Примечания

1. См. например: АЛПАТОВ М. В. Александр Иванов. В 2-х т. М. 1956; АЦАРКИНА Э. Н. О. Кипренский. М. 1948; ПЕТИНОВА Е. Ф. П. В. Басин. Л. 1984; ПОЛОВЦОВ А. В. Ф. А. Бруни. Биографический очерк. СПб. 1907; ЮРОВА Т. В. Михаил Иванович Лебедев. М. 1971 и др.
2. Отдел рукописей Государственного Русского музея (ОР ГРМ), ф. 4, оп. 1, д. 13, л. 194об.
3. См.: КОВАЛЕНСКАЯ Н. Н. Художник-декабрист Ф. П. Толстой.— Очерки из истории движения декабристов. М. 1954, с. 516—560; КУЗНЕЦОВА Э. В. Федор Петрович Толстой. 1783—1873. М. 1977; ПЛОТНИКОВА Е. Л. Ф. П. Толстой. М. 1973.
4. ПАССЕК Т. П. Из дальних лет. Т. 2. СПб. 1906, с. 380—410.
5. См., например: РАКОВА М. М. Предисловие.— РАЕВ В. Е. Воспоминания из моей жизни. М. 1993, с. 10.
6. СТАСОВ В. В. Гоголь и русские художники в Риме.— СТАСОВ В. В. Собр. соч. Т. 2, отд. 4. СПб. 1894.
7. См. История русского искусства. Т. 1. М. 1991, с. 266, 268, 286, 290.
8. СТАСОВ В. В. Ук. соч., с. 231.
9. АЛПАТОВ М. В. Ук. соч., Т. 1, с. 64.
10. Цит. по: БОТКИН М. П. Александр Иванов. Его жизнь и переписка. СПб. 1880, с. 196.
11. ОР ГРМ, ф. 4, оп. 1, д. 13, л. 11об.
12. ПОПОВА Л. И. Русская колония в Риме в письмах И. С. Шаповаленко.— Панорама искусств 9.— 1986, с. 99—101.
13. ОР ГРМ, ф. 4, оп. 1, д. 13, л. 640об.
14. Цит. по: КОВАЛЕНСКАЯ Н. Н. Ук. соч., с. 34, 126.
15. КУЗНЕЦОВА Э. В. Ук. соч., с. 233.
16. ПАССЕК Т. П. Ук. соч., с. 381.
17. ОР ГРМ, ф. 4, оп. 1, д. 12, лл. 190—190об.
18. ОР ГРМ, ф. 4, оп. 1, д. 13, л. 13, 125 об., 126.
19. ПАССЕК Т. П. Ук. соч., с. 389.
20. ОР ГРМ, ф. 4, оп. 1, д. 13, лл. 164об., 633, 633об.
21. Российский государственный исторический архив, ф. 789, оп. 1(II), д. 3198, л. 2, 3, 3об. Т. П. Пасек допускает неточность, говоря, что после визита императора в Рим пост директора русских художников остался свободным (с. 410), тогда как Киль сохранил свое место.
22. ОР ГРМ, ф. 4, оп. 1, д. 12, л. 124об., 273.
23. См. АЛПАТОВ М. В. Ук. соч. Т. 2, с. 38.
24. ОР ГРМ, ф. 4, оп. 1, д. 13, л. 7об., 8, 162.

Первый опыт совместной российско-японской публикации исторических документов

Г. М. Адibeков

Все началось с моего знакомства в 1996 г. с профессором Токийского университета, японским историком Харуки Вада, известным в нашей стране прежде всего своими исследованиями по истории российских революций. Вероятно, под влиянием недавно выпущенных томов сборника документов «ВКП(б), Коминтерн и Китай» (I т. — в 1994 г., II т. — в 1996 г.) Х. Вада предложил создать нечто подобное по Японии. Проект заманчивый, но отнюдь не простой. Меня несколько смущало слабое знание проблематики; однако продуктивное сотрудничество с итальянскими коллегами из Фонда Дж. Фельтринелли и, как его результат, выход в Милане в 1994 г. английского издания (русское издание в Москве опубликовано в 1997 г.) протоколов совещаний Информбюро компартий (Коминформа) 1947, 1948 и 1949 гг. (архив Коминформа был открыт в начале 90-х годов) убеждали, что надо смелее «ввязаться в бой», а в процессе работы над книгой многое прояснится.

Так и произошло. По просьбе Х. Вада я занялся составлением перечня документов, хранящихся в Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ; с 2000 года — Российский государственный архив социально-политической истории — РГАСПИ) и предлагавшихся для включения в сборник. Это помогло определить структуру книги и ее хронологические рамки. В отличие от «китайского» сборника, где документы ВКП(б) и Коминтерна даются один за другим в хронологическом порядке, мы вынуждены были разделить материал на два раздела: первый — «Япония в решениях «особой папки» Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). 1924—1940 гг.», второй — «Коминтерн и компартия Японии. 1917—1941 гг.». Такой расклад объясняется тем, что реальный высший орган власти в СССР — Политбюро — в межвоенный период не принял, как это не странно, ни одного решения относительно коммунистической партии Японии (КПЯ).

По-видимому, это можно объяснить как слабостью КПЯ, незначительным ее влиянием в стране, постоянной нестабильностью и тактико-идеологическими шатаниями в самой партии, еще более ослабляемой фракционной борьбой, так и важным значением, которое придавалось советским политическим руководством налаживанию нормальных отношений с дальневосточным соседом, власти которого демонстрировали в 20—30-е годы

Адibeков Грант Михайлович — доктор исторических наук, главный специалист Российского государственного архива социально-политической истории.

особую нетерпимость к «угрозе коммунизма», хотели задушить коммунистическое движение в Японии в самом зародыше, преследовали КПЯ как нелегальную и незаконную организацию, стремящуюся уничтожить существующий монархический строй, арестовывали и сажали в тюрьму руководителей и активистов партии, внедряли провокаторов и платных агентов полиции, устраивали политические процессы над представителями компартии, развертывали антикоммунистические кампании в прессе.

В качестве составителей документального сборника японская сторона предложила Х. Вада и его соратников, учеников, аспирантов: С. Иокотэ, Н. Исии, Т. Томита; с российской стороны в группу составителей вошли, кроме меня, К. К. Шириня, Ю. В. Георгиев, Ж. Г. Адибекова.

С самого начала мы условились: никакой сенсационности и разоблачительности, идеологизированности и политизированности, выдержанный спокойный академический тон в примечаниях и комментариях, стремление к максимальной объективности. Пусть факты и документы говорят сами за себя. Эти принципы все старались добросовестно соблюдать. Конечно, в процессе работы возникали расхождения в толковании тех или иных фактов и событий. Споры, дискуссии длились часами, а иногда днями, но мы всегда приходили к согласию, находили взвешенные, не крайние формулировки и оценки происходящего в те далекие годы. Два года напряженного труда, неустанного встречного движения, столкновения мнений в поиске истины оказались плодотворными как для участников проекта, так и для содержания книги.

Поскольку первое решение Политбюро ЦК РКП(б) о Японии под грифом высшей формы секретности «особая папка» относится к августу 1924 г. (с середины 20-х годов под этим грифом находились важные постановления по внешнеполитическим и внешнеэкономическим вопросам), а последнее решение данного раздела сборника датировано январем 1940 г., то хронологические рамки первой части книги оказались несколько уже второй. В примечаниях и комментариях использованы материалы открытых протоколов Политбюро, личных фондов И. В. Сталина, В. М. Молотова, Л. М. Кагановича, А. И. Микояна, хранящихся в РГАСПИ. Докладные записки ответственных работников наркомата иностранных дел СССР, рассмотренные в Политбюро и оформленные в виде его постановлений, были любезно предоставлены нам Архивом внешней политики РФ.

Стремясь представить объективную картину событий, авторы широко использовали в примечаниях официальные документы как советского, так и японского внешнеполитических ведомств. С целью комментирования были привлечены сборники: «Документы внешней политики СССР (1924—1938 г.)», изданные МИД СССР в 60—70-е годы, и «Документы внешней политики (1939 г.)» в двух книгах, изданные МИД России в 1992 г., «Документы внешней политики Японии» (на япон. языке). Читатели получили возможность ознакомиться с постановлениями Политбюро о Японии и самим судить о справедливости (или несправедливости), правильности (или неправильности) позиций одной из сторон по различным проблемам межгосударственных отношений, для которых, как свидетельствуют документы, со второй половины 20-х годов были характерны настороженность и недоверие, социальное неприятие и откровенная враждебность. В конце 30-х годов это привело к военным столкновениям.

Наибольшее число раз на Политбюро рассматривались рыболовные вопросы; далее (по степени убывания) шли: нарушения японской стороной границы с СССР, Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД), нефтяные и угольные концессии на Северном Сахалине, захват Японией Маньчжурии и его последствия, усиление охраны и меры по укреплению обороноспособности Дальнего Востока, нарушение японскими властями прав советских граждан — служащих КВЖД, полномочного представительства, торгового представительства и консульства СССР в Японии, заключение пакта о ненападении между СССР и Японией, коммунистическая пропаганда. На заседаниях Политбюро утверждались тексты официальных нот наркоминдела, заявления полпредов и другие документы.

Примером того, насколько сложно и трудно шло строительство отношений между двумя государствами, может служить рыболовный вопрос, жизненно важный для японцев. В первом советско-японском соглашении по этому вопросу, подписанном в Токио 21 мая 1923 г., содержались обязательства японских рыбопромышленников уплатить арендную плату за пользование рыболовными участками в 1920—1921 г., а также разрешение японцам снять в аренду рыболовные и краболовные участки. Советская сторона считала это соглашение успехом своей дипломатии, так как устанавливался запрет на бесконтрольный лов в советских территориальных водах и суверенитет СССР над этими водами. Правда браконьерство японских рыбаков, в том числе под прикрытием миноносцев, продолжалось. Длительным оказался и процесс выработки рыболовной конвенции — с 1925 по 1928 год.

Позиции сторон отличались неуступчивостью, к решению экономических вопросов примешивалась политика. Наглядный пример — докладная записка наркома иностранных дел М. М. Литвинова от 31 октября 1936 года. Хотя в Москве уже было известно о предстоящем подписании германо-японского соглашения — «Антикоминтерновского пакта», направленного против СССР, Литвинов считал, что следовало бы пойти навстречу желанию японцев и поскорее подписать с восточным соседом новое рыболовное соглашение, которое «будет крупным положительным фактом в наших отношениях с Японией» и в то же время позволит «сделать некоторое предупреждение японскому правительству и тем самым отложить опубликование японо-германского соглашения против Коминтерна» (с. 181). Однако предложение Литвинова не было реализовано, поскольку «Антикоминтерновский пакт» был подписан в Берлине 25 ноября и тем самым возникло серьезное препятствие на пути к новой рыболовной конвенции.

Ухудшение с каждым годом советско-японских отношений сопровождалось все новыми угрозами со стороны правительства Японии. В ответ на угрозы Токио советское руководство 31 января 1939 г. заявило, что «в случае японских провокационных действий в советских водах конфликт не будет носить локального характера» (с. 208). А ведь еще несколько лет назад Сталин, обращая внимание Кагановича на «преступный факт нарушения директивы ЦК о недопустимости подрывной работы ОГПУ и Разведупра в Маньчжурии», предупреждал, что эти органы своими действиями могут создать «новую опасность провокации конфликта с Японией», и требовал: «накажите примерно нарушителей интересов СССР» (с. 18).

Дело в том, что с конца 20-х годов советское руководство все чаще и чаще стало получать по разным каналам сообщения о разработке в Японии планов военного нападения на СССР. В одних случаях это была дезинформация — английская, американская и китайская, в других — из тех же и иных источников — правда. Порой нелегко было различить одно от другого. В складывавшейся ситуации советское политическое руководство, судя по опубликованным в книге постановлениям Политбюро, предпринимало на Дальнем Востоке важные меры, которые к середине 30-х годов скорее походили на подготовку к возможному военному конфликту. Вот лишь некоторые из них: усиление береговой охраны дальневосточного побережья, создание строительных частей в этом регионе, сооружение подводных лодок и бензоемкостей, создание Дальвоенстроя, укрепление Владивостокского порта, строительство складов для хранения хлеба и т. д. В 1937—1938 гг. из пограничных районов Дальнего Востока «в целях пресечения проникновения японцев» было выслано корейское и китайское население и вместо него переселено более двух тысяч уволенных в долгосрочный отпуск красноармейцев и служащих пограничной охраны НКВД.

Тот факт, что ЦК ВКП(б), его Политбюро и Секретариат занимались лишь вопросами политических и экономических взаимоотношений Советского Союза и Японии, отнюдь не означает, что высшее советское руководство не интересовалось внутривосточной ситуацией, складывавшейся у восточного соседа. Просто этот вопрос находился в компетенции Коммунистического Интернационала. Представители ВКП(б) верховодили в Ко-

минтерне, контролируя практически все направления деятельности этой международной организации, объявившей себя «генеральным штабом мировой революции». Подрывная, информационно-разведывательная работа Коминтерна, призывы к свержению монархического строя в Японии существенно осложняли взаимоотношения двух государств. На любое выражение недовольства японской стороны советские представители заявляли, что правительство СССР не имеет к Коминтерну никакого отношения. Как видно из публикуемых в книге документов, многие японцы не верили этой заведомой лжи. Централизация и директивный стиль руководства в Коминтерне способствовали усилению его зависимости от ВКП(б) и все большему превращению в инструмент советской внешней политики. Это сильно затрудняло не только внешнеполитические действия руководителей СССР, но и деятельность компартий («рука Москвы») по защите интересов трудящихся своих стран.

Включённые во второй раздел книги впервые публикуемые документы взяты из архива Коминтерна (РГАСПИ) — его важнейших описей: Президиума, Секретариата, Политсекретариата ИККИ, японских комиссий ИККИ, Восточного отдела (лендерсекретариата) ИККИ, компартии Японии, личного фонда Катаяма Сэн и т. д. Используются также вышедшие в Японии сборники документов: «Коминтерн. Документы» — в 6-ти томах, изданные в 1978—1985 гг. на япон. языке; трехтомник «Коминтерн и Япония», изданный в 1986—1988 гг. на японском языке; «КПЯ раннего периода и Коминтерн», вышедший в свет в 1993 г. на японском языке (составитель перечисленных сборников Ёити Мурата).

Раздел начинается с датированного июлем 1918 г. письма «Русским товарищам» за подписью Исполнительного комитета социалистических групп Токио и Иокогамы и приложенной к нему первомайской «Резолюции японских социалистов» (1917 г.). Здесь выражались сочувствие и солидарность с Февральской и Октябрьской революциями, уверенность в превращении российской революции «во всемирную социальную революцию» (с. 249).

Стремясь непредвзято показать историю взаимоотношений Коминтерна и компартии Японии, мы решили дать полные тексты приводимых документов. Лишь ряд обширных по объёму документов приведен в извлеченных (не в ущерб их содержанию). История этих взаимоотношений оказалась во многом драматической и трагичной.

Создание КПЯ было провозглашено в Токио 15 июля 1922 г. на собрании 8 человек в квартире Киёси Такасэ, недавно прибывшего из Москвы, где проводился первый съезд революционных организаций Дальнего Востока. В конце того же года IV конгресс Коминтерна официально признал КПЯ своей секцией. Но уже в то время и в ИККИ, и в только что рожденной КПЯ обсуждался вопрос об опоре коммунистов на широкую рабочую организацию типа английской Лейбористской партии. Позднее председатель ИККИ Г. Е. Зиновьев признавал, что образование КПЯ как нелегальной партии на «чисто большевистской основе», форсированное Коминтерном из Москвы, было подражанием большевикам России предреволюционного периода, попыткой перенести большевистский опыт в совершенно иные условия (в Японии отсутствовало массовое рабочее движение как база существования революционной рабочей партии). И поэтому, по мнению Зиновьева, «дело не пошло» (с. 227). Имеется в виду, в частности, роспуск КПЯ руководителями самой этой партии весной 1924 года. Компартия была восстановлена в декабре 1926 г. на III съезде КПЯ, состоявшемся в глухом горном районе префектуры Ямагата.

В публикации показано, как в Коминтерне разрабатывались, при самом активном и непосредственном участии Н. И. Бухарина, ставшие программным документом КПЯ на ближайшие годы «Тезисы ИККИ о Японии» 1927 г. В публикуемых материалах широко представлены различные точки зрения участников состоявшейся в Коминтерне весной 1927 г. дискуссии по проблемам «перспективы развития КПЯ» и «характер предстоящей японской революции». Некоторые члены ЦК КПЯ раскритиковали

левосектантские взгляды К. Фукумото, пренебрегавшего экономической борьбой, работой в массах, в том числе в профсоюзах, и считавшего, что японский капитализм находится накануне своей гибели, а значит, назревает революционная ситуация. В «Тезисах» на основе анализа особенностей положения в Японии, формулировался вывод о том, что этой стране предстоит буржуазно-демократическая революция с тенденцией перерастания (после продолжительного периода общедемократических преобразований) в социалистическую. В то же время в них отразилась левизна коминтерновской политики того времени: закреплен лозунг «ликвидации монархии» как часть программы непосредственных действий, ставивший КПЯ вне закона, социал-демократия охарактеризована как «агентура буржуазии», якобы раскалывающая рабочий класс (с. 450—461). Обоснованность ряда положений и выводов «Тезисов» 1927 г. была сведена на нет в «Тезисах» 1932 г., которые, естественно, оказались в плену леворадикальных коминтерновских оценок периода мирового экономического кризиса.

Многие документы свидетельствуют, что КПЯ в 20—30-е годы непрерывно подвергалась жестоким полицейским преследованиям. Тысячи членов компартии, комсомола и их сторонники были арестованы и брошены в тюрьмы. По подсчетам КПЯ, более 90% арестов коммунистов в Японии были следствием полицейского шпионажа и провокаций. В связи с этим особое значение приобрел вопрос о методах борьбы против предательства и провокаторов. Хотя Коминтерн считал возможным — в исключительных случаях — акты ликвидации провокаторов, однако руководители ИККИ подчеркивали опасность увлечения индивидуальным террором. В издании публикуются материалы о событии, получившем в 1933—1934 гг. на страницах японских газет название «красного линча», из-за которого сотни людей, как и сама КПЯ, были обвинены в терроризме, в уголовных преступлениях (с. 607—610). Обоснованный на VII конгрессе Коминтерна (1935 г.) и воспринятый КПЯ антифашистско-демократический курс мог привести к активизации компартии, росту ее рядов и усилению влияния в массах, как это произошло в других странах. Но в Японии компартия была обескровлена и разгромлена. В апреле 1935 г. был арестован последний руководитель партии С. Хакамада; с этого времени и до капитуляции Японии в сентябре 1945 г. у партии не было центрального руководства.

Новый удар ожидал КПЯ из Москвы, где в ходе сталинских репрессий пострадали многие коммунисты-эмигранты, в том числе жившие в советской столице члены КПЯ. Из 12 расстрелянных японских коммунистов самой крупной фигурой был представитель КПЯ при ИККИ Танака (Кэндзо Ямамото), арестованный 2 ноября 1937 года.

Этот случай, о котором рассказывается в публикации, заслуживает особого внимания. Дело в том, что вокруг ареста Танака был поднят большой шум и произошел громкий скандал в сентябре 1939 г. после опубликования письма Окано (Сандзо Носака) от 22 февраля 1939 года. Публикаторы обвинили Носака в сочинении письма-доноса на своего товарища и в помощи НКВД. В результате КПЯ сняла 100-летнего Носака с поста председателя КПЯ, а три месяца спустя, 27 декабря 1939 г., исключила его из партии. Публикуемые документы и материалы доказывают, что сегодняшние японские коммунисты поспешили с оргвыводами. В своем письме 60-летней давности Окано с осторожностью высказывается о деятельности уже арестованного органами НКВД Танака и воздерживается от прямых обвинений; делаясь некоторыми подозрениями, он в то же время указывает на заслуги Танака перед КПЯ. Подлинным же доносом оказалось обнаруженное нами письмо одного из ответработников ИККИ П. Мифа в коминтерновский отдел кадров от 3 сентября 1937 г., по которому обвиненный им во враждебной деятельности Танака и был арестован (с. 667—680).

Подобных «открытий», фактических уточнений, первых публикаций документов Политбюро ЦК ВКП(б), Коминтерна и КПЯ в издании немало. Наш российско-японский коллектив составителей надеется, что его старания не прошли даром и публикация сослужит хорошую службу историкам.

Советские летчики-истребители в Китае в 1950 году

В. П. Набока

Братская помощь советских летчиков Китаю впервые была оказана в конце 30-х годов. Но был еще один эпизод в истории советских ВВС, когда по просьбе Китайского правительства наши летчики оказали услугу китайскому народу. Произошло это в первой половине 1950 года.

К этому времени в Китае практически завершилась гражданская война. Народно-освободительная армия Китая изгнала с материковой части страны армию Гоминьдана. Однако, чанкайшисты, закрепившиеся на Тайване и других мелких островах, потерпев поражение на сухопутном театре военных действий, сделали ставку на авиацию. С февраля 1950 г. их авиация стала осуществлять бомбардировки и обстрелы прибрежных городов и населенных пунктов Китайской Народной Республики (КНР.) Особенно разрушительные налеты совершались на крупнейший город и морской порт Шанхай и его окрестности ¹.

ВВС КНР, по существу, только создавались и оказать должного отпора гоминьдановской авиации не могли. Тем более, что ВВС Гоминьдана насчитывали около 240 боевых самолетов различных типов: 110 истребителей Р-51 «Мустанг» и 48 Р-47 «Тандерболт» американского производства, 21 четырехмоторный бомбардировщик В-24 «Либейтор», 28 двухмоторных бомбардировщиков В-25 «Митчел» американского и 16 двухмоторных бомбардировщиков «Москито» английского производства, а также 16 разведчиков В-25 и Р-38 ².

Учитывая сложившуюся ситуацию, Китайское правительство обратилось за помощью к Советскому Союзу. В это время в Москве велись переговоры Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая с руководителями Советского Союза, которые завершились подписанием 14 февраля 1950 г. Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между КНР и СССР. Оба государства обязались совместно принимать меры против агрессии со стороны любых враждебных государств и в случае нападения на одну из сторон другая немедленно должна была оказать ей военную помощь всеми имеющимися средствами ³. Реализуя указанные договоренности, Советский Союз направила для обороны Шанхая от налетов гоминьдановской авиации группу войск ПВО в составе: 1. Управления группы войск, состоящего из: Командующего группой — генерал-лейтенанта Батицкого, заместителя Командующего по авиации — генерал-лейтенанта Слюсарёва, начальника штаба — гвардии полковника Высоцкого; 2. Управление 106 истребительной авиационной дивизии (ИАД): командир дивизии — полковник Якушин, заместитель командира дивизии — полковник Новцкий, начальник штаба — подполковник Комаров; 3. Управление 52 зенитно-артиллерийской дивизии: командир дивизии — гвардии полковник Спиридонов,

начальник штаба — полковник Антонов; 4.1 Гвардейский зенитно-прожекторный полк: командир полка — полковник Лысенко, начальник штаба — гвардии майор Бирюков; 5. Отдельный радиотехнический батальон: командир батальона — майор Михайлов, начальник штаба — капитан Поломарчук.

Основную ударную силу нашей группы войск составляла 106 ИАД. Приказом военного министра СССР № 0040 в ее состав вошли следующие части: 29 Гвардейский истребительный авиационный полк (ГИАП) — командир полка, Герой Советского Союза, гвардии подполковник Пашкевич, начальник штаба — гвардии подполковник Костенко. Полк имел на вооружении новейшие реактивные истребители МиГ-15 в количестве 40 штук; 351 истребительный авиационный полк (ИАП) — командир полка, Герой Советского Союза, гвардии подполковник Макаров, начальник штаба — майор Алгунов. Полк имел на вооружении 40 поршневого истребителя Ла-11 и 1 УЛа-9; 829 смешанный авиационный полк: командир полка — полковник Семенов, начальник штаба — подполковник Пичков. Полк имел на вооружении 10 бомбардировщиков Ту-2 и 25 штурмовиков Ил-10, плюс 1 УИл-10. Кроме того в состав дивизии вошла транспортная эскадрилья под командованием майора Чебаторева (10 Ли-2) и части обеспечения.

Перед 106 ИАД была поставлена задача не допустить бомбардировки Шанхая и прохода военных кораблей и судов Гоминьдана в устье реки Янцзы, обеспечив восстановление экономики страны, а Народно-освободительной армии Китая — нормальное сосредоточение войск и снабжение их всем необходимым ⁴.

В середине февраля 1950 г. всем частям, вошедшим в группу войск, была поставлена боевая задача и отдана команда на перебазирование к району предстоящих боевых действий. Причем, наиболее длинный путь предстояло преодолеть Управлению 106 ИАД и 29 ГИАП, которые базировались под Москвой. Управление дивизии входило в состав Московского района ПВО, а 29 ГИАП — в состав 324 ИАД Московского Военного Округа. 351 ИАП базировался на Ляодунском полуострове и входил в состав 83 смешанного авиационного корпуса, там же было осуществлено формирование 829 САП. Основным аэродромом в период сосредоточения дивизии являлся аэродром Сюйчжоу, занимавший промежуточное положение между Шанхаем и границей СССР. На нем в период с 3 по 27 марта 1950 г. происходила выгрузка и сборка самолетов МиГ-15 и подготовка их к облету и затем перебазированию в район боевых действий. 7 марта на аэродром Сюйчжоу произвел перебазирование летный эшелон 351 ИАП, летчики которого начали сразу же осуществлять его прикрытие от возможного прорыва бомбардировщиков и разведчиков противника. 351 ИАП выполнял поставленную боевую задачу несением боевого дежурства на земле и патрулированием в воздухе в районе аэродрома ⁵.

Указанные меры были предприняты нашим командованием вовремя. Противник, получив агентурные данные о формировании в районе Сюйчжоу советских авиационных частей, попытался провести аэрофотосъемку данного района своими самолетами-разведчиками. 13 марта в 10.56 звено истребителей Ла-11 под командованием старшего лейтенанта Сидорова в 12—15 км южнее аэродрома обнаружило самолет противника В-25. Сидоров, доложив о противнике на КП, атаковал В-25, после чего самолет противника стал уходить в сторону моря, но пролетев 50 км, разбился. Экипаж вражеского разведчика погиб. Неудача не остановила гоминьдановское командование. Уже на следующий день к аэродрому Сюйчжоу опять попытался прорваться разведчик противника В-25. Но и на этот раз он был обнаружен звеном наших истребителей под командованием старшего лейтенанта Душина, которое осуществляло патрулирование над своим аэродромом. После ряда успешных атак наших истребителей, разведчик противника произвел вынужденную посадку в 4 км от Сюйчжоу. Шесть членов экипажа гоминьдановского самолета были взяты в плен. Чтобы предотвратить в дальнейшем пролеты вражеских разведчиков над аэродромом Сюйчжоу, на аэродром Цзянвань города Шанхай были переброшены 19 Ла-11 второй эскадрильи 351 ИАП, после чего противник прекратил попытки прорыва своих разведчиков В-25 в районы базирования наших авиационных частей ⁶.

К концу марта гоминьдановское командование решает от одиночных действий разведчиков перейти к массированным бомбовым ударам по Шанхаю. 20 марта противник попытался нанести первый такой удар. Однако, пара наших истребителей Ла-11 — ведущий старший лейтенант Смирнов, сумела навязать воздушный бой

вражеским истребителям Р-51 «Мустанг», которые должны были отвлекать наши истребители от своих бомбардировщиков. В результате скоротечного воздушного боя гоминьдановские истребители ретировались за береговую черту, куда нашим самолетам летать было запрещено, а бомбардировщики врага так и не решились войти в район действия советских истребителей ⁷.

С 1 апреля 1950 г. 106 ИАД после сосредоточения и подготовки приступила к непосредственному выполнению приказа по обороне Шанхая двумя полками — 29 ГИАП (40 МиГ-15) и 351 ИАП (25 Ла-11). Группа в составе 14 Ла-11 из 351 ИАП была оставлена на аэродроме Сюйчжоу для его прикрытия, где временно дислоцировался 829 САП. 29 ГИАП планировалось использовать главным образом для уничтожения бомбардировщиков противника, а 351 ИАП — частью сил должен был сковать и уничтожить истребители сопровождения гоминьдановцев, а остальными силами полка — усилить 29 ГИАП.

Кроме того был разработан план боевого использования частей дивизии по предотвращению блокады морского побережья и высадке десанта в обороняемом районе. При этом главная роль отводилась 829 САП. Его бомбардировщики Ту-2 под прикрытием истребителей Ла-11 351 ИАП должны были уничтожать боевые корабли и десантные суда противника, а штурмовики Ил-10 тоже под прикрытием летчиков 351 ИАП должны были уничтожать мелкие суда сопровождения и высадившуюся живую силу противника. 29 ГИАП при этом должен был использоваться для расчистки района боевых действий 829 САП от вражеских истребителей. Существенно ограничивал боевые возможности 106 ИАД тот факт, что нашим самолетам запрещалось пересекать установленную командованием границу боевых действий в районе Шанхая. С другой стороны, воздушное пространство над Шанхаем было закрыто для самолетов ВВС КНР ⁸.

К началу апреля 1950 г. подготовилась к активным действиям и авиация Гоминьдана. На 8 и 9 апреля командование противника намеряло произвести массированные налеты на Шанхай и аэродромы базирования нашей авиации. Для этого противник пытался парами и одиночными самолетами Р-51 провести разведку ПВО Шанхая, но и из этой затеи ничего не вышло. 2 апреля пара наших истребителей Ла-11 — ведущий капитан Гужов, ведомый старший лейтенант Лыфарь, атаковали и сбили два вражеских истребителя. Падение обоих вражеских самолетов было подтверждено китайскими войсками. В течение апреля 1950 г. группы самолетов противника неоднократно пытались прорваться к Шанхаю, но безуспешно, так как для отражения этих налетов в воздух своевременно поднимались наши истребители. Самолеты гоминьдановцев подходили к рубежу действий советских истребителей, но обнаружив уже готовые к воздушному бою МиГи и Лавочкины, не допуская сближения, уходили обратно. Такие действия самолетов противника, по признанию заместителя Командующего ВВС гоминьдановцев, были вызваны неподготовленностью их летного состава к ведению воздушного боя. 28 апреля вражеский самолет-разведчик Р-38 «Лайтнинг» пересек береговую черту, но сразу же был перехвачен и атакован парой МиГ-15 29 ГИАП — ведущий гвардии майор Келейников, ведомый гвардии лейтенант Володкин. И хотя «Лайтнинг» удалось уйти за береговую черту, тем не менее до своего аэродрома он не долетел, упав за несколько сот метров до посадочной полосы. Это была первая воздушная победа, одержанная советским летчиком на реактивном истребителе ⁹.

В течение мая 1950 г. авиация Гоминьдана изменила тактику. Основную ставку противник сделал на ночные бомбардировки, которые должны были осуществлять четырехмоторные бомбардировщики В-24 «Либерейтор». 11 мая один В-24 попытался нанести бомбовый удар по Шанхаю, но был своевременно перехвачен нашими истребителями. По тревоге командиром 106 ИАД были подняты в воздух 4 МиГ-15 29 ГИАП, и один из наших летчиков — гвардии капитан Шинкоренко в лучах прожекторов обнаружил самолет противника и открыл огонь. Бомбардировщик упал на землю. Как потом выяснилось, за штурвалом В-24 сидел командир 3 бомбардировочного полка ВВС Гоминьдана. Это была первая ночная победа советских летчиков на реактивном истребителе. После этого и ночные полеты на Шанхай прекратились полностью. В июне — июле 1950 г. полеты авиации противника в обороняемом районе нашими радиотехническими станциями не отмечались. Но пролеты одиночных самолетов противника вдоль побережья над морем вынуждали поднимать наши истребители для прикрытия Шанхая от возможных бомбардировок ¹⁰.

Таким образом дальнейшее использование советских авиационных частей было уже нецелесообразно: во-первых — резко снизила свою активность гомиьндановская авиация, а во-вторых — стала набирать силу авиация и зенитная артиллерия Народно-освободительной армии Китая. Поэтому с 1 августа 1950 г. шанхайская группа войск ПВО была расформирована.

Всего с 8 марта по 1 августа летчики 106 ИАД произвели 230 боевых самолетов-вылетов, из них 11 — ночью. Было проведено 7 воздушных боев, в которых было сбито 6 самолетов противника: один В-24, по два В-25 и Р-51 и один Р-38. Своих боевых потерь дивизия не понесла. Но самое главное заключается даже не в количестве одержанных воздушных побед, а в том, что 106 ИАД полностью выполнила поставленную ей боевую задачу по обеспечению безопасности Шанхая и прилегающих к нему районов — ни одна вражеская бомба не упала в обороняемом районе, а все самолеты противника, пытавшиеся прорваться к охраняемым объектам, были уничтожены нашими истребителями, которые оставили, по существу, «безработными» зенитчиков 52 ЗАД¹¹.

Примечания

1. КАПИЦА М. С. КНР: три десятилетия — три политики. М. 1979, с. 41.
2. Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО) РФ, ф. 50 ИАД, оп. 152677, д. 4, л. 48.
3. КАПИЦА М. С. Ук. соч., с. 29.
4. ЦАМО РФ, ф. 50 ИАД, оп. 152677, д. 4, л. 3—4, 91.
5. Там же, л. 6, 7, 11, 12, 14—16, 58—60.
6. Там же, оп. 539803, д. 3, л. 2—3, 7—8; оп. 152677, д. 4, л. 96.
7. Там же, оп. 539803, д. 3, л. 11—12.
8. Там же, оп. 152677, д. 4, л. 93, 106—108.
9. Там же, оп. 539803, д. 3, л. 17—18, 21—23; оп. 152677, д. 4, л. 79, 82.
10. Там же, оп. 539803, д. 3, л. 30—31; оп. 152677, д. 4, л. 87, 89—90.
11. Там же, оп. 152677, д. 4, л. 133—134.

Новые данные о судьбе сына Шамиля в России

И. А. Ганичев

Среди множества сюжетов, связанных с Кавказской войной 1817—1864 гг., привлекает внимание необычная история жизни старшего сына Шамиля, Джемалэددина. 17 августа 1839 г. восьмилетним мальчиком он был выдан отцом как аманат по требованию генерала П. Х. Граббе во время штурма аула Ахульго, что, впрочем, не предотвратило скорого продолжения боевых действий.

В конце 1830-х годов пленных детей знатных горцев обычно отправляли вместе с детьми простоллюдинов в батальоны военных кантонистов, и лишь в исключительных случаях — в кадетские корпуса¹. При этом специальные условия для воспитания мальчиков моложе 10 лет существовали тогда в следующих военно-учебных заведениях: в Пажеском корпусе — для особо назначенных царем детей чинов первых трех классов; в Александровском кадетском корпусе (в Царском Селе) — для детей сирот и сыновей заслуженных воинов; в 1-м Московском кадетском корпусе — для дворянских детей вообще и, наконец, в Малолетнем дворянском отделении при Новгородском батальоне военных кантонистов — для детей неимущих дворян и обер-офицеров. Первоначально Джемалэددина отправили в 1-й Московский кадетский корпус, однако там не было мусульманского священнослужителя, и уже 19 декабря 1839 г. последовало решение о переводе его в Александровский кадетский корпус².

После того, как Джемалэددину исполнилось 10 лет, он был, в соответствии с существовавшими правилами, переведен 25 августа 1841 г. в один из петербургских корпусов — 1-й кадетский³, любимый корпус Николая I, где воспитывались и его сыновья. Некоторые сведения о пребывании кадета Шамиля в этом учебном заведении мы находим в воспоминаниях его однокашника, Н. А. Крылова, который писал, что Шамиль «научился говорить по-русски и усвоил кадетскую жизнь: лгать начальству, заступаться за товарищей и своих не выдавать». Далее в тех же воспоминаниях сообщается: «Шамиль учился на средние баллы; переходил из класса в класс без всякого послабления со стороны экзаменаторов... Со двора он ходил редко; его брали к себе те черкесы, которые служили в конвое Его Величества». А вот как передает Крылов разговор посетившего кадетский корпус Николая I с Джемалэددинам:

«Государь положил руку на плечо Шамиля и сказал ему: «Если ты хочешь писать к своему отцу, то пиши, письмо я доставлю!»

— Имею счастье благодарить ваше императорское величество,— ответил Шамиль.

Ганичев Иван Анатольевич — зав. архивохранилищем Российского государственного военно-исторического архива.

— Ты научился хорошо говорить; а что твоя рука, поджила? Покажи!

Шамиль быстро засучил рукав лезгинки и рубахи и показал заросшую рану между кистью и локтем на левой руке. Шамиль рассказывал, что эту руку проколол ему донской казак пикой»⁴.

В переписке корпусного начальства и в воспоминаниях Крылова содержатся сведения о том, что и до поступления в 1-й кадетский корпус и позднее Джемалэддину предписывалось носить не горскую одежду, как это было разрешено многим кадетам-кавказцам, а обыкновенную кадетскую форму, и это, вероятно, являлось средством психологического давления на мальчика⁵.

В фондах Российского государственного военно-исторического архива имеются тексты двух писем кадета Шамиля отцу — от 29 июня 1845 и от 4 ноября 1847 года⁶. В первом из этих писем между прочим говорится, что раньше Джемалэддин уже дважды «с позволения начальства» писал Шамилю, но не получил ответа. Другое письмо начинается словами: «В продолжении 8-ми лет нашей разлуки я не имею никакого известия об Вас и об магушке, не знаю к чему приписать Ваше молчание». По своему дальнейшему содержанию письма также весьма схожи. Джемалэддин пишет, что он благодарен российскому императору за отличные условия для получения образования вместе с великими князьями и детьми генералов и что он усердно, с удовольствием учится, имея при этом возможность соблюдать все обряды магометанской веры. Наряду с собственными мыслями и чувствами подростка в письмах ощущается влияние кого-то из воспитателей или представителей администрации корпуса. При существовавшей тогда системе контроля за перепиской кадет это предположение выглядит вполне правдоподобным⁷. Слишком уж впечатлительны от кадетской жизни в этих письмах и рассуждения о пользе тех или иных занятий согласуются с нормами того морального «кодекса», на основе которого составлены многие положения по военно-учебной части николаевского времени.

Первое из этих двух писем Джемалэддин пытался отправить в обход корпусной администрации. Возможно, у него зародилось подозрение, что русские чиновники не отсылают отцу его письма. Послание было вручено одному из депутатов горских обществ, приехавших в Петербург летом 1845 г., чтобы выразить благодарность императору за заботу об их народах. Это был штабс-капитан Казмагомед Дударов, являвшийся приставом горских народов Владикавказского округа. Одновременно Джемалэддин все-таки обратился к начальству с просьбой о разрешении депутатам доставить его письмо. В результате поручику фельдъегерского корпуса А. П. Иностранцову было приказано забрать у депутатов письмо и представить его военному министру. 4 июля 1845 г. директор Канцелярии Военного министерства генерал Н. Н. Анненков писал: «Если... означенное письмо еще не отдано, то Его Сиятельство (гр. А. И. Чернышев.— *И. Г.*) изволил приказать, дабы внушено было горцам, ловким образом, при разговорах с ними, что они решительно не могут, не испросив позволения здешнего начальства, доставить это письмо или исполнить какие-либо поручения от шамилева сына»⁸. Наконец, после того как письмо было получено, царь распорядился отправить его Шамилю по официальным каналам, через главнокомандующего Отдельным кавказским корпусом генерала М. С. Воронцова, с оговоркой: «Если нет к тому препятствий». В Тифлис письмо было отправлено 21 июля 1845 года. Впоследствии, 15 ноября 1847 г., генерал Анненков сообщал Чернышеву об отсутствии у него сведений о том, попало ли послание кадета Шамиля к его отцу. В это время было отправлено Воронцову и письмо Джемалэддина от 4 ноября 1847 г., однако сведений о том, дошло ли оно до адресата, нет⁹.

В 1848 и 1849 гг. в кадетских корпусах прошли «усиленные» (то есть особенно многочисленные) выпуски, так как Николай I, с тревогой следивший за революционными событиями в Европе, стремился укрепить свою армию. 6 июня 1849 г. Джемалэддин был произведен в корнеты и вскоре прикомандирован к одному из кавалерийских полков. К этому времени он едва успел получить среднее (гимназическое) образование и пройти курс строевой подготовки, так и не приступив к изучению специальных военных дисциплин¹⁰. Полк, в который был направлен Джемалэддин (уланский е. и. в. великого князя Михаила Николаевича), выведенный в октябре 1849 г. из Царства Польского, квартировал до сентября 1851 г. в Ковенской, а затем в Тверской губернии¹¹. При этом известно, что, например, зимой 1853 г. сын Шамиля, к тому времени уже произведенный в поручики¹², находился некоторое время в Петербурге и даже появлялся на светских балах¹³.

Летом 1853 г. полк участвовал в серии больших маневров в районе Красного Села, Царского Села, Ораниенбаума и Ропши, а к следующему лету, с началом Крымской войны, был направлен в Польшу — сначала в Люблинскую, а с сентября того же года — в Варшавскую губернию¹⁴. Между тем еще в начале июля 1854 г. в результате дерзкого набега на территорию Кахетии войнам Шамиля удалось захватить в плен жителей богатого имения в селении Цинандалы. В сентябре имам выдвинул одним из условий освобождения пленников возвращение к нему Джемалэдина. К Шамилю попали две дочери царевича Грузинского Ильи Георгиевича (сына последнего венчанного царя Грузии Георгия XIII), являвшиеся фрейлинами императрицы, вместе с их детьми, некоторыми родственниками и слугами. Муж одной из сестер, генерал И. Д. Орбелиани, был известен на Кавказе как герой Восточной войны, умерший от раны, полученной им в бою под Баш-Кадыкларом в декабре 1853 года. Другая сестра была замужем за подполковником Д. А. Чавчавадзе, адъютантом главнокомандующего Отдельным кавказским корпусом, отличившегося, в частности, при защите с. Шильды во время нападения на него горцев в июле 1854 года. (Позже он был произведен за это во флигель-адъютанты и в полковники.) Многие члены этих семейств занимали важные административные и военные посты в России и Грузии.

6 октября 1854 г. главнокомандующий Отдельным кавказским корпусом генерал Н. А. Ред через военного министра князя В. А. Долгорукова доложил требования имама императору. При этом приводились следующие соображения, высказанные генералом Г. Д. Орбелиани, исполнявшим должность командующего войсками в Прикаспийском крае и Дагестане, и полковником Л. П. Николаи, начальствующим на Кумыкской плоскости: «Возвращение сына Шамиля из России, не принося нам особого вреда, потому что сыновья его мало имеют веса в горах, а многозначителен только сам Шамиль, может в последствии времени быть нам даже полезным, ибо старший его сын, находящийся ныне в России, вероятно не уступит, по праву первородства, своему брату наследия после смерти Шамиля. Это наверно породит раздор между братьями и может быть для нас весьма важно. Возвратить же сына Шамиля всего удобнее теперь, когда об этом просит сам Шамиль, нежели во всякое другое время, когда Шамиль уже откажется от него навсегда и не будет о нем заботиться». Не прошло и двух недель, и 18 октября Долгоруков уже обращался по этому поводу к главнокомандующему гвардейскими и гренадерским корпусами великому князю Александру Николаевичу (будущему императору Александру II). Изложив требования Шамиля в части, касающейся Джемалэдина, а также соображения о его возвращении на родину, представленные Редом, военный министр сообщал, что император, «не находя препятствия к возвращению сына Шамиля, согласно изложенному предположению», повелел спросить последнего, желает ли он вернуться к отцу¹⁵.

О том, как воспринял случившееся Джемалэдин, известно из дневника Н. Н. Муравьева (Карского), командовавшего в то время гренадерским корпусом, в состав которого входил уланский е. и. в. великого князя Михаила Николаевича полк: «Я тогда был в Варшаве, — записано в дневнике, — и получил от Наследника повеление спросить сына, согласен ли он возвратиться к отцу взамен пленниц. Молодого человека поразил такой неожиданный вопрос; он должен был оставить Россию и полк свой, который полюбил, и снова обратиться к диким обычаям своей страны. Молодой Шамиль затруднился дать мне ответ в скорости; я ему дал время подумать. Полтора часа простоял он в соседней комнате среди проходящих и думал, ни на кого не обращая внимания. Чувство сыновней любви превозмогло, и он с задумчивостью объявил мне, что согласен ехать к отцу, в чем я взял с него письменное донесение, и послал отзыв этот к Наследнику в Петербург; Джемал-Эддина же отослал в полк до решения дела этого»¹⁶.

После того как 22 ноября Николаю I было доложено о решении Джемалэдина, тот был вызван в Петербург¹⁷ и предстал перед императором. Об этой встрече Муравьев (Карский) писал в дневнике: «Государь принял его (Джемалэдина. — И. Г.) очень ласково и дал ему несколько денег на дорогу, нахвалив его сыновнюю преданность. Джемал Эддин застал меня еще в Москве¹⁸ и, к удивлению моему, передал мне сказанные ему Государем слова: «Передай отцу своему, что я ему зла не желаю, и что не я его тревожу, а беспокоят его и ссорятся с ним подвластные мне Начальники, в соседстве с ним находящиеся». Что Джемал-Эддин не солгал, в том я уверен»¹⁹.

10 марта 1855 г. вблизи укрепления Куринского в долине реки Мичик состоялся обмен, в ходе которого Шамилю были выданы Джемалэддин, 16 пленный горцев, находившихся в то время в Кумыкском владении, и 40 тыс. рублей серебром²⁰. Взамен были освобождены члены семейств Чавчавадзе и Орбелиани и 16 пленный грузин²¹.

31 марта Долгоруков, сообщая Муравьеву о том, что новый император, Александр II, желает знать подробности произведенного обмена, писал: «Его Величеству угодно также знать, как принят был поручик Шамиль своим отцом, можно ли предполагать, чтобы этот молодой человек приобрел некоторое влияние на ход дела в горах и не изволите ли Вы признать возможным при случае благоприятном склонить его к содействию видам Правительства, стремящегося к устроению судьбы его единоплеменников на основаниях, соответствующих настоящим их выгодам и пользе»²².

Сведения, о которых шла речь, Муравьев смог предоставить Долгорукову лишь 4 августа 1855 г.; сразу же по получении, 25 августа его доклад был представлен императору. Цитируя донесение, Муравьев докладывал: «Что касается до сына Шамиля, Джемал Эддина, то, по сведениям, получаемым из Дарго, этот молодой человек не может свыкнуться ни с новым образом жизни, ни с понятиями, для него чуждыми, людей, его окружающих, и язык которых он едва начинает понимать... Его окружают муллы и ученые люди, которые посвящают его Алкорану и изучению арабского и аварского языков. Шамиль недоволен его отвращением от образа жизни, усвоенного в горах, и тем, что он отказывается от хищнических набегов, начальство над которыми ему неоднократно предлагал, но тем не менее оказывает ему отеческую нежность... Не смотря на строгие правила Шариата, Шамиль позволяет сыну получать и читать русские журналы, пересылаемые в Дарго бароном Николаи»²³.

О том, что Джемалэддин очень неуютно чувствовал себя на родине, свидетельствуют его собственные письма к Николаи. 7 сентября 1855 г. он писал: «Между ними (горцами. — *И. Г.*) распространился слух, что меня нарочно послали сюда, чтобы их подчинить России». Другое письмо, написанное, видимо, в начале ноября того же года, в котором сообщается о некоторых подробностях отношений Шамиля с турецкими властями, Джемалэддин заканчивает словами: «Если б не отец, право сам чорт не удержал бы меня здесь»²⁴.

А вот как описывает возвращение сына Шамиля на Кавказ один из очевидцев связанных с этим событий: «По прибытии своем он (Джемалэддин. — *И. Г.*) обратил внимание на состояние и положение Шамиля и народа, осмотрел войска, артиллерию, устройство и порядок их и остался недовольным. Все это он счел ничтожным, слабым... Потом рассказал отцу про русского царя, его войско и казну и просил отца, чтобы он примирился с ним. Шамиль не принял его слов и даже рассердился и затем, как сам, так и братья стали чуждаться его. Джемалэддин сделался печальным и раскаивался в своем возвращении. Он был очень учен и сведущ, но нерасположение отца и братьев не позволило ему употреблять свои сведения на какую-нибудь пользу для народа. Потом он сильно простудился и получил кашель и грудную болезнь, от которой и умер в 1274/1857 году, в Карате²⁵, где и погребен. Народ говорил, что русские отравили его»²⁶.

Обстоятельства пребывания Джемалэддина в России показывают, что Николай I стремился использовать своего пленника не только и не столько как заложника, удерживая которого можно пытаться повлиять на Шамиля, но, в значительной степени, как человека, который в случае возвращения на родину произвел бы выгодное для главы российского государства впечатление на своих соплеменников. Цель эта не могла быть достигнута в полной мере, поскольку подобные шаги, направленные на развитие симпатий по отношению к России, предпринимались на фоне преобладавших тогда насильственных (военных) действий со стороны российских властей. Такая политика порождала недоверие «мятежных горцев» к этим властям, что сказалось и на взаимоотношениях нашего героя с отцом и соплеменниками.

Примечания

1. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА, ф. 405, оп. 5, д. 1284, л. 1, 3; д. 1450, л. 1. Материалы переписки военного министра А. И. Чернышева с командирами Отдельного кавказского корпуса Г. В. Розеном и Е. А. Головиным (май 1837 г. — декабрь 1839 года); д. 3273, л. 2.

2. РГВИА, ф. 405, оп. 5, д. 3259, л. 2—2об., 6; ф. 725, оп. 56, д. 5505, л. 2об.
3. Там же, ф. 725, оп. 56, д. 5506, л. 217—219об.
4. КРЫЛОВ Н. А. Кадеты сороковых годов. — Исторический вестник, 1901, № 9, с. 944—947.
5. РГВИА, ф. 405, оп. 5, д. 3259, л. 4; д. 314, оп. 1, д. 5540, л. 109, 111—112; д. 5845, л. 288.
6. Там же, ф. 38, оп. 7, д. 115, л. 2—3; д. 132, л. 4—4об.
7. См., например, приказ главного начальника военно-учебных заведений от 6 апреля 1845 г. № 618 (РГВИА, ф. 725, оп. 56, д. 11, л. 70об.).
8. Там же, ф. 38, оп. 7, д. 115, л. 1—1об., 6; ф. 970, оп. 1, д. 363, л. 68—88; ф. 409, оп. 1, д. 133846. П/с № 82571/11, л. 71—74.
9. Там же, ф. 38, оп. 7, д. 115, л. 4—6; д. 132, л. 1—3.
10. Там же, ф. 725, оп. 56, д. 5514, л. 231; ф. 314, оп. 1, д. 5845, ч. 1, л. 39—39об., 310—310об.; ч. 2, л. 687.
11. Расписание сухопутных войск, исправленное по 25 октября 1849 года. Ч. 1. СПб. 1849, с. 22; то же, исправленное по 25 июля 1851 года. Ч. 1. СПб. 1851, с. 22; то же, исправленное по 25 декабря 1851 года. Ч. 1. СПб. 1851, с. 22; РГВИА, ф. 314, оп. 1, д. 5845, ч. 2, л. 727.
12. Высочайшие приказы (о чинах военных). 1852. Б. м. Б. г., с. 589.
13. Граф Рейзет в России в 1852—1854 гг. — Русская старина, 1903, июль, с. 226—227.
14. Расписание сухопутных войск, исправленное по 25 октября 1852 года. Ч. 1. СПб. 1852, с. 22; то же, исправленное по 25 апреля 1853 года. Ч. 1. СПб. 1853, с. 22; то же, исправленное по 25 мая 1853 года. Ч. 1. СПб. 1853, с. 22; то же, исправленное по 25 июля 1854 года. Ч. 1. СПб. 1854, с. 22; то же, исправленное по 5 сентября 1854 года. Ч. 1. СПб. 1854, с. 22; то же, исправленное по 25 сентября 1854 года. Ч. 1. СПб. 1854, с. 22; РГВИА, ф. 970, оп. 1, д. 470, л. 29—30об., 31, 85—85об., 94—95, 96.
15. РГВИА, ф. 846 (ВУА), оп. 16, д. 6646, л. 68—69, 73—74об.
16. Там же, ф. 169, оп. 1, д. 4, л. 35.
17. Там же, ф. 846 (ВУА), оп. 16, д. 6646, л. 81—81об.
18. Муравьев, назначенный 29 ноября 1854 г. главнокомандующим Отдельным кавказским корпусом, направлялся на Кавказ.
19. РГВИА, ф. 169, оп. 1, д. 4, л. 35—35об.
20. Муравьев писал, что эти деньги были пожертвованы императором (РГВИА, ф. 169, оп. 1, д. 4, л. 103об.). Но в добывании средств для выкупа принимала активное участие также Н. А. Грибоедова, сестра князя Д. А. Чавчавадзе, вдова А. С. Грибоедова. Она добилась, чтобы ей была выплачена пенсия за погибшего мужа на пять лет вперед, и получив таким образом 10 тыс. рублей, отдала их брату (БОРОЗДИН А. К. Нина Александровна Грибоедова. В кн.: А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М. 1929, с. 309).
21. РГВИА, ф. 846 (ВУА), оп. 16, д. 6646, л. 120об., 146об.; ВЕРДЕРЕВСКИЙ Е. А. Кавказские пленницы, или плен у Шамиля. М. 1857, с. 359.
22. РГВИА, ф. 846 (ВУА), оп. 16, д. 6646, л. 125—125об.
23. Там же, л. 172—173.
24. Там же, ф. 14719, оп. 3, д. 755, л. 33; МУРАВЬЕВ Н. Н. Война за Кавказом в 1855 году. Т. 2. СПб. 1877, с. 372. Копия письма Джемал-Эддина генерал-майору барону Николаю.
25. Аул Карата являлся центром наибства, управлявшегося братом Джемалэддина, Гази-Магомедом.
26. ГАДЖИ-АЛИ. Сказание очевидца о Шамиле. В кн.: Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 7. Тифлис. 1873, с. 49—50.

Клио на пороге XXI века: искушение национализмом...

О. Г. Буховец

Под редакцией доктора философии К. Аймермахера (Рурский университет), директора Института русской и советской культуры им. Ю. М. Лотмана (Бохум, Германия) и кандидата исторических наук Г. Бордюгова вышла коллективная монография «Национальные истории в советском и постсоветском государствах» (М. Аиро-XX. 1999). Книга издана фондом Фридриха Науманна, Ассоциацией исследователей российского общества XX века, Институтом русской и советской культуры им. Ю. М. Лотмана. Своей тематикой, территориальным охватом, анализом и выводами, информативными и разнообразными приложениями она представляет значительный интерес — и не только для специалистов, но и у широкого круга читателей.

«Национализация истории» в бывшем СССР стала стремительно разворачиваться именно тогда, когда под впечатлением от перестройки многие виднейшие обществоведы — и западные, и наши — выражали уверенность, что возвращение советских историков в мировое научное сообщество необратимо. Как отмечал французский историк Р. Шартье, идеологизированная «официальная наука, результаты которой были обратно пропорциональны ее доктринальной уверенности, — исчезнет окончательно»¹.

Автор этих строк еще в середине 90-х годов обосновывал свой скепсис на этот счет, утверждая, что исчезновение границы между постсоветской и мировой исторической наукой — пока во многом иллюзия. Теперь очевидно, что место советской «официальной» науки заняли в независимых государствах СНГ и Балтии, как и в непризнанных постсоветских государственных образованиях и в «суверенных субъектах РФ» несколько дюжин также вполне «официальных», либо, по крайней мере, «официозных» историй.

«Вздыбленные этницизм», если перефразировать этнолога М. Н. Губогло², новые историографии на стадии «бури и натиска» определенно были не в состоянии внять весьма тактичным урезонивающим призывам «со стороны», даже если таковые исходили от видных ученых, например, Э. Хобсбаума и его ставшей популярной в научном мире обобщающей книги. Во введении к ней он, и от своего имени, и от имени одного из первооткрывателей проблемы нации в XIX в. Э. Ренана, предупреждал, что «ни один серьезный историк... не может быть завязтым политическим националистом», а также, что «национализм требует слишком большой веры в то, что явно не существует» и следовать ему — «значит иметь неверное представление о своем прошлом»³.

Из того же ряда и более поздние, весьма последовательные, хотя и высказанные с истинно французской деликатностью призывы к постсоветской профессиональной аудитории иностранного члена РАН М. Эмара. В контексте становления в XIX—XX вв. национальных государств и принявшей массовый характер «национальной идеи», отмечает он, «прошлое

Буховец Олег Григорьевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Европы РАН.

должно было оправдывать настоящее» и «практически не оставалось пространства для свободного толкования истории». Новая же, «общая европейская история», по его мнению, будет «кардинально отличаться от прежней модели». И, как полагает Эмар, поскольку ныне государство, «больше не рассматривается как необходимая форма существования нации», то и «рамки национального государства не являются общепринятым форматом для исторического исследования»⁴.

Любопытно сравнить эти «рамочные формулы» с моделью постсоветских национальных историй, написанных в последнее десятилетие, которую остроумно сконструировали в разбираемой нами книге Д. Олейников и Т. Филиппова. Вот лишь некоторые элементы этого «расхожего штампа» — гротескного «интеллектуального протеза» по истории (так назвали его авторы), «годного на все случаи жизни»: «Наши предки издавна населяли эту землю... У нас были справедливые правители, непобедимые воины, ученые мудрецы... Соседние народы уважали наших предков, не считали зазорным учиться у них... Край наш процветал и находился на высокой для того времени ступени цивилизации... Но вот однажды... нахлынули в нашу землю жестокие... захватчики... и брали они не умением, а числом... Так установилось чужеземное господство. У наших предков... силой отбирали все лучшее. Их заставляли говорить на чужом языке, служить чужим правителям... Нашлись манкурты, прославлявшие такое рабство, как благодеяние... Много боли и страданий перенес в те времена наш народ... Против гнета... много раз... поднимались храбрецы, любившие свободу... Наконец ослабла власть чужеземных темных сил и нашлись смельчаки, провозгласившие самостоятельность нашего народа... Мы... сохранили наследие славных предков..., впитали все лучшее, что дала наша культура. Теперь мы можем сами решать свою судьбу. Перед нами необозримые горизонты будущего» (с. 332—333). Из данного примера, даже с учетом явной огульности и гротескности, явствует, насколько несത്യкуемы варианты историописания, практикуемые ныне. И это, заметим, на фоне совершенно беспрецедентного по своим масштабам освоения нашими гуманитарными науками опыта западной гуманистики!

Системно-цивилизационные по своей природе и последствиям процессы — политические, идейные, экономические, социальные, культурные, религиозные, — столь стремительно развернувшиеся в 80-е — 90-е годы на огромных просторах теперь уже бывшего «второго мира», стали чрезвычайно болезненными и для самого гуманитарного познания. Не будет преувеличением даже сказать, что наиболее существенные их признаки и черты в своей совокупности оказались настолько неожиданными и труднопостижимыми, что ввергли гуманитарное познание в состояние определенного «эвристического ступора». Среди них следует в особенности выделить такие, как сочетание глобальности и локальности масштабов, исключительно высокую (даже по меркам динамичного XX века) скорость протекания, множественность проявлений, феноменальную способность трансформации совершенно казалось бы утопических «проектов» во вполне ординарную действительность.

Ярким примером может служить воздействие, оказанное на профессиональные сообщества «триумфальным шествием» национализма по странам, где многие десятилетия одной из несущих опор официальной идеологии был пролетарский/социалистический интернационализм.

В общем и целом национализм в рассматриваемую эпоху занимает совершенно особое место. Он, а точнее говоря, десятки, если не добрая сотня его ипостасей и вариаций, сумел превратиться в фактор, сравниться с которым по масштабам и воздействию на судьбы бывшего «второго мира» не может никакой другой. Именно национализм явился главным идейным и политическим орудием, потрясаяще по историческим меркам быстро покончившим с соцлагерем. И, в частности, именно поднятая им, по выражению Дж. Лукача, волна «трибалистского варварства» разрушила опять же очень легко — точнее говоря, невероятно для уходящего «века-зверя» (О. Мандельштам) легко — целых три федерации — СССР, Чехословакию и Югославию, состоявших ни мало, ни много из 23 республик — субъектов, с общим населением почти в 330 млн человек.

Этногенез и этнические процессы, национализм и национальные движения в различные периоды являлись в советскую эпоху объектом особо бдительного и жесткого партийно-идеологического контроля. Наступление национализма в 1980-е — 1990-е годы происходило в условиях, когда наша наука пребывала в состоянии, с одной стороны, принудительной изоляции, а с другой — отчасти вполне уже добровольной самоизоляции от мировой историографии.

Исключительно показательным и просто даже удивительнейшим примером этого может служить обширная обобщающая монография «Этнические процессы в современном

мире», подготовленная под редакцией Ю. В. Бромлея весьма авторитетным коллективом в полтора десятка авторов⁵. Вышедшая уже в разгар перестройки и аккумулировавшая наиболее значительные теоретические и эмпирические результаты достигнутого в рамках советской этнографической парадигмы, она в целом превосходно фундирована источниками и литературой. Но поразительно другое: среди 700 с лишним примечаний, коими снабжены многочисленные главы этой монографии, нет ни единой ссылки на известные в профессиональном сообществе работы «отцов-основателей», а затем и их «продолжателей» — западных (либо опубликованных на Западе) академических исследований по теории и истории наций, национальных движений и национализма — К. Хейеса, Г. Кона, К. Дейча, Э. Смита, М. Гроха, Б. Андерсона, Ч. Тилли, Э. Геллнера и др.⁶

В считанные годы ситуация меняется самым кардинальным образом. Уже в конце 80-х — начале 90-х годов ритуальные указания «классиков марксизма-ленинизма о нациях и национальном вопросе» уходят из трудов обществоведов. Их место занимают теперь нередкие ссылки как на вышеупомянутых «отцов-основателей», так и на самые новые публикации западных авторов⁷.

Еще более сильный импульс к освоению западной познавательной традиции возник в процессе националистической ревизии прошлого, переосмысления настоящего и «проектирования» будущего, связанного с распадом Советского Союза и возникновением новых независимых государств. Новые горизонты в этом отношении открыла публикация соответствующих теоретических и конкретно-проблемных работ зарубежных коллег непосредственно в самой России. Вышедшие на русском языке монографии, разделы и главы, статьи, фрагменты, выступления на научных форумах Геллнера, А. Каппелера, Хобсбаума, Г. Зимона, Ф. Фукуямы, Ш. Авинери, М. фон Хагена и др. в немалой степени способствовали усилению влияния западной науки не только на собственно профессиональное сообщество, но и на широкие круги читающей публики⁸.

К середине 90-х годов вышеупомянутые западные авторы становятся для постсоветской науки не просто авторитетными и частоцитируемыми коллегами-специалистами, а по существу, нормативной теоретико-методологической референтной группой. В современном восприятии наших этнологов и философов, социологов и этносоциологов, демографов и политологов используемые ими работы Кона, Смита, Геллнера, Дж. Холла, Л. Гринфельд, Андерсона и др., представляют тот мировой контекст нациеведения, от которого наша наука на протяжении десятилетий была изолирована⁹. Именно так, например, апеллируют к ним этносоциолог Л. Дробжижева, этнолог В. Тишков, социолог А. Здравомыслов. В эти же годы появляются и первые опыты типологизации и обобщения нашими специалистами теоретико-методологических наработок зарубежного нациеведения (как на примере отдельных наиболее известных в мировом сообществе авторов, так и на материале целых стран или даже в глобальном контексте). Последнее относится в первую очередь к работам В. Коротеевой, особенно к ее более поздней, хотя и сравнительно небольшой, но широкой по охвату, очень информативной и полезной своим наддисциплинарным исполнением книге¹⁰.

Использование теоретических основ трудов вышеперечисленных западных авторов стало уже «наддисциплинарной нормой». (Когда, положим, Л. Гудков характеризует русский национализм как «открытый национализм», то делает это пользуясь «различием Г. Кона»¹¹).

Критикуя марксистский тезис о жесткой связи капитализма и нации и отмечая роль «государственного начала в формировании национальной общности», Здравомыслов апеллирует к Геллнеру и Андерсону. Дробжижева в своем конструировании типов национализма отталкивается от типологии Дж. Холла¹².

Красноречивым индикатором уровня и скорости «вестернизации» научного «хабитуса» нашего профессионального сообщества служит использование концепций «отцов-основателей» и «продолжателей» в качестве конкретной эпистемологии в эмпирических исследованиях. Так, к примеру, по материалам мониторинга Института социологии РАН на протяжении 1992—1993 гг., было проведено исследование, задача которого сформулирована следующим образом: в соответствии с чьей концепцией развиваются в современной России процессы, связанные с национальной идентичностью — «по Геллнеру и Смигу» или «по Лие Гринфельд»¹³? Другой пример из этого ряда. Идеология и программа очень интересного своими результатами исследовательского проекта «Этнические общины в больших городах», осуществленного в 1995—1996 гг. специалистами Центра независимых социологических исследований (Санкт-Петербург), вырабатывались на основе конструктивистских концепций этнической идентичности Андерсона, Барта, Геллнера, И. Гревверуса и др.¹⁴. Важным научным событием стал труд группы этнологов и этносоциологов, в котором образы национализма

в России 1990-х годов изучались через призму теоретических моделей мирового нациеведения¹⁵. Вслед за коллегами — социологами и этносоциологами — на этот же путь вступают и некоторые историки. Показательны, в частности, попытки изучения «патриотического сознания» XIX — начала XX в., и «рождения советского патриотизма... в свете теории национализма Э. Геллнера»¹⁶.

Оценивая итоги и последствия столь «скоростной» замены официальной марксистско-ленинской парадигмы западной (или точнее западными), нельзя не отметить следующее. Трудно не согласиться с политологом А. Богатуровым в том, что «диффузия зарубежных идей обогатила интеллектуальную палитру, раскрепостила мышление», закрепила отход нашей общественной мысли от «мракобесия советской догматики»¹⁷. Тем более, что, как в общем справедливо отмечает В. Пантин, «в среднем» теоретический уровень, методическое и информационное оснащение» западных гуманитариев выше, чем российских¹⁸.

Но, с другой стороны, куда как прав тот же Богатуров (и с ним солидарен Пантин), ставя вопрос о том, что нынешнюю «мировую науку» нельзя пока считать таковой на самом деле, ибо «не достроена ее незападная часть», не появились «труды и теории, вбирающие в себя опыт развития незападных фрагментов мира». И единственный перспективный путь здесь — не механическое проецирование «западного взгляда на незападные ареалы и реалии «сверху», а выстраивание теории «снизу», на основе опыта и действительности той части мира, к которой... пространственно и... геокультурно принадлежит наша страна»¹⁹.

Приведенные соображения дают дополнительную возможность вновь присмотреться к тому, какова же все-таки «разрешающая способность» зарубежных теоретических моделей понимания и интерпретации эмпирического материала по проблемам национализма и наций? Прежде всего, бросается в глаза, что при столь высоком, как уже отмечалось, индексе цитирования работ Геллнера, Смита, Андерсона и др. наши авторы лишь в единичных случаях отмечают по преимуществу теоретический характер этих работ, «излишнюю их абстрактность», равно как и свойственную им «европоцентристскую нормативность»²⁰. А ведь, в ситуации, когда эмпирической базой для данных теоретических исследований служат в основном материалы по «третьему миру», некоторым странам Запада, Балканам, а «российский или советский материал занимает пока очень незначительное место»²¹, — надо обладать, пожалуй, избыточной смелостью, чтобы элементарно экстраполировать на нашу фактологию модели интерпретации процессов и явлений, цивилизационно-исторически в ряде существеннейших отношений весьма далеких от нас.

Дабы конкретизировать вышесказанное, зададимся одним вопросом, который в рамках рассматриваемой проблемы едва ли не наиглавнейший. Образно сформулировать его, если воспользоваться известным демографическим понятием, можно так: «Какова ожидаемая средняя продолжительность жизни этнонационализма в постсоветских обществах»? Вопрос этот как бы «висит» в той или иной степени и перед вышеперечисленными авторами, и перед другими нациеведами. Даже немногочисленные исследователи, которые (как например, Тишков) вербализуют свое критическое отношение к различным сторонам зарубежных объяснительных моделей, четко и развернуто его (вопрос) все-таки не артикулируют²².

Что же касается тех гуманитариев, которые просто приняли «импортированные» модели «к исполнению», то их фактическое, *ex silentio* (по умолчанию), согласие с присущими последним представлениями о «долгостельстве» национализма в новое и новейшее время может послужить убедительной иллюстрацией весьма серьезных рисков, коими чреваты попытки «пересадки» любой теории на неизоморфный эмпирический материал. В самом деле, можно ли упускать из вида, что подходы Дейча, Смита, Геллнера, Хобсбаума, фон Хагена вырабатывались в ходе изучения феномена национализма в обществах на путях модернизации («шагнувших от традиционности к «модерну», по выражению Чернышева²³). Они, следовательно, предназначены для описания процессов, протекавших на протяжении долгих десятилетий.

Постсоветские же общества — совершенно иной случай. Во-первых, модернизационные трансформации они уже претерпели, пусть это был вариант, как подчеркивают разные специалисты, «советской», «догоняющей» (Б. Миронов), или «консервативной», «инструментальной» (А. Вишневский), «лихой запаздывающей» (Н. Наумова), или даже «неорганической» (А. Кравченко), но все-таки модернизации²⁴. Модернизации, сделавшей СССР страной по преимуществу городской, способной воспринять, «а отчасти даже развить многие инструментальные достижения западных обществ (современные технологии, внешние формы жизни, науку, образование и пр.)», обеспечившей секуляризацию массового сознания, рациональную мотивацию поведения, поразительно высокую социальную мобильность, демографическую революцию и становление современного типа малой демократической се-

мы²⁵. Хотя, с другой стороны, не сумевшей создать достаточно адекватные социальные механизмы ни для саморазвития экономики, ни для обеспечения необходимой гибкости социальной структуры, ни для функционирования институтов гражданского общества и политической демократии.

Но отмеченные минусы советской модернизационной модели²⁶, усиливаемые, следует это особо подчеркнуть, процессами постсоветской «демодернизации» (С. Коэн²⁷) и общей тенденцией к «третьемиризации» российского, украинского, белорусского и других обществ — наследников СССР²⁸, — не в состоянии (во всяком случае в ближайшей перспективе) «перекодировать» системные, фундаментальные характеристики этих уже так или иначе модернизированных социумов.

Данные характеристики, а именно, сильная урбанизированность (по крайней мере европейских экс-советских республик), высокий уровень образования, науки и культуры, современная социальная структура, открытость общественного сознания мировым влияниям и доминирующая его секуляризованность, как раз и позволяющая некоторым западным аналитикам оспаривать, например, цивилизационный детерминизм (если не фатализм) Хантингтона и, вопреки всем «свинцовым мерзостям» нашей повседневности, обосновывать свою уверенность в неизбежном присоединении России к «постсовременным сообществам»²⁹.

Так вот, «ожидаемая продолжительность жизни», то есть историческая протяженность тех или иных процессов и явлений в постсоветском пространстве не может, в силу вышеуказанных системных его характеристик, не отличаться самым существенным образом от эры классического «модерна» и национализма XIX — первой половины XX века. И представляется достаточно очевидным, что благодаря не только принципиально иной социокультурной динамике, свойственной ныне формирующемуся мировому «постнациональному пространству»³⁰, но также и вследствие совершенно иных «исторических скоростей», вполне показавших уже себя в бывшем соцлагере, «продолжительность жизни» постсоветского этнонационализма будет просто несравненно меньше, а «силовое поле» существенно слабее, нежели у его классических «предков».

Корректности ради, нельзя, впрочем, не упомянуть, что некоторые авторы — немногочисленные на Западе и достаточно многочисленные в новых независимых государствах — полагают, что постсоветским обществам вначале предстоит еще проделать путь образования наций, «и только после этого» у них «появится возможность развивать современное общество по западному образцу»³¹. Такой, пожалуй, явно в духе «fantasy» прогноз — вытекает из так называемого эссенциалистского представления о том, что этнические общности «являются вечными и неизменными спутниками человека и человечества» (а отнюдь не «результатом социальной практики», как это явствует из исследований «конструктивистов», абсолютно доминирующих в мировой научной литературе)³².

В пользу ожидаемой «непродолжительности жизни» постсоветского этнонационализма и относительной узости его ареала свидетельствуют результаты целого ряда эмпирических наблюдений и разработок наших ученых в 90-е годы. Самыми показательными в этом смысле представляются выявленные в ходе их признаки так называемой «антитоталитарной атомизации». В первое постсоветское десятилетие они отчетливо проявились, в частности, в разрушении «старых этнических связей» и в общем ослаблении «этнонациональных идентификаций»³³, в заметном несовпадении формирующейся новой российской государственной идентификации с этнической принадлежностью³⁴, в том, что ориентации на нацию во все большей степени связываются с ориентацией на средние по размерам территориальные общности³⁵ (земляков, «малой родины» и т. п.).

Отмеченные явления очень «логичны» и отнюдь не «неожиданны». Объективная основа их в том, среди прочего, что человек с рациональным мышлением и поведением, грамотный, с секуляризованным сознанием, появившийся в результате пережитой в XX веке нашим обществом(-ами) культурной модернизации, превратился в массовый тип. Современная система образования даже, как справедливо отмечает Миронов, в ее советском варианте, делает человека «рефлектирующим существом»³⁶, что трудно совместимо с, образно говоря, «национально-этнической соборностью».

Обоснованность подобных соображений хорошо подкрепляется внешне парадоксальной — иначе, пожалуй, не скажешь — ролью фактора урбанизации в данном случае. Особенно в том, что касается большого города. Напомним, что прежде всего именно в крупных российских городах появились уже в начале перестройки различные этнокультурные и этнополитические организации, общества и ассоциации. Однако, их «мобилизующая сила» отнюдь не привела и не приводит — в отличие от периферийных и пограничных

областей бывшего Советского Союза — к открытым этническим конфликтам. Более того, специалисты отмечают, что «подавляющее большинство» населения крупного города «к работе» по формированию этнической идентичности, напротив, «совершенно равнодушно». Вот почему, как подчеркивают руководители проекта «Этнические общины в больших городах», при том, что «разговоры об этничности достигли невероятной степени популярности и заинтересованности» — конкретные этнические коды весьма маловлиятельны и «ограничены современным секулярным дизайном повседневной жизни»³⁷.

Рассматриваемая нами книга — первый столь масштабный и многоплановый опыт обобщающего описания многочисленных практик «национализации» истории в последний период существования Советского Союза и в первые годы жизни новых независимых государств — наследников СССР.

История — именно тот фундамент, без которого построить «здание» этнонационализма вообще невозможно. Причем, важно отметить, что не все эпохи и периоды исторического прошлого в этом отношении «равноценны». Наиболее привлекательна с этой точки зрения древняя история. Практика «национализации» историзмания свидетельствует, что именно древняя история является самым ценным и обильным «опытным полем» для культивирования мифологии этноцентризма. Один из участников сборника — Р. Шукуров — даже трактует стремление человека увидеть «золотой век» и «кульминацию собственного бытия» в глубоком прошлом как «архетипическую черту сознания» (с. 234).

Мифы, по образному выражению Аймермахера и Бордюгова, оказались самым подходящим «клеем истории» (с. 14). Их задача — «переиграть» историческое прошлое по сценариям, отвечающим задаче идейно-политического обоснования процессов формирования новых независимых государств, равно как и «суверенизовавшихся» республик Российской Федерации. Здесь имеет место жесткая функциональная связь: национально-государственная идея выдает теоретическую санкцию на «конструирование нации», а конструирование нации санкционирует (как это хорошо показано Коротеевой) «конструирование» истории. Сверхзадачей такой элементарной «инструментализации» прошлого выступает отнюдь не реальное его осмысление, а «этническая мобилизация» (Губогло) и, в принципе, национальное самоутверждение, достигаемое самым элементарным способом, «за счет отрицания, за счет отвержения всего «чужого», как пишет Ф. Бомсдорф (с. 10).

Один из авторов сборника — Т. Гузенкова — отмечает, что «историзация не только профессионально-группового, но и массового сознания... одна из типичных примет последнего десятилетия» (с. 115). Разумеется, политические элиты — «новые», «ново-старые» и «старо-новые» — по достоинству оценивали и оценивают ресурсы инструментализации прошлого и «выдают» корпорации историков жесткий социальный и политический «заказ». Впрочем, по существу этот заказ более смахивает на «предложение, от которого нельзя отказаться». Как пишут об этом Г. Бордюгов и В. Бухараев, «сервильность историков не требует особых комментариев» (с. 64). По этому же поводу Л. Гатагова, анализируя ситуацию в республиках Северного Кавказа, констатирует, что «свобода от партийной цензуры обернулась несвободой теперь уже от национальных элит» (с. 266).

В. Васильев на украинском материале в связи с этим констатирует, что высшее политическое руководство в прошедшем десятилетии «приспосабливало» украинскую историографию к своим целям, использовало необходимые ему идеи и мифы, «заказывало» профессиональной историографии определенную проблематику (с. 228). Положение национальных историй как служанок правящих кругов и этноэлит раскрывает на примере Поволжья и Урала также С. Исхаков. Это явление Гатагова удачно окрестила эвфемизмом — «воспитание» истории (с. 259).

Каким видится авторам книги «мост» между официально нормативным интернационализмом советской историографии и расцветшим ныне на его развалинах национализмом? Бордюгов и Бухараев полагают, что даже в советском государстве национальные историографии нельзя было уничтожить в принципе: теоретически это было возможно лишь при отказе от науки как социального института (с. 54). Стремление к этнокультурной идентификации вполне уживалось в СССР с коммунистическими взглядами (с. 25). «Теоретическая эклектика, составлявшая суть сталинской и постсталинской государственной идеологии, позволяла разным группам историков находить отдушину и особые способы реализации себя в качестве «профессионалов» (с. 55).

В этом же русле и рассуждение Гузенковой, констатирующей, что на смену «классам» пришли «народы-этноты», а место классовой борьбы заняли национально-освободительные движения (с. 139). В итоге, как отмечается Гатаговой, «десоветизация» общественного сознания оказалась лишь внешней, формальной, она не стала последовательным процессом

его либерализации и избавления от тоталитарных стереотипов (с. 262). Из того же ряда и вывод Васильева, который, ведя речь об украинском национализме, подчеркивает, что последний, «как и любой другой национализм в самом широком плане является формой исторической культуры», возникшей «на развалинах» более древних религиозных форм культуры, и сохранил в себе «телеологический способ мышления» (с. 227).

«История, как область исторического знания и как учебный предмет, все больше становится историей этносов и этнических государств» — к такому выводу приходит на примере республик Северного Кавказа Гузенкова (с. 139). Причем, достаточно обширная уже практика написания новых «историй» свидетельствует, что научная истина в этом деле отнюдь не фигурирует в качестве ценности. Задача сводится лишь к «переписыванию» истории в ключе (как пишет казахстанский историк М. Сембинов) «ультрапатриотизма, замешанного на нетерпеливости, сиюминутности... поверхностном поиске в прошлом исторического величия» (с. 180). Аймермахер и Бордюгов выделяют некоторые направления подобного «переписывания» — «удревнение», «героизация», завышение уровня развития, этновеличие (с. 13—14). По Гагазовой, «переписывание» свелось к тотальной мифологизации прошлого тех или иных этносов, его непомерной идеализации, особой сосредоточенности на жестоком экспансионизме России, колониальном гнете, русификации и ассимиляции коренных народов, их христианизации и геноциде (с. 269—271).

Мифологизированная «национализирующаяся» история менее всего склонна представляться таковой. Она, напротив, претендует на все научные атрибуты. Примеры на этот счет авторы сборника приводят такие, что на их фоне порой блекнет даже фантастика оруэлловского «новояза». Так, например, Васильев упоминает о предмете «Научный национализм», рекомендованном в 1993 г. Министерством образования Украины для вузов страны. В основу этого нового учебного курса предполагалось положить... «национально-украинскую предубежденность как научную объективность» (!) (с. 216).

Потребности «этнического историзма» (Васильев, с. 210) вызвали к жизни многочисленные «национальные концепции истории». Многие из них, разумеется, остро конкурируют друг с другом, или когда речь идет о противостоящих сторонах в регионах острых этнополитических конфликтов (например, в Закавказье), — просто полярно противоположны. И, тем не менее, имеется общее, объединяющее все эти концепции свойство — телеологический взгляд на историю. Концепции национальной истории призваны «отобрать» у предшествующей советской традиции «свой» материал и сконструировать на его основе «свою историю» в таком виде, в каком она якобы была в действительности (Васильев, с. 227—228).

Авторский коллектив вполне единодушен в констатации того, к каким последствиям приводит в итоге историописание этноцентристский «историзм». Как пишут в этой связи Бордюгов и Бухараев, «в той мере, в какой этноцентризм выступает в роли историософского дискурса, историознание утрачивает научность и становится arts, fiction» (с. 64). В этом же духе высказываются С. Константинов и А. Ушаков, которые, с одной стороны, констатируют, что национализм в истории решает «чисто идеологические, а не научные задачи» и практикует «преднамеренное искажение истины по конъюнктурным соображениям», и, с другой, тактично предполагают отсутствие у «некоторых» историков и педагогов «полноценного исторического образования» (с. 84—85).

С ними согласна и Гагазова, отмечающая, что «вирус этноцентризма» понижает «и без того невысокий уровень исторических трудов» (с. 266). О снижении уровня «серьезных исторических исследований» (в Казахстане) на фоне «ультрапатриотизма», ищущего «самовыражение через весьма поверхностный поиск в прошлом исторического величия», пишет также Сембинов (с. 180). Хотя и очень осторожно, с рядом оговорок, но выводы о «публицистичности» современной грузинской историографии, о «десцендентизации» исторического знания, и даже о том, что нынешнее освещение некоторых вопросов истории Грузии «в чем-то шаг назад по сравнению с советской наукой», — делает Ю. Анчабадзе (с. 172, 173, 177).

Самые захватывающие «открытия» этнических «предпринимателей от истории» совершаются, понятно, в древней истории. Отсутствие или скудость источников по ней почти не сковывает полет свободной фантазии, делает «седую древность» подлинным эльдорадо для новой исторической мифологии. «Легион дилетантов» (Гагазова) и профессионалов, «подчинившихся законам идеологической борьбы» (И. Благодатских), демонстрируя высочайший коэффициент творческого воображения, делают в сжатые сроки «открытие за открытием». Примеров тому авторы книги приводят более чем достаточно. Взятые в совокупности, примеры эти создают интереснейшую, во многом даже просто шокирующую панораму. Ведь если бы мы поставили целью создание своего рода «Выставки достижений антиисторизма в конце XX века», то для этого, как оказывается, понадобилась бы очень

немалая «экспозиционная площадь»! Возьмем хотя бы некоторые образцы, приведенные в рассматриваемом сборнике, и вполне достойные того, чтобы стать «экспонатами» на подобной «выставке». Одно из самых «почетных» мест на ней могла бы, пожалуй, занять книга О. Платонова «Терновый венец России» с ее «Святой Русью и окаянной нерусью», «изменниками — самостийниками» и «апокалиптической миссией Русского народа» (с. 389, 390, 395). Достойную конкуренцию ей составило бы, очевидно, «откровение» о мифических «украх», давших, оказывается, еще несколько тысяч лет (!) назад название Украине (с. 220). Этому вряд ли уступили бы и «открытия», в соответствии с одним из которых трипольские племена на территории Украины «еще в период неолита» создали «первую в Европе письменность, «использованную впоследствии самими финикийцами», а в соответствии с другим, Киевская Русь — это, конечно же, «Украинская империя» (с. 220, 222)...

На самые видные места претендует и «обнаружение» того, что балкарцы и кара-чаевцы — «наследники» шумерской цивилизации, адыги — шумеров и хеттов, вайнахи — древних египтян и этрусков, а осетины — арийцев (с. 267). На столь же высокие строчки в, так сказать, мировой исторической табели о рангах претендуют и представители многих других регионов и республик. Так, к примеру, «оставивший огромный след в мировой истории кипчакский народ» отнюдь «не исчез, не растворился»: ныне его составляют русские, украинцы, татары, кумыки, сербы, казаки (с. 278). Что касается мордовского народа, то он, оказывается «впервые упоминается в хеттских хрониках». Чуваши же — шумеры и по языку и по генетической природе» (с. 282). Но, пожалуй, все это меркнет на фоне «открытия», что «шумеры — это... ни что иное, как отколовшаяся часть древних башкирских племен», которые «еще в III тысячелетии до нашей эры ушли в Месопотамию». Однако, всемирно-историческая миссия башкир и этим не исчерпывается. Далее следует «цивилизующий» бросок на Запад: общее происхождение башкиры имеют, оказывается, и с ...англичанами (с. 282).

Конечно, как уже было сказано, с наибольшим блеском национализм способен «самореализоваться» прежде всего в древней истории. Вместе с тем он не обходит, разумеется, вниманием новое и новейшее время. Здесь этноцентрическому историзму также есть чем удивить читателя, ибо любой период истории рассматривается с точки зрения национальной эксклюзивности. Авторы останавливаются, в частности, на спорах историков о том, какая из бывших советских республик более всего пострадала при советской власти. Грузинские историки утверждают, например, что такой является Грузия и что «кремлевская политика» специально была направлена на то, чтобы расчленить эту республику путем создания Абхазии и Южной Осетии (с. 164). В свою очередь, в Казахстане ныне бытует мифологема о «целенаправленном истреблении только казахской национальной интеллигенции в 30—40-е годы и о голоде 1932—1933 гг., как специально организованном для «полного уничтожения казахского этноса» (с. 184).

Столь впечатляющие «картинки с выставки» этноцентрического историзма, мягко говоря, обескураживают авторов рассматриваемой книги. Гатагова в связи с этим пишет об очевидной незрелости и зашоренности исторического сознания, о «тотальной мифологизации прошлого» и замечает, что «все это как-то не вяжется с реалиями конца XX века» (с. 263, 271). Рассуждая сокрушенно о «чудовищном опыте» межэтнических конфликтов на Северном Кавказе, она высказывает предложение, что немало этих конфликтов «зародилось на страницах исторических работ» (с. 266, 271). Констанция Гатаговой переключается с не менее суровыми словами Благодатских. Историческая наука, согласно ей, «воспроизвела политический и территориальный раскол Молдавии, поставив почти гамлетовский вопрос перед ее государственностью» (с. 206).

Как бы подхватывая эти суровые напоминания об ответственности историков-профессионалов, Бордюгов и Бухараев довольно мрачно замечают: «наивно взывать к той части специалистов, которая находится в круге новой мифологии, о необходимости соблюдения научных и ценностных пропорций в исторических изысках: это их исторический шанс, это их «дело» (с. 64). Вместе с тем, позицию последних авторов нельзя определить как всецело пессимистическую, она скорее диалектична, так сказать, «пессимистично — оптимистическая».

Необходимо также обратиться к одному весьма важному противоречию, которое проявляется у значительной части авторов сборника при описании и интерпретации ими процессов «национализации» истории. Так, обращает на себя внимание, что объективное и трезвое изображение результатов этнической «перекройки» исторического прошлого у многократно цитировавшихся уже нами Анчабадзе, Васильева, Исхакова, Константинова, Ушакова, Сембинова сочетается с некоторой установкой на лояльное восприятие этноцент-

рического дискурса. И даже с готовностью в той или иной мере объективистски трактовать его ультрасубъективизм.

Константиновым и Ушаковым это сформулировано в принципиальной форме. Ссылаясь на высказывание Н. Бердяева о нации, как «мистическом организме» и язвительную ремарку К. Юнга о «нашей мании рациональных объяснений», они (Константинов и Ушаков) утверждают, что «подходить к проблеме национальных архетипов, национализма, национальной истории... сквозь призму любых универсальных норм... неверно», так как при этом происходит подчинение всего национального «абстрактным интернациональным величинам» (с. 74, 75). Но последовательное проведение подобной позиции будет означать, ни мало, ни много, отказ от поиска типологически общего во всем многообразии форм национального и отрицание наличия в национальном мировом контекста. (Вряд ли возможно отрицать существование того и другого после работ Андерсона, Смита, Хобсбаума и др.).

Двусмысленное впечатление создают у читателя некоторые выводы позитивного плана. Конечно, они, если быть точным, занимают в книге весьма скромное место. И тем как раз особенно интересны. На фоне всего приведенного в текстах Анчабадзе, Васильева, Сембинова богатого материала относительно «успехов» этнизации истории — «позитив» выглядит, условно говоря, декларативно, не слишком убедительно и просто неорганично в контексте общего анализа. В этом смысле показательны, например, выводы, что современная грузинская историография способна «воссоздать «свою» историю, опираясь исключительно на объективную логику фактов» (с. 177), или о том, что казахстанская историография «добилась значительных успехов в расширении процесса исторического познания, преодолев пороки тоталитарной идеологии, в переоценке как отдельных событий, так и целых комплексов исторического прошлого» (с. 193). Данные выводы явно диссонируют ходу и результатам анализа обоих историков.

Такого же свойства, только более наукообразно выраженное, противоречие в статье Васильева. Этот автор, столь убедительно и разносторонне вскрывший мифологизацию истории, переходит вдруг к заключениям, которые совершенно не вытекают из его исследования, не согласуются с ним. Красноречивым примером тому может служить его рассуждение о том, что в 1990-е годы украинская историческая наука «сохранила способность к саморефлексии, деконструкции мифов, восприятию и выработке новых методик исторических исследований», несмотря на то, что «миф иногда выигрывал у логики» (с. 228). Это «иногда» ставит читателя в тупик: ведь из всего изложенного Васильевым ранее явствует, что «иногда» как раз выигрывала именно логика, а не миф.

В данном отношении гораздо больше соответствует действительности подход Исакова, полагающего, что выработка новых научных концепций, поиск новых источников в истекшее десятилетие шел «на уровне отдельных историков или групп исследователей». Однако, отмечает он, их возможности, по сравнению с официальной историографией, «несопоставимы» (с. 293).

При достаточно обстоятельном рассмотрении комплекса проблем, относящихся к национальным историям, далеко не все сюжеты и регионы экс-СССР оказались в должной мере освещены. «Белыми пятнами», в частности, остались государства Балтии, Узбекистан, Туркменистан, Кыргызстан, лишь «по касательной» затронута Беларусь. По-видимому, это во многом закономерный результат того, что из двух десятков авторов лишь пятеро представляли новые независимые государства и всю российскую периферию — основное «опытное поле» этнонационализации истории.

Но, думается, такое доминирование московских авторов обеспечило более высокий уровень «раскрываемости» последствий и «достижений» этнического национализма, будь-то «местный», будь-то великорусский, который, по справедливому замечанию Е. Зубковой и А. Куприянова, как и «любой другой не может существовать без образа врага («чужого»)» (с. 323). Наверное, мы не откроем Америку, если скажем, что историки, (да и вообще гуманитарии) новых независимых государств, как и российские «периферийные», обладают значительно меньшей степенью свободы от местных властвующих элит с их весьма далекими от интересов науки «предложениями, от которых нельзя отказаться».

Космополитический и плюралистический дизайн жизни больших городов, тем более мегаполисов, вроде Москвы и Петербурга, обеспечивает куда более благоприятные условия для объективного и сбалансированного критического анализа любой разновидности этнонационализма в истории. Убедительным подтверждением тому может служить, в частности, анализ различных ипостасей великорусского национализма, осуществленный в рассматриваемом сборнике Зубковой, Куприяновым, Олейниковым, Филипповой и др.

Описанные выше системные свойства современного урбанизированного общества

существенно подкрепляют «оптимистические» элементы прогноза Бордюгова и Бухараева относительно перспектив постсоветского националистического «историзма». Согласно их мнению, основанием для оптимизма является, во-первых, то, что попытки установления новой «командно-распорядительной системы отношений власти и ученых» в условиях, когда последние только что избавились от идеологического диктата советского образца, вряд ли могут обеспечить сколько-нибудь долговременные результаты (с. 64). Во-вторых, нынешняя европеизированная система образования, «адекватная массовому анонимному обществу, навязывает свои жесткие правила, о которые «обломал зубы» даже сталинизм — высшая ступень идеологизации истории» (с. 64). Из этого следует вывод, что «эволюция рано или поздно расставит все по своим местам».

В свете приведенных выше теоретических выкладок и соображений вывод Бордюгова и Бухараева представляется обоснованным. Резонным и актуальным выглядит их предостережение, что нас не должны вводить в заблуждение «завидные самочувствие и оптимизм», которые источают нынешние «молодые» этноцентризмы. Ведь еще не так давно те же свойства демонстрировал и европоцентризм, ныне переживающий упадок (с. 64—65).

Примечания

1. CHARTIER R. Les «Annales» à Moscou. Le retour des historiens soviétiques dans la communauté scientifique.— *Le Monde*, 20.X.1989, p. 34.
2. ГУБОГЛО М. Н. Этничность. Конфессиональность. Гражданственность. ЭКГ России.— *Россия в условиях трансформаций*. Вып. 5. М. 2000, с. 9.
3. HOBBSAWM E. Nations and Nationalism since 1780; Programme, Mith, Reality. Cambridge. 1990; ХОБСБАУМ Э. Введение к книге «Нации и национализм после 1780 г. Программа, миф, реальность».— *Современные методы преподавания новейшей истории*. М. 1996, с. 37—38.
4. Цикл статей по итогам работы его семинара в Европейском университете (Москва) носит общее название «Отношения между центром и периферией в Западной Европе в программах по преподаванию истории».— *Европейский опыт и преподавание истории в постсоветской России*. М. 1999, с. 65—97.
5. Этнические процессы в современном мире. М. 1987.
6. HAYES C. B. The Historical Evolution of Modern Nationalism. N. Y. 1931; KOHN H. The Idea of Nationalism: A Study in its Origin and Background. N. Y. 1944; DEUTSCH K. W. Nationalism and Social Communication. An Enquiry into the Foundations of Nationality. Cambridge. 1953; SMITH A. D. Theories of Nationalism. Lnd. 1971; ejusd. Nationalism in the Twentieth Century. Lnd. 1979; ejusd. The Ethnic Origins of Nations. Oxford. 1986; Nationalism: The Nature and Evolution of the Idea. Lnd. 1973. TILLY C. The Formation of National States in Western Europe. Princeton. 1975; ANDERSON B. Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism. Lnd. 1983. GELLNER E. Nations and Nationalism. Ithaca. 1983; HROCH M. Social Preconditions of National Revival in Europe. A Comparative Analysis of the Social Composition of Patriotic Groups among the Smaller European Nations. Cambridge. 1985 и др.
7. HOBBSAWM E. Nations and Nationalism since 1780; Die Russen: Ihr Nationalbewusstsein in Geschichte und Gegenwart. Köln. 1990; GREENFELD L. Nationalism: Five Roads to Modernity. Cambridge. 1992; ejusd. Nationalism and Democracy.— *Research on Democracy and Society*. N.-Y. 1992; SMITH A. D. National Identity. Harmondsworth. 1991; KAPPELER A. Russland als Vielvölkerreich: Entstehung — Geschichte — Zerfall. München. 1992; GELLNER E. Encounters with Nationalism. Oxford. 1994; NOLTE H. H., ESCHMENT B., VOGT J. Nationenbildung ostlich des Bug. Hannover. 1994; См. также библиографию работ западных специалистов по национализму в Российской империи и СССР Дж. Данлона, У. Лакера, Д. Хаммера и др. в обстоятельной статье: СОЛОВЕЙ В. Д. Русский национализм и власть в эпоху Горбачева.— *Межнациональные отношения в России и СНГ*. Вып. 1 М. 1994, с. 70).
8. ГЕЛЛНЕР Э. Нации и национализм. М. 1991; его же. Пришествие национальная империя: мифы нации и класса.— *Путь*, 1992, № 1; КАПPEЛЕР А. Россия — многонациональная империя: возникновение, история, распад. М. 1996; ХОБСБАУМ Э. Введение к книге «Нации и национализм после 1780 г.»; ФУКУЯМА Ф. Рискованный союз.— *Век XX и мир*, 1994, № 7—8; АВИНЕРИ Ш. Амбивалентность национализма.— Там же; КИСС Э. Национализм реальный и идеальный. Этническая политика и политические процессы.— *Этничность и власть в полиэтничных государствах. Материалы международной конференции*. 1993. М. 1994;

- ЗИМОН Г. Россия как великая держава. Проблемы становления самосознания: прошлое и настоящее.— Куда идет Россия..? Международный симпозиум 12—14 янв. 1996 г. Вып. III. М. 1996; его же: Русская мечта и русская идея.— Взаимодействие политических и национально-этнических конфликтов. Материалы международного симпозиума 18—20 апр. 1994. Ч. 1. М. 1994; ШПЕРЛИНГ Д. О терминах, мировом опыте и взаимопонимании.— Там же; его же. Россия по-прежнему отличается от того, что о ней думают.— Там же. Ч. II; ХАГЕН М. фон. Национальный вопрос в России XX века.— Куда идет Россия..? Международный симпозиум 17—19 янв. М. 1997; ЭМАР М. Ук. соч.; ЛИВЕН Д. Русская, имперская и советская идентичность.— Европейский опыт в преподавании истории в постсоветской России; ШПОРЛЮК Р. Формирование нации: некоторые общие наблюдения.— Украина и Россия: общества и государства. М. 1997; ЯН Э. Демократия и национализм: единство или противоречие? — Полис, 1996, № 1 и др.
9. ВИШНЕВСКИЙ А. Г. Советский федерализм между унитаризмом и национализмом.— Куда идет Россия..? Вып. III. М. 1996; ГУДКОВ Л. Д. Русское национальное сознание: потенциал и типы консолидации.— Там же. Вып. I. М. 1994; ДРОБИЖЕВА Л. М. Этницизм и проблемы национальной политики.— Там же; ее же. Демократия и национализм в Российской Федерации 90-х годов.— Там же. Вып. III; ЗДРАВОВОСЛОВ А. Г. Заключительное слово.— Взаимодействие политических и национально-этнических конфликтов (Материалы международного симпозиума...) Ч. I. М. 1994; НОДИЯ Г. Демократия и национализм.— Век XX и мир, 1994, № 7—8; ТИШКОВ В. А. Постсоветский национализм и российская антропология.— Куда идет Россия..? Вып. III; его же. Федерализм и национализм в многонациональном государстве.— Межнациональные отношения в России и СНГ. Вып. 2. М. 1995; его же. Очерки теории и политики этничности в России. М. 1997 г. и др.
10. ЗНАМЕНСКИЙ А. А. Этнонационализм: основные концепции американского обществоведения.— США. Экономика, политика, идеология, 1993, № 8; КОРОТЕЕВА В. В. «Воображенные», «изобретенные» и «сконструированные нации»: метафора в науке.— Этнографическое обозрение, 1993, № 3; ее же. Теория национализма в зарубежных социальных науках. М. 1999; ее же. Национализм и формирование наций. Теории, модели, концепции. М. 1994.
11. ГУДКОВ Л. Д. Ук. соч., с. 176.
12. ЗДРАВОВОСЛОВ А. Г. Ук. соч., с. 114—115; ДРОБИЖЕВА Л. М. Этницизм и проблемы национальной политики, с. 188.
13. ЧЕРНЫШ М. Ф. Национальная идентичность: особенности эволюции.— Социологический журнал, 1995, № 2, с. 110—114.
14. Конструирование этничности. Этнические общины Санкт-Петербурга. СПб. 1997, с. 7—8, 40, 136—138, 229—230 и др.
15. ДРОБИЖЕВА Л. М., АКЛАЕВ А. Р., КОРОТЕЕВА В. В., СОЛДАТОВА Г. У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М. 1996.
16. См.: АСТАШОВ А. Б. Крестьянский менталитет и проблема национальной самоидентификации России в годы первой мировой войны.— Россия в XX веке: Проблемы изучения и преподавания. М. 1999, с. 52.
17. БОГАТУРОВ А. Десять лет парадигмы освоения.— Pro et Contra. Зима 2000, № 1, с. 19.
18. ПАНТИН В. Сможет ли российская наука понять, что происходит в России? — Там же, Весна 2000, № 2, с. 141.
19. БОГАТУРОВ А. Ук. соч., с. 199; ПАНТИН В. Ук. соч., с. 138, 139 и др.
20. НОДИЯ Г. Ук. соч., с. 89; ТИШКОВ В. А. Постсоветский национализм и российская антропология, с. 211; ГУЗЕНКОВА Т. С., ПИМЕНОВ В. В., ФИЛИППОВ В. Р., ФИЛИППОВА Е. И. Этнополитологическое исследование, М. 2000, с. 101.
21. КОРОТЕЕВА В. В. Теории национализма в зарубежных социальных науках, с. 9.
22. «Постсоветский национализм», «Федерализм и национализм» (Тишков). Такая артикуляция, к сожалению не присутствует даже в самом «подходящем» для этого разделе (Что есть Россия? Перспективы нациестроительства), упоминавшихся уже выше «Очерков теории и политики этничности» этого автора.
23. ЧЕРНЫШ М. Ф. Ук. соч., с. 111.
24. ВИШНЕВСКИЙ А. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М. 1998; МИРОНОВ Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — нач. XX век). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2-х тт. Т. 2. СПб. 1999, с. 332—335; НАУМОВА Н. Ф. Социальная политика в условиях запаздывающей модернизации.— Социологический журнал, 1994, № 1, с. 6; КРАВЧЕНКО А. И. Социология Макса Вебера: Труд и экономика. М. 1997, с. 159—160.

25. ВИШНЕВСКИЙ А. Г. Ук. соч., с. 418; МИРОНОВ Б. Н. Ук. соч., с. 332—333.
26. Нередко понимаемые западными авторами просто как «дефицит модернизации» (ВОРОНКОВ В., ОСВАЛЬД И. Введение. Постсоветские этничности.— Конструирование этничности, с. 7).
27. КОЭН Ст. Изучение России без России. Крах американской постсоветологии.— Серия «АИРО — Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 4. М. 1999, с. 26. См. также: с. 17—21, 25, 27 и др.
28. Там же. См. также: Вып. 11, М. 2000, с. 46 и др.; ДАНИЛОВ В. П. Падение советского общества: коллапс, институциональный кризис или термидорианский переворот? — Куда идет Россия..? М. 1999, с. 23—27.
29. См. напр.: ТАРШИС Д. Русские корни российской демократии.— Вестник Моск. школы политич. исследований, 2000, № 15, м. 8, 9, 11 и др.; КОУКЕР К. Постсовременный мир и Россия.— Там же, с. 28, 29, 32.
30. См. напр.: Своя земля: Беседа с Петром Щедровицким.— Эксперт, № 1—2 (214), 2000., 17 янв., с. 81; ФЕДОРОВ Ю. Критический вызов для России.— Pro et Contra. Осень 1999, № 4, с. 5, 8. По мысли Щедровицкого, в частности, идущий уже ныне «постнациональный процесс» состоит не в том, «что люди живут между нациями», а в том, что «нации начинают жить в новом пространстве, они все теряют старую форму, старую границу, перемешиваются друг с другом». Впрочем некоторыми авторами обосновывается, как отмечают Воронков и Освальд, и противоположный тезис — об особо благоприятных условиях для действия этнических факторов в современном обществе. (ВОРОНКОВ В., ОСВАЛЬД И. Ук. соч., с. 8; SCHLEE G., WEBER K. Inclusion und Exclusion: Die Dynamik von Grenzziehungen im Spannungsfeld von Markt, Staat und Ethnizität.— Inclusion und Exclusion. Köln. 1998).
31. ВОРОНКОВ В., ОСВАЛЬД И. Ук. соч., с. 7.
32. КАЛАЧЕВА О. Быть, оставаться, становиться: этническая идентичность петербургских эстонцев.— Конструирование этничности, с. 137; ВОРОНКОВ В., ОСВАЛЬД И. Ук. соч., с. 7; КОРОТЕЕВА В. В. Теории национализма в зарубежных социальных науках, с. 12—13.
33. При всей небесспорности этого термина. См.: МАТВЕЕВА С. Я. Новая русская мечта и кризис самоидентификации.— Взаимодействие политических и национально-этнических конфликтов. Ч. 1, с. 99, 101.
34. ЛЕВАДА Ю. А. «Человек советский» пять лет спустя: 1989—1994 (предварительные итоги сравнительного исследования).— Куда идет Россия..? Вып. II. М. 1995, с. 223—224.
35. ЧЕРНЫШ М. Ф. Ук. соч., с. 111—114.
36. МИРОНОВ Б. Н. История СССР с социологической точки зрения: о книге А. Г. Вишневского «Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР». Социальная история. Ежегодник. 2000, М. 2000, с. 330—332.
37. ВОРОНКОВ В., ОСВАЛЬД И. Ук. соч., с. 6, 9, 33.

В. Л. ГЕНИС. *«С Бухарой надо кончать...» К истории бутафорских революций.* М. 2001. 96 с.

«Крепость Старая Бухара взята штурмом соединенными усилиями красных бухарских и наших частей. Пал последний оплот бухарского мракобесия и черносотенства. Над регистаном победно развевается красное знамя мировой революции». Этими словами М. В. Фрунзе оповестил В. И. Ленина о падении последнего из бывших протекторатов царской России в Средней Азии, «центра контрреволюции в Средней Азии» 2 сентября 1920 года.

Официально тогда эти события толковались и вошли в историю как «Революция в Бухаре»: Красная Армия пришла на помощь революционному движению и народ-

ному восстанию против эмирского деспотизма. Но никогда не было секретом, что дело обстояло не совсем так. Это знали советские лидеры, об этом говорили в Англии и, разумеется, все, кто противостоял советскому вторжению. Во время гласности и, особенно после распада Союза, события, происшедшие в Средней Азии во время революции и гражданской войны, пересматривались публицистами и историками среднеазиатских республик, но, за редкими исключениями, не в России. Исчезнувшие сокровища эмира стали для Узбекистана метафорой своего прошлого, отношений с царской и советской Россией.

В новое истолкование истории в среднеазиатских республиках, когда Россия из «старшего брата» и друга превратилась в оккупанта и угнетателя, вписывается и повествование о насильственном сокрушении Бухарского эмирата. (В России же на переднем плане находятся иные, свои вопросы и проблемы.)

В «документальной хронике» Генис восстанавливает, строго придерживаясь архивных документов, события «бухарской революции», начиная с зимы 1919 года. Туркестан воссоединен с Центром. Для управления им приезжает из Москвы Туркомиссия ВЦИК и СНК РСФСР. Молодая советская Россия еще подвергается опасностям со всех сторон, грозит новая война с Англией. Первые шаги новых московских ставленников нацелены на улаживание отношений с Бухарой после неудачной попытки председателя туркестанского СНК Ф. Колосова в марте 1918 г. насильственно советизировать Бухару. Эта политика поддерживается и Центром. Но уже несколько месяцев спустя линия Туркомиссии меняется. «Партия войны», возглавляемая Фрунзе, выступает за активную советизацию Бухары. Бухара де тяготеет к контрреволюции, представляет большую опасность в тылу Советской России и свержение бухарского деспотизма приблизит революцию в Индии. Шаг за шагом российские политики в Средней Азии подготавливают выступление Красной Армии против эмира. Москва, за исключением И. В. Сталина и отчасти Л. Д. Троцкого, строго высказалась против подобных шагов, способных — по всей вероятности — повредить революции на востоке. Генис тщательно исследует ход этих споров и попытки Туркомиссии. Они закончились тем, что руководство советской России разрешило выступление против эмирской Бухары лишь в случае наличия «более или менее популярного бухарского революционного центра». Такой «центр» нашлся в лице находящегося в туркестанском изгнании лидеров младобухарцев и бухарских коммунистов. Завоевание Бухары произошло под видом оказания помощи народному восстанию. Из приведенных Генисом документов складывается впечатление, что члены Туркомиссии больше старались утешить своих руководителей, нежели показать другим странам Востока, что Советская Россия не является агрессором. А когда оказалось, что народ в Бухаре отнюдь не был готов к восстанию, они стали говорить о лживости заверений бухарских революционеров, хотя еще перед выступлением Красной Армии сами члены Туркомиссии были убеждены, что без активного вмешательства Со-

ветской России в Бухаре еще долгое время ничего не случится.

Взять Старую Бухару штурмом не удалось. Командиры Красной Армии прибегли к бомбардировке города с воздуха, в результате чего центр города сильно пострадал. После штурма началась «вахханалия грабежей», население подвергалось насилию, мечети использовались в качестве казарм и конюшен. Руководители операции поспешили свалить вину в первую очередь на бухарских революционеров и татарские бригады, в свою очередь бухарские революционеры обвиняли европейцев. Новое руководство Туркомиссии обвинило Фрунзе, руководившего всей бухарской операцией. Возбуждалось следственное дело против некоторых военных руководителей, явно взявших себе «на память» ценные вещи. В круг обвиняемых мог попасть и сам Фрунзе. Но поскольку открытое обвинение руководителей советской власти принесло бы «в политическом смысле больше вреда, чем пользы», ЦК решил это дело прекращать. Хронику этих событий Генис заканчивает указанием на то, что предупреждения против бухарской операции оказались верными: в Бухаре еще долго пришлось содержать многотысячную оккупационную армию (30 000 солдат в 1923 г.), которая страдала, как от многочисленных потерей в боях, так и от вездесущей малярии.

Книга подробно освещает ход событий и дискуссии между российскими советскими деятелями. Цитаты из архивных документов дают возможность четко представить их язык и образ мышления. Объемные сноски не только дополняют этот материал, но и дают биографические сведения о малоизвестных деятелях. Фотографии удачно дополняют брошюру.

Автора, видимо, интересуют в первую очередь российские революционеры и их деятельность на Востоке. К сожалению, бухарские деятели почти полностью отсутствуют в хронике, вероятно из-за отсутствия документов. Вся бухарская операция, видимо, зависела не от бухарских революционеров, а от решений, принимаемых в Москве, и от действий туркестанских советских руководителей. Но это касается лишь военной операции, в решении о которой участвовали и бухарские деятели. Например, Мухитдин Мансуров, бежавший из эмирата миллионер-купец, убеждавший туркестанское советское руководство в необходимости такого выступления, о чем упоминает и Генис. Младобухарец Файзулла Ходжаев принял активное участие в неудачной попытке вместе с тогдашним председателем Туркестанско-

го СНК Ф. Колесовым овладеть Бухарой в 1918 году. Он лично не участвовал в завоевании Бухары в 1920 г., но стал председателем бухарского Совета народных назиров (комиссаров). Но какова была его роль в событиях 1920 г.? Какова роль Абдукадыра Мухитдинова, который стал главой бухарской республики? Об этом мы все еще почти ничего не знаем.

Бухара была провозглашена независимой республикой, революционное бухарское правительство вступило в управление страной. И хотя это правительство существовало только благодаря военной поддержке, оно не являлось чистой марионеткой. Это подтверждает сообщение В. В. Куйбышева, первого полномочного представителя РСФСР и Коминтерна в Бухаре: «Целый ряд шагов ревкома и в особенности назиратов проходит без моего ведома. Ведь нужно понять, что я не могу в независимой стране сделать контроль формально-обязательным для Бухорганов, придется делать его *de facto*... что не по силу одному человеку»¹. Бухарское руководство было не едино, существовали глубокие трения между Ходжаевым и Мухитдиновым, и даже члены бухарского правительства, среди которых был глава государства Усман Ходжаев, присоединились к ба-

смачам, оказавши вооруженное сопротивление. Но несмотря на это и на постоянные жалобы советских руководителей (бухарские коммунисты «никуда не годятся») и занимаются только своими личными делами), новые руководители Бухары попытались в сложных обстоятельствах вести свою политику. Проект «социальной революции» частично соединил неравных партнеров: российских и бухарских революционеров. Для мусульманских коммунистов, эта революция была и своей, даже если и удалось ее осуществить лишь с помощью российской власти. Однако, довольно быстро выяснилось, что между неравными партнерами было и много разногласий. Историю этого партнерства и его разрыва историкам еще предстоит исследовать.

Г. ФЕДТКЕ,
докторант Гумбольдтского университета
(Берлин), Институт Центральной Азии,
Германия

Примечания

1. Российский государственный архив социально-политической истории, ф. 122, оп. 2, д. 56, л. 185.

В. И. ГУРКО. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М. Новое литературное обозрение. 2000. 810 с.

Мемуары В. И. Гурко, чиновника Министерства внутренних дел, а впоследствии избранного в Государственный совет, помогают глубже понять суть процессов, происходивших в управлении страной в последнее царствование Романовых. (В свое время записки Гурко были изданы по-английски.)

Настоящая публикация осуществлена по машинописной копии, хранящейся в Архиве Гуверовского института войны, революции и мира Стэнфордского университета (США). Мемуары охватывают период с 1894 по 1915 г., и весьма значительны по объему (1321 машинописная страница). Это не история царствования Николая II, а рассказ свидетеля, наблюдавшего все стороны этого правления. Рукопись осталась незавершенной. Автор хотел написать отдельную главу о деятельности военно-промышленных комитетов и Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне (с. 659). Недописанной оказалась и характеристика Александры Федоровны (с. 581).

О незаконченности мемуаров свидетельствуют также стилистические погрешности и частые повторы.

В воспоминаниях Гурко довольно много прямой речи, в некоторых случаях ее происхождение оговорено в комментариях, в большинстве же случаев отсутствуют источники цитат и упоминания об их проверке. Значительное место в воспоминаниях занимает исторический фон. Так, раздел о русско-японской войне написан по имевшимся у автора источникам (с. 303). Заседание Совета министров летом 1915 г. изложено по публикации А. Н. Яхонтова «Тяжелые дни». (Архив русской революции. Берлин. 1926. Т. 18.). И это не единичные эпизоды. Гурко использовал источники для того, чтобы восполнить пробелы в своей памяти и воссоздать целостное повествование о происходивших событиях. Публикатору и автору комментария Н. П. Соколову стоило бы отметить, что написано мемуаристом по памяти, а что на основании источников и других материалов.

В своих воспоминаниях Гурко хотел ответить на два главных волновавших его вопроса: 1) что привело Россию к потрясениям 1917 г. и 2) можно ли было этого избежать. Эта задача предполагала не только изложение фактов, но и широкие исторические обобщения. Поэтому повествование Гуркова носит аналитический характер. Способствовали этому и личные качества Гурко: его умение отделить главное от несущественного, охватить широкий круг проблем, видеть перспективу в развитии событий.

Структура записок Гурко — биографо-хронологическая. Описываемые события сочетаются с биографиями министров и других высших чиновников, а также ряда земских деятелей и некоторых членов Государственной думы и Государственного совета. Автор, владеющий острым и язвительным языком, нарисовал яркие и запоминающиеся образы современников. В его оценках нет благодетных, иконописных ликов, будь то царские особы, или земские деятели.

И хотя автор пытался соблюсти определенный баланс при характеристике той или иной личности — ему это удавалось далеко не всегда. Пристрастность Гурко очевидна. Она обусловлена прежде всего его политическими взглядами монархиста, человека правых убеждений, защитника дворянства и помещичьего землевладения. Таким он и предстает перед читателем. Поэтому зачислить его в либералы классического типа, как это делают авторы предисловия вступительной статьи Н. Н. Соколов и А. Д. Степанский, вряд ли справедливо (с. 13). Определение Гурко как государственника справедливо (с. 7), оно отнюдь не противоречит его монархическим убеждениям. На оценки мемуариста повлияла личная обида за то, что тогдашняя власть не востребовала его способности. И хотя он поднялся по служебной лестнице до должности товарища министра внутренних дел, но рассчитывал на большее. Наиболее жесткой критике, со стороны Гурко, подвергаются те, кто привел Россию к событиям февраля 1917 г. (кадеты, П. Н. Милюков, кн. Г. Е. Львов и др.). Достается от него

и тем, кто впоследствии перешел на сторону советской власти (Н. Н. Кутлер, В. Н. Львов и др.). Характеризуя раннюю деятельность тех или иных деятелей, Гурко учитывает и их последующую эволюцию.

Вместе с тем в книге есть и главное действующее лицо, некий камертон, обращаясь к которому Гурко, как бы сверяет свои суждения — С. Ю. Витте. Это своеобразный стержень, который скрепляет всю ткань повествования, и хотя по большинству вопросов автор расходится с Витте, но масштабность фигуры последнего заставляет мемуариста поставить его на самую вершину государственного механизма Российской империи.

Критически относится Гурко к последнему монарху, утверждая, что его личность не соответствовала тем задачам, которые стояли в это время перед страной и монархией (с. 29, 35, 271, 539, 540, 551 и т. д.).

Некоторые обобщения противоречат конкретному историческому материалу, что проявилось прежде всего в оценке деятельности чиновничества. В целом она охарактеризована как положительная (с. 243), но конкретные лица и отдельные группы чиновников выглядят далеко не привлекательно. К порокам бюрократии Гурко относит безинициативность, незнание народной жизни, незнакомство с экономическими вопросами, стремление обогатиться, себялюбие, склонность к доносительству и интриганству (с. 152, 227, 230, 242, 248, 424 и т. д.).

Рисуя язвы общественного и государственного строя, Гурко не выступает как его противник. Он — его умный защитник. Но власти нужны были беззаветно преданные, угодливые, слепо повинующиеся люди, а не патриоты своего отечества, способные видеть ситуацию с открытыми глазами. В этом и состояла трагедия тех, кто не вписывался в существовавшую систему. Гурко выступал против «лампачного благочестия, и полицейского патриотизма» (с. 356).

А. В. СМОЛИН

В. Я. ГРОСУЛ, Б. С. ИТЕНБЕРГ, В. А. ТВАРДОВСКАЯ, К. Ф. ШАЦИЛЛО, Р. Г. ЭЙМОНТОВА. *Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика*. М. Прогресс-Традиция. 2000. 440 с.

Рецензируемый труд ученых из Института российской истории РАН — первое целостное исследование, посвященное истории русского консерватизма с момента его заро-

ждения и до начала XX века. Под консерватизмом авторы понимают «идейное и политическое течение охранительного характера, направленное на принципиальное

сохранение существующих социальных отношений и государственного устройства» (с. 14).

Предисловие написано доктором исторических наук В. Я. Гросулом в традиционном ключе и содержит краткую историографическую характеристику работ, легших в основу монографии. К сожалению, здесь отсутствует историографический анализ работ отечественных дореволюционных авторов, как и обзор опубликованных до 1917 г. источников. Трудно представить себе историю русского консерватизма, к примеру, без работ А. Н. Пыпина, Н. К. Шильдера, Н. Н. Булича, В. Н. Бочкарева и ряда других авторов. Что же касается эмигрантской литературы, то авторы ограничились перечислением нескольких фамилий и названий работ (В. В. Зеньковского, Н. А. Бердяева, С. Л. Франка и некоторых других¹) (с. 9—10), практически не используя этого наследия.

Утверждение Гросула, что наряду с «самыми последними работами, вышедшими в нашей стране», авторы «привлекли также и ряд изданий исследовательского и публицистического характера, опубликованных за рубежом» (с. 9), несколько преувеличено. В списке отсутствуют капитальные труды Э. Бенца и А. Мартина², без которых невозможно адекватное освещение этой темы.

Большая часть новейших разработок проблематики консерватизма принадлежит перу философов, политологов, социологов и т. д. Они в предисловии упомянуты, как и сборники и публикации материалов «круглых столов», однако свежие методологические опыты практически остались «за бортом» рецензируемой книги.

Говоря о начальной эпохе в истории консерватизма в России, Гросул связывает его зарождение с «консервативным пластом настроений», впервые громко заявивших о себе в период работы Уложенной комиссии Екатерины II (с. 20). Консерватизм интерпретируется автором, в сущности, с позиций классового подхода.

Объяснение генезиса русского консерватизма почти исключительно как идеологического выражения крепостнических настроений, упрощает проблему. Кстати в России никогда и не было «многих десятков тысяч» владельцев действительно «огромных» (с. 49) имений. Противоречка столь жесткой постановки вопроса, автор отмечает, что зарождавшийся русский консерватизм не был чужд просвещению и заботе о благе отечества, а также не ограничивался только дворянской средой (см. с. 29).

Интересна и плодотворна попытка автора выделить некоторые разновидности консер-

ватизма: церковного, аристократического и мистического его ответвлений. Носителями церковного консерватизма являлись противники церковных реформ Петра I. Среди них Гросул называет А. Мацеевича и П. Левшина, ограничиваясь, к сожалению, краткой характеристикой этого течения (см. с. 29—30). Между тем оно отражало определенную концепцию отношений между церковью и самодержавным государством. Аристократический консерватизм связывается с братьями С. Р. и А. Р. Воронцовыми, предлагавшими принять конституцию, закрепляющую господство высших кругов (см. с. 50). Отсутствует характеристика мистицизма, связанного с деятельностью Библейского общества и министра духовных дел и народного просвещения А. Н. Голицына (с. 78). Представляется, что это течение — антилиберальное и антиреволюционное — действительно относится к раннему русскому консерватизму, хотя и не является магистральным, в силу своего «западнического» характера.

Приведенная типология представляется более удачной, нежели та, что дана в заключении (с. 420).

Александра I автор называет «отцом русского правительственного либерализма» (с. 36). Трудно, однако, согласиться с утверждением, что этот монарх «относился к числу тех русских императоров, которые хорошо осознали необходимость основательной идеологии и желательность разработки четкой идеологической доктрины, понятной и верхам и низам» (с. 79). Взгляды Александра I были в разное время слишком противоречивыми и неоднородными.

Среди «столпов» александровского консерватизма названы великий князь Константин Павлович, вдовствующая императрица Мария Федоровна и ее двор, великая княгиня Екатерина Павловна (с. 41). Характеристики двух первых чрезмерно лапидарны, а Екатерины Павловны, одного «из руководителей русской консервативной «партии», более развернута (с. 46). Краткий анализ записки Н. М. Карамзина приводит автора к выводу: знаменитый историк и писатель, один из подлинных зачинателей русского консерватизма — не более чем «откровенный защитник дворянства, он же всячески отстаивает интересы и духовенства» (с. 45).

Позитивные черты в деятельности русских консерваторов автор стремится обнаружить у А. С. Шишкова, А. А. Аракчеева (см. с. 48, 82). Позитивную роль русского консерватизма автор видит в участии последнего «в организации отпора французскому нашествию» (с. 420).

В «консервативном интернационале», счи-

тает Гросул, России отводилось весьма почетное место (с. 64—65). Одной из связующих фигур он считает Ж. де Местра. Думается, что автор не критически повторяет тезис А.Н. Пыпина о возникновении в александровское время «консервативной партии» (с. 95). Какой-нибудь сплоченной организации не было и быть не могло в то время.

Р. Г. Эймонтова рисует консерватизм эпохи Николая I как фактически неотделимый от самодержавия и все более сближавшийся с реакционным охранительством. Император «вознамерился укрепить положение и престиж самодержавия, возродить патриархально-государственные начала, используя авторитет православия и возраставшее национальное самосознание» (с. 105). Эта характеристика не нова, как и общие рассуждения о враждебности Николая к идеям Просвещения, отказе от смягчения крепостничества, нежелании ссориться с поместным дворянством и др.

Вместе с тем анализ Эймонтовой конкретных мотивов и обстоятельство выработки идеологии «официальной народности» оригинален. Автор обоснованно отмечает, что «подход правительства был чисто политическим, чуждым националистическим тенденций» (с. 125). Такую направленность этой доктрины автор связывает с глубоким недоверием Николая I к идее нации как таковой. Исследуется дальнейшее развитие указанной триады, в том числе и в «Журнале Министерства народного просвещения». Отмеченное автором сочетание в этом официальном издании сугубо охранительных и наряду с этим просветительских тенденций (с. 133) предостерегает от упрощенных оценок николаевского консерватизма.

Разбирая проблему отношения консерваторов внутри и вне правительственных кругов к сословному строю и крепостному праву, автор преимущественно внимание уделяет политическим резонам, заставлявшим Николая I и его советников отбрасывать замыслы реформ. Так, взгляд Николая I и его окружения на сословное устройство вовсе не исчерпывался ограждением от посягательств на прежде всего дворянские привилегии. Тогдашнее консервативное представление о сословности органически включало в себя и признание внутренней подвижности и неоднородности каждого из сословий, проницаемости их границ, возможности «социальной игры», спонтанных социальных перемещений³. Удивляет, что в этой главе лишь вскользь затронута тема славянофильства (с. 126, 164), оказавшего серьезное влияние на всю последующую консервативную мысль.

Многократно и убедительно отмечена амбивалентность консервативных программ видных идеологов и мыслителей николаевской эпохи (С. С. Уварова, В. А. Жуковского, М. П. Погодина, Ф. И. Тютчева), их совместимость с преобразовательным импульсом и реформистским этосом. Впрочем, примерно то же можно сказать и о николаевской «системе» управления, которую автор слишком категорически оценивает как реакционную на заключительном этапе существования (см. с. 181). Рассмотренная в контексте формирования управленческих кадров с развитым корпоративным самосознанием, николаевская бюрократизация может быть истолкована и как предпосылка реформ Александра II.

Характеризуя первые 11 лет царствования Александра II Гросул проводит мысль, что консервативные силы в эту пору, застигнутые врасплох преобразовательными начинаниями императора, перешли «в оборону», напряженно искали свой ответ на вызов времени. Автор придерживается традиционного еще для дореволюционной историографии эмоционально-оценочного противопоставления либерального «меньшинства» консервативному «большинству». Часто используя более чем спорный термин «консервативная партия», он принимает за доказанное высокую степень сплоченности нерасположенных к реформе сановников и политико-корпоративной мобилизованности дворянских «консервативных масс» (с. 215).

Разноголосица дворянской полемики трансформируется на страницах книги в воинственное требование консервативного «большинства» сохранить за дворянством землевладельческое и сословное первенство, однако, на самом деле эти проблемы вызвали в дворянской среде острые разногласия.

Следует признать новаторской постановку Гросулом вопроса о взаимосвязи между появлением в канун реформы 1861 г. «консерватизма нового типа» — скорее реформистского, чем традиционалистского (с. 212—213), и весьма популярным в первой половине 1860-х годов проектом всероссийского дворянского представительства. И хотя этот проект мог иногда принимать, по Гросулу, «олигархические» формы, он свидетельствовал о нарастании конфликтности в отношениях консерваторов и верховной власти.

Глава, написанная Б. С. Итенбергом, посвящена периоду с 1866 г. до 1 марта 1881 года. Описывая изменения в устройстве полиции, в цензуре, политике народного просвещения, автор трактует все эти меры

исключительно как стремление консерваторов сохранить сословные привилегии дворянства. Большая часть главы посвящена М. Н. Каткову и К. П. Победоносцеву. Явно недостает анализа взглядов Н. Я. Данилевского и Ф. М. Достоевского, их этапных для русского консерватизма произведений.

В. А. Твардовская анализирует эволюцию консерватизма в годы Александра III. Ее глава одна из самых удачных в монографии. Глубже, чем другие авторы она раскрывает антропологическую составляющую русского консерватизма, подчеркивает стремление его адептов принять в расчет «природу человека, которая если не игнорировалась, то явно недооценивалась в политических и социальных доктринах либералов, демократов, народничества» (с. 297).

«Неверие» в ординарную человеческую природу ярко выразилось в воззрениях консерваторов того времени на государственное устройство. В отличие от апологетов самодержавия николевской эпохи Победоносцев, Катков, В. П. Мещерский и др. отделяли превосходимую ими императорскую власть от правительственных институтов и лиц, даже высших, проявляя скептицизм относительно способностей и лояльности профессиональных бюрократов. В данном контексте становится яснее особая приверженность консерваторов этой генерации принципу сословности применительно к местной администрации.

Анализ подготовки университетской, земской и судебной «контрреформ» выявляет весьма существенные противоречия между самими вдохновителями данного курса, например, между Победоносцевым и Катковым. Консерватизм предстает как внутренне очень сложная психоидеологическая структура: его «охранительная» натура инстинктивно восставала против опрометчивых «реставрационных» поползновений (см. с. 312 и др.). Разработка крестьянского вопроса также не привела к выдвиганию единой программы действий. Большинство консерваторов, не соглашаясь с либералами и народниками во взглядах на малоземелье, вполне сходилась с левым народничеством в защите общинности и сословной обособленности крестьянства. В то же время наметилось и другое консервативное течение, представители которого — и это наблюдение Твардовской особенно ценно и оригинально — фактически предвосхитили марксистов в формулировании тезиса, что увеличение земельного надела отнюдь не спасает от «раскрестьянивания», а напротив, ускоряет процесс расслоения крестьянства (см. с. 343).

Глава «Консерватизм на рубеже XIX—XX вв.» (К. Ф. Шацилло) замыкает книгу. Подробнее всего в ней анализируется позиция кружка «Беседа». Взгляды Д. Н. Шипова автор определяет как либерально-консервативные. К консерваторам он причисляет «Бюро совещаний председателей губернских земских управ» при Московской управе и «Совещание губернских предводителей дворянства», а также дворянские уездные и губернские собрания. Характеристика всех этих организаций как консервативных вызывает сомнения — слишком неоднородными они были по составу.

Изложение взглядов К. П. Победоносцева, Л. А. Тихомирова, В. П. Мещерского, С. Ф. Шарапова очень кратко. Отсутствует анализ деятельности и взглядов видных представителей правительственного консерватизма — вел. кн. Сергея Александровича и В. К. Плеве. Полностью обойдена авторским вниманием и «зубатовщина» — попытка реализации на практике консервативной программы разрешения рабочего вопроса. Шацилло по сути дела опровергает утверждение о наличии в России с начала XIX в. «консервативной партии» (с. 361).

В книге сформулировано слишком одностороннее определение консерватизма. В современной отечественной литературе можно найти определения консерватизма как широкого идейного течения, ставящего своей целью актуализацию позитивных традиций и ценностей прошлого, обеспечивающих эволюционное органическое развитие общества, для которого характерен культ сильного государства, приоритет его над интересами индивида, понимание естественного неравенства людей и соответственно, признание необходимости общественной иерархии⁴.

Ограничение исследования в основном социально-политической проблематикой затруднило типологизацию консервативного движения. Такие критерии консерватизма как отстаивание самодержавия и защита сословности — слишком общи, если говорить о XIX в., они не учитывают ценностей и идеалов консерваторов в сферах религии, национализма, культуры. Эта посылка как бы предзадает оценку консерватизма как вторичного по своей природе течения общественной мысли. Не случайно консерваторы на страницах книги неизменно «играют черными» — уstraшаются либеральных и демократических вызовов, «обороняются», «приспособливаются», «переоблачаются» и т. д.

Большинство авторов стремится резко «отмежевать» консерватизм от либерализма. «Консервативный лагерь» так или иначе

отгорожен от внешнего мира. А, например, элементы консервативного дискурса в воззрениях лиц с четкой либеральной самоидентификацией (или репутацией) не составляют отдельного предмета исследования (попытка постановки этой проблемы сделана лишь Итенбергом).

Масштаб и ракурс проведенного в монографии анализа позволяют говорить в обобщающих выводах не о консервативных «слоях», «партиях», «кругах», а о группировках, кружках, командах единомышленников. Тот консерватизм, который предстает перед читателем в книге, — это консерватизм довольно узкой элиты. Как феномен массового сознания он исследован «точно», да и сама задача такого исследования требует применения принципиально иных аналитических методов и, возможно, отказа от хронологически последовательного нарратива.

Раскрытие динамики развития русского консерватизма требует сосредоточить исследовательские усилия на разработке таких тем, как причины формирования русского консерватизма, связь с западноевропейским консерватизмом, его специфичность в сравнении с последним, его течения (церковный, православно-самодержавный, имперско-династический, националистический, масонский, мистико-космополитический, «католический» и т. д.), религиозно-богословские построения, решение проблемы государственного устройства, историософские воззрения (отношение к Западу и наследие Петра I), экономические воззрения, национальный вопрос в консервативной интерпре-

тации, юридические воззрения русских консерваторов, влияние на русскую литературу и искусство, педагогические представления, критика либерализма и революционных идеологий.

Авторы оказались «первопроходцами», и их творение в определенной мере заполнило существовавшую историографическую нишу. Дело за дальнейшими исследованиями.

М. Д. ДОЛБИЛОВ, А. Ю. МИНАКОВ

Примечания

1. В приведенном списке отсутствует упоминание о работе Г. Флоровского «Пути русского богословия».
2. MARTIN A. *Romantics, Reformers, Reactionaries. Russian Conservative Thought and Politics in the Reign of Alexander I*. DeKalb. 1997; BENZ E. *Die abendlaendische Sendung der oestlich-orthodoxen Kirche. Die russische Kirche und das abendlaendische Christentum im Zeitalter der Heiligen Allianz*. — Akademie der Wissenschaften und der Literatur. *Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse*. Jahrgang 1950, Nr. 8.
3. См., напр., высказывание вел. кн. Михаила Павловича о социальном строе России и шуточную импровизацию Николая I на тему социальной мобильности: *Русская старина*, 1904, № 1, с. 77—78; 1899, № 6, с. 524—525.
4. ГУСЕВ В. А. *Консервативная русская политическая мысль*. Тверь. 1997, с. 10.

А. Г. СИЗЕНКО. *История Черноморского флота. 1778—1999*. С.-Петербург. Изд-во «ВИРД». 2001. 320 с.

Рецензируемая книга — естественное и органическое продолжение первого исследовательского труда молодого автора¹. В книге о Г. А. Потемкине значительное внимание автором было уделено истории кораблей Черноморского флота (в большинстве своем малоизвестных) в период от конца, как принято обычно именовать их в историографии первой до конца второй русско-турецкой войны (1774—1791 гг.), и жизнеописанию командиров кораблей и других выдающихся военных моряков этого флота. До выхода книги Сизенко в энциклопедических словарях упоминалось всего о шести командирах кораблей — тех, кто достиг адмиральских званий. В книге же Сизенко приведено 49

биографических справок об адмиралах и офицерах.

Рецензируемое издание значительно больше по своему объему. В нем три раздела: «События», «Люди», «Документы». Первый — краткий очерк истории Черноморского флота. Основная и наиболее значимая часть книги «Люди» — биографии командующих самым южным флотом России — от Г. А. Потемкина до В. П. Комоедова (с 1998 г.), 15 адмиралов, 31 вице-адмирала, 33 контр-адмиралов, 7 капитанов бригадирского ранга, 31 капитана первого ранга, 15 капитанов второго ранга и капитан-лейтенантов. В значительной части биографические справки посвящены адмиралам и офи-

церам, служившим с конца XVIII по начало XX века.

Отличие рецензируемого издания от трудов, посвященных истории Черноморского флота², в персонификации военно-морского бытия. Если военную историю считать направлением истории социальной и технической, то рецензируемая книга воплотила авторский ориентир на гуманитаризацию знаний о флоте.

В книге помещено 186 основных документов по истории Черноморского флота — от указа Адмиралтейской коллегии 31 мая 1778 г. до постановления Правительства РФ «О механизме работы с Украиной по вопросам Черноморского флота Российской Федерации» (10 февраля 1998 г.). Собрание документов в книге Сизенко отличается тем, что оно носит общий и универсальный характер, в то время как другие сборники посвящались либо отдельным периодам, деятелям, базам флота Черноморья. Большая часть документов публиковалась ранее, но есть и архивные находки (ряд сообщений Г. А. Потемкина М. Л. Фалееву и Ф. Ф. Ушакову, рапорты М. П. Лазарева А. С. Меншикову); а такие документы как письма Наполеона I и Александра I турецкому султану привлекают внимание историков не только флота, но и дипломатии.

Дискуссионным остается вопрос о времени создания Черноморского флота. Так, З. Аркас признавал началом его учреждения 1778 год³. Сизенко разделяет эту точку зрения. Е. А. Мязговский начало Черноморского флота относил к 1696 г. (году отвоевания Азова у турок с помощью кораблей, построенных под Воронежем в 1695—1696 гг.). «Военно-морской словарь» (М. 1990) определил начальным годом военного флота России на Черном море 1783 (создание флота из кораблей Азовской и Днепровской военных флотилий).

В ходе дальнейших дискуссий видимо следует определить: какое событие правильнее считать началом Черноморского флота:

прибытие петровых кораблей в Азовское море с верховьев Дона, создание кораблестроительной верфи собственно на Черном море в районе Глубокой пристани (где в 1778 г. был основан Херсон), основание 13 августа 1785 г. в Херсоне Черноморского адмиралтейского правления или какое-либо иное.

Возникает и другой вопрос: правомерно ли называть Потемкина первым командующим Черноморским флотом в 1785—1790 гг., если в своих письмах от 24 января и 28 декабря 1783 гг. он командующим (начальствующим) Черноморским флотом именуется соответственно Ф. А. Клокачева и Я. Ф. Сухотина (с. 206, 210)?

Рецензируемая книга задумывалась как научно-популярное издание. Видимо, поэтому автор воздержался от историографического обзора, анализа источников и детального справочного аппарата. Рекомендуемая в качестве учебного пособия для курсантов (студентов) в вузах водного транспорта книга будет интересна исследователям, преподавателям, всем любителям истории Черноморского флота России.

В. В. ДЕНИСОВ

Примечания

1. СИЗЕНКО А. Г. Г. А. Потемкин — основатель Черноморского флота. Новороссийск. 1998.
2. Образование главного управления Черноморского флота и портов. С.-Петербург. 1831; МЯЗГОВСКИЙ Е. А. История Черноморского флота 1696—1912. С.-Петербург. 1914; ЗОЛОТАРЕВ В. А., КОЗЛОВ И. А. Российский военный флот на Черном море и в Восточном Средиземноморье. М. 1989 и др.
3. АРКАС З. Начало учреждения российского флота на Черном море и действия его с 1778 по 1806 г.— Записки Одесского общества истории и древностей. Тома 4, 6, 15. Одесса. 1860, 1889.

О. И. ЕЛИСЕЕВА. *Геополитические проекты Г. А. Потемкина*. М. Институт Российской истории РАН. 2000. 342 с.

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН О. И. Елисеева — специалист по русской истории и культуре XVIII века, автор двух монографий, ряда статей, а также научно-популярных книг.

Рецензируемая книга Елисеевой тематически продолжает ее труд «Переписка Екатерины II и Г. А. Потемкина периода второй русско-турецкой войны. 1787—1791 гг.» (М. 1997). Ее труды основаны на анализе значительного количества архивных материалов.

Новая работа Елисейевой посвящена политическим проектам Потемкина. Этот сложный комплекс документов отчасти входит в эпистолярное наследие Екатерины II и ее фактического соправителя, а отчасти принадлежит к делопроизводственным документам. В Российском государственном архиве древних актов среди документов переписки Екатерины II и Г. А. Потемкина (ф. 1; ф. 5), а также материалов Кабинета Екатерины II сосредоточены многие важные памятники, относящиеся к истории создания проектов Потемкина, в частности некоторые инициативные записки на имя императрицы. В Государственном архиве Российской Федерации между собраниями бывшей Библиотеки Зимнего дворца (ф. 728) сохранились отдельные документы, освещающие историю разработки проектов Потемкина. Российский государственный военно-исторический архив обладает уникальным фондом документов канцелярии Потемкина (ф. 52), где находится множество сопутствующих материалов к проектам светлейшего князя. Большой комплекс документов, относящихся к созданию и реализации крупных внешнеполитических проектов Потемкина, сохранялись в Архиве внешней политики России среди «Мнений Коллегии иностранных дел» (ф. 5). В отличие от переписки, из проектов Потемкина была издана лишь записка «О Крыме», остальные остаются пока практически неизвестными.

Монография посвящена одному из наименее изученных аспектов в истории политической мысли России XVIII в. — возникновению и формированию внешнеполитических доктрин, оказавших заметное влияние на развитие русской философской и политической культуры, а также на международные отношения последних двух столетий. Вторая половина XVIII в. ознаменовалась появлением крупных государственных проектов, впервые связывавших выгоды политических союзов, дипломатических и военных акций с естественным географическим положением России. Предложенная в 1767 г. Н. И. Паниным концепция «Северного аккорда» уже несла в себе зерна традиционных для сторонников политического альянса России и Германии рассуждений о «естественном» союзнике России в Центральной Европе — Пруссии — и необходимости разделить с ней сферы влияния. Знаменитый «Греческий проект» 1782 г., предусматривавший отторжение у Турции греческих земель, восста-

новление Византийской империи и возведение на ее престол внука Екатерины II Константина, имел коллективное авторство — самой императрицы, А. А. Безбородко и Г. А. Потемкина. Он лег в основу борьбы России за исключительное влияние на Балканские государства, контроль над Черноморскими проливами, объединение единоверцев-славян для освобождения их от османского владычества.

Документы, разработанные князем Потемкиным, занимают особое место. Его записки «О Крыме», «О Польше», «О Швеции», примыкавшие к ним документы официального характера, а также проекты, посвященные Северному Кавказу, Закавказью и Персии до сих пор не подвергались источниковедческому исследованию. Между тем, именно в них сосредоточены идеи, ставшие ведущими во внешней политике второй половины екатерининского царствования и в конечном счете заложившие основы для всей дальнейшей геополитики Российской империи. Для изучения проектов Потемкина автором были предприняты широкие архивные разыскания документов, отражающих процесс создания, обсуждения и воплощения в жизнь идей, заложенных в этих проектах, рассмотренных в контексте реальных политических потребностей Российской империи того времени, а также показана их новизна в сравнении с идеями предшественников.

Вклад автора в изучение политической культуры и действительной политики Российской империи второй половины XVIII в. очевиден. Ею обнаружены материалы, отражающие процесс создания, обсуждения и воплощения в жизнь идей, заложенных в проектах Потемкина. Анализируя содержание этих проектов, Елисейева применяла современный исследовательский инструментарий, в частности, историко-философские концепты, связанные с понятием «геополитика».

Монография представляет собой пример позитивной тенденции, которая ясно видна в последние годы. Историки постепенно отказываются от неудобочитаемого «академического» в пользу литературного русского языка. Изложение исторических фактов и их интерпретация прозрачны не только для специалистов, но и для широких кругов любителей истории.

Д. М. ВОЛОДИХИН

Первая треть «бунташного века», особенно годы «пленения и конечного разорения Московского государства», — время чрезвычайно интенсивного развития отечественной публицистики. Известно свыше тридцати произведений той поры, отражающих перипетии «междоусобной брани». Происхождение этих памятников, их взаимосвязь, взгляды современников на истоки и события лихолетья неоднократно занимали источниковедов, историографов, исследователей общественно-политической мысли. Рецензируемая книга доктора исторических наук Л. Е. Морозовой (Институт российской истории РАН), (некоторые ее разделы ранее публиковались в виде статей), представляет собой первый за столетие с лишним (с момента издания ставшей классической монографии С. Ф. Платонова) опыт комплексного анализа нарративных сочинений периода «разорения русского» и последующего десятилетия.

На основе математических методов Морозова рассматривает соотношение изучаемых памятников. Полученные таким образом результаты (по оценке автора, предварительные) в дальнейшем сопоставляются с выводами, полученными традиционными способами (текстологическим, палеографическим, кодикологическим, сравнительно-историческим).

Наиболее обстоятельно автор разбирает Сказание Авраамия Палицына и первую редакцию его начальных глав, Летописную книгу о Смутном времени, рукопись Филарета и Новый летописец. В отведенной последней главе высказано немало важных наблюдений по поводу источников памятника. Вопрос о зависимости того или иного произведения от остальных, либо его влиянии на более поздние сочинения вообще является в книге едва ли не центральным. Если налицо сходство между двумя памятниками, к примеру общая фактическая ошибка, Морозова считает возможным говорить о вторичности одного из них, который ей представляется более поздним. Думается, такая убежденность не всегда оправдана.

При стремлении к комплексному анализу посвященных «беде во всей России» публицистических сочинений Морозова обошла вниманием Сказание о Расстриге, изданное А. Н. Поповым, Повесть о Смуте из статейного списка русского посольства 1606—1607 гг. в Речь Посполитую, Писание Н. Ф. Фофанова, напечатанное в Нижнем Новгороде, Повесть об освобождении Москвы

и Земском соборе 1613 г., первую редакцию Сказания о поставлении Филарета на патриаршество, Повесть о победах Московского государства, а также многочисленные произведения, возникшие в Поволжье и на севере страны. Специальному разбору не подвергается Пискаревский летописец — крупнейший памятник частного летописания первой половины XVII века. Вне поля зрения автора оказывается и вопрос об имевшейся в распоряжении В. Н. Татищева Истории патриаршего келейника Иосифа, представлявшейся В. И. Корецкому основным источником Временника И. Тимофеева и Нового летописца.

В монографии остались неучтенными результаты изысканий С. В. Лихолата, Г. П. Енина, И. О. Тюменцева, М. Б. Плюхановой, И. Ю. Серовой, А. М. Зотова. Дискуссионный вопрос об источниках главы Нового летописца, сообщающий о «сибирском взятии», обсуждался в работах С. В. Бахрушина, А. И. Андреева, В. И. Сергеева, Е. К. Ромодановской, А. В. Лаврентьева, В. Г. Вовиной, однако в книге на них даже нет ссылок. (Морозова, кстати принимает эту главу за самое раннее повествование о разгроме «Кучумова царства», забывая о Соловецком, Поволжском, Сольвычегодском и Пискаревском летописцах.) Выводы ряда ученых переданы в книге неточно (с. 15, 31, 136, 141—142).

Признавая необходимость изучения рукописной традиции произведений современников Смуты, автор ограничивается привлечением лишь одного, прежде неизвестного списка Сказания Авраамия Палицына. Всего же рукописей «книги» троцкого келаря, по ее словам, сохранилось более 150 или почти 200. В действительности же их известно свыше 250. Морозова упоминает о полсотне с лишним списках Нового летописца (с. 20). По данным В. Г. Вовиной, их 80 или несколько больше. Кроме того, списки Нового летописца есть в библиотеках Киева и Ульяновска. Морозова пишет о единственной рукописи Сказания о Самозванце (с. 29, 124). На самом деле уцелела еще одна, причем с иной редакцией¹. В единственном списке, как уверяет автор, до нас дошли и Словеса И. А. Хворостинина (с. 340). В статье Е. П. Семеновой, на которую ссылается автор, однако, сказано о четырех списках этого сочинения. Неизвестен Морозовой и обнаруженный Е. В. Колосовой в Егоровском списке вариант Повести о Федоре Ивановиче.

По заключению Морозовой, Иов написал

Житие преемника Грозного в 1598 г., когда Борис Годунов боролся за корону (с. 22, 39, 55, 85, 93, 179, 368, 441). Думается, это случилось позднее. Ведь согласно упомянутой Повести, в 1591 г. Федор Иванович возложил «златокованную цепь» — символ «великого своего самодержавного царствия» на шею Борису, тем самым предвещая, что тот станет его наследником. Так вскоре и произошло. Патриарх сообщает и про повеление Годунова «своему царьскому синклиту» целовать крест вдове Федора Ирине².

Не более убедительны и предлагаемые в книге атрибуции ряда произведений. Нам уже приходилось оспаривать одну из них — относительно Нового летописца³. В пользу мнения о принадлежности его Киприану Староруссенкову (точнее, Старорушанину) Морозова приводит еще один довод: в Тобольске у этого владыки сложились натянутые отношения с местным воеводой И. М. Катыревым-Ростовским, о котором неприязненно говорится в летописце (с. 433). Однако в бытность Киприана в сибирской «столице» там воеводствовали М. М. Годунов и Ю. Я. Сулешов⁴. Морозова находит, что Сказание о Гришке Отрепьеве вышло из-под пера М. И. Татищева, который, судя по его челобитной, был «книжным человеком», местничал с В. Щелкаловым, названным публицистом сообщником Бориса Годунова, знал хранившиеся в отцовском доме «разряды» (с. 100—102, 104, 109, 441). Но разрядные записи являлись собственностью едва ли не всех видных дворянских фамилий. О Щелкалове в той же связи читаем в Пискаревском летописце и тимофеевской «хартице». Морозова не сумела выявить сходство челобитной М. И. Татищева и Сказания в изложении фактов и по стилю. Морозовой кажется, что этот думный дворянин, затем окольный (она почему-то называет его думным дьяком Посольского приказа) скрыл свое имя, поскольку разоблачавшее Годунова и первого самозванца произведение, возможно, распространялось подобно царской грамоте. Но ведь в Повести о видении некоему мужу духовну, которую, вероятно, рассылали по уездным городам из Москвы, прямо говорится о ее создателе. Автор Сказания был очевидцем, если не участником борьбы между царскими войсками и отрядами самозванца в южнорусских уездах, а затем похода Лжедмитрия из Тулы к Москве. М. И. Татищев же, посланный Борисом Годуновым в Грузию, вернулся на родину только осенью 1605 года.

Морозова полагает, что Рукопись Филарета составлялась в 1626 г. при участии Я. П. Барятинского или его родственников,

так как здесь он указан в числе московских послов, отправившихся в 1610 г. под Смоленск, а в официальном перечне этих послов захудалый князь упомянут след за стольником Б. И. Пушкиным, о котором в Рукописи не сказано, якобы в местных целях (с. 276—277). Следует иметь в виду, что Барятинский умер в Речи Посполитой до лета 1619 года. В Рукописи, служащей лишь черновиком, фамилия Пушкина при передаче источника могла быть механически пропущена, да и вряд ли эта рукопись могла приниматься во внимание при рассмотрении местных ятб (в отличие от документов, прежде всего «разрядов»).

Морозовой представляется, что Повесть, како отомсти написана иноком не Чудова, а Троице-Сергиева монастыря, ибо в ней подробно говорится о пребывании мощей царевича Дмитрия в Троице, известной своими книжниками (с. 110). Напомним, что крупным литературным центром рубежа XVI—XVII вв. являлась и обитель Михаила Архангела. Судя по Повести, ее автор мог быть чудовским монахом, поневоле (при Лжедмитрии I) отправившимся в Троицу, а с воцарением Шуйского вернувшимся в Москву. На взгляд Морозовой, статьи о Смуте из хронографа 1617 г. вышли не из среды духовенства (с. 193). В известной автору работе П. Г. Васенко пришел к иному заключению, которое в книге не оспаривается.

По предположению Морозовой, «Сказание, киих ради грех» сочинили троицкие иноки Алексей Тихонов и книгохранитель Дорофей, участвовавшие в написании монастырских грамот, а Новую повесть — дьяк С. Евдокимов, летом 1610 г. призвавший сибирских воевод к борьбе с поляками и «калужским вором» (с. 156, 169, 170, 442). Но, как указывает сама Морозова, грамоту аналогичного содержания тогда же отправил дьяк И. Яфимов (точнее, Ефанов). Сведения о литературной деятельности Евдокимова, Тихонова и Дорофея в монографии не приводятся, поэтому высказанные автором мнения должны считаться гадательными.

Таковыми следует признать и многие другие соображения Морозовой насчет истории появления анализируемых источников и взглядов их создателей.

С точки зрения Морозовой, говоря, что за опричный разгром Новгорода Москва наполнилась «сеченым по всем улицам от конца до конца», автор «Сказания, киих ради грех» мог иметь в виду не разорение «царствующего града» 19 марта 1611 г., а события в столице при свержении Шуйского, к примеру, пожар в Кремле (с. 168). Однако в источниках не сохранились сведения о таком

погроме. Публицист, несомненно, имел в виду гибель Москвы «в приход» Девлет-Гирея (подобно Тимофееву), а вовсе не трагедию, недавно пережитую «Новым Римом». Морозова констатирует, что «не наблюдается близость» сочинения Тимофеева «с другими памятниками» начала XVII в., но сама обращает внимание на созвучность «писания» дьяка Плачу о пленении и хворостининским Словам (с. 154, 301, 342).

Морозова сочла, что Временник зависит от Истории о великом князе московском (с. 184, 188). Вопреки утверждению автора, А. М. Курбский не писал, что царь Иван «пригрел чужих» и изгонял вельмож в другие страны; о преследованиях же Грозным «своеверных» и разделении им страны на опричнину и земщину речь идет и в Летописной книге, Пискаревском и Поволжском летописцах.

Мнению Морозовой о Временнике как источнике Хронографа 1617 г. противоречит уже то обстоятельство, что ряд сообщений Тимофеева относится к 1620-м годам. Морозова думает, что в той части Временника, которая сложилась в Новгороде, обосновывается мысль о необходимости «отделения... от Российского государства» (с. 187, 188, 442). Как показано Н. П. Долининым, Тимофееву были чужды сепаратистские настроения, да и сведения о жизни дьяка в оккупированном Новгороде, обнаруженные Л. В. Черепнинным и М. П. Лукичевым, противоречат мнению Морозовой. Кстати, Тимофеев сокрушался относительно призывания русскими на помощь в годы «межусобия земнаго» не поляков, как она пишет, а шведов⁶.

Морозова старается доказать, что «книга осадного сидения», упомянутая в описи книг Троице-Сергиева монастыря за 1641/1642 г. и некоторых нарративных памятников, — это не сочинение Авраама Палицына. Но так называлось и его Сказание⁶.

По заключению автора, Пискаревский летописец завершен в Кирилло-Белозерском монастыре, судьбе которого посвящены его последние сообщения (с. 349, 445). Скорее всего эти сообщения, за которыми, кстати, следует еще несколько заметок, попали в данную компиляцию из какого-то краткого летописца северорусского происхождения.

Автор утверждает, что в Сказании о Гришке Отрепьеве неверно говорится о ссылке Нагих после угличского дела, их отправили в Пелым (с. 103, 379). Ошибку допустила сама Морозова. В Сказании говорится о высылке родственников бывшей царицы в Сибирь и Пермь; данных о пребывании Нагих в Пелыме нет.

Морозова пришла к выводу, что свидетельства о расправе Г. И. Микулина со стрельцами и «крестоцеловальной записи» царя Василия попали в Новый летописец из Пискаревского. Более вероятно, что они восходят к одним и тем же документальным источникам — упомянутой записи и «распросным речам» секретарей Лжедмитрия I Бучинских.

По допущению Морозовой, о разрушении оползем нижегородской Печорской обители в 1597 г. автор Нового летописца узнал из монастырской грамоты (с. 385, 402, 404). Ввиду многочисленных неточностей в летописном рассказе, отмеченных А. А. Романовой, такое заключение должно считаться поспешным. Морозова не исключает, что Рукопись Филарета редактировалась самим патриархом (с. 296), но не сличила почерки этого памятника с автографами старшего «Никитича». Вывод о том, что в основе Рукописи, Повести Катырева и Летописной книги С. И. Шаховского лежит общий источник — незавершенное сочинение Хворостинина — нуждается в более развернутой аргументации. Мысль о троицком происхождении Иного сказания, повторяющая, кстати, взгляд В. Л. Комаровича, вообще не обосновывается (с. 251, 444).

В книге нередки противоречия и фактические ошибки. Так, Повесть, како восхити объявляется неофициальным сочинением, поскольку смерть Ивана IV там отнесена к 18 марта. Ту же дату встречаем в Сказании о Гришке Отрепьеве, которое Морозова считает вышедшим из придворных кругов. Московский пожар, о котором говорится в Пискаревском летописце, приурочивается то к 1591, то (верно!) к 1594 году. По-разному датируется и свадьба Василия Шуйского. Карамзинский хронограф, доведенный, попутно заметим до 1644 г., Морозова признает источником Нового летописца редакции конца 1620-х годов. Вместе с тем она указывает на использование в них одних и тех же «рядов». По словам Морозовой, Повесть о патриархе Иове возникла не ранее то 1652, то 1654 г., то, видимо, в 1654 г. (с. 44, 47, 11, 138, 174, 251, 349, 383, 392, 397, 405—410 и др.). Автор утверждает, будто Ф. Нагого не стало в 1583 или к 1584 г. (с. 103, 222, 370). В действительности это произошло около 1590 г., если не позже⁷. Царевна Феодосия скончалась не в 1594, а в 1593 г., до 26 сентября. Ее мать Ирина (в иночестве Александра) умерла не 5 октября, как пишет Морозова, а 26 сентября 1603 года. Симеона Бекбулатовича сослали в кашинское село Кушалино по меньшей мере на три года раньше⁸, чем представлено в книге (с. 34,

125, 384). В указателе к ней небезызвестный Хлопко назван Косолапом, а думный дворянин Г. М. Полтев — старейшиной, выборный дворянин по Ржеву Д. В. Жеребцов превращен в стольника Д. С. Жеребцова, брат Александра Невского Андрей — в его сына, крымские царевицы Мурат и Фети Гирей названы ханами, Ф. И. Мстиславский «произведен» в конюшие, а Ермак — в воеводы (с. 448—452, 456—459).

Подчас Морозова находит малоубедительными выводы своих предшественников, но по каким мотивам, не поясняет (с. 182, 204). Если бы ей были знакомы работы М. И. Белова, она рассталась бы с сомнениями относительно строительства мангазейского острога В. М. Рубцом-Мосальским (с. 387).

Библиографические неточности в монографии не поддаются подсчету (с. 9—12, 14, 19, 28, 31—33, 54, 108, 110, 140, 170, 174, 192, 203, 255 и др.). Есть даже ссылки на несуществующие издания. Например, широко известный «Изборник» А. Н. Попова, опубликованный в 1869 г., представлен как вышедшие в 1887 г. «Статьи по русской истории в хронографах русской редакции» (с. 30; далее — с. 189, 392 — эта книга названа правильно). В «Русском летописании» (М. 1979), очевидно, М. Н. Тихомирова, оказывается, была помещена работа об атрибуциях Пискаревского летописца (с. 31), опубликованная на самом деле в 1990 году. Обильны в книге и опечатки (с. 136, 139, 159, 181, 183, 194, 202, 235, 252, 284, 312, 325, 345, 356 и др.).

Так выглядит попытка Морозовой воссоздать творческую историю большинства публицистических памятников «разорения

русского» и первых «послесмутных» лет, а также процесс осмысления современниками тогдашних событий в целом.

Я. Г. СОЛОДКИН

Примечания

1. КУКУШКИНА М. В. Неизвестное «Писание» о начале «Смуты». — Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XXI. М.-Л. 1965, с. 194—199.
2. Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI — начало XVII веков. М. 1987, с. 110, 124.
3. Исторические записки. Вып. 3. Воронеж. 1998, с. 23—24.
4. ВЕРШНИН Е. В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург. 1998, с. 105, 106, 171.
5. ПОЛОСИН И. И. Социально-политическая история России XVI — начала XVII в. М.-Л. 1963, с. 266, 320, 343.
6. КЛОСС Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М. 1980, с. 276; Российский государственный архив древних актов, ф. 357, № 57, л. 1; Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, ф. 292, № 18, л. 105—242.
7. ЗИМИН А. А. В канун грозных потрясений. Предпосылки первой Крестьянской войны в России. М. 1986, с. 111.
8. КУШЕВА Е. Н. К истории холопства в конце XVI — начале XVII веков. Исторические записки. Кн. 15. М. 1945, прим. 8; КОРЕЦКИЙ В. И. Формирование крепостного права и первая Крестьянская война в России. М. 1975, с. 196—197, 224; Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М. 1987, с. 28.

N. BOŠKOVSKA. *Die russische Frau im 17. Jahrhundert*. Köln, Weimar, Wien. Bohlau Verlag. 1998. 497 S.

Н. БОШКОВСКА. *Русская женщина в XVII столетии*

Как жили женщины в России в XVII веке? Какую роль играли они в семейной, хозяйственной, общественной и религиозной жизни? Действительно ли жительницы Московского государства вели печальное существование в замкнутых «теремах», а их общественный статус был необычайно низок? Такие и подобные им вопросы ставятся и анализируются в книге Нады Бошковской, сотрудницы Цюрихского и Базельского университетов. Она специализируется в области истории Московского царства и истории стран Балканского полуострова в XX веке. Работая в архивах Москвы и Петербурга,

изучив богатую литературу по этому вопросу, автор создал труд, во многом пересматривающий традиционные до недавнего времени взгляды на русских женщин и вообще на «варварских» москвитов XVII века.

Бошковская подробно разбирает разные стороны личной и общественной жизни русских женщин XVII века. Она начинает свое изложение с анализа личных взаимоотношений мужчины и женщины (женитьба и брак, в том числе и идеал супружества и его реальность, насильственный брак и противодействие женщины ему, расторжение брака — уход в монастырь, изгнание жены из

дома, а также сексуальная жизнь в браке, борьба церкви с «вождедением», контроль над рождаемостью, аборт, проституция и сводничество, насилие над женщинами и проч.).

Исследуя проблематику семьи и ближайшего окружения замужней женщины — ее родителей, сестер и главное — детей (роды и детство, родительские права и обязанности, пасынки и падчерицы, воспитание и образование детей, эмоциональная ситуация в семье, сексуальные злоупотребления, внебрачные дети, детоубийство и т. д.), автор специально останавливается на взаимоотношениях в женской среде (между родственницами, подругами, соседками, женские общезития, совместное времяпровождение у женщин, отношение к батрачкам и проч.). Бошковска детально освещает положение вдовы в семье и обществе («горькое» вдовство, вдова как мать, нормы и реальности вдовства). Эта проблема в целом принадлежит к числу особенно подробно разработанных автором: много конкретных фактов, почерпнутых из самых разнообразных источников. (Конечно, русским этнографам и историкам они давно известны, но для западного читателя они представляют несомненный интерес.)

Бошковска рассматривает также поле женской деятельности и прежде всего останавливается на вопросе свободы женщины. Автор решительно разоблачает прочно укоренившийся в зарубежной историографии миф о «теремном затворничестве» русских женщин. Она рассказывает о положении горожанок и крестьянок, о случаях похищения и порабощения женщин, о женщинах-«полонянках» (пленницах). Много места уделяется характеристике производственной деятельности женщин — в поле и по дому, работе женщин «благородного сословия» и простых горожанок, тех, кто обслуживал царский двор и кто «трудился» в монастырях. Не обошла Бошковска и характеристики женщин, занимавшихся «нелегальной» деятельностью — проституцией и торговлей табаком и водкой. Правда, о политической и общественной деятельности русских женщин в XVII в. рассказано очень кратко. Впрочем здесь их возможности, как известно, были более чем ограничены.

Интересно повествуется о правах женщин на собственность. Автор выделяет в этой большой проблеме такие темы, как правовое положение вдовы (с детьми и бездетной, вопрос о получении части наследства, полагающейся дочерям после смерти отца и т. д.), женское приданое и его функции. Рассматривается московитянка как объект гражданского и уголовного права (вопросы

правовой дееспособности женщин — замужних и незамужних, участие в судебном процессе и проч.; особо выделена тема защиты женской чести).

Заключает книгу анализ духовно-нравственных проблем в жизни женщины. Здесь рассматриваются образы писательниц, воспитательниц и ведьм. Автор разбирает вопрос об образованности и грамотности женщин, затрагивает проблему «женщина и вера» (дохристианские традиции в женском быту, ортодоксальная церковь о женщине, женщина на службе у церкви, женщины-староверки). Бошковска повествует о предсказательницах, гадалках, мастерицах любовных заговоров, специалистках по насыланию «порчи», кликушах, а также о той социальной среде, где были возможны представления о чудесной, колдовской силе женщин. Останавливается автор на теме преследований ведьм на Западе и Востоке.

Во введении Бошковска останавливается на характеристике источников. Они традиционные для работ подобного рода и давно известны исследователям. Встает лишь вопрос о полноте их охвата (а они многочисленны и разнообразны), а также и о тщательности использования источников. Отметим научную добросовестность и достаточную профессиональную подготовленность автора. Выводы скрупулезно документированы и, как правило, убедительны. Что же касается полноты использования сохранившихся и дошедших до нас источников, то здесь остается большой простор для дальнейшего изучения данной темы. Бошковска, видимо, больше доверяет показаниям документальных памятников: именно они и составляют источниковую основу ее монографии. Повествовательные (нарративные) памятники использованы лишь выборочно. Из громадного запаса древнерусской повествовательной литературы XVII в. выбраны и проанализированы всего лишь две повести — об Ульянии Осорьной и о боярыне Морозовой. Оставлено в стороне творчество Симеона Полоцкого и вообще вся поэтическая традиция XVII века. Нет фольклорных материалов, в частности, пословиц, содержащих богатейшие сведения об отношении трудового народа к невесте, жене, матери, вдове, детям, семье, браку и многое другое. Не использованы драматические произведения, особенно созданные на рубеже нового времени (так называемой петровской эпохи). Правда, в заключении автор упоминает, что собирается продолжить свое исследование на материале XVIII века. Можно надеяться, что там и будут проанализированы упомянутые разновидности источников.

Что же касается полноты раскрытия поставленных проблем, то надо отметить одно обстоятельство: если положение русской женщины XVII в. в семье и обществе охарактеризовано более подробно и обстоятельно, то отношение общества к женщине лишь упомянуто и почти не прокомментировано. Бошковска и ее книга не выпадают из давней традиции немецкоязычной историографии изучения повседневной жизни и быта людей прошлого. Ее предшественники, как правило, главное свое внимание обращали на то, в каких условиях жили люди. Классическим примером работ подобного рода является объемистая монография А. Хаузера о повседневной жизни людей в Швейцарии с XV по XVIII век¹. В этой книге до мелочей перечислено все, окружавшее человека: пища, жилище, одежда, праздники, трудовые процессы, семья, брак, произведения искусства, фольклор, религия и т. д. Но взаимоотношения людей, складывающиеся в быту и обществе, оставлены в стороне; либо о них говорится мимоходом, походя.

И Бошковска не останавливается специально на системе отношений, складывающейся между мужчиной и женщиной (и между обществом и женщиной!) в результате их общения между собой и окружающим их миром. Одним словом, то, что стоит сейчас в центре внимания исследователей гендерных отношений, в данной монографии не получило достаточного освещения.

Рецензируемая книга первое (причем не только в зарубежной, но и в отечественной историографии!) монографическое исследование жизни русской женщины в XVII веке. Труд Бошковской опровергает неверные, но все еще бытующие в западной историографии представления о «варварстве» москвитов XVII века.

Л. Н. ПУШКАРЕВ

Примечания

1. HAUSER A. Was für ein Leben.: Schweizerer Alltag vom 15. bis 18. Jahrhundert. Zürich. 1987.

О дате рождения и родителях Н. И. Костомарова

В руки мне попало хранящееся в Государственном архиве Воронежской области (ГА-ВО) «Свидетельство о рождении Костомарова». Когда Николай Костомаров заканчивал Воронежскую гимназию и готовился к учебе в Харьковском университете, его мать обратилась в Воронежскую духовную консисторию за свидетельством о рождении сына. Этот документ еще неизвестен биографам Н. И. Костомарова и ранее не публиковался. Поэтому привожу его здесь полностью.

«Свидетельство,

1833-го года февраля 6-го дня, поданным на Высочайшее имя, в Воронежскую Духовную Консисторию, Помещица Капитанша Татьяна Петрова дочь Костомарова, прошением просила, выдать ей из Метрической Острогожского уезда Слободы Юрасовки, Георгиевской церкви за 1817-ый год книги, о рождении ею до брака сына Николая Свидетельство, для представления его в Казенное учебное заведение. По справке ж в Воронежской Духовной Консистории, с Метрическою помянутой Георгиевской церкви, за тысяча восемьсот семнадцатый год книгою, в 1-й части о родившихся, под № 42-м оказалось: Слободой Юрасовки Помещика Капитана Ивана Петрова сына Костомарова, у поданного малороссиянина Петра Андреева сына Мельникова, дочь девица Татьяна родила сына Николая незаконнорожденного пятого мая, который и крещен шестого дня тогож месяца Священником Василием Реполовским. Восприемниками были: тогож Помещика Подданный малороссиянин Стефан Андреев сын Мыльников и Подданного малороссиянина Петра Андреева сына Мыль-

никова дочь Настасья. Почему, во исполнение утвержденного Его Высокопреосвященством Антонием, Архиепископом Воронежским и Задонским, и ордена Св. Анны 1-й Степени Кавалером, Воронежской Духовной Консистории заключения, из оной сие свидетельство, на основании указа из Святейшаго Правительствующаго Синода, от 6-го Июня 1809-го года сие свидетельство, ей Костомаровой и выдано. Мая 10-го дня 1833-го года».

Далее следуют подписи протоиерея Василия Скрябина, секретаря Степана Устинова и канцеляриста Николая Михайлова, а также — печать Воронежской Духовной Консистории. Есть штамп о пошлине за свидетельство ценою в «один рубль»¹.

Чем примечателен этот документ? Дело в том, что свой труд «Автобиографию» Костомаров писал в пятьдесят восемь лет. Диктовал по памяти после тяжелых ударов судьбы, когда на него навалились разом все беды: тяжело переболел тифом, лишился матери — единственной опоры в бытовой житейской повседневности, под угрозой слепоты вынужден был на время оставить ученые занятия. О собственной родословной историк рассказывает без ссылок на документы. Можно лишь предположить, что о фамильных корнях ему известно не только от отца с матерью, но и из архивных материалов Острогожского слободского полка. Над ними Николай Иванович работал по окончании университета. К сожалению, его рукопись и документы, относящиеся к истории полка, пропали при аресте ученого по делу о Кирилло-Мефодиевском братстве.

В «Свидетельстве» называется дата рож-

дения историка — 5-ое мая, а не 4-ое, как считал сам Костомаров. Место рождения — слобода Юрасовка Острогожского уезда Воронежской губернии. Документ подтверждает, что Николай Иванович был незаконнорожденным сыном помещика и принадлежавшей ему «девице». Сообщается, при каких обстоятельствах совершался обряд крещения.

Крестили будущего историка перед алтарем Георгиевского храма — деревянной церквушки, украшавшей слободу. В архиве нашлись более подробные сведения о тогдашних юрасовских священниках. Воронежский архив хранит, к сожалению, частично, «ревизские сказки». По данным за 1815 г. при «Воронежской Епархии Острогожского уезда слободы Юрасовки одноприходной Георгиевской церкви» «правили» службу священник отец Василий Реполовский, возраст 51 год, дьякон Максим Семенов сын Довгополый, 30 лет, и «только определенный» к храму пономарь Василий Иванов сын Киндинов². Вот эти-то священнослужители и творили молитвы во здравие младенца, нареченного Николаем.

«Свидетельство» не называет точную девичью фамилию Татьяны Петровны: в первом случае фамилия написана через отсутствующую в современном алфавите букву «ять», и читается «Мельникова», а несколькими строками ниже четко прописано «Мельникова». Кстати, спустя два столетия Ме-

льниковы на юге Воронежской области встречаются, есть они и в нынешней Юрасовке, а вот Мельниковых нет. В ревизской сказке за 1795 год, сохранившейся в Воронежском архиве, среди крепостных жителей Юрасовки во владении «помещика-капитана Ивана Петрова сына Костомарова» семья Мельниковых-Мельниковых не числится³.

Записаны они в седьмой ревизской сказке за 1816 год. Сами списки к настоящему времени утрачены. Но есть выписка из них в «Каталоге 3-ей очередной юбилейной выставки в память Н. И. Костомарова: 1885—1910». Под № 3 значится Петр Андреев сын Мельников, 31 года, у него жена Авдотья, 33 лет и дети: Татьяна 16 лет, Иван 10 лет, Наталья 4 лет⁴. Так что семью Татьяны Петровны помещик-капитан «купил» после 1795 г., поэтому пока неясно — в Юрасовке ли родилась его жена и мать историка.

*Т. П. Чалая,
историк, Воронеж*

Примечания

1. ГАВО, ф. И-84, оп. 2, д. 1а.
2. ГАВО, ф. И-18, оп. 1, д. 89, л. 97.
3. ГАВО, ф. И-18, оп. 1, д. 81, л. 305—307.
4. Каталог 3-ей очередной юбилейной выставки в память Н. И. Костомарова: 1885—1910. Воронеж. 1910, с. 18.